

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Хефни Халфалла Абдельхафиз Хафиз

**ЗООМОРФИЗМЫ КАК ЭМОТИВНЫЕ ЭТАЛОНЫ
В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ
(НА ФОНЕ АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)**

Научная специальность: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Колесова Дарья Владимировна

Санкт-Петербург

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ЭМОТИВНЫЕ ЗООМОРФИЗМЫ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ	11
1.1. Эмотивная функция языка	11
1.1.1. Эмоция, мышление и язык	11
1.1.2. Эмотивность как категория лингвистики	14
1.2. Эмотивные особенности зооморфизмов.....	25
1.2.1. Специфика зооморфизмов как языковых единиц.....	25
1.2.1.1. Базовые принципы и основные проблемы описания зооморфизмов	27
1.2.1.2. Коннотативные компоненты значения зооморфизмов	30
1.3. Зооморфизмы и эмотивный код	41
1.3.1. Эмотивные компоненты значения зооморфизмов.....	45
1.4. Лингвокультура как основа формирования переносных значений лексических единиц	48
1.4.1. Подсистемы лингвокультуры	50
Выводы к первой главе.....	55
ГЛАВА 2. ЭМОТИВНЫЕ ЗООМОРФИЗМЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ФОНЕ АРАБСКОЙ).....	58
2.1. Лингвокультурные характеристики зооморфизмов	58
2.2. Русская и арабская лингвокультуры: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявление эмоций	59
2.2.1. Русская лингвокультура: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявление эмоций	60
2.2.2. Арабская лингвокультура: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявлении эмоций.....	65
2.3. Использование русских и арабских зооморфизмов при выражении эмоций	70
2.3.1. Использование зооморфизмов в русском языке при выражении эмоций	70

2.3.2. Использование зооморфизмов в арабском языке при выражении эмоций	72
2.4. Лингвокультурологический анализ семантики зооморфизмов по лексикографическим источникам.....	74
2.5. Специфика функционирования эмотивных зооморфизмов	85
2.5.1. Функционирование эмотивных зооморфизмов в речи	87
Выводы ко второй главе	93
ГЛАВА 3. ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ФОНЕ АРАБСКОЙ).	96
3.1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русском языке.....	96
3.2. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в арабском языке.....	102
3.3. Функционирование эмотивных зооморфизмов в речевой практике носителей русского и арабского языков.	107
Выводы к третьей главе.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	140
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	147
ПРИЛОЖЕНИЕ. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭМОТИВНЫХ ЗООМОРФИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ.....	175

ВВЕДЕНИЕ

Сходство в особенностях поведения людей и животных отмечалось давно (во многих культурах есть басни, сказки и другие жанры устного народного творчества, героями которых являются животные). Осознание этого сходства привело к тому, что люди стали описывать друг друга, проводя аналогии между характерными чертами, свойственными человеку, и поведением или повадками животных. В речи представителей различных культур появился пласт лексических единиц, номинирующих человека, который, по мнению говорящего, наделен качествами животных. В лингвистике это явление получило название «зооморфизм». Образы животных закрепились в народном сознании, воплотив собой национальные представления об окружающем мире, поэтому зооморфизмы можно часто встретить в речи носителя любого языка при оценке им того или иного феномена.

Благодаря национально-культурной специфике, семантике и эмотивности зооморфизмы позволяют исследовать языковую картину мира (ЯКМ). Слово, как основная единица языка, является продуктом концептуализации мира человеком, а итогом категоризации мира и его объектов в системе лексических единиц (ЛЕ) становится появление коннотаций. Коннотации лексических единиц являются сущностными элементами ЯКМ, характерными для национального языка.

Таким образом, **актуальность данного исследования** обусловлена несколькими факторами. Несмотря на то, что уже были проведены исследования зооморфизмов в качестве функционально-семантической группы ЛЕ, их связь с типичными выражениями эмоций и состояния человека пока мало изучена. Кроме того, анализ экспрессивно-эмоциональной специфики зооморфизмов как репрезентации русской языковой картины мира позволит выявить структуру лексического значения национально-культурных коннотаций к данным лексическим единицам.

Поскольку способность эмотировать относится к общечеловеческим свойствам, набор эмоций одинаков для всех людей. Однако способы их выражения и ситуации, в которых они проявляются, могут различаться в зависимости от национальности, так как когнитивное мышление разных народностей неодинаково. При этом ни один язык не может в полной мере передать все переживания человека [Шаховский, 2015, с. 8]. Эмотивные концепты языковых единиц позволяют дополнить научное понимание о мировосприятии и самоощущении представителей разных народностей, потому что отношение к чему-либо, отраженное в эмоциях, хранится в народном сознании многих поколений. В данной работе предпринимается попытка обобщить опыт русского и арабского народов путем исследования эмотивных концептов, принадлежащих этим двум языкам.

Эмоции представляют собой отправную точку от убеждения к поступку — ментальному и вербальному явлению. Наше исследование рассматривает единицы языка как конечный продукт, в котором нашли отражения представления человека о тех или иных явлениях. Изучение этих единиц происходило путем когнитивной интерпретации, что позволило понять общие способы категоризации и концептуализации, а также обогатить научные представления о языковой репрезентации мира.

Объектом исследования является функционально-семантическая группа лексических единиц эмотивных зооморфизмов в русской языковой картине мира на фоне арабского языка.

Предметом исследования являются эмотивные зооморфизмы как компоненты русской языковой картины мира. Таким образом, предмет исследования представляет собой совокупность эмотивных, лексических и семантических признаков. Такие признаки ярко проявляются в выражениях состояния человека, а также в нормах реализации передачи эмоций,

формирующихся с помощью компонента-зоонима в национально-специфических формах у носителей русского и арабского языков.

Сказанным выше обусловлена научная **новизна работы**, которая посвящена исследованию эмотивных зооморфизмов как компонентов русской языковой картины мира на фоне арабской.

Гипотеза исследования звучит следующим образом: использование различных приемов лингвокультурологического анализа при сравнении русских эмотивных зооморфизмов с их арабскими аналогами позволит выявить черты сходства и различия в представлениях о внешности, характере, психологических свойствах человека в русском и арабском языковом сознании, позволит в наглядной форме представить универсальное и национально-специфичное на уровне стереотипов, образов и символов двух культур, сделать выводы о некоторых специфических чертах русской ментальности.

Цель исследования предполагает выявление, описание и анализ зооморфных метафор, используемых в качестве эмотивных лексем, в том числе экспрессивно-оценочных отношений как компонента русской языковой картины мира на фоне арабского языка. В рамках исследования особое внимание будет уделено рассмотрению и анализу кода языковых средств для выражения разных эмоций и причинам фиксации таких средств в языке.

Для достижения заявленной цели в исследовании ставятся следующие **задачи**:

1) описать теоретическую базу исследования, представив научный контекст изучения языкового сознания и ассоциативно-вербальных полей в рамках лингвокогнитивной парадигмы;

2) проанализировать словарные определения зооморфных образов и провести когнитивный тест для выявления субъективных дефиниций их понятия в русском и арабском языковых сознаниях;

3) провести ассоциативный эксперимент для определения специфики функционирования эмотивных зооморфизмов у представителей русской и

арабской культур;

4) установить структуру ассоциативно-вербального поля, основываясь на тематической классификации полученных ассоциатов;

5) провести анализ семантики, синтагматических связей и прагматического компонента значения языковых единиц на основе мнений арабских и русских респондентов, полученных в ходе эксперимента;

6) проанализировать данные с лингвокогнитивной точки зрения; представить лингвокогнитивную интерпретацию полученных в ходе исследования результатов;

7) сопоставить результаты эксперимента с данными ассоциативных словарей русского языка;

8) выявить вызывающие эмоции зоонимы, отследить динамику, тенденции, изменения в языковом сознании (на основе сравнения мнений русских и арабских респондентов с данными Русского ассоциативного словаря под ред. Ю. Караулова).

Основными методами исследования являются фундаментальные методы лингвистического анализа, такие как: описательный метод, метод дистрибутивного анализа, прием сплошной выборки материала из лексикографических справочников и источников русского и арабского языков и свободного и направленного ассоциативного эксперимента среди представителей обеих культур, метод словообразовательного анализа, метод контекстуального анализа, метод сравнительно-сопоставительного анализа.

Теоретико-методологическую базу диссертационного исследования составили: труды отечественных и зарубежных учёных в области лексической семантики и теории поля (Э. А. Кацитадзе 1985, Тон Куанг Кьонг 1996, Е. М. Брославская 2001, О.А. Васькова 2004, В. М. Мокиенко 2005, 2007, О. М. Жаринова 2006 и др.), когнитивные исследования (Н. В. Солнцева 2004, Ж. Н. Маслова 2012, А. Р. Хайрулина, 2013, Е. П. Дулесов 2015 и др.), труды по лингвокультурологии (В. А. Маслова 1997, В. В. Красных, Ф. Н. Гукетлова 2009,

Е. И. Зиновьева 2006, 2009, 2013, 2016 и др.), работы в области изучения языковой картины мира (Е. А. Гутман 1977, С. В. Свионтковская 2000, Н.Г. Юзефович 2013, А. С. Маслов 2014 и др.), психолингвистические исследования языкового сознания (В. И. Жельвис 1990, К. Э. Изард 2000, В. И. Шаховский 2003, 2008, 2009, 2015, Ю. Н. Куличенко 2017, А. Д. Кошелев 2019 и др.) и работы в области сопоставительного изучения лексико-семантических единиц (Е. А. Гутман, (на материале русского, английского и французского языков) 1977, А. А. Киприянова (на материале русского, английского, французского и новогреческого языков) 1999, Е. М. Брославская (в русском, украинском и английском языках) 2001, Е. Ю. Глотова (на материале русского и английского языков) 2010, Ю. В. Дмитриева (на материале английского, немецкого и русского языков) 2016, Абу Эль-Иля (на материале русского и арабского языков 2018 и др.).

Материалом исследования послужили семь эмотивных зоонимов в русском и арабском языках: бык, козел, корова, лиса, лошадь, свинья и собака. Выбор этих зоонимов обусловлен их высокой частотностью использования в русском дискурсе [Чжоу Ян, 2021], а также значимостью для арабского языкового сознания. Единицы анализа взяты из 49 словарей на русском языке и 7 словарей на арабском. Кроме того, материалом послужили результаты ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 носителей русского языка и 40 носителей арабского языка.

По итогам работы удалось сформировать целостный алгоритм анализа русских эмотивных зооморфизмов на фоне арабского языка. На основе этой концепции могут исследоваться семантические составляющие лексических единиц. В этом усматривается теоретическая значимость данного исследования. Его результаты облегчат дальнейшее исследование при выявлении взаимосвязи между языком и культурой и изучении анализа национально-культурного компонента значений лексических единиц. Само такое исследование и его выводы приобретают значение при составлении и создании специфических

словарей, таких как: антропоориентированных и лингвострановедческих словарей языковых стереотипов и экспрессивной лексики.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования ее результатов в педагогических целях при преподавании русского языка как иностранного, особенно в группах арабских обучающихся, и в спецкурсах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике, а также в лексикографической практике.

Апробация результатов исследования: теоретические положения и результаты исследования обсуждались на аспирантских семинарах кафедры «Русского языка как иностранного и методики его преподавания» и излагались в виде докладов на следующих научных и практических межвузовских, всероссийских и международных конференциях: Международная научная конференция молодых учёных «Язык. Культура. Личность», 16 декабря 2021 г. (Самарский государственный социально-педагогический университет), Международная научная филологическая конференция имени Людмилы Алексеевны Вербицкой, 15–23 марта 2022 г. (Санкт-Петербургский государственный университет), Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы филологических исследований», 31 марта 2022 г. (Кубанский государственный технологический университет), Международная научная конференция «Лингвокультурные универсалии в мировом пространстве», 20-22 апреля 2022 г. (Воронежский государственный технический университет), Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения», 3-4 февраля 2022 г. (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина). По теме диссертации опубликовано 7 работ, из них в журналах, рекомендованных ВАК РФ, — 3.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. зооморфизмы являются одним из средств проявления культурного кода народа, позволяя вывести глубинные смыслы культуры на уровень выражения;

2. зооморфизмы имеют эмотивный компонент значения, в котором отражается эмоциональная сторона личности говорящего и его отношение к миру;
3. зооморфизмы могут служить эмотивными эталонами в современной коммуникации;
4. основные характеристики эмотивных зооморфизмов могут быть раскрыты и описаны через сопоставление, сравнение и соотнесение этих единиц русского языка с единицами иных языков.

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и списка использованных словарей, а также приложения. Во введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются его цель, задачи и методы, описывается материал исследования, характеризуется теоретическая и практическая значимость работы. Первая глава посвящена разработке теоретической базы данного исследования. Во второй главе проводится семантический и лингвокультурологический анализ лексических единиц эмотивных зооморфизмов. В третьей главе речь идет об эмотивных фразеологических единицах (ФЕ) с компонентом-зоонимом в русском языке (на фоне арабского языка). Здесь приводятся результаты проведенного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие носители русского и арабского языков, а также содержится анализ эмотивных зооморфизмов и концептов базовых эмоций, выражаемых с помощью зооморфизмов.

В **Заключении** сделаны выводы по результатам исследования, даны рекомендации и выявлены перспективы дальнейшей разработки темы исследования. В приложении, которое помещается в конце диссертации, находятся две таблицы. В первой таблице приводятся вызывающие эмоции зоонимы. Вторая таблица содержит отслеживание динамики, тенденций, изменений в языковом сознании на основе анализа мнений русских и арабских респондентов.

ГЛАВА 1. ЭМОТИВНЫЕ ЗООМОРФИЗМЫ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

1.1. Эмотивная функция языка

1.1.1. Эмоция, мышление и язык

Слова являются средствами передачи идей и переноса информации, поэтому язык изучается с учетом соответствующей культуры и ее окружения. Но остается вопрос: могут ли сами слова определять образ мыслей? Философы, филологи, психологи, когнитологи активно исследовали вопрос о том, формирует ли язык мысли и действия, или наши мысли и убеждения формируют язык (Смирнова 1982, Меркулов 2001, Шаховский 2003, 2009, 2015, 2019, Яковлев 2018 и др.). Принимая во внимание вопросы, поднимающиеся, в частности, лингвистами, об отношении языка к идеологии и общению между людьми (Караулов 1987, Складневская 1993, Маслова 2012, Шаховский 2019 и др.), следует пристально рассматривать взаимоотношение языка и мышления. И беря во внимание существование неодинаковых форм мышления и языков, стоит обратиться к дифференцированному методу.

С точки зрения лингвистики связь языка и мышления впервые рассмотрел В. Гумбольдт [Гумбольдт, 1984, с.11], чьи идеи (так называемое «гумбольдтианство») положили начало исследованиям многих ученых (В. А. Звегинцев 2008, В. И. Шаховский 2015, А. Д. Кошелев 2019, и др.).

Язык не полностью определяет наши мысли — они слишком гибки для этого, но привычное использование языка может влиять на наши образы мысли и

действия. По мнению В. Гумбольдта, язык и духовные силы функционируют не раздельно друг от друга и не последовательно один вслед за другим, но составляют цельную деятельность разума [Звегинцев, 1960, с. 71]. Итак, существует очень важная связь между мышлением и языком. В некотором смысле они зависят друг от друга (это не означает, что язык — единственный способ передать мысль).

Можно говорить (на языке) и не передавать сообщение для размышления. Например, человек может говорить что-то другому человеку, который не обращает внимания на говорящего. Тот, кто должен слушать и расшифровывать язык (мысль), не может этого сделать.

Соответственно, возникает дискуссионный вопрос: существует ли такая вещь, как нелингвистическая мысль или действительно язык является предварительным условием для мышления [Фуко, 1994], а не для представления мысли.

Слово становится хранителем накопленной информации о явлениях окружающей среды и об освоении мира. В то же время язык нужен и для коммуникации в бытовой сфере.

Мышление человека и его мировоззрение неизбежно отражаются в его речи, в результате язык не только участвует в формировании понятия об окружающей среде у человека и будет причиной логической связи, не только называет предметы, но и создает их посредством бесконечных метафорических образов. Я. Куцай считает, что особенности народа объясняются характером языка и чертами его мировоззрения. Им была высказана идея, что независимо от того, скольким языкам человек выучился, только его родной язык оставит самый глубокий след в его душе, так как он наиболее полно отражает склад понятий. Это справедливо для всех народов и относится ко всем языкам на земле [Куцай, 2018]. Каждый народ находит выражение и отражение в своем языке. Это собственность народа, его продукт и богатство, которое содержит национальную память,

историю, культуру и которое наследуется каждым новым поколением [Срезневский, 2007, с. 19].

Итак, мышление человека и совокупность его представлений об окружающей среде отражаются в языке. Важно помнить еще о значимой его функции — эмотивной, через которую передается вербальное отношение говорящего к явлениям окружающей действительности. Эмотивная семантика в языке отличается смысловой нечеткостью выражаемого понятия, в центре такого явления стоит эмоционально-оценочные отношения [Шаховский, 2015, с.78].

Эмоция является важной основой языковой личности. В любой эмоции соединяется специфика целевой семантики языковых знаков с выражением взаимоотношений в коммуникации в повседневной жизни. Таким образом, отношение между языком и эмоцией — интегральное.

Мышление такая же реальность, как само существование человека. Нельзя представить человека без мышления и, с другой стороны, нет человека без языка, ибо «язык есть мышление, выраженное звуками» [Звегинцев, 1960, с. 92], поэтому тесно взаимосвязанные мышление и язык не существуют вне человека и служат ему для выражения мыслей, передачи информации [Ушинский, 1988] наряду с отражением его отношения к миру посредством эмоции.

Слова, которые называют эмоции (грусть, радость), являются и эмотивами, то есть это номинативы со сходными и эмотивными смыслами, в которых сема эмотивности репрезентируется в статусе категориально-лексической семы [Гончарова, 2003]. Человек мыслит образами, являющимися отражением предметов и явлений окружающей среды. В рамках такого отражения он выражает и свои эмоции. Поэтому природная способность человека мыслить, говорить и выражать внутреннее состояние в эмоциях — это фундаментальное свойство его бытия. Если звуковая форма есть выражение, которое язык создает для мышления, то эмоция широко выражается в том, в каком направлении идет процесс мышления языковыми средствами.

Эмоции не просто обуславливают действия людей. С. Л. Рубинштейн считал, что эмоции в сочетании с интеллектом образуют само мышление (если превалирует интеллект) или эмоцию (если превалирует эмоция) [Рубинштейн 1973, с. 97-98]. В том, что эмоции имеют большое значение для формирования сознания, уверены И. А. Васильев и О. К. Тихомиров. Согласно их работам, именно благодаря эмоциям, которые, в свою очередь, возникают во время активной деятельности человека, и появляется сознание [Васильев, Тихомиров, 1980, с. 30].

Итак, сознание, мышление и язык взаимосвязаны и эмоциональные отношения человека к окружающему миру выражаются с помощью слов.

1.1.2. Эмотивность как категория лингвистики

Испокон веков в человеческом общении большую роль играют эмоции. Они проявляются в ходе этнических и политических разногласий, экономического сотрудничества, а также в других типах отношений, как между народами, так и между отдельными людьми. Это явление не что иное, как следствие нашей природы, в которой коммуникация — фундамент выживания и процветания цивилизации.

Следует разделить значения понятий «эмоция» и «эмотивность», определить их семантическое различие как ключевых лексических единиц данного исследования. Согласно определению Толкового словаря русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1992 г.) «эмоция — это душевное переживание, чувство. Эмоции бывают положительными и отрицательными» [Ожегов, Шведова, 1994, с. 910].

О. С. Ахманова в Словаре лингвистических терминов закономерно дает определение не эмоции, а эмотивности: «относящийся к выражению чувств, настроений, субъективного отношения. Слово, основным содержанием которого является выражение чувств» [Ахманова, 1966, с. 516].

В Толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова «эмоции (мн.) — (франц. *emotion*), субъективные реакции человека и животных на воздействия внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде радости, страха, удовольствия или неудовольствия, и бывают положительными и отрицательными, эмоция страха и эмоция удовольствия. Внешнее проявление чувств: *Давайте обойдемся без эмоций*» [Кузнецов, 2003, с. 1522].

В Полном словаре лингвистических терминов Т. В. Матвеевой также отсутствует толкования эмоции, но указано, что эмотивность в теории экспрессивности и в лексической семантике означает коррелят психологического понятия эмоциональность. Наряду с данным термином дается толкование терминам «эмоциональность» и «эмоциональная окраска» [Матвеева, 2010, с. 541]. Далее Т. В. Матвеева выявила связь между эмоциональным (эмотивное) содержанием и эмоциональными междометиями (*ах, ох, о, ого, браво, долой*). Оценочность при их использовании либо постоянна (*браво, бис, ох-хо*), либо зависит от контекста или ситуации (восклицание *Ах!* может быть выражением радости, удивления и др. эмоций). Отрицательное эмоциональное содержание характерно для бранных слов [Матвеева, 2010, с. 542].

В Толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова «эмоция — это душевное переживание, волнение, чувство (часто сопровождаемое какими-нибудь инстинктивными выразительными движениями), такие как эмоция гнева, печали, радости» [Ушаков, 2005, с. 786].

Исследование эмоций занимает важное место в лингвистике (Ш. Балли, Л. Г. Бабенко, В. Г. Гак, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.)

В. И. Шаховский и Е. Ю. Мягкова, наряду с другими лингвистами, часто употребляют такое понятие как эмотивность. Они отмечают, что эмоция — это широкое понятие и отличается от эмотива тем, что она является недискретной сущностью, тогда как эмотив всегда дискретен. «Эмотив — это всегда метонимия реконструируемой эмоции» [Шаховский 2002, с. 113]. Следовательно, эмотив можно назвать репрезентантом эмоции, потому что «его культурным референтом в различных коммуникативных ситуациях может быть целый комплекс переживаний» [Шаховский 2002, с. 114]. То есть с точки зрения лингвистики эмоция соотносится со значением слова, а эмотивность — с тем, что именно имеет в виду человек, когда произносит слово [Мягкова, 1998, с. 73]. Психологи также строго разграничивают понятия «эмоция» и «эмотивность». Первый термин используется для сферы душевных переживаний, тогда как второй — для характеристики психических процессов, связанных с эмоциями [Шингаров, 1997, с. 91].

Лингвисты дали несколько определений эмотивности, из-за чего возникли широкое и узкое значения этого термина. В узком смысле категория эмотивности сопоставляется с коннотацией в структуре значений лексических единиц (В. Н. Телия) или с их эмоциональными (П. Я. Гальперин), оценочными (Е. М. Вольф) семантическими компонентами. В широком смысле эта категория связывается с единицами различных языковых уровней [Бабенко, 1989, с. 14]. Однако применяется также и комплексный подход к исследованию эмотивности. К примеру, В. И. Шаховский считает это «явление прагматико-речевой категорией, лингвистическим выражением эмоций и имманентно присущим языку семантическим свойством выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, отраженные в семантике языковых средств» [Шаховский, 1987, с. 42]. Такая методика дает возможность объять речевые и языковые аспекты, составляющие такую категорию как эмотивность и, кроме того, соотнести ее как с личностью говорящего, так и с языковым коллективом. Таким образом, мы полагаем, что эмотивность — это элемент коннотации,

проявляющийся на различных уровнях языка для отражения психического состояния человека.

Внутренний мир человека явно отражался в определенных науках, в том числе в психологии, литературе, философии и т. п. Эта тема начала отражаться в современной лингвистике с 60-х годов (Л. Г. Бабенко, Л. М. Васильев, В. И. Шаховский, А. Вежбицкая).

По мнению Э. Сепира, изучение эмоций не представляет собой актуальную тему для исследования в области лингвистики потому, что они не являются составляющим компонентом семантики [Sapir, 1921]. Стоит отметить, что любой речевой акт имеет явный и скрытый эмоциональный смысл. В ходе коммуникации эмоциональный смысл отражается в словах, и в итоге появляется эмотивная функция языка. В этом аспекте важно отметить, что главная задача языка — это передать всю информацию на разных уровнях, в том числе на уровне коммуникации в рамках человеческих чувств, реализуемой эмотивными знаками языка [Волек, 1995, с. 16]. Отмечено, что все слова, обозначающие какие-то чувства, несут эмоциональное значение. К таким словам относятся бранные слова, проклятия, нецензурные слова и т. д. [Нелюбин 2005, с. 122].

Невозможно вообразить язык, лишенный единиц для выражения эмоций, или безэмоциональных людей. На сегодняшний день большинство ученых-лингвистов считают, что эмоциональный компонент «входит в состав слов по лексическому принципу» [Шаховский, 2003, с. 15], что кажется вполне справедливым, поскольку наибольшая роль эмоций тоже подтверждена наукой. К. Изард считает, что человеческие эмоции контролируют состояния сознания человека [Изард, 2000] и предшествуют когнитивным процессам. В то же самое время в исследованиях эмоций в языке большую роль в интерпретации и лексикализации сферы наших чувств играет изучение текстообразующего потенциала эмоций, например, говоря: «он испытывает гнев», «рад слушать», мы выражаем языком чисто внутреннее состояние человека, чтобы дать оценку

(положительную или отрицательную) и передать состояние (приятное или неприятное) говорящего. Следовательно, язык отражает и эмоции, и культуру.

Как уже было сказано выше, в эмоциях выражается отношение человека к событию или явлению, а также состояние человека по этому поводу [Пидкасистый, 1998]. Эмоции могут быть как положительными, так и отрицательными (*печаль/радость, отвращение/симпатия* и т. п.). При этом наименование не отражает в полной мере того, что скрывается за ним. Так, *ревностью* мы можем обозначать целый спектр эмоций (*неуверенность, злость, зависть* и т. д.), а *восторгом* называть только самую яркую часть положительных эмоций.

При том, что набор эмоций в арсенале каждой национальности одинаков, интенсивность и способы их выражения различны. То же самое можно сказать и про каждого отдельного человека: все испытывают и демонстрируют чувства по-своему [Маслова, 2012, с. 255], поэтому трудно изучать эмоции в целом. Такая трудность, по мнению В. И. Шаховского, заключается в невозможности нарушить единство процесса отражения человеческих явлений, названия и выражения этого отражения в назывании слов-аффективов. Название в языке без осознания сути не представляется возможным потому, что каждое слово и обобщает, и называет какое-то явление, предмет, действие или отношение. Так в речевых ситуациях эмоции всегда идут в связке с языковыми элементами. Некоторые ученые даже считают, что безэмоциональных фраз в принципе не существует [Danes, 1987, с. 274].

По мнению Ш. Балли, «чистая» мысль человека противоречит его природе, поскольку эмоциональный аспект в его повседневной жизни является постоянным, самым насущным потребностям в коммуникации, он тоже утверждает, что выражаемая человеком эмоция исходит из ситуации выражения и от личности человека [Балли, 1961], поэтому эмоции не могут быть в чистом виде, т. е. они всегда передаются и сопровождаются языком тела (Body Language) в результате того, что язык не может охватывать или покрывать все желания и

ситуации в жизни человека. В этой связи В. И. Шаховский утверждает, что эмоции наблюдаются непосредственно через язык тела и опосредованно — через язык. Оба эти канала «эксплицируют эмоциональный ментальный стиль человека и его эмоциональный дейксис» [Шаховский, 2002].

Факт о «бедности» выражения языком всех ситуаций повседневной жизни можно объяснить какой-либо потребностью, которая всегда стоит за речевым актом: привлечение внимания, побуждение к действию и т. д. [Караулов 1987, с. 53]. Это мнение тоже подтверждает В. И. Шаховский: «Языковая система не выполняет свою функцию без учета эмоции» [Шаховский 1987, с. 7].

Некоторые лингвисты считают, что любое событие или даже простое созерцание человеком окружающего мира вызывает эмоцию. И эмоция тоже носит экспрессивно-оценочный оттенок человека в его отношении к действительности посредством языковых выражений [Шаховский 1998, с. 84].

Таким образом, эмоциональная картина мира предстает как оценочная деятельность человеческого сознания при ментальном освоении мира и формулируется в результате оценки человеческого сознания. Оценочно-эмоциональные акты образуются в сознании человека, они смешиваются с культурным концептом и формируют дополнительные ценностно-оценочные характеристики.

Знакомясь с точками зрения лингвистов 60-х и 70-х годов XX века, можно заметить, что понимание эмотивных компонентов и экспрессивных элементов языка в современной лингвистике, изучение языковых средств вообще и выражения эмоций, в частности экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка, значительно поменялось.

Стоит отметить, что в настоящее время лингвистами показано, какую важную роль в человеческой коммуникации играют эмоции (Вольф, 1996; Телия, 2008; Шаховский, 2019 и др.). Они являются итогом функционирования сознания,

принимают участие в когнитивных процессах [Изард, 2000] и напрямую влияют на интеллектуальную сферу [Шаховский, 2003, с. 4].

Есть подтверждения того, что без проявления эмоций не проходит ни один день в жизни человека, поэтому она так прочно закрепляется в значении слов как некая шкала оценок эмоциональных состояний человека. Вот почему для исследования языка с предметной семантикой важна эмотивная семантика. Ее можно назвать отношением к окружающему миру, выраженным в языке, что делает эти эмоции, облаченные в слова, ясными для говорящих на данном языке. Это делает эмоции эффективным способом восприятия реальности и частью как языковой картины мира, так и «местной социальной эмоцией». Таким образом, эмотивному значению придается обобщенный характер, соответствующий эмоциям любого другого носителя языка. Люди одной языковой общности в похожих ситуациях испытывают одинаковые эмоции. Все вышеперечисленное составляет эмоциональную картину мира. Широкое распространение эмоций в современном коммуникативном пространстве определяет эмоциональное восприятие мира, сущностью которого является отражение объективно существующей действительности через призму эмоций человека. Возникает необходимость определения разнообразия образов окружающего мира, которое принято называть эмоциональной картиной мира (ЭКМ). Восприятие, мышление и осознание языковой личности тесно связаны с эмоциями человека, которым в такой совокупности отводится существенное место [Шаховский, 1987].

Эмоции являются неотъемлемым компонентом сознания, они континуальны, эмоционально дискретны [Винарская, 2001]. В этой связи стоит напомнить, что эмоции, познание и отражение взаимодействуют друг с другом следующим образом: эмоции чувствуют в познании и сопровождают и окрашивают познание [Шаховский 2008, с. 41]. В этом процессе заключаются эмоциональные формы действительности, которые представляют собой компоненты эмотивной функции языка. С другой стороны, все такие эмоциональные формы отражаются в языке, что делает язык не только средством

общения, орудием мышления и средством общения, как мы указали выше. Язык в этом смысле связан с выражением чувств, эмоций, обеспечивает сферу эмоциональной деятельности человека и выражает его субъективное, личностное сознание, представленное в чувствах и эмоциях.

Эмотивная функция языка заключается в выражении оценочных и экспрессивных компонентов семантики слов, связанных с состоянием человека и его отношением к предмету речи в ходе возникновения и развития эмоций. При исследовании эмотивности со стороны семантического аспекта слова мы определяем, прежде всего, основу для лексико-семантической категоризации эмоций в различных типах лексико-семантических единиц, обозначающих, выражающих и описывающих эмоции. При том что каждый человек понимает, что значит эмоция, точного научного определения этого термина пока нет, поскольку само понятие очень обширное и захватывает несколько научных сфер [Шаховский 2008, с. 46].

Эмоции выполняют много функций, в основном же дают отражение, рожденное у человека к какому-то предмету, его оценку, его сознание и описание его внутреннего состояния [Шингаров, 1997].

Так, эмотивные лексические единицы языка сообщают о душевном волнении говорящего, передают эмоциональную информацию, вызывают ответную эмоциональную реакцию, например, в ходе общения появляются между сторонами чувства отвращения, презрения, ненависти и др.

По И. В. Павлову, слова и психическое состояние человека связаны следующим образом: слова — одна из форм высшей нервной деятельности, а эмоции — одно из ее проявлений [Павлов, 1951]. В результате отражение эмоций человека в слове имеет психофразеологическое и социальное обоснование, что дополняют другие коннотативные семантические значения слов, поэтому коннотативное значение слова несет его эмоционально-экспрессивную или стилистическую окраску. «Эмоциональные и неэмоциональные значения (слов)

различаются в зависимости от того, связаны они или нет с человеческими эмоциями, например: *батюшки! великолепно!*» [Энциклопедический словарь-справочник 2014, с. 498].

Говоря о языковых единицах, обозначающих эмоции, нельзя обойти стороной оценочность.

Оценочная лексика — слова, имеющие оценку, как положительную, так и отрицательную. Оценка семантически подразумевает аспект значения языковых выражений и присутствует в разных интерпретациях. Об оценочной семантике говорят при выявлении каких-либо языковых единиц, при этом имеются различные слои лексики для оценки, например прилагательные и наречия (*отличный, хороший, неплохой, плохой, отвратительный* и т. д.).

Наша жизнь, отрефлексируемая коллективным разумом, осознается категориями языкового сознания. Они, в свою очередь, проходят вербализацию посредством системы лексико-фразеологических средств и разными единицами номинации. Кроме наименования, подобные языковые единицы отражают соответствующее отношение экспрессивного и оценочного характера в процессе коммуникативного акта [Алефиренко, 1998, с. 310].

Как мы указали выше, по мнению В. Н. Телии, эмотивность, в своем узком толковании, соотносится с коннотацией в структуре значения лексических единиц и в результате эмоционально-оценочный оттенок слова приносит коннотативное значение.

Многие слова помимо обозначения предметов или понятий показывают отношение говорящего к ним. Однако есть слова, не имеющие оценочного смысла, например *междометия*, при этом они не могут относиться к эмоциональному лексикону, так как оценка составляет их словесное значение (*ух, ишь, эхма*).

То есть наличие оценочного смысла у слова определяет наличие эмоциональной окраски. Оценочность и отношение говорящего к данному

явлению (и как следствие экспрессивность) осложняют номинативную функцию. Слова *болван, разгильдяй, всемогущий* и т. п. по семантике несут выразительно-эмоциональную окраску и поэтому являются стилистически-окрашенными.

В теории выразительных средств близкие по выразительности слова объединяют в две группы:

1) слова, характеризующиеся положительной оценкой (слова похвалы, слова, сказанные в шутливой форме), например: *красавчик, молодец*;

2) слова, характеризующиеся отрицательной оценкой (брань, ироничные высказывания и т. п.), например: *тупица, дурак*.

Переносный смысл развивает эмоционально-экспрессивные оттенки. Так, тропы, нейтральные по стилистике слова, получают большую выразительность: *валиться (с ног), спать (как убитый)* и т. д. Таким образом, некоторые слова в одной ситуации по значению могут восприниматься, как торжественные, а в другой, как оскорбление или насмешка, то есть контекст определяет окраску. Например, слово *дурачок* в разных контекстах может восприниматься по-разному. Следовательно, контекст и экспрессивный оттенок дают большую возможность употребления слов. В словаре лингвистических терминов Т. В. Жеребило находим определение эмоционально-оценочного слова: лексическая единица, которая включает в себя элемент оценки с разнообразными оттенками, которые обычно устойчивы, так как возникают из-за того, что само значение слова содержит оценку [Жеребило, 2010, с. 467].

В. И. Жельвис утверждает: все наши эмоции связаны между собой, одна эмоция всегда влечет за собой другую [Жельвис, 1990, с. 54]. Именно поэтому они достаточно сложны для классификации, вербальной репрезентации и анализа языковых средств, отвечающих за их выражение. Кроме этого, хотя язык одинаков для каждого его носителя, все же его эмотивность различна, поскольку любая личность может рождать бесконечное число смыслов [Шаховский, 1998, с. 59].

Существует несколько вариантов систематизации эмотивной лексики, например, в зависимости от части речи или лексико-грамматического разряда, при этом многие включают такие единицы, как междометия и частицы [Берлизон, 1976, с. 90; Харченко, 1976, с. 68]. Рассмотрим некоторые общепринятые классификации.

Классификация А. Л. Григорьевой, в которой весь лексикон делится на:

- 1) слова с суффиксами уменьшительности;
- 2) метафоричные употребления нейтральных слов;
- 3) слова, содержащие эмоциональность в своей семантике [Григорьева, 1953, с. 24].

Классификация эмоциональной лексики представляется более логичной:

- 1) слова, имеющие эмоциональный окрас, обозначенный средствами языка: *папочка, сыночек, добренький*;
- 2) бранные слова: *мерзавец, подлец, негодяй*;
- 3) междометия: *браво! Боже мой! Черт побери!* [Середа, 2005, с. 44].

Лексические единицы, образованные метафорично от названий животных и служащие образной характеристикой человека, выделяют в группу экспрессивно-оценочной лексики. Так, «зоосемизмами» называют зоологические номены, употребляемые в прямом значении, а «зооморфизмами», употребляемые в переносном значении [Брославская, 2001, с. 49].

В разговорном стиле литературного языка, а также в публицистическом и художественном часто используется эмоциональный лексикон. Он не употребляется в научном и официально-деловом стилях, так как они не допускают субъективности.

По мнению А. Вежбицкой, эмоциональная шкала человека имеет прямую связь с его родным языком [Вежбицкая 1999, 505]. Е. М. Вольф акцентирует

внимание на разнице между специфическим эмоциональным состоянием и неспецифическим (разница в наличии определенного характера эмоции).

1.2. Эмотивные особенности зооморфизмов

1.2.1. Специфика зооморфизмов как языковых единиц

Тесное сосуществование людей с животными привело к появлению в лексике зооморфных единиц. Лингвисты обращают особое внимание на лексико-семантический пласт зооморфизмов в языке благодаря его широкой многозначности, метафорическим и ассоциативным связям, возникающим в результате лексического богатства зооморфизмов.

Так как речь идет о названиях животных, возникает термин «зооним», иногда так обозначают животное, живое существо, относящееся к животному миру, иногда зооним — это клички животных [Варбот, Журавлев, 1998]. В научной литературе существуют и «зоосемизмы» — названия животных в прямом и переносном значении [Гутман, 1977, с. 147; Козлова 2003, с. 14; Лясота, 1984]. По определению В. Д. Стариченка, зоонимы — это класс языковых единиц, имен собственных животных, [Стариченок, 2008], и их вторичные переносные метафорические лексико-семантические значения называются зооморфизмами. Нужно отметить, что в словарях (таких, как Словарь лингвистических терминов О. С. Ахманова (1966 г.), Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1994 г.), Большой лингвистический словарь В. Д. Стариченка (2008 г.) и Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило (2010 г.) нет определений термина «зооморфизмы».

По определению Большой российской энциклопедии, зооморфизм — это наделение изобразительной формы чертами животного. Первые проявления

зооморфизмов представлены в наскальных изображениях эпохи палеолита. Представление бога в облике животного или его признаками (рога, клыки, когти) характерно для искусства Древнего мира, особенно Древнего Египта [Большая российская энциклопедия, 2008].

Т. В. Матвеева считает, что с помощью зооморфизмов осуществляется характеристика человека путем переноса на него качеств, присущих животным. При этом в зооморфизме мы можем наблюдать народные представления о том или ином животном, на которые влияют также фольклорные и литературные произведения. Так, *петух* рисуется задиристым, крикливым и пестрым — соответственно, *петухом* назовут скандальную, энергичную натуру, которая любит ярко одеться. А некоторые животные даже стали олицетворением личностных качеств: *заяц* — трусость, *лиса* — коварство, *пчела* — трудолюбие [Матвеева, 2010, с. 117-118].

В Большом толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова зооморфизм (от греч. *зоон* — животное и *морфе* — форма) — «наделение чертами животных реальных или воображаемых объектов, представление богов и духов в образе животных». прилаг. зооморфический, зооморфическое божество жизни, зооморфный [Кузнецов, 2003, с. 370]

Т. Ю. Брославская дает узкое, точное определение зоосемизмы и зооморфизма [Брославская, 2001 с. 65]. По ее определению, «зоосемизмы — это зоологические номинации, употребляемые в прямом значении», и зооморфизмы — это зоологические номинации, употребляемые в переносном значении (в этом контексте определения ограничены описанием поведения или качеств человек) [Солнцева, 2004].

Собственно названия животных, клички и фразеологические единицы, которые их содержат, образуют группу зоонимов.

Образная сфера «животных» представляет собой базу для метафорического преобразования представлений об окружающем нас мире. Метафорическое преобразование поступков, приписываемых животным, считается открытым для

моральных оценок. Мы предполагаем, что зооморфизмы входят в состав языковых средств бытования моральных, этических или социальных шаблонов, и в результате проявляются такие качества, как хитрость и коварство, верность, грубость, злость и доброта и др. Зооморфизмы считаются частью зоонимного фонда языка, и при этом язык выступает хранителем и в то же время транслятором национальной культуры.

Итак, зооморфизмы формируются как отражение комплексных или индивидуальных качеств и черт животных, что в свою очередь отражает способность народа и его культуру к творчеству и широкой фантазии. Созданные переносные значения закрепляются в форме лексических единиц, получающих отражение во внутренней структуре зооморфизмов и обладающих особой экспрессивной окраской. Зооморфизмы составляют широкий пласт экспрессивной части языка, которая может быть отрицательной или положительной. В этой связи мы полагаем, что сравнительное изучение языков (русского на фоне арабского) через эмотивные зооморфизмы вскрывает наиболее существенные особенности языка и культуры, что помогает обратить внимание на непохожесть культур, предлагая новое осмысление окружающего мира.

1.2.1.1. Базовые принципы и основные проблемы описания зооморфизмов

Образы поклонения животным являются древнейшим проявлением человеческого творчества. Поклонение животным отражает первичное сознание человека, который видел в образах животных господствующую силу. Несмотря на то, что в сознании современного человека уменьшилась роль животных в духовной культуре, но животные всегда остаются в фокусе, который формируют языковые и доктринальные стереотипы [Маслова, 2012, с. 128], что объясняет

постепенное расширение их использования как в речи, так в литературе разных народов.

По мнению В. Телии, антропоморфизм, зооморфизм, пространственный стереотип признаются моделями метафорического переноса наименования [Минский, 1988, с. 250].

В последнее время исследование зооморфизмов стало очень активным. Можно рассмотреть зооморфизмы с разных сторон, например, через отражение их смысловых коннотаций в языке, или через литературное изучение древних сказок и зооморфного фольклора, учет биологии животных, или через грамматику при изучении образования новых слов (дериватов) от зооморфных образов, или через лингвокультуру при раскрытии ассоциативных связей зооморфных образов и различии зоонимов в языках в синхронии и диахронии. Последнее особенно широко изучалось в конце XX – начале XXI века, когда предметом рассмотрения были: *компоненты-зоонимы* [Малафеева, 1989], *анималистические фразеологизмы* [Бирюкова, 1990; Бао Хун, 1999], *зоофразеологические единицы* [Кацитадзе, 1985], [Козлова, 2003], *фразеологические зоонимы* [Марданова 1997, Москаленко 2015] и др. С. Р. Омельченко в своих исследованиях отмечала, что описание подобных единиц может помочь при изучении языковой личности в рамках таких наук, как лингводидактика, когнитивная и коммуникативная лингвистика, лингвокультурология и этнолингвистика [Омельченко, 2007, с. 150-151].

С другой стороны, Г.Н. Скляревская отмечает также важную роль зооморфизмов в языке. Она утверждает, что благодаря использованию зооморфизмов в языке стало возможным описывать разные качества человека, как внутренние (мораль, черты личности), так и внешние (физический облик человека, его публичное поведение) качества [Скляревская, 1993, с. 90].

В попытке познакомиться с классификациями качеств человека с помощью использования зооморфизмов помогает диссертация Тон Куанг Кьунга, в которой он группирует семантический потенциал 159 русских зооморфных образов,

примерно 90 признаков, характеризующих оценочную квалификацию человека, по четырем классификациям: *характеристика физического облика, морально-эстетические качества, социально-коммуникативные свойства и интеллектуальные способности человека* [Тон Куанг Кыонг, 1996].

Н. А. Илюхина указывает на базовые субстантивные названия животных при их использовании в переносном значении в адрес человека [Илюхина, 2021, с. 35] и утверждает, что зооморфизмы представляют собой распространенную модель описания метафорической семантики образов животных в семиотике [Там же, 2021, с. 35]. Н. А. Илюхина пользуется определением М. И. Черемисиной и ее соавтора, которые называют всю систему ассоциаций, связанную у носителей того или иного языка с представлением о каком-либо животном, зоообразом, например, *он ведет себя как свинья, он поступает по-свински* [Черемисина, 1973, с. 152].

В этой связи думаем, что базовые переносные значения животных могут быть беднее, чем потенциал семантических структур в коммуникации, поэтому образы животных в нашем исследовании рассматриваются в экспликации. Н. А. Илюхина считает, что использование прямых зооморфизмов в процессе коммуникации (*осел, собака, лошадь* и т. п.) являет «в контексте» косвенные представления образа во всех его свойствах и связях (*упрямый и необузданный, оседлать, запрячь, возжи, шоры* и т. п.) [Илюхина, 2021, с. 36].

В рамках исследования зооморфизмов важно указать на самые важные и наиболее употребляемые словари, которые содержат зооморфизмы разного порядка.

Толково-словообразовательный словарь Т. В. Ефремовой детально определяет понятия зооним, зооморфизм, зооморфический, зооморфный и другие термины с приставкой зоо-. Автор относит к зооморфизмам и слова, обозначающие богов и духов, которые традиционно представляются в образе животных [Ефремова, 2000]. Не можем отрицать основания такого понимания, потому что, как мы указали раньше, древний человек осознавал господство и силу

животных, что заставило его думать, что бог имеет, в приблизительной степени, ту же самую силу и господство.

Другой словарь, в котором собраны тематические единицы из фольклора и обучающей литературы, называется «Русское культурное пространство». Представленный в нем материал раскрывает особенности русской языковой картины мира [Русское культурное пространство, 2004].

Русский ассоциативный словарь под редакцией Ю. Н. Караулова представляет собой уникальную работу. Этот словарь, в отличие от типичных функций словарей, показывает, как говорят русские люди. Ассоциативный словарь представляет язык в его предречевой готовности, раскрывая тайный, скрытый от непосредственного наблюдения, способ «удержания» языка в памяти его носителя», в нем можно найти наиболее типичные и самые частотные словосочетания, грамматические конструкции, все типы словоизменения и словообразования [Русский ассоциативный словарь, 2002]. Мы можем сказать, что ассоциативный словарь в целом представляет описание слова по Выготскому: «Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Это малый мир сознания, микрокосм человеческого сознания» [Выготский, 1982, с. 318].

1.2.1.2. Коннотативные компоненты значения зооморфизмов

Исследование зооморфизмов дает богатый материал современным лингвистам, потому что характеристики и качества зооморфных образов до настоящего времени переносятся на человека. Следуя за А. А. Киприяновой, отмечаем, что зооморфизмы имеют экспрессивно-оценочный оттенок, зависящий от норм языкового коллектива, поэтому они служат ценностным компонентом картины мира [Киприянова 1999, с. 4].

В экспрессивно-оценочной лексике языка можно выделить лексические единицы, образованные зооморфным метафорическим переносом на основе названия животных и служащие для описания внутренних и внешних характеристик человека.

Стоит отметить, что перенос названия животных на человека с оценочной характеризующей функцией является по мнению многих исследователей (М. И. Черемисина, Ф. А. Литвина, А. Е. Гутман, Тон Куанг Кыонга) типичным явлением для разных языков. В этом смысле исследователи обращают значительное внимание на признаки материальной, физической и психической сторон [Брославская, 2001, с. 49].

В. Г. Гак указывает также на семантическую функцию зооморфизмов. По его мнению, зооморфизм служит показателем для описания и оценки внутреннего, в том числе физических качеств, и внешнего мира человека (например: *собака. волк, свинья*) [Гак, 1988, с. 18].

Исследование семантики зооморфизмов в языке приводит к поиску корня отношения между зооморфизмами и фразеологизмами. Корни этого отношения раскрывают нам два выдающихся лингвиста — А.И. Молотков (1977) и А. Г. Балакай (1992). По их мнению, в давние времена существовало поверье, что каждое племя происходит от какого-то животного. Это животное становилось символом племени, его почитали и изображали на гербах и флагах. Это явление развивалось со временем, сохранилось в религиях и культурном наследии каждого народа. Таким образом, зооморфизмы стали не только источником фразеологизмов, которые украшают язык, но и явлением, которое рассказывает современному человеку о традициях и образе мышления его предков [Молотков, 1977; Балакай, 1992]. Фразеологизмы с элементом-зоонимом:

- 1) это устойчивые словосочетания с прямым наименованием животного;
- 2) всегда имеют переносное значение 'человек';
- 3) содержат оценку действий или поведения человека [Молотков, 1977].

Таким образом, зооморфизмы всегда связаны с образом человека. Так, С. Р. Омельченко при изучении антропологической стороны лингвистики обращается к описанию не только явлений, которые связаны, собственно, с языковой личностью, но и других сущностей, в частности, имеющих зооморфную природу [Омельченко, 2007, с. 150-151].

И. А. Морозов также рассматривал антропоморфное и зооморфное в едином ключе. В частности, ученый с помощью структурно-функционального и структурно-семиотического метода, а также методов культурологического и этнолингвистического анализа изучал влияние детских игрушек, изображающих человека и животных, на становление личности человека, на овладение им социальных ролей, осознание собственного «Я» [Морозов 2010].

Интересно, что зооморфизмы можно встретить также в военной сфере. С давних пор оружие и военную технику часто именуют словами, обозначающими животных. Например, корабль «*Тигр*», «*Пантера*» и пр. Для названий выбираются животные, чьими характеристиками еще больше хочется наделить предметы (*скорость, меткость, грозность* и т. д.). Этот способ применяется для ободрения своих солдат и устрашения противника [Чиркова, 2009, с. 66]. В честь животных именуют не только единичные предметы, но и целые модели. Здесь можно вспомнить английские самолеты «*Москито*» или американские самолеты «*Аэрокобра, Королевская кобра, хеллкэт (ведим)*». Таким образом, зоонимы в своей семантике содержат общественно значимый опыт [Чиркова, 2009, с. 66-67].

Почти каждое наименование животного может нести эмоциональный оттенок, служащий основой формирования метафорической номинации и определяющий фразеобразующий потенциал зооморфизмов.

Появление у языковой единицы коннотаций обуславливает множество определений, в которых теряется ее семантическая структура. Поэтому для восстановления природы единицы необходимо сначала изучить все оттенки значений, а затем проанализировать их и выявить общее [Шаховский, 1987, с. 66].

Одни исследователи утверждают, что коннотация является семантическим оттенком, который вносит дополнительный смысл в содержание слова [Азнаурова, 1977]; другие считают, что содержание слова и коннотация не соотносятся друг с другом [Гальперин, 1977]. Наконец, по мнению третьих, коннотация является составляющим элементом либо ассоциации, либо импликации.

Несмотря на большое многообразие мнений по соотношению коннотации и смыслового содержания, все исследователи считают бесспорным факт существования у коннотации признака дополнительности к денотативному аспекту значения, признавая вторичность коннотации по отношению к денотации.

Таким образом, по мнению В. И. Говердовского, на разных этапах проявляются коннотации экспрессивно-оценочного, исторического и культурного типов [Говердовский, 1989]. Лингвисты по-разному смотрят на то, какое определение коннотации и ее семантической составляющей является самым точным.

Далее мы рассмотрим различные точки зрения, но прежде рассмотрим само понятие лексического значения и определим в нем место коннотации.

Под лексическим значением слова (ЛЗС) понимается сложная структура [Виноградов, 1977, с. 162], включающая в себя целую иерархию подструктур, некий комплекс подструктур, составляющими которого являются семантика, прагматика и синтактика.

Иначе говоря, лексическое значение слова — это особым образом структурированная целостность семантики, прагматики и синтактики, отражающих в совокупности сугубо языковой способ членения действительности.

Рассматривая природу ЛЗС, современные лингвисты, вслед за И. А. Стерниным, определяют ее как сложную систему взаимосвязанных компонентов [Попова, Стернин, 1999, с. 42]. По теории ученого, из которой мы выделили наиболее важные, на наш взгляд, положения, ЛЗС состоит из двух

уровней — микро- и макро, и на каждом имеет свои компоненты членения, образующие целостную структуру.

Макрокомпонентный уровень состоит из денотативно-сигнификативного и коннотативного компонента ЛЗС, микрокомпонентами каждого из которых являются семы.

Необходимо отметить, что коннотация имеет разный статус в прямых и вторичных типах ЛЗС. В первом случае коннотация имеет статус потенциальной семы, являясь микрокомпонентом ЛЗС. Во втором же случае коннотация является макрокомпонентом ЛЗС, поскольку расщепляется на коннотативные семы.

Таким образом, под коннотацией нами понимается микрокомпонент или макрокомпонент (в зависимости от типа ЛЗС) системного лексического значения слова, сопутствующий или соозначающий вместе с его денотативным значением и несущий в себе или выражающий эмоционально-оценочное отношение говорящего к действительности.

Вторым по важности вопросом в дискуссиях о коннотации, несомненно, является вопрос о ее структуре. В. Н. Телия, Н. Я. Лукьянова, В. И. Шаховский и другие признают составляющими элементами коннотации эмотивность, оценочность, экспрессивность и стилистическую маркированность.

В. Н. Телия считает вершиной первые три конституента, составляющих экспрессивный эффект [Телия, 1986]. Н. Я. Лукьянов поддерживает данную позицию [Лукьянова, 1986], а В. И. Шаховский признает ключевым конституентом эмотивность, которая в себя уже включает оценку. Необходимо отметить, что В. Н. Телия, ставя на вершину эмотивность, оценочность и экспрессивность, признает их автономность и соотносительность [Телия, 1996, с. 18]. А. В. Кунин и А. И. Кузнецова среди конституентов коннотации выделяют образность [Кунин, 1986], а Е. И. Шейгал — интенсивность [Шейгал, 1981].

Отметим, что, включая разные конституенты в структуру коннотации, лингвисты учитывают их дополнительность к денотативно-сигнификативному содержанию.

Вслед за В. Н. Телия мы также включаем в состав коннотации эмотивность, оценочность, образность и экспрессивность [Телия, 1986]. Понятно, что не во всех случаях все эти конститuentы одинаково участвуют в отражении коннотации, однако в самой структуре они являются облигаторными, проявляясь совместно, но с разной интенсивностью.

На уровне ЛЗС конститuentы коннотации проявляются в виде специализированных сем (например, сема «оценочность» и т. п.).

Далее рассмотрим каждый из коннотативных компонентов подробнее.

Эмотивность

В семантике под эмотивностью понимается психологический результат интеллектуальной интерпретации эмоциональности, иными словами, эмотивность — это потенциальная эмоциональность.

Стилистический подход определяет и цель лингвистических исследований эмотивности — описание изобразительно-выразительных возможностей языка и способов их реализации в разных условиях общения.

Однако в современной лингвистике более распространенным является взгляд на эмотивность как знаковую категорию, имеющую в структуре собственное эмотивное значение, которое непосредственно выражает эмоцию. Таким образом, в лингвистике происходит сдвиг вопроса о взаимоотношении эмоций и языка от стилистики в сторону семасиологии [Шмелев, 1973; Шаховский, 2008, 2009, 2015].

В своем исследовании мы разделяем точку зрения В. И. Шаховского о том, что семантика эмотивности реализуется в особых семах (эмосемах), служащих для демонстрации эмоционального отношения адресанта к тому, о чем он говорит: *лиса* (о хитром человеке), *орел* (о красивом, гордом человеке), *шакал* (о плохом человеке).

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что эмотивность как конститuent коннотации служит для реализации эмоций говорящего и является выражением эмоционального отношения адресанта к предмету речи.

Оценочность

Поскольку эмотивность служит для выражения как положительной, так и отрицательной эмоции адресанта, в языковых наименованиях она неразрывно связана с компонентом оценочности. Эта позиция основывается на аксиоме психологической и лингвистической науки: любая эмоция несет в себе оценку.

Сама аксиома основывается на следующей дефиниции: эмоция — это психологическое состояние, которое выражает «оценочно — личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и к своим проявлениям в них» (определение из области психологии) [Леонтьев, 1999, с. 37]. Оценочность по отношению к эмотивности является первичной, поскольку имеет социальный характер.

Универсальным, на наш взгляд, является определение оценки как суждения о ценностях, в то время как последние выражают значимость объектов действительности для индивида и общества в целом, обусловленную не объективными свойствами объектов, а их значением для индивида или группы. Из данного определения следует, что ценность также социально обусловлена.

В семантике оценка также реализует ценностный аспект значения (положительный или отрицательный), который интерпретируется следующими взаимоотношениями субъекта и объекта оценки: «А считает, что Б хороший/плохой» [Вольф, 1985]. Необходимо отметить, что оценка адресанта не всегда рациональна. Объективная, она может быть и эмоциональной [Стернин, 1979; Телия, 1996].

Принципиальное различие между рациональной и эмоциональной оценкой объекта речи состоит в том, что первая — компонент предметно-логического плана значения, вторая же является дополнительным содержанием лексем и входит в коннотацию (имеется в виду эмотивность) [Телия, 1986]. Структура как эмоциональной, так и рациональной оценки включает в себя систему обязательных составляющих, среди которых субъект и объект оценки, сама оценка и шкала оценок, включающая определенные оценочные стереотипы

[Ивин, 1970; Вольф, 1985]. Под стереотипами в данном случае понимаются стандартизированные образы-ассоциации, типичным образом характеризующие носителей каких-либо качеств, реализующихся в языковой картине мира.

Нами уже отмечалось, что коннотация — это результат эмоционально-оценочного восприятия окружающей действительности, эмотивность и оценочность — ее облигаторные (обязательные) компоненты. Нам представляется, что эмотивность и оценочность — это неразрывные, единые в плане выражения эмоционально – оценочного отношения субъекта к объекту речи компоненты.

Неразрывное единство эмотивности и оценочности подтверждается особой организацией словарных дефиниций, в которых отражены только эмотивные пометы, в то время как качество оценки только подразумевается (*одобр.*, *презр.*, *пренебр.*, *унич.*, *ирон.* и пр.).

Исследователи оценочности утверждают, что положительная оценка передается посредством положительной эмоции, а отрицательная — наоборот. Например, об этом говорит Н. А. Лукьянова, когда рассуждает о поглощении оценкой эмоции [Лукьянова, 1986, с. 17].

Большая часть зооморфизмов обладает яркой отрицательной оценкой. К примеру, в слове *осел* реализуется признак «бестолковый»; *лиса* — «хитрый»; *змея* «коварный»; *индюк* — «заносчивый»; *баран* — «упрямый»; *петух* — «драчун»; *медведь* — «неуклюжий»; *заяц* — «трусливый»; *павлин* — «надменный, важный» и т. п.

Зооморфизмов с положительной оценкой крайне мало, к ним относятся: *орел* («красивый мужчина», *лебедь* («красивая женщина»), *лев* («сильный, храбрый»), *олень* («благородный», но в некоторых случаях может быть и отрицательно окрашенным: *олень* «глупый, бестолковый») и др.

Многими исследователями подтверждается явное преобладание лексем с отрицательной оценкой над лексемами с положительной [Лукьянова, 1986, с. 121; Графова, 1991, с. 67; Телия, 1998, с. 61]. Такое соотношение связано, в

первую очередь, с тем, что человеческое сознание (а вместе с тем и язык — как его отражение) дифференцирует негативный опыт более тщательно, чем позитивный, поскольку последний зачастую воспринимается сознанием как норма [Вольф, 1985].

Зооморфизмы с отрицательной оценкой не только количеством превосходят зооморфизмы с положительной оценкой, но и семантически более разнообразны.

В них проявляется оценка разнообразных человеческих пороков (*жадность, глупость, трусость, злость*), поведения человека в определенной ситуации (*хвастливость, лживость*), низкого социального положения объекта оценки, а также его психофизиологического состояния, не являющегося отрицательным в традиционном сознании, но становящегося таковым в случае проявления в избыточном количестве.

Приведем примеры семантического разнообразия зооморфизмов с отрицательной оценкой: сему «некрасивый» реализуют зооморфизмы *мартышка, обезьяна*; сему «чрезмерно высокого роста» — *жираф*; сему «чрезмерно крупный» — *бык, кабан, медведь*; сему «толстый» — *бегемот, боров, свинья, слон*; сему «робкий/боязливый, безответный» — *овца, теленок, ягненок*; сему «глупый» — *осел* и т. д.

Эмотивность и оценочность в своей целостности образуют эмотивно-оценочный конститuent, являющийся обязательным в составе коннотации.

Экспрессивность

Категория экспрессивности рассматривается с двух диаметральных позиций, с этим связаны сложности в определении ее границ внутри коннотации. В широком понимании экспрессивность понимается как увеличение воздействующей силы сказанного; в узком же смысле она представляет собой некий компонент ЛЗС, характеризующий степень проявления разнообразных признаков объекта речи.

В общепринятом определении экспрессивность рассматривается как особое выделение, нетипичная яркость ЛЗС по сравнению с нейтральным

наименованием, которое предназначено для лучшего доведения информации до адресата.

В нашей работе мы будем рассматривать экспрессивность как один из компонентов коннотации слова, поскольку она тесным образом связана как с оценкой, так и с выражением эмоций вообще. Как видим, в коннотативном макрокомпоненте экспрессивность неразрывно связана с двумя другими рассмотренными ранее компонентами.

Причем данная связь проявляется в том, что экспрессивность реализуется благодаря взаимодействию экспрессивности и оценочности, поскольку последние, являясь семантическими компонентами коннотации, как раз создают эффект экспрессивности. Можно резюмировать, что экспрессивность следует рассматривать как завершающий коннотативный компонент.

Образность

Для коннотативного макрокомпонента необходима ассоциация [Телия, 1996, с.107]. Ассоциация может быть образной или звуковой. Например, когда человек слышит слово «шакал», он представляет в голове трусливое животное, которое питается падалью. Такое поведение вызывает презрение и брезгливость. Соответственно, формируется эмоциональная оценка.

Эта оценка основывается на восприятии ассоциаций и образов, которые являются мотивами оценочного отношения субъекта речи.

Ассоциативно-образный мотив или восприятие является причиной возникновения особого элемента значения слова — его внутренней форме (ВФ). Включая в систему конститuentов макрокомпонента ЛЗС эмотивность, оценочность и экспрессивность, исследователи определяют ВФ через ассоциативно-образное основание для коннотации, поскольку «в экспрессивно окрашенном значении обязательно есть мотивирующий признак, который в большинстве случаев совпадает с внутренней формой наименования» [Телия, 1986, с. 68].

Как следует из определения, данного выше, образность является той составляющей, которая не входит в определение значения слова, но целиком соотносится с его семантикой в качестве ее узуальной или окказиональной ВФ.

Необходимо отметить, что понятие ВФ следует рассматривать гораздо шире и объемнее, нежели образность: ВФ есть в каждой лексической единице языка, исключение составляют лишь немотивированные лексемы. Образность же характерна для таких экспрессивно окрашенных слов, которые обладают достаточно прозрачной ВФ, иными словами, благодаря ВФ, лексические единицы становятся образными, то есть ВФ является своеобразной мотивирующей коннотацией, проявляясь в ней в виде конституента «образность».

Некоторые ученые считают, что своим существованием эмотивность обязана образности [Никифорова О. И., 1959; Чернышева И. И., 1977; Телия В. Н., 1986, 1996; Шаховский В. И., 1983; Блэк М., 1990; Ричарде А. А., 1990], что выражается в закрепленном в лингвистике тезисе: «не образность и эмотивность, а образность и поэтому эмотивность» [Кожина, 1966, с. 81]. То есть именно образность, являясь мотивом для возникновения эмотивности и оценочности, способствует появлению коннотаций.

Мы можем сделать вывод, что зооморфизмы выполняют две функции языка: экспрессивную и оценочную. Например, *глупый человек* именуется *ослом*, *неуклюжий* — *козлом*, а *грязный* — *свиньей*. Оценочная функция, в свою очередь, выражает положительную или отрицательную оценку.

Зооморфизмы дают нам ответ на вопрос: почему мы называем человека ослом, какие характеристики заключаются в этой метафоре и ассоциативной связи. Также стоит заметить, что номинация животных зачастую носит отрицательный характер в русском языке. Например, «*злой как собака*», «*собачья жизнь*», «*умереть как собака*» и так далее.

1.3. Зооморфизмы и эмотивный код

Лексико-семантический пласт зооморфизмов выступает в речи с различной эмоционально-экспрессивной окраской, отражая культурно-национальные черты, становясь украшением и демонстрируя богатство языка. Эмотивная сема в структуре ЛЗС имеет значение для успешной коммуникации, подтверждением этому служит ее отражение в словарных дефинициях. Эмотивы-номинативы в большом объеме присутствуют, например, в спортивном блоге в виде таких частей речи, как имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие. [Блох, Резникова 2006, с. 14-19].

По определению В. И. Шаховского, эмотивный код языка — «семиотическая система корреляций между психическими состояниями (эмоциями) коммуникантов и их концептуализацией (схематизацией, вербальными упаковками, то есть оязыковление) [Шаховский, 2003, с. 171].

В. И. Шаховский разделил лексические эмотивы в языке на три группы: 1) лексика, обозначающая эмоции; 2) лексика, выражающая эмоции; 3) лексика, описывающая эмоции [Шаховский, 2008]. Под эмотивами-номинативами понимается лексический корпус, включающий в себя те лексемы, в структуре предметно-логического значения которых определяется эмоциональный компонент. Несмотря на языковой парадокс, с точки зрения лингвистики, лексика эмоций эмотивной не является, она принадлежит логико-предметному плану выражения. Это определяется еще и тем, что эмоция обозначает не чувство, а представление о чувстве у субъекта речи, в то время как значение эмотива-номинатива демонстрирует эмоциональное отношение субъекта речи к ее объекту.

Сегодня ученые, рассматривая проблемы взаимосвязи эмоций и языка, отражения эмоциональных состояний человека посредством языковых средств, разрабатывая лингвистическую концепцию эмоций, широко используют

достижения психологической науки в исследовании эмоций. В. И. Шаховский выделяет исследование эмоций в особую лингвистику эмоций — раздел науки о языке, который изучает проблемы «вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [Шаховский, 2009, с. 33].

Исследование эмоциональных особенностей может начинаться от значения слова и аффиксов, которые имеют эмоциональную окраску, до детального описания категориальных эмоциональных ситуаций. Для раскрытия отношения между эмотивностью и зооморфизмом, безусловно, надо уточнить несколько определений. В первую очередь поговорим о зооморфной метафоре.

На данный момент интерес к изучению метафоры стал значительно увеличиваться. Причиной этого явления послужили новые представления о сущности метафоры в когнитивной теории метафоры.

Метафора в когнитивном процессе играет важную роль для выражения аналоговых возможностей нашего разума. Метафору можно определить, как одну из основных когнитивных операций, способов категоризации, концептуализации, оценки, объяснения и познания картины мира, поэтому метафора помогает понять мир и осмыслить окружающую действительность, т. е. метафора отражает то, о чем думает человек и как он действует [Глотова, 2010, с. 13]. Метафора играет важную роль, благодаря ее способности представлять эмоциональную оценку в повседневной жизни.

Определение концепта, которым мы будем пользоваться, взято из Полного словаря лингвистических терминов Матвеевой: «Это факт образа жизни, общественного сознания, теории, выраженный в языковой форме» [Матвеева, 2010, с. 161].

Таким образом, эмоциональный концепт — ментальная единица, отражающая накопленный опыт народа в обобщенном виде представлений об эмоциональных переживаниях [Дмитриева, 2016, с. 108] (вербальными языковыми знаками и невербальными средствами). С точки зрения лингвистики,

весьма значимо выражение эмоций языковыми единицами и их отражение в устной и письменной речи.

Хотя без эмоций нет языка и, хотя язык беднее, чем собственно человеческая деятельность, но язык выражает эмоции, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, комментирует, изобретает средства для толкования эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры [Шаховский, 2009, с. 15].

П. Экман учитывал семь основных, универсальных эмоций: *радость/счастье, удивление/изумление, страх, отвращение/презрение, печаль, гнев/ярость и интерес/любопытство* [Ekman, Friesen, Ellsworth, 1972, с. 35].

В настоящее время мы можем иметь общее представление о том, как соединяются эмоции и зооморфизмы в одном языковом компоненте с помощью зооморфной метафоры. В основном коннотации, познание и эмоция идут в одном ряду: эмоция побуждает познание, и, наоборот, познание рождает эмоции, которые изучаются с помощью языка.

Зооморфная метафора рассматривается как результат метафорического переносного значения, при котором свойства животного присваиваются человеку, а поведение человека похоже на поведение животного. Метафора такого типа является наиболее продуктивной во фразеологической концептуализации положительных и отрицательных эмоций. О докучающем, донимающем глупом человеке говорят: «Он просто *осел*», в то же время зооморфизм «*собака*» используется и в других устойчивых выражениях: *он собака* — то есть может ‘злиться, кричать’; *грызться как собаки* — ‘драться, громко ругаться’ и т. д.

Зооморфизмы применяют для передачи характеристики человека, отношения к тому или иному явлению. Заметим, что переносное использование номинации животного не только означает, что данный человек имеет общие с каким-то животным черты и характер, но и рождает сразу эмоцию положительную или отрицательную по отношению к этому человеку, а также эмоцию у самого номинируемого человека. Соответственно, зооморфная

метафора является продуктивным средством вербального представления концептов положительных и отрицательных эмоций. Зооморфная метафора позволяет выявить определенные умственные и эмоциональные особенности в языковых картинах мира русской и арабской культур.

Нами уже подчеркивалось явное преобладание зооморфизмов с отрицательной оценкой над зооморфизмами с положительной оценкой. Часто такие зооморфизмы связаны с представлениями о человеческой норме, например, *медведь (о здоровом мужчине), змея (о коварной женщине)*. Нередко среди зооморфизмов можно встретить противопоставительную конструкцию «*не человек, а зверь*» (о крайне жестоком, свирепом, лютом человеке).

Отклонения от общепринятой в определенной культуре нормы встречаются в таких сравнениях как «*упрямый, как баран*», «*грязный, как свинья*», «*трусливый, как заяц*», а также в устойчивых словосочетаниях (*стреляный воробей, церковная мышь, волк в овечьей шкуре* и др.) [Сулименко, 2019, с. 63].

Для формирования семантической составляющей зооморфизмов, по мнению Н. В. Солнцевой, значимыми являются такие антропоцентрические аспекты, как внешность, моральные качества личности, его характер, интеллектуальные способности и социальные роли, в рамках которых выделяются подгруппы: профессия/род деятельности, принадлежность к нации и культуре и пр. [Солнцева, 2004, с. 65-66, 68-69, 98].

С. В. Свионтковская в своих работах выделяет схожие антропоцентрические аспекты: качества интеллекта, характера, психофизиологические характеристики, а также моральный облик и социальные качества предмета речи [Свионтковская, 2000, с. 36].

Е. Е. Юрков при описании объектов действительности из области «мир природы» выделяет такие антропоцентрические аспекты, как физические, консистенциальные, функциональные, реализационные, реляционные и субъективно-психологические свойства [Юрков, 2012, с. 152-153].

А. С. Маслов, пристальному исследованию которого подверглись зоометафоры-инвективы, выделяет три главных фактора для сравнения «животное/человек»: внешность, повадки и особенности коммуникации с другими животными [Маслов, 2014, с. 33].

Итак, динамика культурно-обусловленных компонентов значений представлена не только в значительном расширении и детализации тех значений, которые зафиксированы в ЛЕ языка. Функции зоонимов представлены тремя группами: характеризующими, инвективными и междометными. Эмотивный код зооморфизмов особенно заметен при использовании зоонимов в определенных синтаксических конструкциях (сравнительных, разделительных и противопоставленных), что выявляет тенденцию традиционного и нетрадиционного сопоставления предмета (посредством зооморфизмов не только с человеком, но и с другими реалиями культурной жизни этноса.

1.3.1. Эмотивные компоненты значения зооморфизмов

В современном русском языке зооморфные архетипы активно принимают участие в составлении матрицы семантической деривации. На основе зооморфного архетипа возникают новые речевые и узуальные номинации [Тропина, 2014, с. 194].

По нашему мнению, можно говорить о соотношении между эмотивными компонентами и зооморфизмами следующим образом.

а) Номинация зооморфных образов всегда сопровождается экспрессивностью и оценкой, что приводит нас к представлению о тесной связи между зооморфизмами и эмоциями, поскольку эмоции — это форма отражения и восприятия действительности и всегда сопровождаются оценкой [Клычков 1961, с. 63-71] через сознание. Словарные языковые единицы, являющиеся

высокоэмоциональными фразеологизмами, обычно не подпадают под словарное определение, но вместо этого представлено их ментальное содержание.

б) Другая связка между эмоциями и зооморфизмами заключается в возможности деления эмоций по оценке на две категории — положительные и отрицательные. Эти две категории являются также категориями экспрессивно-оценочной окраски при использовании зооморфизмов, например, во всех языках или у любого народа не можем представлять образ «свиньи» как образ положительной оценки или образ «лошади» как образ отрицательной оценки. Такое деление отрицательной и положительной оценки может подтверждаться сознательным и наивным представлением человека в действительности, так, например, мы ни в коем случае не можем понимать ласкательное выражение «*ах, моя свиненька*».

в) Эмоциональный компонент играет основополагающую роль в параметрическом анализе семантической структуры языковых единиц, в частности зооморфизмов. Общий эмоциональный компонент значения фразеологических единиц с компонентами зооморфизмов собирает в себе всю информацию, которая связана с чувством — отношением субъекта к означаемому [Зайниева, 2015]. Каждая языковая единица в процессе общения в своем общем содержании отражает состояние эмоционального общения, определяет форму его выражения и критерии его употребления. И так оценка оперирует в контексте мнения по шкале «хорошо-плохо» [Хомякова, 2008, с. 13].

В эмотиологии особое внимание уделяется исследованию эмоциональных языковых средств выражения, поскольку именно в них отражается оценочное отношение говорящего к предмету речи через эмоции. С этим связано и внимание исследователей к зооморфной лексике, поскольку последняя является активным способом пополнения лексического запаса любого языка.

Обладая прямым значением, зооморфизмы заключают в себе еще и символическое значение, которое позволяет субъекту речи доносить эмоциональную оценку. Увеличенное использование зооморфизмов, которое

можно проследить через различные контексты их использования, раскрывают красоту языков.

В русской языковой картине мира большую часть зооморфизмов составляют домашние животные, в подавляющем большинстве несущие отрицательную оценку. Несомненной положительной оценкой наделен только *бык*: о здоровом человеке говорят «здоров, как бык» [Хефни, 2020, с. 91]. Поскольку большую часть зооморфизмов составляют лексемы с отрицательным коннотатом, им уделим в нашем исследовании наиболее пристальное внимание.

Эмоционально-чувственные формы зооморфизмов диктуются их лингвокультурологической интерпретацией, демонстрируя отношение адресанта к окружающей действительности и придавая определенное внутреннее состояние коммуникантам.

Итак, эмотивные зооморфизмы — это особый корпус языковых средств, выполняющих, в первую очередь, эмоциональную функцию (выделяемую В. И. Шаховским) и обладающие способностью демонстрации эмоционального отношения к предмету речи.

Мы считаем, что проявление эмоциональной составляющей жизнедеятельности в зооморфизмах способствует более точной и глубокой интерпретации того, какие представления о мире существуют в разных культурах.

Таким образом, зооморфные метафоры обогащают язык, неся в себе данные об истории, традициях и способах мышления народа. Лексико-семантический корпус эмотивных зооморфизмов русского языка достаточно обширен, в нем представлены лексические единицы разной степени выраженности положительных и отрицательных оценок и широкой палитрой чувств.

Итак, функция эмоциональных форм в речи состоит в том, чтобы выразить эмоциональное восприятие и отношение субъекта речи к определенному факту объективной действительности.

1.4. Лингвокультура как основа формирования переносных значений лексических единиц

Несмотря на то, что до лингвокультурологии аспекты взаимодействия языка и культуры в той или иной степени были предметом изучения ряда дисциплин, таких как этнопсихолингвистика, этнолингвистика и социолингвистика, научный подход к анализу взаимодействия языка и культуры характерен именно для лингвокультурологии [Юрков, 2012].

Благодаря кажущейся самоочевидности внутренней формы: лингво (язык) + культура, вероятно, понятие трактуется как «культура, получившая выражение в языке». Неудивительно то, что данное слово имеет чрезвычайно широкую трактовку: в разных источниках в содержание лингвокультуры включаются образы, прецедентные тексты и имена [Юзефович; 2011, 2013], ценности [Латышев, 2013], традиции [Супрун, 2013], арсенал языковых средств и символов [Пожидаева, 2012].

В. В. Красных тщательно рассматривает лингвокультуру с разных сторон. Опираясь на работы других ученых, в частности, труды Э. Сепира и А. А. Леонтьева о том, что есть культура и язык [Красных, 2013, с. 47-50], Красных пишет, что культура воплощается в языке и именно это называется лингвокультурой [Красных, 2012, с. 71-72].

Разумеется, в языке невозможно отобразить все, но то, что закреплено в языке, является частью опыта человека. По этой причине язык занимает важное место в деле понимания культуры любого народа. Благодаря языку, мы можем узнать об истории, традициях и верованиях предков и передать знания будущим поколениям [Телия 1996, с. 228]. В. В. Красных даже сужает понятие культуры, рассматривая ее как пространство общей памяти, как систему представлений [Красных, 2010, с. 69], т. е. рассматривает с точки зрения семиотического аспекта.

По способу различения литературного языка и диалектов, уточнения в них просторечия, а в некоторых случаях и арго, А. Толстой во всякой этнокультуре выделял четыре типа культуры: а) культура образованного слоя — «книжная», или элитарная; б) народная культура, крестьянская культура; в) опосредующая культура, подходящая к обыденной речи, которую обычно называют «культурой для людей», или «третьей культурой»; г) традиционно-профессиональная субкультура (пастухи, пчеловоды, гончары и торгово-ремесленная культура) [Толстой, 1998, с. 235].

По мнению В. Н. Телии, лингвокультурология имеет в виду изучение языка в синхронии, то есть процессы, которые происходят в языке в данный период времени. И здесь большую роль играет комплексное рассмотрение языка в связи с национальными представлениями, менталитетом народа, что является разными категориями [Телия, 1999, с. 35].

По нашему мнению, по языку и культуре составляется языковая картина мира. В. И. Постовалова определяет картину мира следующим образом: «специфика человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире» [Постовалова, 1988, с. 11]. К определению В. И. Постоваловой можно добавить «...и все это отражается в языке», и получится определение языковой картины мира, поскольку с помощью языка и запечатляется в человеческом сознании вся информация [Гончарова, 2003, с. 399]. Но при том, что весь национальный опыт, поведение фиксируется в языковой картине мира (как в сознании и поведении представителей русского и арабского языков находит отражение образ того или иного зоонима), человек познает мир через формы родного языка, что обуславливает его мышление и поведение (как представители русского и арабского языков воспринимают тот или иной зооним).

Итак, мы соглашаемся с мнением Т. Ломтева, что каждое слово в человеческом языке происходит из окружающей человека реальности, из того, что он слышит и видит, соответственно, и использует слова человек согласно тому, как он понимает этот мир [Ломтев, 1979, с. 19].

1.4.1. Подсистемы лингвокультуры

В рамках изучения лингвокультуры В. В. Красных выделяет ее словарь и грамматику и выдвигает ряд гипотез. Согласно ученому, эта область знаний состоит из четырех подсистем: *когнитивной, метафорической, эталонной и символической* [Красных, 2005, 2010, 2012, 2013].

а) Когнитивная подсистема

В качестве единиц этой категории ученый понимает ментефакты, то есть единицы содержания познания. Они могут рассматриваться как индивидуальные, так и коллективные когнитивные пространства, а также здесь привлекается национально-культурная когнитивная база и культурное пространство [Красных, 2012, с. 4]. Исходя из классификации, при изучении ментефактов в рамках лингвокультуры мы имеем в виду общественные ментефакты, на основе которых формируются национально-культурные компоненты. Можно разделить единицы содержания сознания человека (ментефакты) на четыре класса в логическом порядке: *Знания, Понятия, Концепты и Представления* [Красных, 2012, с. 4]. Знания в качестве структурированных и иерархизированных информационных единиц того или иного коллектива превращаются со временем в представления, подвергаются внутренней оценке. По словам М. Элиаде, знания, хранимые в одном племени и принимаемые за действительность, могли считаться неправдой для другого племени [Элиаде, 2000, с. 17]. В этой связи разделяем два типа знаний: а) естественные знания сами по себе не связаны с оценками, отношениями, эмоциями (например, суммы $4 + 4 = 8$, а $6 + 6 = 12$). б) знания ошибочные, которые теряют статус собственно знаний и переходят в иной класс ментефактов - в класс представления, и это, кстати, очень точно фиксирует наш язык [Красных, 2012, с. 5]. Понятия есть результат рационально-логического осмысления действительности. Понятия как ментефакты не обуславливаются культурой и не зависят от нее [Красных, 2012, с. 9]. Приведем пример для

разъяснения понятия как класса когнитивной подсистемы лингвокультуры, взятый из рассуждений Дж. Лакоффа: «У нас нет абстрактных ментальных образов предметов мебели, которые бы не были образами объектов базового уровня, таких, как стул, стол, кровать и т. д. Попробуйте представить предмет мебели, который бы выглядел не как стул, стол, кровать и т. д., но как нечто более абстрактное» [Лакофф, 2004, с. 73-74]. То же самое с другими предметами и существами. Мы представляем кошку или собаку не «вообще», а очень конкретно: определенного размера, цвета и т. д. Таким образом, понятие является результатом осмысления, оценки, сознания, основанного на рационально-логическом разъяснении. Эти осмысление, оценка и сознание формируют жизненный опыт на уровне индивидуального и коллективного компонентов. По мнению В. В. Красных, концепт имеет рациональное и эмоциональное, так как это результат рационально-эмоционального восприятия действительности в условиях определенной культуры [Красных, 2012, с. 10]. С лингвокогнитивной же точки зрения, это «парадигматическая структура, выводимая из синтагматических отношений имени, фиксированных в тексте» [Чернейко, Долинский, 1996, с. 39]. Ср.: «Языковое сознание раскрывает те представления о времени, судьбе, совести, власти, свободе, мысли и подобном, которые сложились в культуре и отражены в языке в первую очередь через несвободную сочетаемость имен время, судьба, совесть, власть, свобода, мысль. Частеречная принадлежность этих слов... свидетельствует, что явления, стоящие за ними, имеют характер субстанции, т. е. того, что существует в себе и благодаря себе как носитель свойства, признака, состояния, действия» [Чернейко, 1997, с. 285]. Таким образом, концепты имеют те же характеристики, что и понятия, они являются результатом осмысления сознания, основанного на рационально-логическом разъяснении, но имеют также эмоциональную окраску. Мы указали, что концепты приносят эмоциональный компонент, а представления — итог субъективного восприятия феномена, конкретным видом которого служат представления [Красных, 2012, с. 18].

б) Метафорическая подсистема

В основе метафоры соединяются три пространства: когнитивное, культурное и лингвистическое [Привалова 2005, с. 46]. Метафора отражает национально-культурное мировоззрение в языке, что позволяет ему быть одной из главных подсистем лингвокультурологии, «определяющих многие особенности национально-языковой картины мира, национального (и наверно, также индивидуального) языкового сознания» [Юрков 2012, с. 4].

При изучении метафоры можно столкнуться с проблемой согласованности метафоры с национальными ценностями народов. Иными словами, метафоричность языка напрямую связана с национальными и культурными особенностями, традициями, обычаями народа. По мнению Дж. Лакоффа, культурные ценности не изолированы друг от друга, а должны сформировать согласованный смысл с метафорами [Лакофф, 1990, с. 405].

Итак, метафора — это средство и способ концептуализации мира, оценки предмета и явления. С помощью метафор человек не только выражает свое мировоззрение, но передает коммуникантам свою языковую картину мира [Чудинов, 2006, с. 11].

В ходе нашего исследования мы обращаем особое внимание на зооморфную метафору. В результате давних отношений между человеком и животными появилось много зооморфных метафор, никто не отрицает, что *лев* — символ силы, *ворон* — символ мудрости и т. п. Люди в повседневной жизни широко употребляют зооморфные метафоры.

Приведем примеры русских зооморфных метафор, построенных по принципу сходства внешности, состояния или действий: *курица* — глупая девушка, которая много болтает; *лебедь* — изящная девушка.

Зооморфные метафоры, описывающие человека, любопытно изучать, поскольку они хранят в себе народные представления об окружающем мире, которые включают в себя отрицательную и положительную оценку, сведения о культурных ценностях.

в) Символьная подсистема

Символическая система — это достаточно широкое образование. Любая общественная среда, нормативная часть системы является частью символической системы, потому что это дает нам информацию об определенной культуре. Поэтому, когда мы говорим о том, что знаки символических систем представляют собой языковое информационное поле, то мы как раз включаем все символные подсистемы [Красных, 2008]. Итак, ключевыми понятиями данной подсистемы являются, во-первых, язык, а во-вторых, символ.

Образы предметов или их признаки, воспринимаемые и осмысляемые человеком, есть символы, или единицы символного базового уровня культуры — лингвокультуры [Красных, 2008]. Функцией символа является формальное (т. е. по форме) замещение без серьезного смыслового сдвига. Например, глаз — это слово, состоящее из четырех букв или фонем, означающее предмет, при помощи которого мы пытаемся передать информацию. Но этот символ может иметь различные трактовки. То есть это может быть и орган зрения.

г) Эталонная подсистема

В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [1992 г.] эталон — это точный образец установленной единицы измерения, самая точная мера [Ожегов, 1994, с. 913]. То же самое определение указано в Большом толковом словаре русского языка [Кузнецов, 2003, с.1526]: эталон (фр. *etalon*) — это образец меры, служащий для проверки измерительных приспособлений, находящихся в обращении, и в переносном значении это шаблон, готовая мерка для чего-либо. В соответствии с ним происходит оценка других феноменов, они, точнее, эталонные ниши (эталон красоты, ума и пр.), образуют эталонную подсистему [Красных, 2008]. Культурная коннотация представляет собой следствие интерпретации образного основания метафоры, то есть понятие коннотация, внесенное в лингвокультурологию В. Н. Телией, стало основным средством отражения отношений к эталонам, стереотипам, ценностям народов,

поэтому у разных народов разные эталоны человеческих качеств, таких как сила, удаль, красота, здоровье и пр.

Изучая эту подсистему, можно сделать выводы о том, что является особо ценным для той или иной культуры, какие категории определяются в ней положительными, а какие отрицательными, что называется «хорошим», а что «плохим», по каким критериям оценивается окружающий мир, что игнорируется, а чему уделяется особое внимание. Вся эта информация способна дать более глубокое представление о культурном коде любого народа [Красных, 2008].

О близком отношении между человеком и животным напоминает В. М. Мокиенко, по его мнению, в результате животные стали «эталонном большинства человеческих качеств, как физических, так и нравственных» [Мокиенко, 2007, с. 92], вследствие чего зооморфные образы обладают во всех языках высоким коннотативным запасом, и в их лексической семантике заключается культурная семантика, которая обычно становится основой семантики ФЕ.

Несмотря на то, что зоонимы являются универсальным средством метафоризации, в них ярко отражена национальная картина мира, поэтому круг животных, закрепленных во фразеологических единицах, а также признаки, которыми они характеризуются, в разных культурах существенно различаются. Эти различия кроются в культурных коннотациях, которые выступают как связующее звено между значением единиц человеческого языка и пространством культуры — сформированными в ней стереотипными представлениями, понятиями, символами и эталонами [Ковшова, 2013].

В этой связи стоит отметить, что эмотивный эталон — это точный образец установленной единицы измерения какой-либо эмоции, как положительной, так и отрицательной, наиболее точная мера в рамках экспрессивной части языка с компонентом-зоонимом.

Таким образом, можно сказать, что лингвокультурная специфика основана на эталонах, ассоциациях, стереотипах национально-культурной общности, что

позволяет метафоре быть значимым средством трансляции культур от поколения к поколению.

Итак, в каждой культуре мы можем найти символы. Например, у студента символ — зачетка, это символ его принадлежности к студенчеству. Эти знаки, символы, они формируют знаковую символическую систему, которая позволяет нам формировать информационное поле нашего с вами взаимодействия.

Выводы к первой главе

Язык представляет собой живое отражение культуры и менталитета нации, включает в себе национально-культурный код человеческой общности. Отношение между языком и культурой наиболее наглядно представлено на лексическом уровне, в частности, на уровне культурно-национальной маркированности лексических единиц. Люди разных культур воспринимают, чувствуют мир по-своему, создавая собственное представление и мировоззрение.

Сегодня язык часто рассматривают не только как средство общечеловеческой коммуникации, но и как национально-специфический эталон. Любая языковая личность имеет набор представлений об окружающем мире. Эти знания присущи носителям всех языков, но все они различны. Для того, чтобы понять представителя той или иной культуры, необходимо узнать, в чем заключаются особенности его мировоззрения, и сделать это можно в том числе через язык. Язык отражает историю, традиции, менталитет народа, поэтому в значении каждого слова есть национально-культурный компонент. Причем само понятие «национально-культурный» предполагает, на наш взгляд, сопоставление с семантической системой другого языка.

Различные лингвистические единицы воплощают в себе историю разных слоев населения, которые отличаются бытом, представлениями, образом

мышления. В рамках выражения особенностей окружающей среды и накопительной языковой картины мира в языках появился очень специфический пласт лексических единиц — зооморфизмы.

Зооморфизмы образуются тогда, когда в устойчивые сочетания включаются метафорические единицы и коннотативные семы. Они используются во фразеологических единицах, словосочетаниях, выражениях, пословицах и поговорках. Зооморфные метафоры связаны с культурным кодом народа, отражают менталитет и специфические национальные особенности, помогая интерпретировать ту или иную языковую картину мира.

Зооморфные единицы могут отражать различные характеристики, например, физическое состояние (*здоров как бык, ходит медленно как корова, как курица лапой писать* и др.), внешний облик (*толстый как корова, с грязный как свинья* и др.), психические свойства (*ласковая как кошка, упрямый как осел, как слон в посудной лавке* и др.), интеллектуальные способности (*глуп как осел, он трудно понимает, как баран* и др.) и умения и навыки человека (*она как драная кошка, хитрый как волк, как курица лапой писать* и др.).

В современной лингвистике большое количество работ посвящено коннотативному компоненту ЛЗС, однако отсутствует общепринятое понимание статуса коннотации, нет единства в понимании структуры коннотации, в вопросе о реализации функций ее конститuentов.

В русском языке зооморфные единицы выражают положительные эмоции (умиление, любовь и пр.), но в большинстве их применяют для негативной оценки (страх, злость и т. д.).

Исходя из классификации при изучении ментефактов в рамках лингвокультуры мы имеем в виду общественные ментефакты, на основе которых формируются национально-культурный компонент. Можно разделить единицы содержания сознания человека (ментефакты) на четыре класса в логическом порядке: *Знания, Понятия, Концепты и Представления*.

Исследование эмотивных зооморфизмов показывают, что в них заключены национальные представления и через них можно проследить мысли и чувства говорящего. Поскольку национальные представления различаются, при использовании зооморфизмов важно понимать особенности их употребления в разных языках.

Стоит отметить, что строгих границ между четырьмя подсистемами культуры нет и один и тот же феномен может выполнять разные функции. К примеру, грязь — это эталон огромного количества, символ ничтожности и образное основание фразеологизма «как грязи».

ГЛАВА 2. ЭМОТИВНЫЕ ЗООМОРФИЗМЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ФОНЕ АРАБСКОЙ)

2.1. Лингвокультурные характеристики зооморфизмов

Среди разных оснований классификации лексических единиц Г. Н. Складневской (1993) и О. Н. Лагуты (2003) можно отметить тематическое членение лексических единиц, выполняющих метафоризаторические функции по их денотативному отнесению. Метафоризаторы семантической сферы «природа» могут относиться к трем крупным лексико-семантическим блокам — лингвокультурным кодам: растительному, животному и «собственно природному», объединяющему номинации «неживой природы». Этот лингвокультурологический интерес отражается в последнее время в лингвистике, особое внимание обращается на биоморфную тематику и ее отражение в языке. Отражение такой темы в языке разделено на два типа: фитоморфная (для растительных образов) и зооморфная (для образов животных) [Езаова, 2017, с. 98]. Главным подходом к изучению таких образов, особенно образов животных, является изучение социальных отношений в языке, то есть сквозь язык отражены антропоцентризм традиционной картины мира, что позволяет сформировать растительный и зоонимический коды в рамках социальных отношений [там же].

Таким образом, образ животного — это не просто факт культуры, являющийся непосредственно узкоспециализированным материалом культурных исследований, а междисциплинарный феномен, отражающий проблемы социологии, истории и других наук, в то же время он подразумевает изучение животного как такового и понимание формы животного. А в лингвокультурологии образ животных можно изучать на уровне лексики, фразеологии, паремиологии [Гукетлова, 2009, с. 98].

Исследуя зооморфные образы в преданиях, пословицах и поговорках, фразеологических единицах, можно расширить научное понимание о взаимодействии человека и природы, особенностях человеческого мышления, национальных и духовных представлениях любого народа.

Символ животной культуры — очень характерный и интересный языковой пласт, раскрывающий особенности мировоззрения носителей разных языков и культур. В русском языке ФЕ, в которых есть компоненты-зоонимы, представляют собой большое множество. В них заключены образные и оценочные эталоны, которые интересны для изучения самобытности русской культуры.

Кроме того, любопытно сопоставить результаты исследования зооморфизмов разных языков, поскольку зооморфный код вербализуется в каждом языке по-разному. Думается, что сравнение с родственными и генетически далекими языками целесообразно для обнаружения уникальных этнокультурных стереотипов и образов, что даст возможность преодолеть как языковые барьеры, так и барьеры, связанные с менталитетом чужого народа.

2.2. Русская и арабская лингвокультуры: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявление эмоций

Человек может за свою жизнь выучить множество языков, но он продолжает думать постоянно, начиная с определенного языка, которым является язык материнства. В. Гумбольдт подчеркивал тесную связь, особенно диалектическую, между нацией и языком, ведь язык — это не просто нейтральное средство общения и выражения, это духовное пространство и материальное воплощение нации, а каждая нация обладает цивилизационными составляющими, поскольку он обладает лингвистическими компетенциями, способными адекватно реагировать на различные проблемы, стоящие перед маршем развития,

продвижения и роста [Гумбольдт, 1984, с. 94]. Интеллектуальное и семантическое богатство и богатство языка считается обогащением и обогащением для говорящих людей и развитием тех цивилизационных ценностей, которые они несут и защищают, ведь языковой строй оказывает глубокое влияние на стиль и образ мышления говорящего, всех тех, кто принимает его и выдвигает в качестве лозунга своей цивилизационной и культурной идентичности.

В этой связи напомним определение, введенное В. В. Красных, которое рассматривает код культуры как сетку, которую культура накидывает на окружающий мир, «категоризирует, оценивает его и структурирует его» [Красных, 2002, с. 232].

Стоит напомнить, что мы воспринимаем культуру другого человека через фильтр нашей культуры, что приводит к проблемам с пониманием другого. Итак, изучение культурно отмеченной лексики способствует взаимопониманию между представителями разных человеческих общностей.

2.2.1. Русская лингвокультура: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявление эмоций

Поскольку человек способен проанализировать разные явления и вычленил из них нечто объединяющее, «[...] любой язык адекватно обслуживает свою культуру, предоставляя в распоряжение говорящих средства для выражения культурно-значимых понятий и отношений» [Фрумкина, 2001, с. 87]. В. Красных считает, что именно культурные коды определяют эталоны для оценки окружающего мира [Красных, 2002, с. 232].

Особенности национально-культурной маркированности лексических единиц не всегда понимаются носителями языка. Однако эти особенности очевидны для представителей других культур и выявляется именно при

сравнении языков. В системе другого языка часто отсутствует эквивалентное понятие, поэтому поиск понятных соответствий культурно отмеченных единиц представляет большую трудность, так как их универсального алгоритма не существует [Яшина, 2009, с. 35].

Россия представляет собой специфический тип культуры, связанный с ее географическим положением; историческими перипетиями судьбы, взаимодействием с восточными и западными соседями. При этом русская культура не просто впитывала все эти элементы, но и синтезировала их в целостность [Плампер, 2010, с. 895].

Возвращаясь к нашему объекту исследования, отметим, что все животные давно были поделены на два типа: чистые, отражающие божества, составляющее мира и не чистые, относящиеся к порочной, греховной стороне жизни.

В образах животных в славянской культуре отражались зооморфные доминанты лингвокультуры. Люди видели в животных богов, с их изображениями изготавливали тотемы, которым поклонялись. Древние славяне верили, что род происходит от какого-либо животного, которого почитали. Некоторые звериные части считались священными или приносящими удачу (лапа, зуб). Части животных фигурировали даже в обрядах инициации, когда мальчикам необходимо было на охоте убить животное и съесть, например, его печень. Поедание животных считается ритуальным. Дело в том, что, забирая жизнь животного, человек пытается перенести качества этого животного на себя. Поэтому оно поедается, а части тела используются в качестве оберегов и талисманов [Петрова, 2014, с. 117].

Животные и связанные с ними представления и эмоциональные реакции входят в ценностную картину русского языкового сознания, чем объясняется многообразие языкового выражения эмоционально-оценочных смыслов в процессе общения. В русском языковом сознании эмоции хранят национальную память и представления о переживаниях. Концепты эмоций: радость, грусть, страх - как представляется, занимают особое место в составе исходных эмотивно-

оценочных смыслов, формируя основу психического склада личности. [Коростова 2016, с. 73].

Доминантная позиция животных в русской лингвокультуре подтверждена сказками и другими фольклорными жанрами Руси. Некоторые исследователи считают сказки о животных лишь развлекательным жанром, где сатира — «украшение чуждое и насильственное», а истинное их содержание допускает «множественность применения» [Аникин 1977, с. 22]. Однако на наш взгляд, суть этих сказок доказывает обратное. «Множественность применения» все же имеет определенный предел, исходя из жизненного опыта людей, которые создавали эти сказки и которые их передавали из уст в уста. Так, в сказках отражалось социальное неравенство и борьба простого народа. А качествами, которые приписывали разным животным, намекали на определенные слои населения (например, корыстолюбие и хитрость *лисы*).

Строго говоря, сказки о животных на самом деле о людях. «Во всякой сказке есть элементы действительности, — писал М. Горький по поводу, — если бы вы детям преподнесли сказку, где петух и кошка не разговаривают на человеческом языке, они не стали бы ею интересоваться» [Русское народное поэтическое творчество, 1953, с. 13]. Сказки поучают людей, высмеивают пороки, и их смысл ведет к непременно использованию элементов фантастики [Гура, 1997, с. 165].

Говоря о зооморфизмах как о доминантах русской лингвокультуры, перейдем к описанию главных животных в русской среде.

Волк связан с нечистой силой, и в этом проявляется та же амбивалентность волка, что и в легендах (создан чертом и на черта же набрасывается, хромым черт и хромым волк, нечистая сила пожирает волков) [Зеленин, 1914-1916, с. 427].

К наиболее характерным мотивам и атрибутам, связанным с *волком*, следует отнести кровь (волк происходит из крови Каина, заливает кровью черта ольху или осину, его мясо излечивает скотину от крови в моче, мотив крови присутствует в оберегах от волка в «волчьи дни» и т. д.), камень (в различных оберегах,

заговорах, табу) и огонь (огонь, головешка в оберегах, горящие огнем глаза волка) [Гура, 1997, с. 125].

Волк связан с пересечением временной (смена времен года), событийной (венчание) или территориальной (передача ткаческих орудий за границу села опасна нападением волка) границы [Гура, 1997, с. 127].

Медведь считался хозяином леса, священным животным. Л. Успенский предположил, что слово «мишка» родственно болгарскому «мечка» и литовскому «мешка», которое, в свою очередь, образовалось от «мишкас», что значит «лес» [Успенский, 1982, с. 102]. *Медведь* символизировал плодovitость, поэтому на свадьбах одного из гостей наряжали этим животным. По предположению В. В. Иванова и В. Н. Топорова, **медведь** — достаточно древний зооморфный символ жениха в народных поэтических текстах [Иванов, Топоров, 1970, с. 388]. Медвежьей символикой иногда наделяется и мать невесты или жениха, встречающая приехавших новобрачных в кожухе, вывернутом шерстью наружу, и изображающая медведя; в некоторых случаях она прямо называется *медведем*.

Кроме того, образ *медведя* часто встречается в колдовских обрядах. Например, чтобы муж перестал изменять жене, она должна помазать влагалище медвежьим салом [Мансуров, 1929, с. 16]. Считалось также, что колдуны могли принимать облик медведя, а если снять с медведя шкуру, он примет человеческий образ.

Интересно, что у восточных славян нечистая сила (черт, кикимора и т. п.) называет медведя «кошкой». Черт, изгнанный медведем из избы, спрашивает: «Жива ли еще большая кошка?» [Успенский, 1982, с. 102]. По поверью крестьян Владимирской губернии, лесного духа «боровика», имеющего медвежий облик, можно вызвать, если принести с собой в лес кошку и душить ее [Фирсов, Киселева, 1993, с. 125].

Медведь фигурирует и в народных приметах. Так, встретить медведя считалось хорошим знаком [Даль, 1999, с. 940].

Человеческое происхождение, здоровье, сила — все это связано с образом

медведя в любой славянской традиции. Наряду с этим наблюдается целый ряд региональных различий в медвежьей символике. Ярче и разнообразнее всего образ медведя представлен у восточных и южных славян. Брачная символика *медведя* наиболее характерна для восточных славян, а поверья об обращении участников свадьбы в медведей встречаются преимущественно у русских. [Гура, 1997, с. 165].

Кот и **ласка** в хозяйстве древних славян ловили мышей, принося пользу людям. Однако *кот*, хотя и считался хранителем сна и дружил с домовым, по поверьям, был связан с колдунами, грешниками и нечистой силой. *Ласка*, напротив, представлялась добрым животным. При этом она могла вести себя опасно, царапая, душа людей и других животных, за что некоторые считали ласку домовым [Гудкова, 2022].

Таким образом, мы заметили, что в зооморфные доминанты русской лингвокультуры входят отношения человека к окружающему миру животного, то есть человек не только оценивал тот или иной образ животного, но связывал его с проявлением эмоций.

Так, в русском языковом сознании образ волка вызывает эмоцию страха, потому что *волк* связан с нечистой силой, а образ *медведя* вызывает эмоцию счастья, потому что *медведь* символизировал плодовитость и удачу. Ощущение счастья также встречаем в образе *кота*, который русские предки рассматривали как уютное существо.

Оценивание эмоций — позитивное или негативное — происходит исходя из того, как человек относится к происходящему, исходя из его ценностей и потребностей. Зооморфизмы в этой связи представляют собой богатый лингвистический пласт для выражения положительного или негативного оценочного представления о ситуации, в которой человек может его испытывать.

2.2.2. Арабская лингвокультура: зооморфные доминанты социального взаимодействия и их влияние на проявлении эмоций

До обсуждения доминант в арабской культуре важно заметить, что арабская культура абстрактна. Действительно, идентичность арабов заключается в арабском языке. Однако языки абстрактны; все, что мы говорим и пишем, — всего лишь представления языка. Поэтому идентичность арабов абстрактна. Большинство арабов мусульмане, но есть и христиане. Следовательно, религия не определяет идентичность арабов. Кроме того, у арабов разный цвет кожи и происхождение. Поэтому цвет кожи и происхождение не определяют араба. Все это показывает, что единственным фактором, определяющим, кто является арабом, является фактически сам арабский язык, так что араб обретает свою идентичность как араб в силу того факта, что он или она говорит по-арабски в качестве родного языка.

Нельзя не заметить, что одна из главных особенностей исламской духовной традиции заключается в принципиальном единстве в ней религиозного и светского. Коран стал первым письменным памятником, написанным на общеарабском языке. Датируется он 7 веком нашей эры. Тот факт, что текст является священным, во многом способствовал сохранению языковых особенностей без значительных изменений вплоть до нашего времени.

Арабский язык активно участвовал в формировании арабо-исламской культуры. Например, арабский язык сыграл ключевую роль в ориентации арабской культуры на прошлое. Арабский язык сам по себе ориентирован на прошлое. И именно поэтому арабская культура стала ориентированной на прошлое. Арабы, очевидно, используют арабский язык для общения. Тем не менее, арабский язык ориентирован на прошлое. Поэтому естественно, что большинство арабов ориентированы на прошлое. Одним из примеров того, что арабский язык ориентирован на прошедшее время, является следующее: по-

арабски «lastu» означает «anā lā», но «lastu» спрягается в прошедшем времени точно так же, как «darastu», т. е. «'anā darastu», и «sāfartu», т. е. «я путешествовал». Хотя «lastu» выражает что-то о настоящем, оно спрягается в прошедшем времени. Многие другие глаголы в арабском языке функционируют как «lastu». Например, «mā ziltu» означает «'anā mā ziltu», но оно также спрягается в прошлом. Многие арабские глаголы спрягаются в прошедшем времени, хотя они относятся к настоящему.

С другой стороны, арабский язык является унаследованным набором информации, связанным с основными моделями арабского общения. Многие ученые, такие как Эдвард Т. Холл [Hall, 1976], обсуждали некоторые основные свойства арабских методов общения. Например, арабский коммуникативный паттерн высококонтекстный, имплицитный и дедуктивный. Арабский стиль общения является высококонтекстным в том смысле, что большинство арабов склонны предполагать, что другие знают исходную информацию. Следовательно, они обычно не уточняют справочную информацию, когда общаются. Стиль арабского общения также является имплицитным, а не эксплицитным в следующем важном смысле: большинство арабов склонны подразумевать то, что они намереваются передать вместо того, чтобы выразить свои мысли ясно и эксплицитно. В арабской культуре скрытые и подразумеваемые сообщения являются основными сообщениями, которые человек стремится передать.

В этой связи напомним, что арабское общение также является дедуктивным, а не индуктивным в том смысле, что большинство арабов и мусульман выражают общие утверждения вместо того, чтобы сообщать подробности в отношении обсуждаемой темы [Schmitz, 2003]. Например, араб может сказать: «*Туризм в Египте очень хороший*», но обычно не сообщает подробностей и, как правило, не приводит примеры в поддержку своего утверждения.

В настоящее время арабский язык играет важную роль в формировании арабских моделей общения. Поскольку почти каждое арабское слово содержит интересную унаследованную информацию, из этого получается, что если кто-то

использует арабский язык для общения с другими, то ему не нужно подробно и обстоятельно излагать информацию, которую он хочет передать. Таким образом, нет необходимости быть явным и детальным. Вот почему арабо-исламские модели общения являются высококонтекстными, имплицитными и дедуктивными, так что большинство арабов не передают максимальное количество явной информации при общении.

В связи с этим получается, что жители арабских стран — люди горячие и экспрессивные. Они бывают импульсивными, порывистыми и несдержанными в проявлении эмоций и чувств, но при этом не применяют физическую силу. В арабских странах очень развита жестикуляция, сильно отличающаяся от европейской по значению [Кухарева, 2005, с. 10]. У каждой национальности есть свой набор эмоций, которые представитель того или иного этноса испытывает в определенных ситуациях, поскольку «когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексам» [Шаховский, 2008, с. 22].

Речь арабофонов очень эмоциональна и метафорична, поэтому арабские исследователи большое внимание уделяют изучению эмотивной функции языка, которую связывают с талантом (ум, воображение, чувство, слух) и знаниями, присущими человеку. Так, Ахмад Матлюб, Абд ар-Рахман аль-Майдани акцентируют внимание на значимости эмотивности речи при воздействии на слушателя [Mansfield, 1978, с. 261, 256-269].

Стоит отметить, что при разговоре об эмотивной функции в арабском языке, нужно учитывать диглоссию. То есть здесь под арабским языком понимается и литературный арабский, и языки-койне, которые состоят из диалектов, наречий, говоров. И диалекты, и литературный язык представляют собой типологически различные языковые системы, дополняющие друг друга [Мишкурлов, 2004, с. 5-33]. И по мнению арабских филологов, при словесном выражении эмоций очень важно правильно использовать «высокие» и «низкие» слова в зависимости от

контекста [Мишкурлов, 2004, с. 524-525].

Исследованию зооморфизмов в арабской культуре и арабском языке уделяют особое внимание. Так, существуют книги, в которых рассказывается об одном виде животных, например, о *верблюдах, лошадях* и т. д.; книги о животной природе; книги по лечению болезней животных, которые входят в книги по ветеринарии; книги, которые относятся к чему-то, тесно связанному с животным, например, о седлах, уздечках и животной пище; лингвистические книги, посвященные изучению названий животных, их атрибутов, действий и цветов, а также происхождению этих имен и их использованию в литературе; книги о чудесах вселенной и существ; религиозные книги, в которых обсуждается, что разрешено в отношении животных, а что запрещено; книги о животных вообще и во всех их проявлениях [Hafiz, 2022].

Рассуждая о зооморфизмах как о доминантах арабской лингвокультуры, мы перейдем к описанию главных персонажей - арабских животных в арабском мире.

Верблюд занимает особое место в истории арабов, которая восходит к тысячелетней давности. *Верблюд* может жить в пустыне и приспосабливаться к ее суровой природе, включая сильную жару, нехватку воды и палящее солнце, поэтому он стал известен как «*корабль пустыни*», хотя *верблюд* может жить и в горных районах, где погода холодная. Верблюды использовались на протяжении веков в качестве транспортных средств. Царская семья в Древнем Египте использовала «*хаудаж*» для его перевозки, которую несли на плечах ее слуги и последователи. Арабская культура изобилует множеством литературы, связанной с *верблюдами*, в том числе книгами, рассказами и стихами. Это связано с тем, что верблюды были связаны с людьми Аравийского полуострова органической связью, которая обусловлена характером среды [Мишкурлов 2004, с. 5-33]. Среди арабов считается гордостью владеть *верблюдом*, так как для арабов это источник богатства, что подтверждено арабским выражением «*idhā hamalat thuqqilat, idhā mashat 'ub'idat, idhā nuḥirat 'ashba'at, idhā ḥulibat rawwat*» (букв. перевод: *(Верблюды)* способны нести тяжелые тяжести и преодолевать большие

расстояния, так что их мясо насыщает тех, кто его ест, а их молоко утоляет всякую жажду) [Şawilḥ, 2003, с. 120].

Лошади занимают высокое положение в арабской и международной культуре ввиду их большой роли в жизни человека в периоды мира и войны, и именно по этой причине для этих животных были созданы многочисленные образы в священных книгах, творчестве и истории, которые сделали его, на самом деле, незаменимым спутником в невзгодах и любимым другом в жизни. [Aljaffari, 2015]. По словам Ибн аль-Араби, *лошади* родственны людям, они стоят с нами на общих знаменателях там, где встречаются члены арабской общины, несмотря на их племенное разнообразие. Система жизни на Аравийском полуострове находится под эгидой пустынной среды, которая оказывает влияние на характер, мышление и поведение каждого. Следовательно, *лошадь* считается культурным феноменом, которое использовал араб: в своем путешествии, на войне, в своей поэме [Electronic Poetry Encyclopedia, 2003].

Бурное обличение и ненависть к **воронам** у большинства арабов выражается в нежелании их присутствия вблизи домов, ферм и всех мест, в которых они находятся, даже пустыни. Ненависть арабов к вороне: «*ṣurra ʿaleyhi rajlu ghurābin*» «бук. перевод. *Вороний* человек кричал» на него, то есть он устал от своих дел или жизни, «*tāra ghurābuḥu*» «бук. перевод. *Ворона* пролетела» — голова молодого человека, «*wajada tamrata l-ghurābi*» «бук. перевод. *он нашел вороний финик*», то есть нашел то, что ему понравилось. А на египетском диалекте «*yā farḥatu la tutimma, ʾakhadhahā l-ghurābu wa tāra*»: «бук. перевод. *О радость неполная, ворона взяла ее и улетела*». То есть то, что один человек приносит другому, не имеет никакого значения. Примечательно то, что все вышесказанное о затаенной ненависти арабов именно к этому виду птиц не имеет под собой никаких логических оснований [Al-Fiqī, 1989, с. 74].

Таким образом, мы заметили, что в зооморфные доминанты арабской лингвокультуры входят отношения человека к окружающему миру животного, то есть человек не только оценивал тот или иной образ животного, но связывал его

с проявлением эмоций.

Так, в арабском языковом сознании образ *верблюда* вызывает эмоцию счастья, потому что *верблюд* является кораблем пустыни и представляет собой драгоценное имущество. То же самое для образа *лошади*. Здоровая *лошадь* для арабов в древности — важное «оружие» для войны и победы над другими племенами.

Итак, категория эмотивности сегодня выражается в функционально-семантическом поле (где метонимические средства — одни из компонентов центральной части его микрополей) эмотивности арабского языка, которое реализуется на всех языковых уровнях как литературного арабского, так и региональных диалектов, в том числе с помощью средств паралингвистических.

2.3. Использование русских и арабских зооморфизмов при выражении эмоций

2.3.1. Использование зооморфизмов в русском языке при выражении эмоций

Зоонимы относятся к оценочной лексике, репрезентируя культурные и языковые особенности носителей языка. Они рассматриваются некоторыми учеными как лексико-семантические группы, в которых нет разграниченных языковых признаков [Жаринова, 2006]. По Е. В. Скворцовой, зооним — общелексическая единица. Она может выступать в роли зоосемизма [названия животного] или зооморфизма (проекция на человека и оценка) [Скворцова, 2012].

Рассмотрим зооморфизмы русского языка, изучим их особенности, выделим ряд эмотивных зооморфизмов и определим, какие эмоции они выражают.

В русском языке описание внешности, поведения и состояния часто происходит с помощью сравнения с животными. При этом эмоциональная черта исходит из нейтрального значения лексической единицы. Например, нейтральные повадки животного, которого именуют *лисой*, переносятся на человека, наделяя его хитростью и лицемерием. А при назывании человека *ястребом* говорят о его жестокости и хитрости, так как сама эта птица имеет образ сильного хищника: «Целовал *ястреб курочку* до последнего перышка». В обоих случаях, называя человека *лисой* или *ястребом*, говорящий вербализует свое отрицательное к нему отношение и предполагает, что вызывает подобное же отношение к этому человеку у других людей.

Таким образом, нейтральное значение лексической единицы наполняется оценочностью при переносе качеств животного на человека. Говорящий выбирает ту или иную лексему, опираясь на степень эмоциональной насыщенности своих высказываний в конкретный момент.

Внешность, способности, поступки человека характеризуют с помощью зооморфизмов тогда, когда какой-то из этих феноменов соотносится с повадками, внешним видом того или иного животного. Зооморфные единицы русского языка можно поделить на три группы.

а) Экспрессивно-эмоциональные формы, характеризующие психические способности человека. Например, «*зайцем*» называют человека, который трясется от испуга.

б) Эмоциональные формы, характеризующие внешность и физическое состояние человека. Так, лексическая единица «*кошечка*» описывает гибкую, соблазнительную девушку.

в) Эмоциональные формы, характеризующие морально-этическое поведение человека. Например, «*баран*» — упрямый человек.

По мнению Д. В. Цыганкина, основная функция лексико-семантической группы зооморфизмов может состоять в том, что она воссоздает языковые феномены, появившиеся в результате восприятия человеком образа какого-либо

животного [Цыганкин, 1989, 75]. Эти феномены несут позитивную или негативную оценку. Например, *ласточка* — символ чистоты и доброты, образ *соловья* несет в себе игривость и шаловливость. С другой стороны, достоин лишь сочувствия презренный «*телец*» и трусливый «*заяц*».

2.3.2. Использование зооморфизмов в арабском языке при выражении эмоций

Как и в любой культуре, животные (al-ḥayawān) имеют большое значение в арабском мире. Некоторые из черт животных вдохновили родителей давать имена своим детям. На это восприятие повлияла древняя арабская и ближневосточная культура. Окружающая среда и природа играли огромную роль в жизни людей. Также в культуре очень уважают животных, считая, что травля животных для развлечения и азартных игр запрещена. В прежние времена арабы приписывали качества и недостатки человеческой природы животным. Соответственно, часто можно услышать такие выражения, как «*сильный, как вол*» или «*хитрый, как лисица*», которые связывают положительные или отрицательные человеческие качества с животными [Nesi, 1995].

Слова в арабском языке, как и в русском, могут передавать больше, чем буквальное и точное значение слов, поскольку они предполагают или «коннотируют» дополнительные значения или значения, которые не передаются в словарях. Поэтому А. Ахммад [Ahmmad, 2017, с. 46] среди прочего настаивал на важности контекстуальных факторов в определении значения слов.

Рассмотрение зооморфизмов и использование их при выражении эмоций исходит из «теории ментальных схем», на основе которой мозг конструирует знания. Х. Нишида [Nishida, 1999] утверждал, что схема представляет собой единицу знаний, организованную для определенного предмета или

объединяющую на основе предыдущего опыта и доступную для направления существующих действий. Одним из таких типов является культурная схема, на основе которой люди понимают представителей других культур. Гарро утверждал, что культурная схема обычно создается из предыдущего личного опыта посредством взаимодействия между членами, принадлежащими к одной и той же культуре [Garro, 2000].

С. Бен Салам исследовал использование пословиц о животных в двух разных диалектах, а именно в саудовском арабском и тунисском арабском. В ходе исследования было изучено несколько конкретных пьес, в которых имена животных встречаются в поговорках [Ben Salamh, 2018, с. 35]. Исследование показало, что пословицы, связанные с животными, имеют дискурсивное значение, которое зависит от окружающей среды.

Мир древних поэтов, кажется, перенасыщен животными: в их стихах упоминается около 80 видов животных, есть пространные описания *верблюдов, лошадей, удавов, птиц и охотничьих зверей*, которые составляют неотъемлемую часть поэзии мастера. Описание *верблюдов* в поэме «Тарфа бин аль-Абд» свидетельствует не только об увлечении животными, но и включает в себя поэтический подход, который мы находим и в поэзии любви. Существует очень богатая арабская литература, в которой животные рассматриваются как одно из чудес света и где они являются примерами мудрости, которой человек учится у них. Книга «Калила ва Димна», переведенная на арабский язык в эпоху Аббасидов, стала одной из наиболее часто упоминаемых иллюстрированных книг в классической арабской культуре. Книги Аль-Бизры писались во все эпохи, самая известная из которых — книга Al-Jāhiz «Животные», относящаяся к мировой литературе [Devis, 2014].

Таким образом, можно делать вывод о том, что лексико-семантическая группа зооморфизмов в арабском языке имеет ту же самую роль, что и в русском языке. В арабском языке зооморфизмы используются в основном для выполнения двух функций: представление оценочного значения и выражения эмоции по

отношению к другому лицу. Для представления оценочного значения зооморфизмов в арабском языке найдем много лексических единиц, среди них есть: *yabkī dumū‘tamāsīh* (букв. перевод: *плакать как крокодилы, крокодиловые слезы*) как указание на хитрость, *alf̄ mn klb̄* (букв. перевод: *дружеский больше, чем собака*) как указание на дружеские отношения и др. Для выражения эмоций и чувств с помощью зооморфизмов в арабском языке найдем много лексических единиц, среди них есть: *ālqirdu fī ‘ayna ammahu ghazāl* (букв. перевод: *обезьяна в глазах ее матери — олень*), так как мать всегда любит своего ребенка и независимо от его внешности или поведение они остаются любимыми и не перестают быть источником ее радости, и также *ān ḥbītk af̄ tlf̄ bhā* (букв. перевод: *Если тебя любит змею, сделай ее для себя прикрытием*), это также про радость, т.е. когда человек любит кого-то, то он умеет разбираться со своими нехорошими качествами, *byl‘b ālfārā fī ‘abīhi* (букв. перевод: *мышь играет в своей подмышке*), это употребляется для выражения «удивления», когда другой ведет себя подозрительно, особенно в профессиональной коммуникации [Хефни, 2022, с. 62].

2.4. Лингвокультурологический анализ семантики зооморфизмов по лексикографическим источникам

Культура и язык связаны множеством способов. Пословицы, правила очередности в разговоре, местоимения силы и солидарности, фоновые знания для понимания разговоров, вежливость, языковая относительность, принцип сотрудничества, метафора, метонимия, контекст, семантическое изменение, дискурс, идеология, культура печати, устная культура, грамотность, социолингвистика, речевые акты и т. д. — вот лишь некоторые из понятий, в которых мы находим очевидные связи между культурой и языком.

Рассмотрим семантику нескольких зооморфных образов, с которыми представители двух культур хорошо знакомы по лексикографическим источникам в русском языке на фоне арабского языка. Мы постараемся здесь обратить внимание на те словосочетания, фразеологические единицы, пословицы и поговорки, которые не были ранее рассмотрены в лингвокультурологическом аспекте.

Бык

Бык используется для вспашки, перевозки и буксировки телег, обеспечения орошения и ряда других целей. *Быков* обычно запрягают парами, но при тяжелой работе используют несколько пар *волов*.

Быком среди молодежи называют представителя молодежной группировки, провозгласившей лозунг: «Жизнь в свое удовольствие». Кроме этого, *быком* называют человека, который грубо предъявляет претензии, иными словами, глупого и сильного [Грачев, 2006, с. 90].

Разговорное экспрессивное выражение «*брать быка за рога*» олицетворяет решительного и энергичного человека, который способен приступить прямо к какому-либо делу [ФСРЛЯ, 2008, с. 54].

В словаре русской фразеологии есть выражение «*(по)действовать на кого-либо как на быка красная тряпка*». Его используют, если речь идет о чем-то, что очень раздражает. Семантика этой фразы берет начало в испанской традиции боев с *быками*, где тореадор выходит к *быку* с красной тканью [СРФ, 1998, с. 64].

В современном русском представлении образ *быка* отличается от традиционного. В Большом словаре русских поговорок относительно новое выражение «*бык фанерный (фестивальный)*» имеет в виду глупого молодого человека, ненормального человека, упрямого человека и человека, выдающего себя за представителя крупного бизнеса, криминальных структур. «*Комолый бык*» означает упрямого или глупого, несообразительного человека [БСРП, 2007, с. 69].

Итак, в русской культуре с *быком* связаны такие возможные компоненты значения, как: глупый, упрямый, несообразительный, грубый, сильный.

В арабском языке образ *thawt* «бык» используется метафорически для обозначения благородного человека, защищающего свою честь. Это показано в пословице *yaḥmī al-tawḡu 'anfahu bi-qarnihī* «букв. перевод: *Бык защищает свой нос своим рогом*» [Ibn Mandur, 1990, с. 109]. Здесь *al-thawt* «бык» означает благородного человека.

Образ *быка* имел особое значение у мыслителей древнеарабского Востока. В Ираке, например, *бык* уподоблялся луне, и причина этой аналогии заключается в его росте, указывающем на силу. *Бык* здесь также - бог плодородия [Al-Shawāf, 1991].

Небесный *бык* представляет собой дикого *быка* с человеческим лицом, а также символ мощной разрушительной силы [Sāndrz, 1970, с. 71].

Бык вошел в религиозные верования древних египтян, фараонов. Так, в образе *быка* они представляли бога плодородия Аписа [Mario, 2008, с. 22]. Древние египтяне сильно горевали, когда *бык* умирал. *Быку* было посвящено специальное захоронение, которое называлось Сабрабиом. При погребении царь и его семья участвовали в похоронных церемониях, где умерший *бык* преображался в бога Осириса и назывался Осирисом Аписом [Klīnī, 1990, т. 2, с. 325].

Образ плодородного *быка* был широко распространен в культурной жизни арабов до возникновения ислама, его можно найти даже в арабских именах: Абдсур (букв. перевод: *раб быка*), Аби бин Кааб бин сур (букв. перевод: *сын быка*) и т.д. [Kadrr, 2013, с. 8].

Бык изображался на бронзовых монетах в царстве Хадрамаут, когда арабы воспринимали образ *быка* как символ благополучия [Al-Areeqī, 2002, с. 59] и даже готовили подношения [Phililps, 1961, с. 249].

Современное представление лишает *быка* поклонения. Образ *быка* у современных арабов олицетворяет упрямство, нервность, пессимистичность [Хефни, 2020, с. 71, 77]. В пословице *'aqūlu lahu thawt yaqūlu 'uḥlubhu* (букв. перевод: «*Я говорю ему: “Это бык”, — а он отвечает: “Дои его”*») относится к ситуации, когда кто-то продолжает повторять один и тот же аргумент снова и

снова, даже если ему постоянно противоречат. В другой распространенной в различных регионах арабского мира пословице 'akhadha al-shūra min ra'si l-thawri (букв. перевод: *взял совет из бычьей головы*) говорится об удивлении, когда человек черпает мудрость и советы от невежественных и глупых людей. [Al-Makāni, 2002, с. 353].

В общем, в арабской культуре с *быком* связаны такие ассоциации, как: глупый, невежественный, упрямый. Но также исторически — плодородный, сильный, благородный.

Таким образом, образ *быка* используется в переносном значении в двух рассмотренных языках активно в прошлом и в настоящее время. В основном образ *быка* передает отрицательную оценку, если наблюдать за проявлением русского языкового сознания, а в арабском языке передавал в прошлом положительную оценку, в настоящее время вербализует отрицательную.

Верблюд

Представление о *верблюдах* обычно ассоциируются с пустыней, где этих животных использовали для верховой езды или перевозки товаров в пустынных странах. В русском языке разговорное выражение (знаю) «от верблюда» применяется, когда говорящий не желает сказать правду [ФСРЛЯ, 2008, с. 63]. С другой стороны, в словаре русской фразеологии приводится книжная форма «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко» [ФСРЛЯ, 2008, с. 65], что означает полную невозможность положения или совершения чего-либо. В этой связи стоит отметить, что в Благородном Коране есть схожие выражения. В сороковом аяте суры Аль-Араф (Ограды): «inna alladhīna kadhabū biāyātinā wa-is'takbarū 'anhā lā tufattaḥu lahum abwābu l-samāi walā yadkhulūna l-janata ḥattā yalija l-jamalu fī sammi l-khiyāṭi wakadhālika najzī l-muj'rimīn» (смысловой перевод: «*Воистину, не откроются врата небесные для тех, кто считал ложью Наши знаменья и превозносился над ними. Они не войдут в Рай, пока верблюд не пройдет сквозь игольное ушко. Так мы воздаем грешникам*»). По мнению большинства ученых, здесь имеется в виду самец верблюда. Муджахид и Икрима сообщают, что ибн

Аббас читал аят «hatta yaliġa al-jamal fi sammi al-khiāt» и толковал, что al-jamal означает толстую веревку. Так, общий смысл получается таким: и не войдут они в рай, пока не войдет толстая веревка в игольное ушко [Кулиев, 2022]. Несмотря на участие в формировании зоонима во фразеологизме, к образному и/или эмотивному содержанию лексической единицы этот факт ничего не добавляет.

В настоящее время образ *верблюда* встречается в нескольких жаргонах. Молодежное «говорящий верблюд» употребляется в ролевых играх и означает человека, способного выполнять примитивные роли с текстом, а в выражении «не кури это — верблюдом станешь» говорится о сигаретах марки (Кэмел) [БСРП 2007, с. 78]. Это выражение надо понимать дословно, хотя против интерпретации древнегреческого kamelos «верблюд» как вторичного по сравнению с kamilos «канат» свидетельствует то, что первое слово (как и его европейские параллели типа англ. camel) — это заимствование из семитских языков [СРФ, 1998, с. 74].

В общем, для русского языкового сознания трудно указать какие-либо устойчивые коннотации с зоонимом «верблюд».

В арабском языке есть также выражение, которое буквально переводится «он гонит через игольное ушко слона». Его используют, когда говорят о человеке, который взялся за невозможное дело. Слон и верблюд — самые крупные животные на востоке, что нашло отражение и в языке [СРФ, 1998, с. 74].

В арабской культуре *верблюды* являются наиболее полезными из всех домашних животных; они используются для самых разных целей во время мира и войны [Qatamish, 1988, с. 406]. Арабы различают разные категории *верблюдов* в зависимости от их цвета, возраста и функций, например, аль-баир — взрослый верблюд, ассанийа — верблюд, используемый для черпания воды, а ал-'айр — верблюд, использовавшийся для перевозки товаров [там же, с. 412–419]. Арабы называли *верблюдов*, которыми они владели, 'алмал, «владениями», потому что эти животные составляли большую часть их имущества.

Приходим к выводу, что образ *верблюда* используется больше в арабской культуре потому, что он связан с пустыней. Образ *верблюда* не представляет

собой эмоциональную оценку в русском языке и передает положительную в арабском языке.

Лошадь

Лошадь рассматривается как полезное животное, на котором люди ездят и которое используют для перевозки тяжестей. В русском языке словосочетание с упоминанием лошади «*работать как лошадь*» отражает народное представление о трудной роли лошадей в крестьянском хозяйстве [СРФ 1998, с. 350]. Несмотря на то, что это сравнение понятно во многих культурах, в том числе в арабской, в арабском языке слово «*лошадь*» заменяется словом «*осел*», то есть «*работает как осел*». При этом здесь имеется в виду не только человек, который много работает, но и человек, от работы которого выгоду получают другие.

Выражение «*(но)ставить не на ту лошадь*» является в русском языке новым. Его употребляют, когда говорят об ошибке в корыстных ожиданиях. Истоки фразы лежат в ставках на скачках [там же, с. 351].

В Большом словаре русских поговорок новое выражение «*менять лошадей (коней) на переправе*» означает производить смену власти, тренерского состава и т. п. в трудный период. У молодежи «*пригнать лошадей*» употребляется в значении привести на вечеринку девушек, а «*видеть белую лошадь*» означает говорить вздор, ерунду. Разговорное выражение «*старая боевая лошадь*» говорится о жене или старой подруге [БСРП, 2007, с. 371-372].

Все это позволяет говорить, что *лошадь* для русского языкового сознания связывается с тяжелой подневольной работой, выполнением чужих приказов, пребыванием в состоянии объекта, а не активного субъекта. *Лошадь* в этом образном осмыслении не похожа на коня (*конь* — помощник и даже товарищ в бою, ср. описание коня в «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина) [Русское культурное пространство, 2014].

В арабской культуре *лошадь* славилась своей красотой и использовалась королями для скачек [Нагин, 1965]. Животное также было почитаемо за его послушание и значительную ценность во время войны.

С другой стороны, есть арабское выражение 'akala wa naṭṭa mithla kheili l-zalṭa (букв. перевод: *Он ест и играет, как цыганские лошади*), буквально «ест и прыгает, но сам ничего не дает точно так же, как цыганские лошади, которых, поскольку они непригодны для работы, оставляют, чтобы кормить и играть с ними, в то время как их владельцы заняты в другом месте, и, таким образом, эти лошади ничего не делают взамен за их пропитание» [Jeweet, 1893, с. 41].

Образ *лошади* активно используется в двух рассмотренных языках. Этот образ позволяет передать в общем положительную оценку, но с оттенком снисхождения (говорящий на русском языке ощущает свое превосходство над тем, кого соотносит с *лошадью*) в русском и арабском языках. Иногда в арабском языке этот зооним может включать отрицательную оценку.

Свинья

Типичная ассоциация в русском сознании: *свинья* — это человек грязной и неприятной внешности. В Толковом словаре русского языка под ред. Дмитриева добавляют, что свиньей не только называют человека грязной внешности, но с низменными привычками. А еще *свинья* – это тот, кто грубо и подло ведет себя в разговоре. Презрительное «*свинья в ермолке*» говорит о чванливом человеке с большими претензиями, ничем не обоснованными. Также бранное выражение «(его) *к свиньям собачьим*» употребляется при выражении раздражения и недовольства по поводу кого-либо или чего-либо [ФСРЛЯ 2008, с. 601].

Выражение «*подкладывать свинью кому-либо*» употребляется, когда человек совершил нечестный поступок по отношению к другому человеку. Фраза «*метать бисер перед свиньями*» выражает такое состояние, когда человек не хочет тратить время рассказывать что-либо важное, так как это, само собой разумеется. Словосочетание «*как свинья в апельсинах*» означает, что человек не понимает основы какого-либо дела [ТСРЯ 2003, с. 1216].

Также в языке есть выражение «*положить (подкладывать) свинью*». Так говорят, когда кто-то сделал кому-либо подлость. Это выражение исконное и берет начало у народов, которые не едят свиное мясо. Этим людям

недоброжелатели могли подложить такое мясо в тарелку [СРФ, с. 519]. Шутливая фраза в диалоге *«когда свиньи с поля будут шагом идти»* означает «никогда». Ироническое выражение *«надеть на свинью хомут»* используется при описании нелепого бесполезного поступка человека, стремящегося помочь кому-либо. Разговорное *«свинья под дубом»* используется, когда говорится о неблагодарных людях, разрушающих то, плодами чего они прежде пользовались, наслаждались [БСРП, 2007, с. 599-600].

В общем, русские люди выделяют в *свинье* такие качества, как: низменный, грязный, неблагодарный. Данный зооним устойчиво используется для выражения негативных эмоций (раздражения, неодобрения, насмешки, осуждения и др.).

На первый взгляд, впечатление об образе *свиньи* в классических арабских текстах не самое положительное. Плохая репутация образа *свиньи* в арабском языке исходит из Благородного Корана ислама (религии большинства арабов). В аяте 145 суры Аль-анам говорится *«qul lā ajidu fī mā 'uwhīa 'iileyua muharraman 'ala tā'imīn yaṭ'amuhu 'illa 'an-yakūna maytatan 'aw daman mmasfūḥan 'aw laḥma khinzīr fa-'innahu rijsun 'aw fisqan 'uhilla li-ghayri llahi bi-hi fa-man aḍturra ghayra bāghīn wa lā 'ādīn fa'inna rabbaka ghafūrūn rraḥīm»*. Перевод: *«Скажи: "Из того, что дано мне в откровение, я нахожу запрещенным употреблять в пищу только мертвечину, пролитую кровь и мясо свиньи, которое (или которая) является скверной, а также недозволенное мясо животных, заколотых не ради Аллаха". Если же кто-либо вынужден пойти на это, не проявляя ослушания и не преступая пределы необходимого, то ведь Аллах — Прощающий, Милосердный»* [Кулиев, 2022].

В арабском языке образ свиньи тоже связан с грязью. Например, пословица *sha'rat min al-khinzir 'ahsanu min diqnihi* (букв. перевод: *одна щетина свиньи лучше всей его бороды*) [Burckhardt, 2002, с.63] означает, что недоразвитый, никчемный человек не наказывается, потому что он не учится на опыте, не стыдится и не смотрит далеко, чтобы его удержало наказание или даже избегание. Другая подобная пословица *khinzir labisa zaynan 'arafūhu min rihatīhi l-natuna* (букв.

перевод: *свинья была одета так же, как и все остальные, но затхлый запах выдавал ее*) [Eid, 2009].

Можем обобщить: для арабов *свинья* связано с грязью. У арабов *свинья* олицетворяет некрасивого, неприятного телосложения человека.

Образ *свиньи* имеет значительное количество переносных значений в обоих языках, отличается яркой отрицательной окраской в русском и арабском языках. В настоящее время ФЕ с компонентом-зоонимом *свиньи* активно употребляется в повседневной жизни.

Собака

Собака обитает во всех регионах мира и является самым близким из всех домашних животных к человеку. Собака в русском языке часто упоминается в иронических ругательствах, например, «*как собака, один на другом сидит*» (Гоголь, «Записки сумасшедшего»), или в пренебрежительном выражении «*каждая собака знает*», то есть всякий, любой человек. Еще один пример — разговорное выражение «*как собаку*», которое означает поступить с кем-либо плохо, выгнать или убить его, без всякой жалости: «*Меня стоило застрелить, как собаку*» [ФСРЛЯ, 2008, с. 638].

В современном толковом словаре русского языка под редакцией Д. Дмитриева *собака* в русской языковой картине мира соотносится с несколькими типами людей, с разными ситуациями. Например, *собакой* называют кого-то, кто приводит в негодование: «*Такой собаки, как ты, в жизни не встречал*». Либо предмет зависти: «*Ах, собака, как это у него получается?*». Словосочетание «*вешать на кого-либо (всех) собак*» означает, что человек становится объектом множества заслуженных обвинений. Выражение «*как собак нерезаных*», употребляется, когда кого-либо или чего-либо очень много. Когда кто-либо дает объяснение чего-либо, говорят «*вот в чем собака зарыта*». Так же могут сказать о человеке, которого очень трудно найти: «*Его с собаками ищут*» [ТСРЯ, 2003, с. 1216].

Представление образа *собаки* среди молодежи отличается от классического. Собакой в молодежном жаргоне называют пригородный электропоезд, например, «Езда на собаках», и компьютерный знак (@). А *собачник* означает кинолога на границе [Грачев 2006, с. 505]. Интересно, что в русском языке есть выражение «съесть собаку» [БСРП, 2007, с. 627]. Его употребляют, когда говорят о профессионале, знающем человеке, который отлично понимает, как выполнять работу. А упомянутое выше выражение «как собак нерезаных» говорится, когда а) есть много лишнего, о чем отзываются с пренебрежением, б) людей, занятых каким-либо определенным делом больше, чем нужно, что ведет к утрате ценности их дела [СОВРЯ, 1995, с. 311].

В выражении «От семи собак (на распутье) отгрызется (отрешился, отъестся)» говорится о человеке, который в споре, в ссоре умеет за себя постоять. Поговорка «видит собака молоко, а рыло коротко» употребляется для описания человека, которому очень хочется иметь что-либо недоступное. Шутливая форма поговорки «пошел собакам сено (траву) косить (давать)» используется, когда речь идет об отсутствующем (как правило, бросившем семью) муже, отце. Публичное выражение «собаки войны» описывает иностранных наемников, участвующих в карательных и диверсионных операциях против сил национально-освободительного движения [БСРП, 2007, с. 626-627].

Таким образом, зооним «собака» позволяет передать большую гамму эмоций. Несмотря на большую любовь к этим животным в современной России, в основном так высказывается пренебрежение, оформляется выражение превосходства, осуждение и т. п.

В арабской культуре *собака* воспринимается как положительно, так и отрицательно [Hagun, 1965]. Защита и привязанность животного признаются, потому что никакое другое животное, кроме *собаки*, не следует за своим хозяином, когда он покидает дом [Ma'lūf, 1975, с. 971].

Тем не менее, *собака* также считается очень грязным животным. В арабской культуре собака означает нечистоту) najasuⁿ) и низость (ḥaḡāraṭuⁿ) и уступает по

этому признаку только свинье. Уничижительный термин «собака византийцев» (kalbu l-rūm) использовался несколькими арабами для оскорбления византийских императоров. В ответном письме, отправленном пятым аббасидским халифом Харуном ар-Рашидом Никифору I, византийскому императору, Харун ар-Рашид адресует свое письмо следующим образом: «от Харуна ар-Рашида Повелителя правоверных Никифору собаке византийцев...» [Alfarhan, 2018].

Арабская пословица «illī biya'tāz alkalb yaqūluhu ṣubhak bi-lkheyṭ sayyidī» (букв. перевод: «Кто нуждается в собаке, тот говорит ей: “Доброе утро, мой господин”») [Jeweet, 1893, с. 39].

Благодаря хорошему отношению между человеком и собакой, этот образ передает положительную оценку как неизменный друг человеку в обоих рассмотренных языках. Также заметно, что в обоих языках много ФЕ с компонентом-зоонимом собаки. В узком значении употребляется зооним собаки в знак презрения и ругательства.

Таким образом, лингвокультурологический аспект лежит в основе семантики зооморфизмов, когда группа людей, живущих в одной социальной, исторической и физической среде, осмысливает свой опыт более или менее единым образом. Это означает, что они понимают, что говорят другие люди, сходным образом идентифицируют объекты и события, находят или не находят поведение уместным в определенных ситуациях, создают объекты, тексты и дискурсы, которые другие члены группы находят осмысленными и так далее. Во всех этих и других случаях мы имеем смыслообразование в той или иной форме: не только в смысле производства и понимания языка, но и в смысле правильной идентификации вещей, нахождения приемлемого или неприемлемого поведения, способности следить за разговором, способности генерировать значимые объекты и поведение для других в группе и так далее. Создание представления о животном — это совместное предприятие (лингвистическое или иное), которое всегда происходит в большом наборе контекстов (от непосредственного до фонового) и с разной степенью коммуникативного успеха. Можно сказать, что люди, которые

могут успешно участвовать в такого рода смыслообразовании, принадлежат к одной и той же культуре. Эффектные случаи неудачного участия в совместном смыслообразовании называют «культурным шоком». Очевидно, однако, что неудачное участие в создании смысла может иметь место и между представителями одной и той же культуры.

2.5. Специфика функционирования эмотивных зооморфизмов

Как было упомянуто нами ранее, зооморфизмы представляют собой важный компонент лексико-семантического запаса любого языка. Функционирование зооморфизмов как языковых знаков культуры может подтверждаться различными способами, такими как, например, ответы на следующие вопросы. Почему в каждой культуре есть определенные животные, которых больше уважают? Почему *сова*, например, в русской культуре, как зооним, является символом мудрости, а в других культурах, среди которых арабская, *сова* представляет собой предвестника неприятных предчувствий? Почему в буддизме Творец олицетворен именно в образе «*коровы*»? На эти и другие аналогичные вопросы невозможно найти ответы без раскрытия зооморфизмов как кодов культуры. На наш взгляд, лучшим доказательством культурологических признаков зооморфизма является яркое определение его в основных источниках культуры, в религиях и книгах, в частности, в Библии и Благородном Коране.

В рамках процесса познания человек выражает свое отношение к предметам и явлениям, поэтому изучение категории оценки и ее языкового компонента является обязательным для того, чтобы понимать, как происходит мышление, выражение мыслей и оценивание у представителей той или иной культуры.

На наш взгляд, связь между зооморфизмами и эмоциями представляет собой богатый материал для изучения функционирования в речи различных

фигур, таких как ирония, сравнение, парадокс, и так далее. Исследование таких отношений показывает эстетический потенциал языковых единиц, который мы, в свою очередь, считаем необходимым пополнить новым подходом. По нашим данным, выбранный нами объект изучения мало изучен в аспекте рассмотрения русского языка на фоне арабского.

Стоит отметить, что зооморфизмы являются отражением представления человека не только об окружающем мире, но и о прагматической деятельности.

Итак, лексические единицы-зооморфизмы отражают определенную оценку обозначаемых ими предметов и явлений. Такие единицы являются определенным кодом в речи носителей языка и реализуются в коммуникации. Для того чтобы рассмотреть особенности функционирования эмотивных зооморфизмов в русском языке, необходимо исследовать несколько компонентов, которые раскрывают такие особенности, как номинация физических качеств человека (оценка внутренних качеств человека).

Представление внешних качеств обычно ярко отражено в национальной культуре. Такое представление складывается из многих источников, таких как, например, предания, былины, сказки, фольклор, а также художественные и литературные произведения.

В этой связи стоит отметить, что оценка внешних качеств человека, связанных с ассоциативным описанием, проявляет психологическо-эмоциональный склад личности. Внешние качества человека являются первоначальным представлением о человеке как личности, закрепляются в сознании других, а также служат источником основной информации о личностных качествах [Богуславский, 2000, с. 13-14]. Зооморфизмы демонстрируют несколько способов выражения оценки при значении наименования лица:

- лексические единицы несут функциональные эстетические признаки, которые раскрывают отрицательное или положительное отношение к внешним качествам человека [Хефни, 2019] (пренебрежение, ирония, ласка, шутка и др.):

(см. *Ах, ты змея! ты меня обманула, она толстая корова, здоровый как бык, работает как лошадь, упрямый как осел, ты котенка моя!*).

- зооморфизмы представляют собой метафорический перенос на образные выражения, которые раскрывают основные номинации человека, так, например, выражение «изможденная женщина» может выражаться лексико-семантическим зоонимом: «*драная кошка*». А непомерно *толстого* человека можно назвать «*боровом*». Также, общепринято называть *храброго* человека «*львом*», а *сильного* — «*лошадью*».

2.5.1. Функционирование эмотивных зооморфизмов в речи

Зооморфизмы используются в речи часто и в разных ситуациях общения, как и все эмотивы, они будут только в нестереотипных типах, в деловом и научном не должно быть. Активное участие зооморфной лексики в речи хорошо выделено в следующей классификации В. В. Богданова [Богданов, 1990, с. 28-29].

1) Социально-культурный статус, в том числе социальная принадлежность, профессия, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение. Например: *работать как лошадь о трудолюбивом человеке*.

2) Биолого-физические данные, в том числе, пол, возраст, состояние здоровья, наличие и отсутствие физических свойств или недостатков. Например: *сильный как бык* о здоровом человеке.

3) Психологический статус, то есть темперамент, тип ориентации, элементы патологии. Например: *глупый как осел* о человеке, который с трудом что-либо понимает.

4) Психологическое состояние, в том числе, настроение, интересы и цели личности. Например, трусливое поведение человека может описываться

зооморфизмами с использованием ироничных фразеологизмов-номинантов «*поджать хвост, что волк на псарне*», «*мокрая курица*». Заяц считается эталоном трусости в русском языке: «*бегать как заяц*», «*трусливый (робок) как заяц*», «*заячья душа*».

5) Степень знакомства коммуникантов. Степень знакомства адресата и адресанта в любом языке определяется типом коммуникации и ее развития. Использование зооморфизмов маркирует общение хорошо знакомых людей. Например, «*эх, ты ворона*» в значении «*ты очень невнимательный (-ая)!*» можно сказать другу или младшему родственнику, но нельзя - коллеге или старшему родственнику.

6) Внешний вид (одежды и поступки). Например: *как свинья грязный* о человеке в очень испачканной одежде/обуви.

Таким образом, зооморфная лексика способна выражать все компоненты социально-культурного статуса.

В зависимости от характера коммуникации определяются сопровождающие эмоции по нескольким критериям: возраст, настроение и другие факторы партнеров по коммуникации [Шаховский, 2008, с. 56]. Другими словами, когда мы называем человека лисом, мы имеем в виду не только его хитрость, но и выражаем свое недовольство и раздражение.

Важно учитывать и эмоциональную реакцию того, кто является объектом оценки [Шаховский, 2008, с. 5] (ср.: человек, которого люди называют собакой, жуком или змеей, испытывает обиду, раздражение и гнев, а когда его называют львом и тигром — гордость и уверенность).

Когда человек вербализует свои переживания и эмоции, он употребляет языковые единицы как сознательно, так и бессознательно. Здесь уместно вспомнить о наивной эмоциональной языковой картине мира [Шаховский, 2019, с. 37]. В частности, мы можем говорить об этом при использовании зооморфизмов.

Таким образом, зооморфизмы принимают активное участие в выражении эмоций. Зооморфная лексика и семантика формирует эмоциональные и оценочные экспрессивные компоненты значения слова. Носитель любого языка с помощью зоонимических метафор, фразеологизмов и словосочетаний выражает свои чувства, эмоции, душевное состояние и оценку партнера по коммуникации.

В рамках зоонимических метафор русского и арабского языков в речевой коммуникации обычно используются образы зверей, характеризующихся жестокостью, грубостью и бессердечностью, в адрес человека в качестве комплимента, в частности, в разговорной речи. В качестве обозначения высоких достижений человека и его уникальных успехов в делах мы встречаем в русской разговорной речи такие выражения как, например, «ну ты и зверь!» [Хайрулина, 2013, с. 140]. Возможно, это спорный пример. В разговорной ситуации зверь — это может быть комплимент, но может быть и осуждение за грубость; так же в арабском языке мы встречаем идентичную метафору. Однако в арабской речевой коммуникации это выражение используется не только тогда, когда человек достигает высоких результатов, но и тогда, когда сильный человек возвращает себе свои права, например, когда речь идет о конфликте или после физического вмешательства, а также в признании высокой сексуальной мощности мужчины (в русском языке этому будет соответствовать другой зооним — «животное»).

В русском речевом обиходе есть свои особенности употребления подобных образов. Например, образ *собаки* может быть использован в различных значениях в зависимости от человека, в адрес которого используется этот образ. Использование образа *собаки*, как пса или кобеля, носит узкую семантическую осмысленность. В то же время, когда данное выражение используется в отношении женщины («собака, сука»), оно подразумевает под собой грубое ругательство. В языковом сознании носителя русского языка это наименование приносит идентификационный признак низкой отрицательной оценки и не может пониматься никак иначе, кроме как ругательство с отрегулированной высокой степенью асоциальности (раздражение и гнев) к называемой женщине.

Вследствие этого отмечается резко ограниченное использование этого наименования. Стоит отметить, что в отношении мужчин также встречается подобная аналогия. Использование образа козла в адрес партнера по коммуникации мужского пола представляет собой исключительно унижение и низкую оценку и воспринимается только как ругательство. Очевидно, что определенные зоонимы в конкретных речевых ситуациях имеют ограниченное использование.

Стоит отметить, что О. А. Васькова, говоря о «гендерной референции», приводит следующие примеры. Девушек в разговорной речи называют «цыпочками». При посещении мероприятий, таких как, например, девичник, может быть использован такой зооморфизм как «вечеринка куриц», а в качестве описания манеры общения на данных мероприятиях используется зооморфизм «кудахтать» (общаться с подругами). Далее, по мере взросления и изменения социального статуса, по мнению исследователя, девушки превращаются в «старых склочниц» (уст., диал. «курица») и «заклевывают» мужей. Некоторые считают, что, называя так мужчину, они обвиняют его в недостатке или отсутствии мужественности. Молодых гомосексуалистов также называют «петухами» [Васькова, 2004, с. 262].

Зооморфизмы с положительной или нейтральной оценочностью функционируют гораздо реже (*голубь/ ḥamāma, лебедь/ bajaʿat, орел/ nasuḡā, лев/ ʿasad* и др.), и зачастую к ним относятся слова, употребляемые как ласкательные. Объектом их адресации, в основном, являются дети (им присваиваются, как правило, названия детенышей животных и птиц), девушки, женщины, реже — молодые люди и мужчины (ср.: *голубушка, пташка, рыбка, чижик, цыпленок, воробушек, котик, зайчонок, сокол, орел, лев* и др. в русском языке). В арабском языке ряд зооморфной метафоры с положительной оценочностью гораздо шире (ср.: *qittatūi, ʿasadī* и др.), причем в словообразовательном отношении следует обратить внимание на эксплицитное выражение притяжательности. Причиной доминирования положительной оценочности над отрицательной в арабских

зоометафорах является хозяйственная специфика кочевой культуры, существенно повлиявшей на формирование и развитие номадов об окружающем мире, о месте и роли их в этом мире.

Метафорический аспект очень важен в политическом дискурсе. Через него проявляется функция общественного воздействия [Agafonova, Belozerova, Larini, 2020, с. 262], чем объясняется активное использование зоонимических метафор в политическом дискурсе. Изучение метафорического аспекта в политическом дискурсе обращало внимание многих исследователей, например, Э. В. Будаев 2006, Л. К. Никифорова 2010, О. А. Солопова и А. П. Чудиков 2018 и др.

Думается, что основная особенность использования зоометафор в политическом дискурсе заключается в выявлении отрицательных смыслов в адрес так называемого политического противника.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что зоонимические метафоры способны отразить образ женского пола в языке через образные употребления слов «*корова, сука* или *лисица*». Анализ зооморфных метафор, характеризующих человека, показывает, насколько разнообразна и выразительна эмоциональная природа, экспрессивная лексика русской разговорной речи [Хефни, 2022, с. 98]. Перспективы сопоставительного исследования прагматической составляющей данных лексических единиц при помощи экспериментальных методов дают возможность увидеть, как соотносятся зооморфизмы, приводимые в словарях, с реально функционирующими в современной речи.

В приведенных выше примерах заявленное и легко воспринимаемое сходство, свойство или атрибут животного проводника (упрямство, любознательность, глупость или лукавство) приписывается человеку. Возникает устойчивая ассоциация.

Однако, когда дело доходит до метафор, определение позитивности/негативности становится проблематичным для реципиента на одном и том же языке и для переводчика на родственный язык (не говоря уже о переводчике на неродственный язык). Оценочное содержание

анималистического свойства ослабевает. Действительно, в таких высказываниях, как «Он свинья», «Она лиса», «Мои соседи — кролики», «Его адвокат — акула», «Он сова», «Ты ягненок», «Она кошка» и среди многих других метафор, вдохновленных животными, понимание и интерпретация усугубляются, в связи с неустановленным основанием, несвязностью явлений в двух рассматриваемых языках и, как следствие, культурным фоном, который требует вопросов и корректировки.

На самом деле, в условностях образного языка есть риторический код. Код относится к тому, как вещи представлены в данной культуре; понимание этого кода является признаком принадлежности к культуре, в которой этот код используется. Культурное измерение, которое, на наш взгляд, является определяющим фактором в интерпретации, отборе и назначении потенциальных свойств в метафоре животных, с одной стороны, и в сложных решениях, связанных с работой переводчика, поскольку он/она стремится достичь эквивалентности посредством олицетворения, т. е. деконструкции предположений другого общества (его «данности»), сдерживания собственной культурной предвзятости («сортировка») и реконструкции «другими терминами» предполагаемого значения («воссоздание»).

Итак, в ходе данного исследования возникает вопрос: что именно в процессе понимания, интерпретации и воссоздания животной метафоры отдает приоритет моральному по сравнению с физическим? Давайте представим сравнительную характеристику с еще более широкими уточняющими контекстуальными подсказками: «Он свинья; для него жизнь означает ничто иное, как глотание и глотание». Налагают ли дополнительные подсказки, определяющие основу как «обжорство», какие-либо ограничения на понимание, интерпретацию и воссоздание животной метафоры, привязывая ее значение к физическому? Скорее всего, они имеют тенденцию только подтверждать культурную предвзятость (которая обычно должна быть в лучшем случае скорректированным культурным вкладом, своего рода опосредованием).

Таким образом в языке, который представляет собой зеркало культуры, отражается мировидение народа, представление окружающей среды, определение ценностей, национально-культурное наследие и мышление; впоследствии лексические единицы (в том числе зооморфизмы) рассматриваются как знаки культуры [Маслова, 2001, с. 63].

Выводы ко второй главе

Развитие научных идей в конце XX и начале XXI веков способствовало возникновению новой парадигмы в науке, в центре которой находится человек. Она определяет современную парадигму научного познания с антропоцентрической точки зрения. Интерес лингвистов к этой области становится глобальным и все более междисциплинарным. Изучение зооморфного кода культуры занимает центральное место в понимании природы, человека и общества.

Поскольку образы животных в разных культурах репрезентируют представления человека об окружающем мире, исследование зооморфизмов может расширить научное понимание о том, как в течение многих веков человек взаимодействовал с природой, о том, каковы главные ценности и принципы той или иной культуры.

Зооморфизмы отражают специфику коллективного сознания людей, будучи этноспецифичными. Они проявляются в лексических, фразеологических единицах, в паремиологии, осмысляют внешний и внутренний мир личности, позволяют определить общечеловеческую и национальную языковую специфику. Зеркало зооморфных метафор и сравнений отражает духовную жизнь конкретного народа, т. е. нравственные ценности, волевые решения, эмоциональные и интеллектуальные поступки, черты характера, отношения к

людям и вещам. Противоречие в понимании зоонимов в разных языках свидетельствует о том, что фразеологизмы с зооморфным компонентом не полностью совпадают в сравниваемых культурах, рассуждая по содержательному константу в рассмотренных языках. Различие в коннотативном значении зоометафор показывает разные пути развития сравниваемых культур. В каждом языке есть свои уникальные лексические единицы с переносным значением, номинирующие живых существ.

Лингвокультурология представляет собой новый аспект комплексного подхода к языку и культуре, их взаимосвязи друг с другом, взаимовлияния на развитие культуры и языка, их связи с общественной жизнью, психологией и философией. Лингвокультурологический аспект зооморфизмов зависит не только от сознательного поведения человека, но и от духовного его состояния, которое проявляется бессознательно. Таким образом, зоонимы, рассматриваемые как важная составляющая языковой картины мира, позволяют выявить общечеловеческие и национально-специфические особенности в видении мира.

При определении понятия русской ментальности следует учитывать ее сложные и глубинные исторические корни, переплетение различных точек зрения по данному вопросу, которые следует рассматривать комплексно. На другой стороне жители арабских стран — люди горячие и экспрессивные. Они бывают импульсивными, порывистыми и не сдержанными в проявлении эмоций и чувств, но при этом не применяют физическую силу. В арабских странах очень развита жестикуляция, сильно отличающаяся от европейской по значению.

Сравнительное изучение зоонимов в различных лингвокультурах может существенно обогатить систематику зоонимов при выявлении взаимозависимости между культурными тенденциями и языковым развитием. Кроме того, решение связанных с этими проблемами будет способствовать развитию теории лингвистической концептуализации. В свою очередь, это повысит объяснительную силу филологического знания.

В животных сравнениях, таких как «упрямый как мул», «любопытный как кошка», «глупый как корова» или «хитрый как лиса», фон приписывает человеку анималистическое свойство. Когда в дополнение к указанному основанию в игру вступают культурный запас тропов, экология народа и общеупотребительное употребление языкового сообщества, коннотация становится довольно простой для носителей высказывания. Полярность позитивного-негативного/хорошего-плохого (вытекающая из «определенного основания» и «общепринятого употребления»), а также тона высказывания и рода (например, в «глупая корова!») помогает обнаружить анималистическое свойство дать оценку анималистическому носителю.

В русском языке основная функция лексико-семантической группы зооморфизмов может заключаться в воспроизведении тех фактов языка, которые на протяжении веков сформировались в понимании народа при восприятии того или иного образа животного, его характеристики, в том числе, выражать оценочное значение, содержащее отрицательное или положительное отношение говорящего к объекту номинации (одобрение или неодобрение, любовь, привязанность, нежность или пренебрежение, презрение, негодование). Лексико-семантическая группа зооморфизмов в арабском языке имеет ту же самую роль, что и в русском языке. В арабском языке зооморфизмы используются в основном для выполнения двух функций: представление оценочного значения и выражения позитивной или отрицательной эмоции по отношению к другому лицу.

ГЛАВА 3. ЭМОТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ФОНЕ АРАБСКОЙ)

3.1. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русском языке

Одностороннее влияние одного языка на другой невозможно, это явление всегда обоюдно, однако степень влияния может различаться в разные периоды в зависимости от дополнительных языков — в большей степени и интерлингвистики — в меньшей степени. Взаимовлияние языков наиболее ярко проявляется в области лексики [Ураксин, 1982, с. 107].

Фразеологические единицы — это особый тип модуля языковой номинации. Их смысловая структура определяется единством социально устойчивого предметно-логического содержания и лексико-грамматического пласта [Мокиенко, 2007, с. 3].

Семантика фразеологических единиц в системе языка — это общие и характерные представления о некоторых элементах и явлениях действительности. В языковой системе коннотация (форма) фразеологических единиц связана с коннотацией через семантику [Мелерович, 1979].

Для нашего исследования принципиально, что если в ФЕ входит компонент-зооним, то он обычно обуславливает семантическое своеобразие исследуемых фразеологизмов, заключающееся в их антропоморфизме [Малафеева, 1989].

Учитывая сравнительно-сопоставительную сторону исследования, мы принимаем следующую классификацию ФЕ с компонентом-зоонимом в русском языке [Куличенко, 2017, с. 50]:

1. субстантивные (именные) ФЕ с компонентом-зоонимом;
2. адъективные ФЕ с компонентом-зоонимом;

3. адвербиальные ФЕ с компонентом-зоонимом;
4. глагольные ФЕ с компонентом-зоонимом.

Приведем примеры соответствующих ФЕ с компонентом-зоонимом. Примеры приводятся с опорой на словари и справочную литературу. Мы старались выбирать такие ФЕ, которые продолжают активно функционировать в русскоязычной коммуникации и по возможности включают в себя исследуемые в данной работе образы животных.

1. Субстантивные фразеологические единицы

Субстантивные фразеологические единицы включают в себя ФЕ, обозначающие опыт, внешние и внутренние качества человека и его поведение, общее и семейное отношение человека к другим, состояние человека и его жизненную деятельность.

а) Опыт человека:

желторотый птенец [БСРП, 2007, с. 542] о молодом, наивном и неопытном человеке;

морской волк [ФСРЯ, 1987, с. 76] говорится об опытном человеке, владеющем своей специальностью;

стреляный (старый) воробей [БСРП, 2007, с. 102] говорится об опытном, бывалом человеке, которого трудно обмануть или перехитрить.

б) Внутренние качества человека:

подколотная змея [ФСРЛЯ, 2008, с. 258], обозначающая злобного, коварного и отвратительного человека, упрямый;

упрямый козел [БСРП, 2007, с. 292], обозначающая упрямого несговорчивого человека;

неезженный жеребец [БСРП, 2007, с. 229] говорится о человеке себялюбивом, со строптивым характером;

птица высокого полета [БТФС, 2005, с. 542] говорится о влиятельном человеке.

в) Внешние качества человека:

корявый козел [БСРП, 2007, с. 292], олицетворяющая некрасивого человека;
лошадь неподкованная [БСРП, 2007, с. 373] говорится о человеке с сильным темпераментом;

сонная тетеря [БСРП, 2007, с. 664] говорится о человеке, который очень любит поспать, соня;

мокрая курица [БСРП, 2007, с. 345] говорится о жалком, беспомощном человеке.

г) Жизненная деятельность:

ворона загуменная [БСРП, 2007, с. 103] говорится о бездомном человеке;
козья ножка [ФСРЛЯ, 2008, с. 302] обозначает 1) инструмент для удаления зубов; 2) особого рода самодельная папироса, самокрутка.

д) Общее и семейное отношение:

безвестная лошадь [БСРП, 2007, с. 373] говорится о никому незнакомом человеке;

ни кошки, ни ложки говорится о человеке, у которого ни семьи, ни родственников;

курица мажорная [БСРП, 2007, с. 344] говорится о девушке, не входящей в молодежную группировку;

волчий аппетит [ФСРЛЯ, 2008, с. 90] говорится о чем-либо своевольном поведении;

я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик [БСРП, 2007, с. 377] говорится а) о женщине, выполняющей мужские и женские работы; б) говорится о лесбиянках.

е) Интеллектуальные навыки и способности:

олень золотые рога [БСРП, 2007, с. 465] говорится об очень глупом человеке;

олень с развесистыми рогами [БСРП, 2007, с. 465] говорится о наивном, неопытном человеке, не принадлежащем к преступлению.

2. Адъективные ФЕ

В адъективных ФЕ также присутствует элемент, с которым прилагательные не создают связей зависимости и семантически. Часто во фразеологизмах присутствуют адъективные отрицательные частицы. Некоторые из фразеологизмов, стоящих в адъективе, также могут употребляться в отрицательной форме, в которой иногда встречается сутулость [Кунин 1986, с. 229-241]. В русском языке довольно часто встречаются адъективные фразеологизмы, выражающие идею сравнения, например:

Внешние и внутренние качества человека:

хитрый как лиса [ФСРЛЯ, 2008, с. 316] обозначает очень хитрого человека, пронырливого человека.

3. Глагольные ФЕ

Глагольные ФЕ становятся составной частью фразеологических единиц на языковом уровне.

а) Поведение:

сделать козлом обозначает распускать слух о связях кого-либо с милицией, [БСРП, 2007, с. 291].

б) Действие:

оседлать лошадь [БСРП, 2007, с. 373] обозначает оказаться на скамье подсудимых;

видеть белую лошадь [БСРП, 2007, с. 373] используется, когда человек говорит вздор, ерунду.

в) Эмоциональное состояние:

пахнет медведем [БСРП, 2007, с. 394] говорится о том, что вызывает отвращение;

свиней не накормит [БСРП, 2007, с. 601] олицетворяет нерадивую хозяйку;

как (будто словно точно) муху проглотил [ФСРЛЯ, 2008, с. 413] обозначает недовольный вид;

волком выть (*волком взвыть*) [ФСРЛЯ, 2008, с. 95] горько жаловаться, сетовать и т. п. на что-л., страдая от чего-л.;

врет (*брешет*) *как сивый мерин* (*наврет или набрешет как сивый мерин*) бессовестно, беззастенчиво, беспредельно [БТФС, 2005, с. 305];

надулся как мышь на крупу [ФСРЛЯ, 2008, с. 387] очень сильно обижен, сердит, недоволен чем-л. (о человеке, демонстрирующем своим видом обиду, недовольство и т. п.).

г) Жизненная деятельность человека:

ловить (*выискивать*) *блох* [БСРП, 2007, с. 85] обозначает находить мелкие недостатки;

голубей гонять [БТФС, 2005, с. 94] обозначает бездельничать, празднично проводить время;

подковать блоху [БСРП, 2007, с. 109] обозначает обнаружить удивительную изобретательность;

ловить мух; мух ловить [БСРП, 2007, с. 448] обозначает ничего не делать, бездельничать;

как белка в колесе [ФСРЯ, 1987, с. 71] обозначает быть в беспрестанных хлопотах, занятиях, заботах.

д) Внутренние качества человека:

знать (*узнавать*) *зверя по когтям* [БСРП, 2007, с. 109] — о сильном, решительном, смелом человеке узнают по поступкам;

доить козла значит заниматься бесцельным, бесполезным и глупым делом;

гнуть в бараний рог кого-либо [ФСРЛЯ, 2008, с. 78] обозначает согнуть или скрутить в бараний рог кого-либо.

е) Внешние качества человека:

как мышь на крупу надулся кто-либо [БТСРЯ, 2003, с. 567] говорится о человеке, имеющем обиженный, надутый вид;

усталый как собака [БТСРЯ, 2003, с. 1224] говорится об очень усталом человеке;

как вороново крыло [ФСРЛЯ, 2008, с. 98] обозначает черный с синеватым отливом [преимущественно о волосах];

голоден как волк (быка бы съел) [ФСРЛЯ, 2008, с. 258] говорится об очень голодном человеке;

тянуть kota за хвост (не тяни kota за хвост) [БСРП, 2007, с. 331] значит нудно, медленно говорить;

волком смотреть (посмотреть) [БТФС, 2005, с. 97] обозначает иметь угрюмый, недружелюбный, враждебный вид;

считать ворон (галок) — 1) ротозейничать, глазеть по сторонам;
2) проводить время в праздности, бездельничать;

сидит как на корове седло [ФСРЛЯ, 2008, с. 336] нескладно, плохо (об одежде).

ё) Интеллектуальные способности и навыки:

глуп как баран говорится об очень глупом человеке;

ставить (поставить) на верную лошадку [БСРП, 2007, с. 287] — выиграть, предугадав верную расстановку сил, точно рассчитав ход событий;

оцеживать комара [БСРП, 2007, с. 395] излишне заботиться о мелочах, забывая о главном;

обуть корову в лапти [БСРП, 2007, с. 401] сделать что-л. ненужное, даже глупое.

4. Адвербиальные ФЕ

Н. Ф. Алефиренко считает, что «адвербиальность ФЕ может определяться семантико-грамматической сменой их фразеобразующих компонентов, что является результатом взаимодействия между разными уровнями языковой системы, определяющими структурные типы, семантические и грамматические свойства ФЕ» [Алефиренко, 1998]. Пример адвербиальных ФЕ:

как с гуся вода с кого-л. (слетать (сходить) как с гуся вода) — легко, быстро, бесследно исчезает, забывается и т. п. что-либо кем-л и другие.

Все перечисленные выше обороты являются целиком образными. В большинстве ФЕ данного структурного типа имеются постпозитивные определения, иногда препозитивные определения, а предлог в составе оборота, как правило, утрачивает свое грамматическое назначение.

как собака — прост, очень сильно, до крайности (устал, голоден, замерз и т. п.);

как (будто словно точно) из рога изобилия — в огромном количестве, неисчерпаемо;

как собак нерезаных — в огромном количестве.

3.2. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в арабском языке

В арабском языке есть распространенные формы выражений, в том числе те, которые подпадают под контекстное выражение, или словосочетания, которые определяются как «группа слов с определенным значением, стремящихся быть связанными друг с другом в силу традиции и привычки» [Khifājī, 2007, с. 243]. В том числе и то, что попадает в рамки фразеологизма, который определяется как фиксированная группа слов, несущая особое значение, не вытекающее из совокупности значений составляющих ее слов [Khifājī, 2007, с. 260].

Наиболее известные источники ФЕ в арабском языке, следующие:

Литературные произведения, например, высказывание *волка* в книге «Муджаласат Альмилиук» [Al-Nahrawāī, 2005, с. 268].

Книги по риторике и критике: Эта группа арабских источников оказала большое влияние на изучение арабских пословиц, особенно связанных с аспектами риторики и критики, поскольку она занимает самое широкое место и является наиболее полной в передаче нам большой группы арабских пословиц. Отметим среди этих источников «Животные» [Al-Jāhiz, 2002, с. 178].

Книги по грамматике: лингвисты-арабы упоминают ФЕ в книгах по грамматике для извлечения общего грамматического правила. Один из наиболее известных источников в этой связи «Сборник по общей грамматике арабского языка» А. О. Сибавейхи, в которой указываются структура ФЕ и правила ее использования [Omar, 2012, с. 158].

Словари и сборник пословиц и поговорок: древние арабские языковеды обращали особое внимание на сбор пословиц и поговорок. В этой связи указываем на книги Al-bayān al-ma‘ānī (2010), и словарь Mu‘jam al-Amthāl (1972) и словарь «Лисан ал-Араб (Язык арабов)» ибн Манзура [Khifājī, 2007, с. 268-269].

В отличие от исследований других языков, в том числе русского, интерес арабских лингвистов к сбору и описанию источников ФЕ исходит из других целей: грамматистов и языковедов интересовало сообщение услышанного об арабах вообще, будь то поэзия или проза, и изучение ФЕ помогает раскрыть культурно-национальное наследие, тем более оно приводит к обнаружению влияющих отношений между арабами и теми, кто их окружал из других жителей и рас, как то сирийцами, абиссинцами и др. [Al-Sharārī, 2005, с. 34]. С другой стороны, ФЕ обычно указывает на четкую отсылку к социальной и политической жизни, в которой жили арабы на определенном этапе арабской истории, особенно в доисламскую эпоху до конца первого века хиджры. можно назвать разговорными народными пословицами, которые относятся к устоявшимся в сознании арабов социальным, политическим и религиозным принципам [‘Abd al-Raḥmān, 1987, с. 89]. Также мы думаем, что ФЕ в арабском языке относятся к тем языковым, культурным и цивилизационным явлениям, которые появились у арабов в результате их соседства и в результате влияния арабского языка на другие языки, которые его окружают, в дополнение к проникновению этих культур в арабский язык и культуру после принятия этими иностранцами ислама, и они оказали большое влияние на жизнь арабов.

Классификация ФЕ с компонентом-зоонимом в арабском языке

ФЕ с компонентом-зоонимом можно разделить на группы с грамматико-семантической точки зрения:

- 1) сравнительная глагольная форма (ṣiḡhat l-muqarana - 'af 'alu min);
- 2) условная форма (ṣiḡhat l-sharṭiya);
- 3) родительный падеж (al-muḍāf wa l-muḍāf ileyhi).

1) Сравнительная глагольная форма (ṣiḡhat l-muqarana - 'af 'alu min): Выделение этой формы среди других форм ФЕ делает ее большой удачей для филологов, специализирующихся на пословицах, которые мы не можем ограничить или определить. По мнению ат-Таалиби, интерес арабов к этой особой форме пословиц дошел до того, что они увеличили свои ФЕ, принимая во внимание, что эти новые пословицы сохраняли меру этой выдающейся формы. [Al-Tha'ālibī, 2007, с. 45] (см. Таблица No. 1).

Русский перевод араб. ФЕ	Интерпретации	Арабские ФЕ
(кто-либо) смелее мухи	Потому что мухи очень смелые.	'ajra min al-dhubāb
(кто-либо) зрячее змеи	Потому что змея славится остротой зрения.	'abṣaru min ḥayya fulan
(кто-либо) скупее собаки, поедаящей падаль	Когда собака ест падаль, она не оставляет кусков другим животным.	'abkhalu min kalb ya'kulu jifat-an
(кто-либо) невежественнее осла	Потому что осел, как правило, не знает своего пункта назначения или цели.	'ajhalu min ḥimār

(кто-либо) неуклюжее голубя	Потому что голубь с трудом различает, что ему полезно, а что вредит.	'akhlaqu min ḥamam
Он любит воровство больше, чем крыса	Потому что крыса известна тем, что крадется и ворует еду.	'asraqū min jaradh
вернее кошки	Потому что кошка дружелюбна и верна своему хозяину	'aṣḍaqu min hirra
Он знает места (не теряется) больше, чем верблюд	Потому что верблюд очень хорошо знает, как ходить по пустыне и ее тропам.	'ahda min jamal

Таблица No. 1. ФЕ, которые отражают внутренние качества человека

2) условная форма (ṣiḡhat l-shartīya)

К отличительным формам арабских ФЕ относится условная форма [ṣiḡhat l-shartīya], означающая, что ФЕ идут со значением условной формы, в той или иной степени распространенная в арабских пословицах. Принимая во внимание, что сравнительная форма является самой распространенной из всех, но условная форма ФЕ придавала ей больше устойчивости [Khifājī, 2007, с. 267] (см. Таблица No. 2).

Русский перевод араб. ФЕ	Интерпретации	Арабские ФЕ
Тот, кто заботится о волке, обижает (овца).	Потому что волку не доверена овца	man astar'ā l-dhi'b zūlm (al-ghanamu)

(Я сделаю), если ворона состарится (станет белой)	Указывает на невозможность, потому что невозможно, чтобы цвет вороны стал белым.	ḥattā yushību l-ghurab
(Я сделаю), если мышь отложит яйцо	Это указывает на невозможность, потому что невозможно, чтобы мышь откладывала яйца.	ḥattā yabyaḍḍu l-fāru
Если вы проголодаетесь, ваша собака последует за вами	Потому что она следует за своим хозяином, чтобы съесть его	ʿidhā 'aja' ta kalbak yatba' ka
Если твоя собака толстая, она тебя съест	Потому что она может предать своего хозяина, когда чувствует себя сильным	ʿidhā sammanta kalbak ya' kulka
Когда змея рождается, она рождает змею, подобную ей	Потому что змея (мать) влияет на дочь и передает ей свою злобу,	ʿindamā talidu l-hayya talidu hayyat-an mithla-ha

Таблица No. 2. ФЕ, которые выражают похожесть, действие и поступки людей

3) Родительный падеж (al-muḍāf wa l-muḍāf ileyhi):

Арабский язык включает в себя отчетливую форму, подчиненную определенной синтаксической системе, а именно родительный падеж. Отношение между генитивом и прибавленным становится скорее метафорой, чем реальностью [Al-Nāshimī, 2006, с. 119] (см. Таблица No. 3).

Русский перевод араб. ФЕ	Интерпретации	Арабские ФЕ
дерево (место)волка	Говорится, когда человек постоянно находится в каком-либо месте.	shajara (mahall) dhi'b al-khamr
(Они пришли) как муравьи	Указывает на большое количество людей.	(ja'ū) mithla l-naml
одинокий жеребенок	Говорится о человеке, который долгое время остается одиноким.	jaḥīsh waḥdatuhu
тело мулов	Указывает на большой размер тела.	jism al-bighāl

Таблица No. 3. ФЕ, которые содержат отчетливую форму, подчиненную определенной синтаксической системе

3.3. Функционирование эмотивных зооморфизмов в речевой практике носителей русского и арабского языков

Эмотивный зооморфизм является противоположностью приписывания животным ментальных состояний, поскольку его формирование начинается с интерпретации психических состояний животных и лишь затем, в качестве ассоциации, переносится на оценку человеческого поведения. В теоретической части нашего исследования мы продемонстрировали типичные представления об эмотивных зооморфизмах в лексикографических источниках. С целью подтвердить и расширить представление о современном понимании эмотивных зооморфизмов и для достижения полного раскрытия особенностей языкового сознания и ментальности носителей рассматриваемых языков мы включили в

исследование экспериментальную часть, заключающуюся в анализе точек зрения носителей арабского и русского языков касательно ряда предложенных эмотивных зооморфизмов.

Для создания опроса мы выбрали несколько животных, которые живут в русской и арабской средах, с которыми люди часто встречаются в повседневной жизни.

Идея эксперимента

До определения окончательной цели эксперимента исследования нами было выбрано несколько вопросов о сути эксперимента и о полученных данных. Наиболее важные вопросы представлены ниже.

1. Отличается ли современное понимание эмотивных зооморфизмов в менталитете современных представителей исследуемых языков от изложенного в «несовременной» литературе, справочниках и источниках? и если отличается, то до какой степени?

2. Каковы ожидаемые результаты эксперимента? Возможно ли проявление сходства мнений представителей исследуемых языков?

3. Каким образом будут рассматриваться полученные результаты эксперимента? Появится ли дополнение к зафиксированным запасам значений эмотивных зооморфизмов или, вообще, в результате развития языков, будут преобладать новые «окраски» эмотивных зооморфизмов в их использовании в коммуникации и, соответственно, в языках?

4. Возможно ли на основе результатов эксперимента проводить широкие исследования, в которых развивается данная тема в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, преподавания русского языка как иностранного, в арабской аудитории и других аспектах исследования?

5. Какие методики можно использовать при выполнении эксперимента? Каким образом использование статистики позволяет сделать логический вывод на основе случайной выборки респондентов или языковых выражений и ментальных представлений?

Ответы на все эти вопросы приводятся в заключении ассоциативного эксперимента.

Идея эксперимента заключается в раскрытии особенностей эмотивных зооморфизмов и межкультурного представления о человеке в различных не соседних культурах и языках (русском и арабском). Рассмотрение материала в лингвокультурологическом аспекте позволяет лучше понимать привычки и традиции, этические и эстетические ценности русской и арабской культур.

Эксперимент выполнен с помощью опроса носителей арабского и русского языков на тему их представлений о ментальных, эмотивных и физических качествах различных животных, а также о характеристиках их образов.

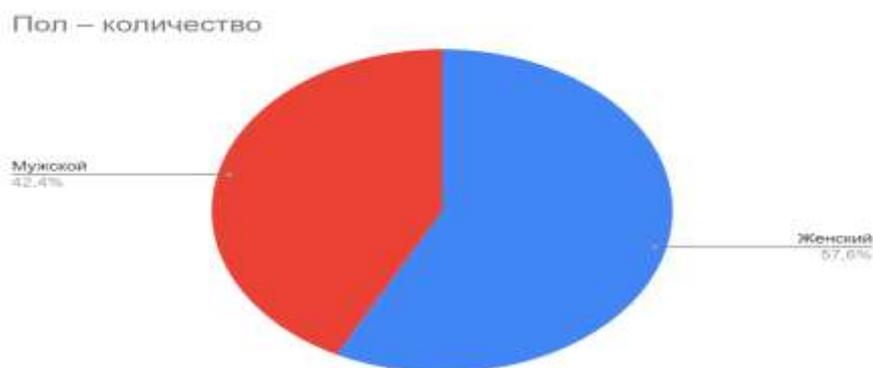
Цель эксперимента

На основе значений зооморфизмов и отражения в них внутренних качеств и внешнего вида человека и эмоций, связанных с ним, рассматриваются различия между русской и арабской культурами, в особенности, между представлениями о человеке и окружающем его мире. Эксперимент раскрывает лингвокультурологические особенности идентификации человека с животными.

Условия проведения эксперимента

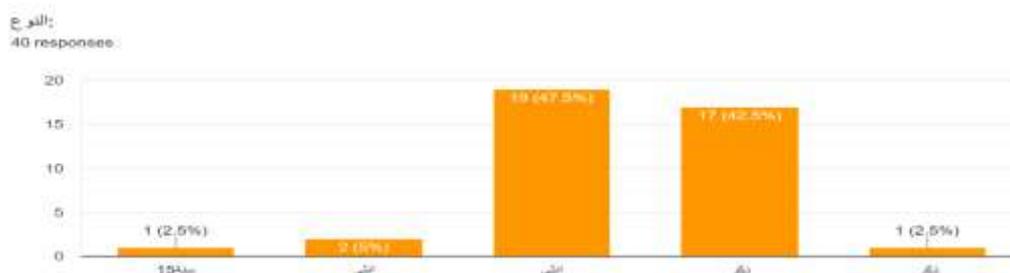
Нами были составлены онлайн опросы при помощи сервисов Google Document. В опросе приняли участие 100 носителей русского языка и 40 — арабского языка, которые ответили на 45 вопросов (вопросы, соответственно, были сформулированы на русском и на арабском языках). Опрос был проведен в феврале 2022 года.

Представители женского пола в обоих языках занимают значительную долю. Среди общего количества русских респондентов эксперимента представители мужского пола составляют 42.4%, а женского пола 57.6% (рис. 1.1).

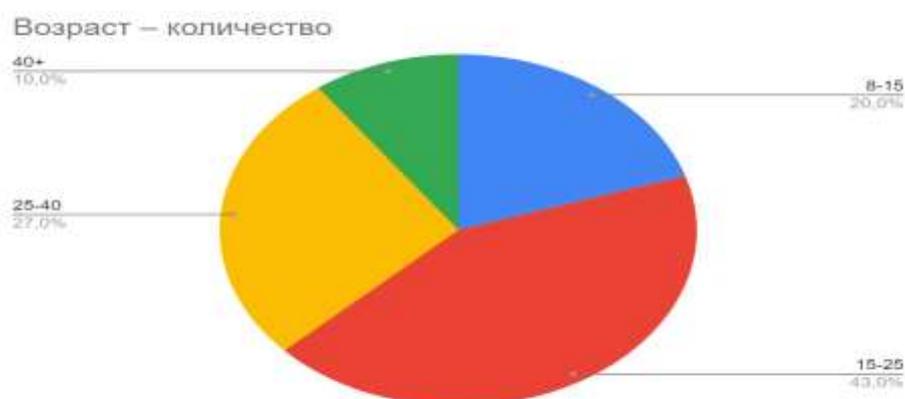
1.1 Соотношение мужчин и женщин среди русских респондентов эксперимента

Эти показатели не очень отличаются от данных об арабских участниках эксперимента, представители мужского пола составляют 42.4 %, а женского пола 57.6% (рис. 1.2).

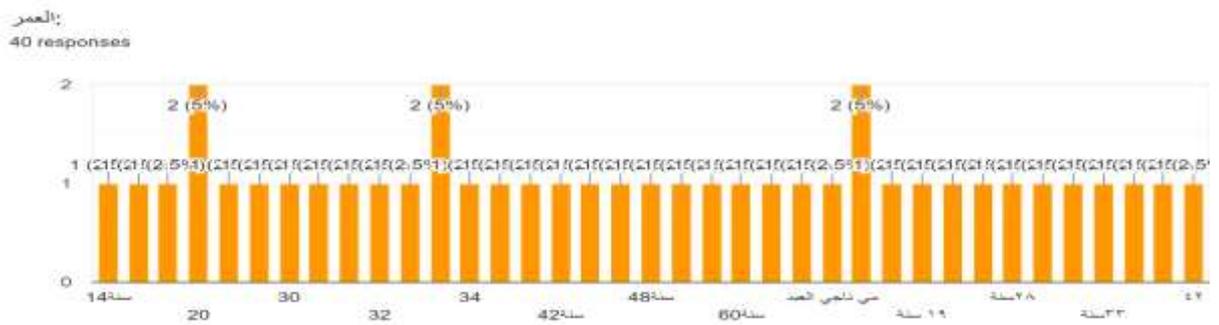

1.2 Соотношение мужчин и женщин среди арабских респондентов эксперимента

С точки зрения возраста респонденты определяются следующим образом (14 лет — 60 лет) (рис. 1.3) и (рис. 1.4).

1.3 Категории возраста русских респондентов эксперимента

1.4 Категории возраста арабских респондентов эксперимента

Экспериментальные материалы

Эксперимент включает в себя описание характеристик, распространенных в обеих культурах животных: *бык, кот (кошка), собака, козел, свинья, лиса, корова, жираф и другие*. При подборе зооморфных образов в ассоциативном эксперименте уделяется особое внимание животным, с которыми обращается человек в повседневной жизни, например *кот (кошка), собака, корова, свинья*, или употребление их в метафорическом значении в процессе коммуникации, таких как *свинья, лиса, волк* и другие. В ответ на свободные вопросы респонденты дали нам несколько других образов, которые тоже отражают ментальные аспекты и характеристики, связанные с этими аспектами.

Виды вопросов ассоциативного эксперимента

Для получения более эффективных и достоверных ответов респондентов на вопросы ассоциативного эксперимента использовались разные виды вопросов.

а) Открытые вопросы

Открытые вопросы задаются в свободной форме, которая позволяет респондентам ответить, основываясь на своих полных знаниях, чувствах и понимании. Это означает, что ответы на такие вопросы не ограничиваются набором вариантов.

В открытых вопросах мы дали возможность участникам эксперимента выбрать любой животный образ или связанные с ними эмоции. В результате мы

получили, как излагается ниже, определенный перечень эмотивных зооморфизмов. С другой стороны, на открытые вопросы никогда нельзя ответить определенным словом. Они могут быть в виде списков, предложений или чего-то более длинного, например, целого абзаца. Ответы на такие вопросы представлены в рисунках (рис. 5.1) и (рис. 5.2).

б) Закрытые вопросы

Закрытые вопросы определяются как типы вопросов, в которых участнику эксперимента предлагается выбрать из определенного набора predetermined ответов, таких как «да/нет» или среди заданных вопросов с несколькими вариантами ответов на выбор того или иного животного образа. Закрытые вопросы в эксперименте обеспечивают контроль над сбором определенной информации. Для расширения палитры реакций мы ввели в перечень возможных ответов различные стимулы (название эмоции или состояния (например, радость); вербальное проявление эмоции или состояния (например, потрясающе); вербализация нейтрального самоощущения (например, нормальный/ая). Ответы на такие вопросы представлены в рисунках (рис. 1.1) до (рис. 4.10).

Изложение мнений респондентов - носителей русского и арабского языков.

Бык

По мнению русских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «**бык**», у них возникают следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте удивление; на 2-м месте безразличие; на 3-м месте смех (удовлетворение); на 4-м месте возбуждение; на 5-м месте интерес; на 6-м месте обычный; на 7-м месте радость; на 8-м месте забавный ; на 9-м месте восхищение; на 10-м месте потрясающе (см. рис. 2.1).

Какие эмоции вы испытываете, если действующим лицом в книге или фильме является: бык – количество

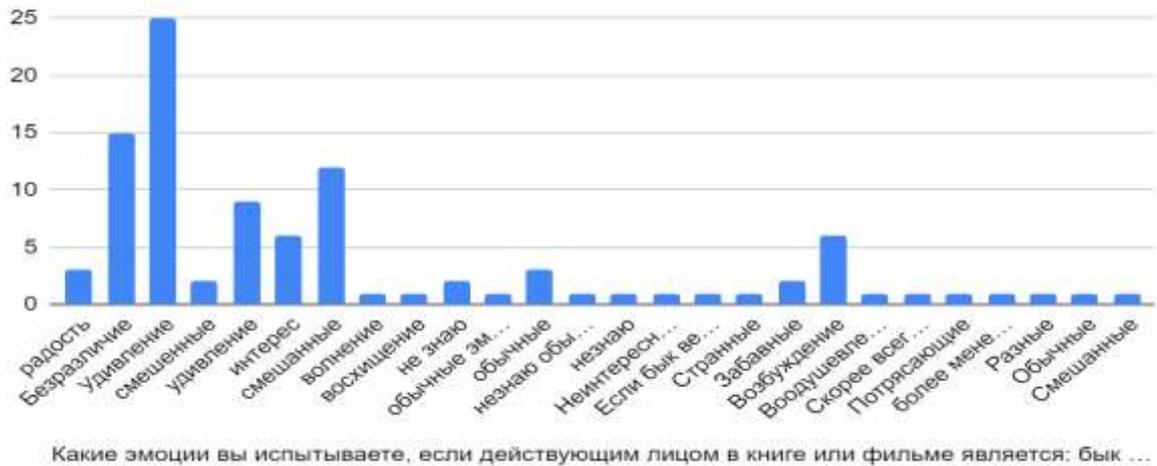

Рис.2.1 Эмоции, вызванные образом «бык», по мнению русских респондентов эксперимента

По мнению арабских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «**бык**», у них возникают следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте страх; на 2-м месте раздражение (гнев); на 3-м месте сила (удовлетворение); на 4-м месте удивление ; на 5-м месте варваризм (страх и гнев); на 6-м месте гнев; на 7-м месте печаль (грусть) (см. рис. 2.2). Сверху вниз последовательно называются без повторения: страх, гнев/раздражение, сила/удовлетворение, удивление, варваризм, раздражение).

ما هي المشاعر التي تشعر بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: ثور
40 responses

Рис. 2.2 Эмоции, вызванные образом «бык», по мнению арабских респондентов эксперимента

Козел

По мнению русских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «козел», у них появляются следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте безразличие; на 2-м месте смех; на 3-м месте отвращение; на 4-м месте удивление ; на 5-м месте приподнятость; на 6-м месте радость; на 7-м месте интерес, на 8-м месте скука ; на 9-м месте волнение; на 10-м месте счастье (рис. 2.3).

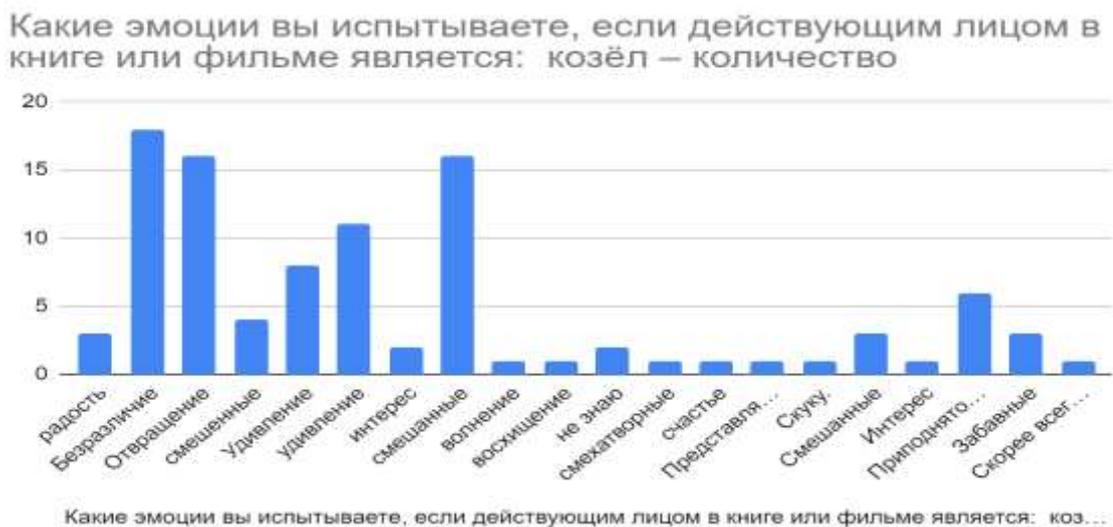

Рис. 2.3 Эмоции, вызванные образом «козел», по мнению русских респондентов эксперимента

По мнению арабских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «козел», у них появляются следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте страх; на 2-м месте глупость (гнев); на 3-м месте печаль (грусть); на 4-м месте презрение ; на 5-м месте сила; на 6-м месте отвращение; на 7-м месте удивление; на 8-м месте смех; на 9-м месте волнение (см. рис. 2.4). Сверху вниз последовательно называются без повторения: страх, глупость/неудовлетворение, гнев/раздражение, печаль, отвращение, иметь контроль/удовлетворение).

ما هي المشاعر التي تشعر بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: تيس (ذكر الماعز)
40 responses

Рис. 2.4 Эмоции, вызванные образом «козел», по мнению арабских респондентов эксперимента

Лиса

По мнению русских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «лиса», у них возникают следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте восхищение; на 2-м месте интерес; на 3-м месте страх; на 4-м месте радость (удовлетворение); на 5-м месте любопытство; на 6-м месте хитрость; на 7-м месте восхищение (рис. 2.5).

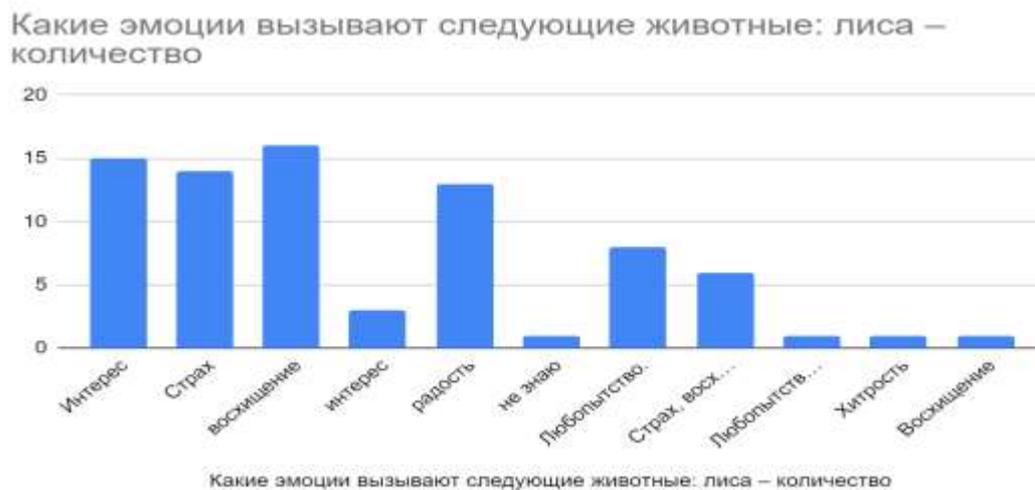

Рис. 2.5 Эмоции, вызванные образом «лиса», по мнению русских респондентов эксперимента

По мнению арабских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «лиса», у них возникают следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте хитрость; на 2-м месте предательство (гнев); на 3-м месте сила (удовлетворение); на 4-м месте интеллект; на 5-м месте

осторожность (см. рис. 2.6). Слева направо последовательно называются без повторения: гнев, хитрость, предательство, интеллект, осторожность).

ما هي المشاعر التي تتسبب بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: ذئب

:40 responses

الماكرة
خيانة
الخداع
قروض
الذكاء
التباهاة
الحذر

Рис. 2.6 Эмоции, вызванные образом «лиса», по мнению арабских респондентов эксперимента

Собака

По мнению русских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «собака», то у них возникают следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте счастье (радость); на 2-м месте смех (удовлетворение); на 3-м месте страх; на 4-м месте восхищение; на 5-м месте интерес (рис. 2.7).

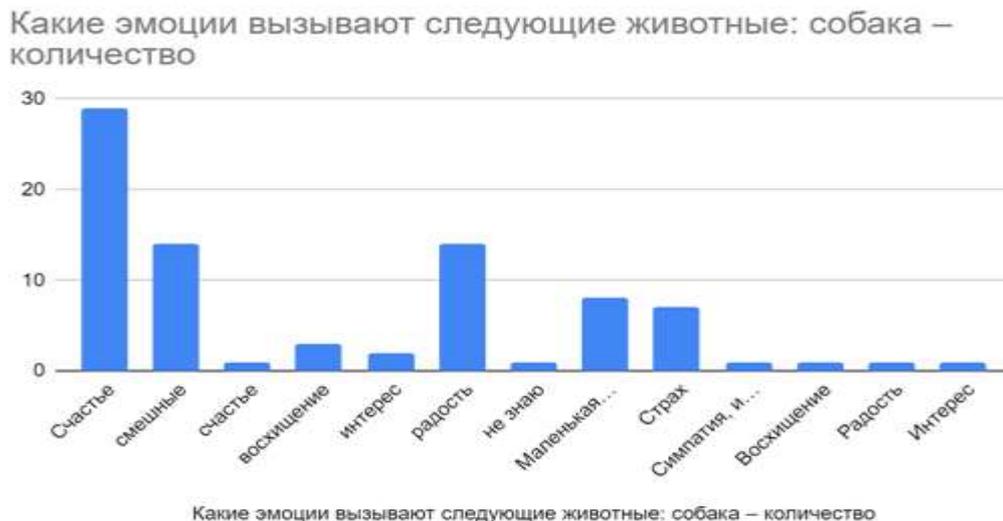

Рис. 2.7 Эмоции, вызванные образом «собака», по мнению русских респондентов эксперимента

По мнению арабских респондентов эксперимента, когда героем в книге или фильме является «собака», у них это вызывает следующие состояния, эмоции и представления о них: на 1-м месте страх; на 2-м месте безопасность (удовлетворение); на 3-м месте счастье; на 4-м месте презрение; на 5-м месте отвращение (см. рис. 2.8). Сверху вниз последовательно называются без повторения: страх, счастье, верность, отвращение).

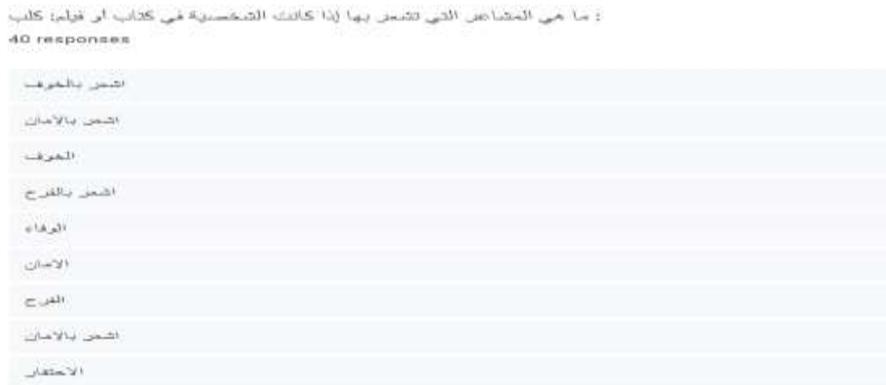

Рис. 2.8 Эмоции, вызванные образом «собака», по мнению арабских респондентов эксперимента

В ответ на вопрос, какое животное вызывает указанные эмоции, получили следующие данные.

Эмоция печаль (грусть)

Для носителей русского языка: на 1-м месте — нет такого; на 2-м месте — свинья; на 3-м месте — осел; на 4-м месте — собака; на 5-м месте — волк; на 4-м месте — медведь; на 5-м месте — змея; на 6-м месте — лиса; на 7-м — филин (рис. 3.1).

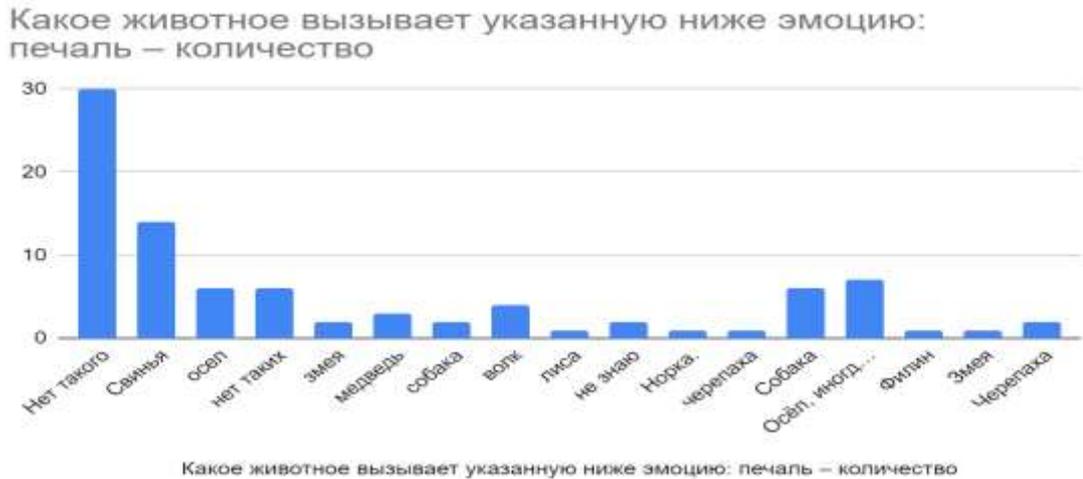

Рис. 3.1 Животные образы, вызывающие эмоцию «печаль (грусть)», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — свинья; на 2-м месте — мышь; на 3-м месте — осел; на 4-м месте — лиса; на 5-м месте — кошка (см. рис. 3.2). От большего к меньшему последовательно называются: свинья, мышь, осел, кошка).

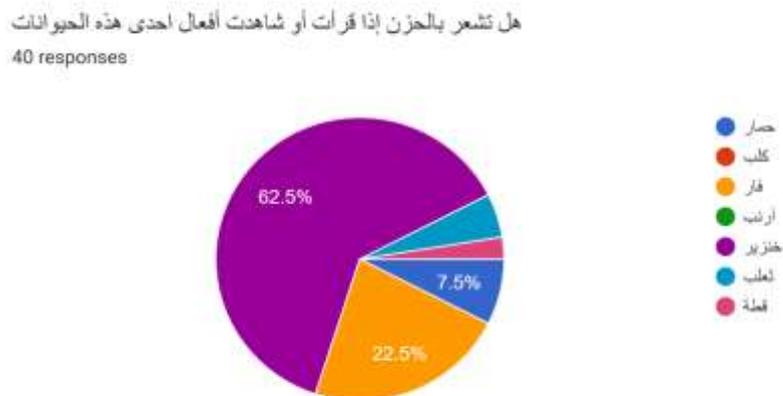
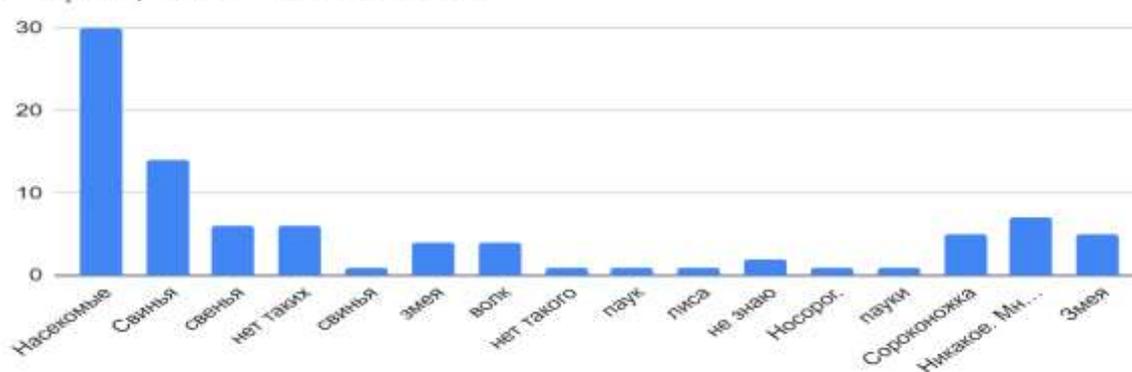

Рис. 3.2 Животные образы, вызывающие эмоцию «печаль (грусть)», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция отвращение

Для носителей русского языка: на 1-м месте — насекомые; на 2-м месте — свинья; на 3-м месте — сороконожка; на 4-м месте — змея; на 5-м месте — паук; на 6-м месте — волк (рис. 3.3).

Какое животное вызывает указанную ниже эмоцию:
отвращение – количество

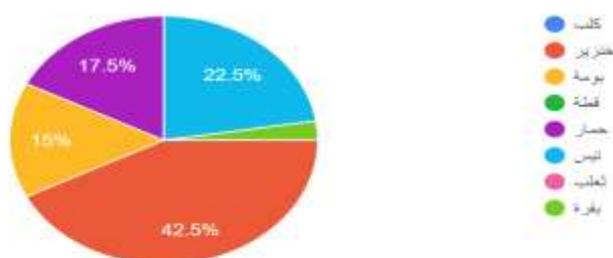

Какое животное вызывает указанную ниже эмоцию: отвращение – количество

3.3 Животные образы, вызывающие эмоцию «отвращение», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — свинья; на 2-м месте — собака; на 3-м месте — осел; на 4-м месте — сова; на 5-м месте — корова; на 6-м месте — кошка; на 7-м месте — лиса (см. рис. 3.4. От большего к меньшему последовательно называются: свинья, собака, осел, сова, корова, кошка, лиса).

تسعر بالاحتقار إذا كانت شخصية قصتك أو فيلمك إحدى هذه الحيوانات
40 responses

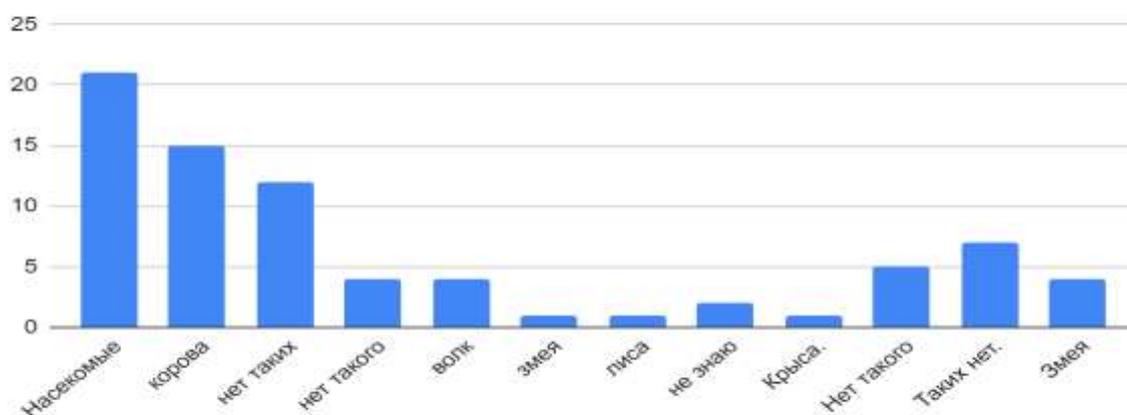

3.4 Животные образы, вызывающие эмоцию «отвращение», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция презрение

Для носителей русского языка: на 1-м месте — насекомые; на 2-м месте — корова; на 3-м месте — змея; на 4-м месте — волк; на 5-м месте — лиса; на 6-м месте — крыса (рис. 3.5).

Какое животное вызывает указанную ниже эмоцию:
презрение – количество

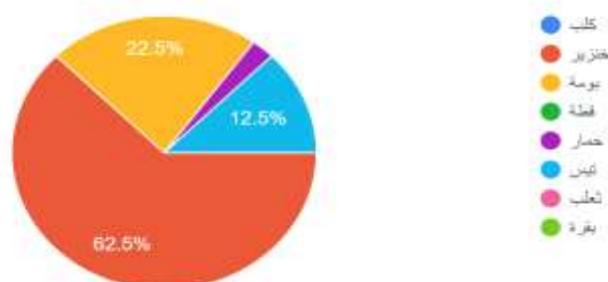

Какое животное вызывает указанную ниже эмоцию: презрение – количество

3.5 Животные образы, вызывающие эмоцию «презрение», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — свинья; на 2-м месте — сова; на 3-м месте — козел; на 4-м месте — осел; на 4-м месте — корова; на 5-м месте — кошка; на 6-м месте — лиса; на 7-м месте — бык (см. рис. 3.6). От большего к меньшему последовательно называются: свинья, сова, козел, осел, корова, кошка, лиса, бык).

تشعر بالاشمئزاز إذا كانت شخصية قصتك أو فيلمك إحدى هذه الحيوانات
40 responses

3.6 Животные образы, вызывающие эмоцию «презрение», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция гнев (раздражение)

Для носителей русского языка: на 1-м месте — индюк; на 2-м месте — волк; на 3-м месте — осёл; на 4-м месте — баран; на 5-м месте — собака; на 6-м месте — крокодил; на 7-м месте — гиена (рис. 3.7).

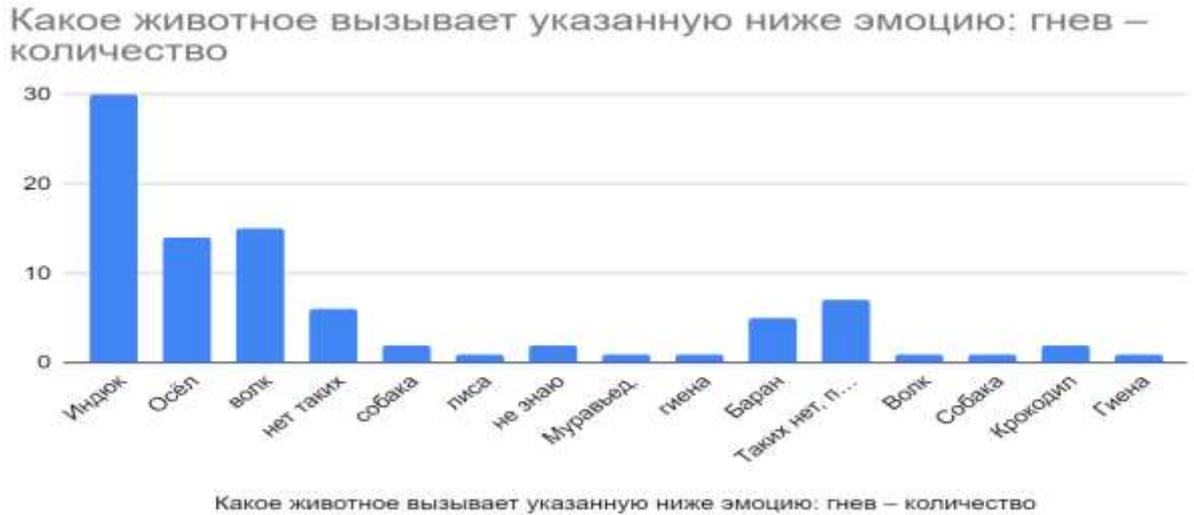

Рис. 3.7 Животные образы, вызывающие эмоцию «гнев», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — свинья; на 2-м месте — змея; на 3-м месте — корова; на 4-м месте — собака; на 5-м месте — лиса; на 6-м месте — кошка; на 7-м месте — змея; на 8-м месте — другое животное б/н (рис. (см. рис. 3.8). От большего к меньшему последовательно называются: свинья, змея, корова, собака, лиса, кошка, змея, другое животное).

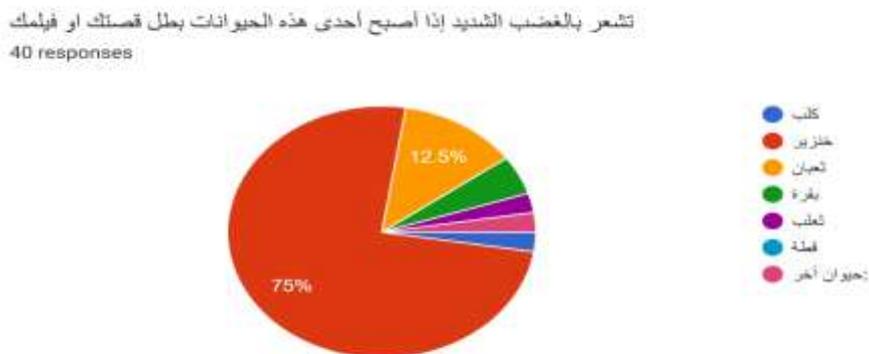

Рис. 3.8 Животные образы, вызывающие эмоцию «гнев», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция страх

Для носителей русского языка: на 1-м месте — змея; на 2-м месте — индюк; на 3-м месте — бык; на 4-м месте — медведь; на 5-м месте — волк; на 6-м месте — паук; на 7-м месте — тигр; на 8-м месте — лиса; на 9-м месте — ягуар (рис. 3.9).

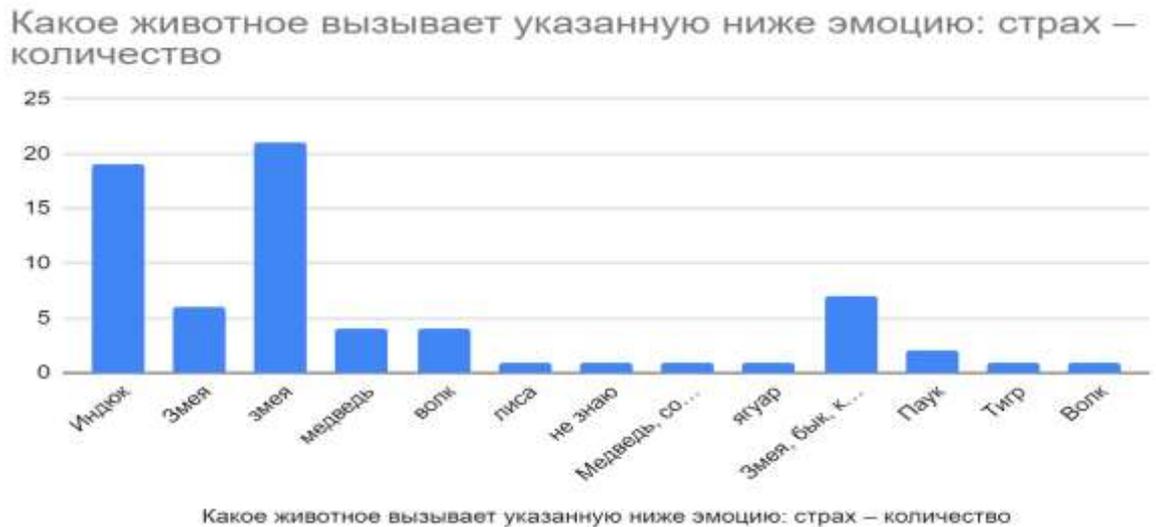

Рис. 3.9 Животные образы, вызывающие эмоцию «страх», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — волк; на 2-м месте — змея; на 3-м месте — ворона; на 4-м месте — собака; на 5-м месте — лиса; на 6-м месте — змея; на 7-м месте — воробей (см. рис. 3.10. От большего к меньшему последовательно называются: волк, змея, ворона, собака, лиса, собака, змея, воробей).

Рис. 3.10. Животные образы, вызывающие эмоцию «страх», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция радость (счастье)

Для носителей русского языка: на 1-м месте — собака; на 2-м месте — кот; на 3-м месте — лошадь; на 4-м — месте лиса; на 5-м месте — волк (рис. 3.11).

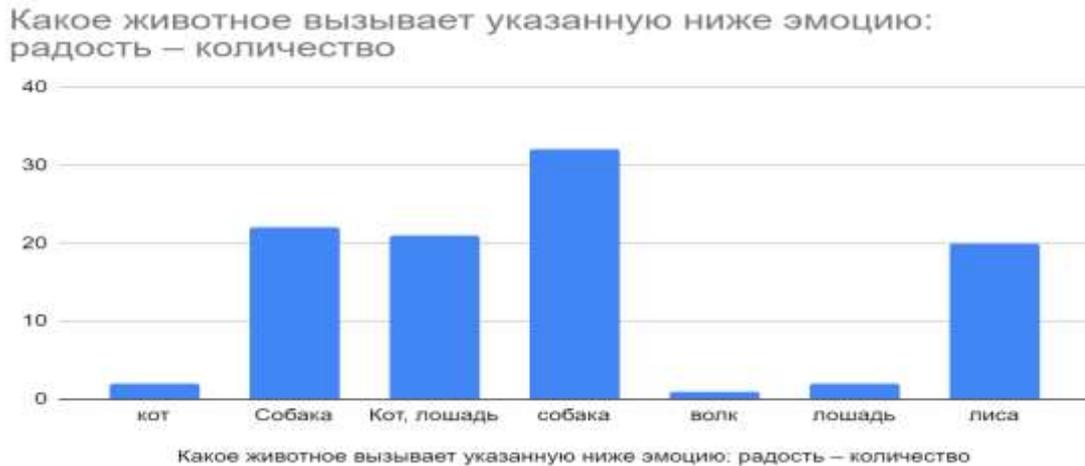

Рис. 3.11 Животные образы, вызывающие эмоцию «радость», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — кот; на 2-м месте — волк; на 3-м месте — олень; на 4-м месте — корова; на 5-м месте — лев; на 6-м месте — баран; на 7-м месте — кошка; на 8-м месте — олень; на 9-м месте — другое животное б/н (см. рис. 3.12). С большого на маленький последовательно называются: кот, волк, олень, корова, лев, баран, кошка, олень, другое животное).

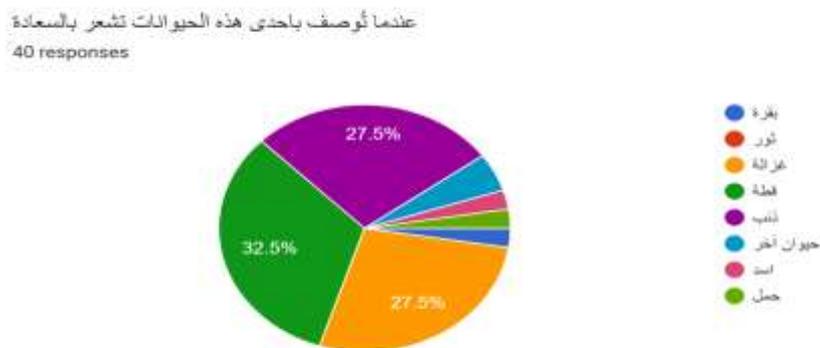

Рис.3. 12 Животные образы, вызывающие эмоцию «радость», по мнению арабских респондентов эксперимента

Эмоция удивление

Для носителей русского языка: на 1-м месте — ворон; на 2-м месте — змея; на 3-м месте — козел; на 4-м месте — осел; на 5-м месте — волк; на 6-м месте — жираф; на 7-м месте — капибара; на 8-м месте — собака; на 9-м месте — филин; на 9-м месте — сова; на 11-м месте — лиса (рис. 3.13).

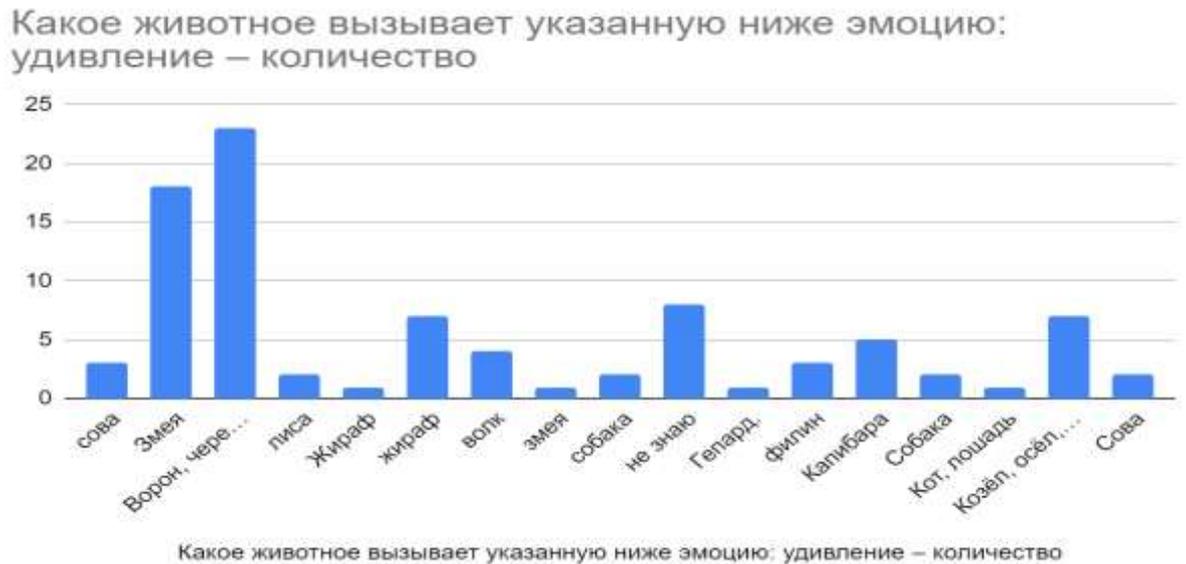

Рис. 3.13 Животные образы, вызывающие эмоцию «удивление», по мнению русских респондентов эксперимента

Для носителей арабского языка: на 1-м месте — курица; на 2-м месте — корова; на 3-м месте — заяц; на 4-м месте — бык; на 5-м месте — осел (см. рис. 3.14. От большего к меньшему последовательно называются: курица, корова, заяц, бык, осел, другое животное).

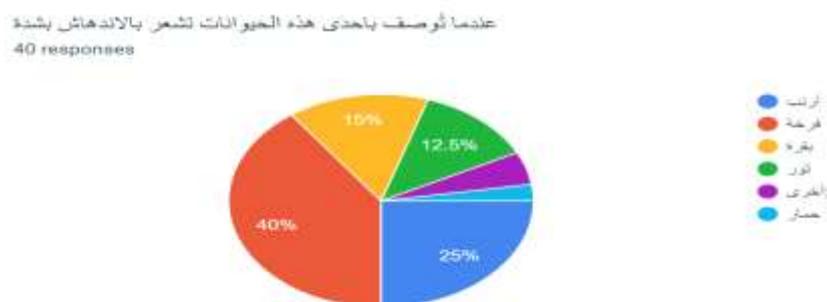

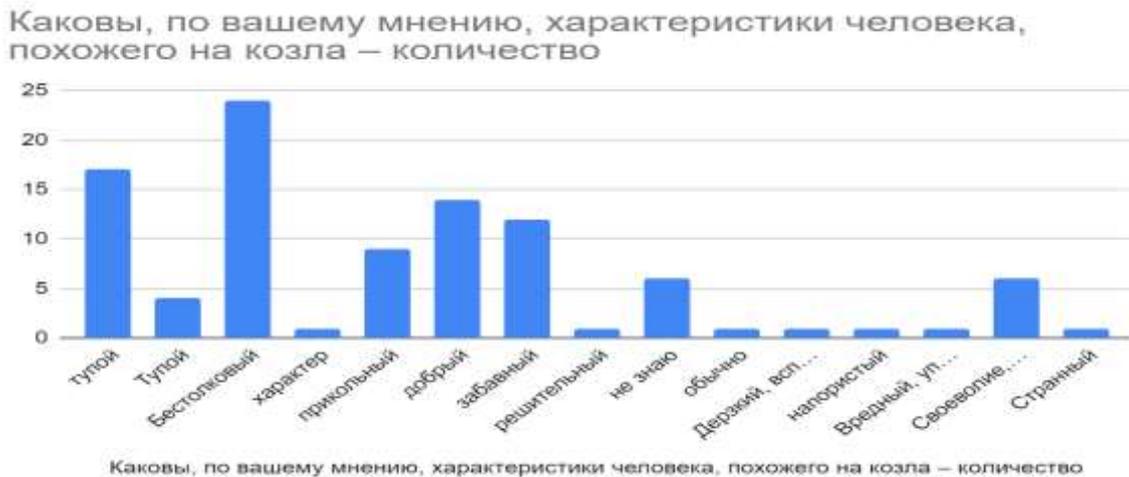
Рис. 3.14 Животные образы, вызывающие эмоцию «удивление», по мнению арабских респондентов эксперимента

В третьей части эксперимента участникам был задан вопрос об определении качеств самых распространенных животных у русских и арабских народов.

Образ «козел»

Козел: отпущения 19; рогатый 12; борода, 8- животное, 5; дурак 4, осел, рога 3; баран, бородатый, вонючий, коза, молодой, сам козел, с рогами, старый, 2 белый, благородный, враг, горный, грязный, двурогий, жмот, зверь, зеленый, ишак, козлов много, козлы, корова, ладить, лектор, луг, московский, мужик, несчастный, обезьяна; осел, мишка; прыгнул, рога длинные, ругательство, рябой, сам такой, серый, скакать, с капустой, смущение, тапки, тупой, ты, ты недобитый, ты этакий, у бабушки, упал, урод [Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 258].

Для респондентов-носителей русского языка образ «козел» олицетворяет следующее: на 1-м месте — бестолковый; на 2-м месте — тупой; на 3-м месте — добрый; на 4-м месте — забавный; на 5-м месте — своевольный; на 6-м месте — дерзкий; на 7-м месте — странный; на 8-м месте — вредный (рис. 4.1).

4.1 Характеристики человека, похожего на «козла», по мнению русских респондентов эксперимента

Для респондентов-носителей арабского языка образ «козел» олицетворяет следующее: на 1-м месте — глупый; на 2-м месте — грязный; на 3-м месте — варварский; на 4-м месте — одержимый едой и сексом; на 5-м месте — властный; на 6-м месте — некрасивый; на 7-м месте — полоумный (см. рис. 4.2). Сверху

вниз последовательно называются без повторения: глупый, грязный, варварский, одержимый едой и сексом, властный, некрасивый, полоумный).

ما صفات الانسان الذي يشبه الكيس في وجهة نظرك؟
40 responses

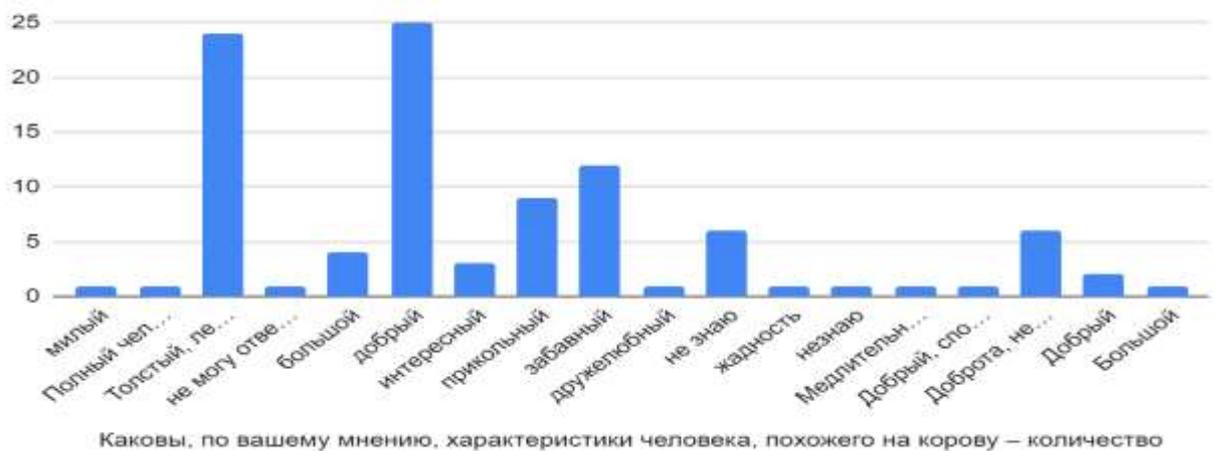
عبي
غير نظيف
همجي
الخياء وقوة الجنس
انسان مصلط
انسان عبي
القبيح
انسان عبي
عبيط

4.2 Характеристики человека, похожего на «козла», по мнению арабских респондентов эксперимента

Образ «корова»

Для респондентов-носителей русского языка образ «корова» олицетворяет следующее: на 1-м месте — добрый; на 2-м месте — толстый; на 3-м месте — забавный; на 4-м месте — прикольный; на 5-м месте — большой; на 6-м месте — интересный; на 7-м месте — дружелюбный (рис. 4.3).

Каковы, по вашему мнению, характеристики человека, похожего на корову – количество

4.3 Характеристики человека, похожего на «корову», по мнению русских респондентов эксперимента

Для респондентов-носителей арабского языка образ «*корова*» олицетворяет следующее: на 1-м месте — щедрый; на 2-м месте — добрый; на 3-м месте — толстый; на 4-м месте — глупый; на 5-м месте ленивый (см. рис. 4.4). Сверху вниз последовательно называются без повторения: щедрый, добрый, толстый, глупый, ленивый).

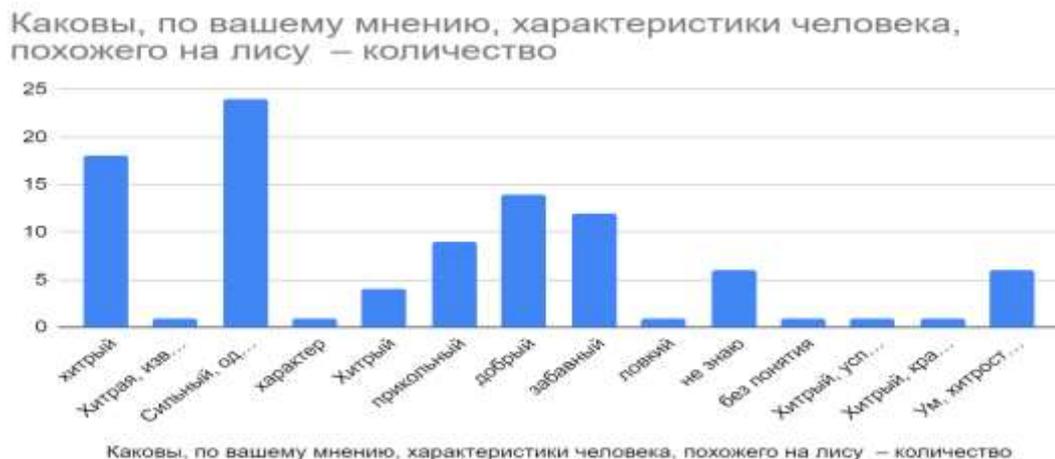
بعيدا عن السياق الدبلي: ما صفات الانسان الذي يتببه البقرة في وجهة نظرك؟
40 responses

4.4 Характеристики человека, похожего на «корову», по мнению русских респондентов эксперимента

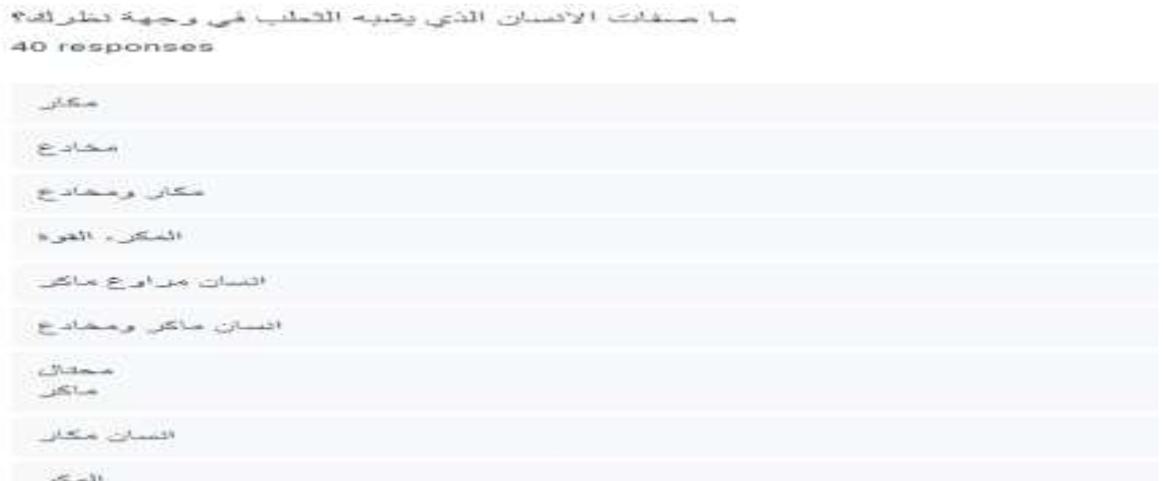
Образ «лиса»

Для респондентов-носителей русского языка образ «*лиса*» олицетворяет следующее: на 1-м месте — хитрый; на 2-м месте — сильный; на 3-м месте — добрый; на 4-м месте — забавный; на 5-м месте — прикольный; на 6-м месте — имеет характер (рис. 4.5).

4.5 Характеристики человека, похожего на «лису», по мнению русских респондентов эксперимента

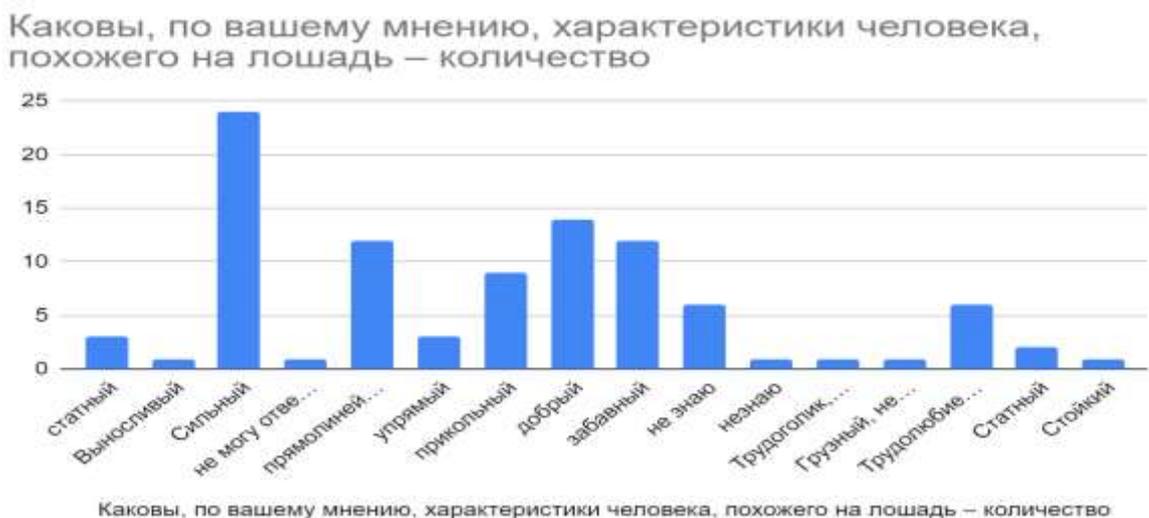
Для респондентов-носителей арабского языка образ «*лиса*» олицетворяет следующее: на 1-м месте — хитрый; на 2-м месте — предатель; на 3-м месте — сильный; на 4-м месте — обманщик; на 5-м месте — неуловимый (см. рис. 4.6. Сверху вниз последовательно называются без повторения: хитрый, предатель, сильный, обманщик, неуловимый).

4.6. Характеристики человека, похожего на «лису», по мнению арабских респондентов эксперимента

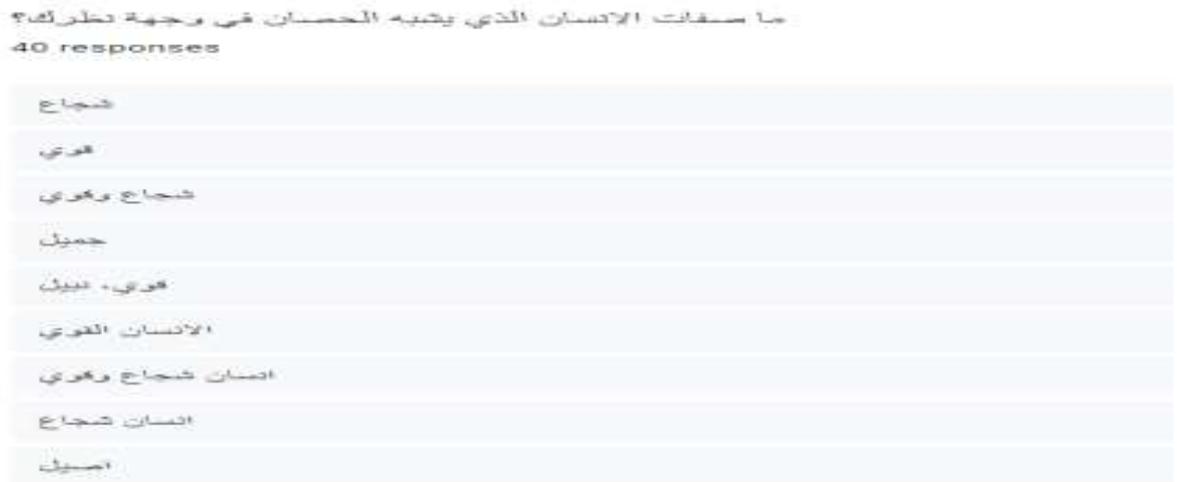
Образ «лошадь»

Для респондентов-носителей русского языка образ «*лошадь*» олицетворяет следующее: на 1-м месте — сильный; на 2-м месте — добрый; на 3-м месте — забавный; на 4-м месте — прямолинейный; на 5-м месте — прикольный; на 6-м месте — трудоголик; на 7-м месте — упрямый; на 8-м месте — статный (рис. 4.7).

4.7 Характеристики человека, похожего на «лошадь» по мнению русских респондентов эксперимента

Для респондентов-носителей арабского языка образ «лошадь» олицетворяет следующее: на 1-м месте — смелый; на 2-м месте — сильный; на 3-м месте — красиво видный; на 4-м месте — благородный; на 5-м месте — верный (см. рис. 4.8). Сверху вниз последовательно называются без повторения: смелый, сильный, красиво видный, благородный, верный).

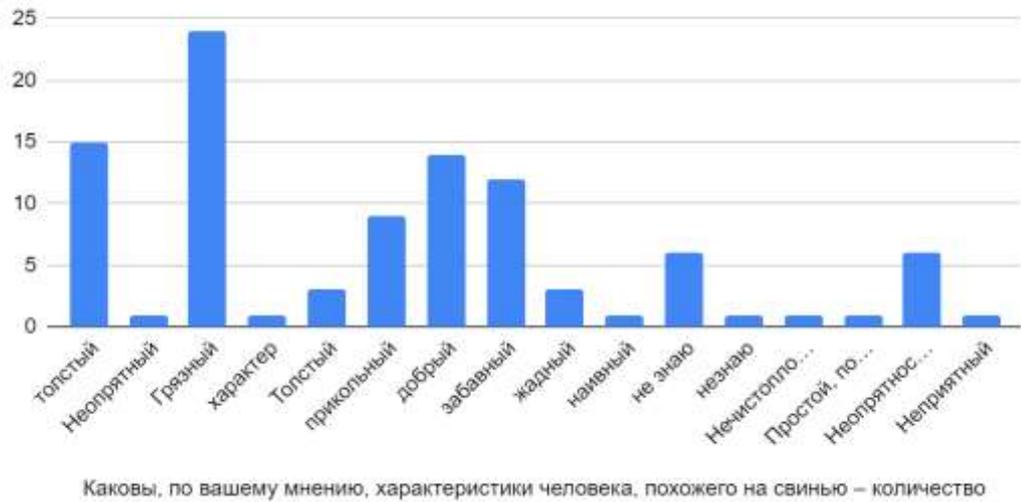
4.8. Характеристики человека, похожего на «лошадь», по мнению арабских респондентов эксперимента

Образ «свинья»

Свинья: грязная 9; грязь 8; животное 6; жирная 5; толстая 3; лужа, под дубом, подложена, пяточок, розовая, ты, хрюкает, хрюкать 2; беспорядочный, большая, рань, в грязи, везде грязь найдет, в ермолке, вонючая, враг, дикая, домашнее животное, домашняя, желудь, жирняк, закуска, кабан, корова, корыто, мой друг, мясо, напился, неблагодарная, невоспитанная, не съест; ну, ты и; она, опоросилась, отруби, Панов, паршивая, пить, поганая, подло жить, позорная, поросята, противно, противный запах, родненький, сало, сволочь, соседа, Спартак страшная, супоросная, схавать, такая, твоя, хам, хлев хорошая, хряк, человек [Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 54].

Для респондентов-носителей русского языка образ «свинья» олицетворяет следующее: на 1-м месте — грязный; на 2-м месте — толстый; на 3-м месте — добрый; на 4-м месте — прикольный; на 5-м месте — забавный; на 6-м месте — неприятный; на 7-м месте — жадный; на 8-м месте — статный (рис. 4.9).

Каковы, по вашему мнению, характеристики человека, похожего на свинью – количество

4.9 Характеристики человека, похожего на «свинью», по мнению русских респондентов эксперимента

Для респондентов-носителей арабского языка образ «свинья» олицетворяет следующее: на 1-м месте — грязный; на 2-м месте — дурак; на 3-м месте — трусливый; на 4-м месте — призывает отвращение; на 5-м месте — кукол (рогоносец); на 6-м месте — презренный (см. рис. 4.10). Сверху вниз последовательно называются без повторения: грязный, дурак, трусливый, призывает отвращение, кукол (рогоносец), презренный).

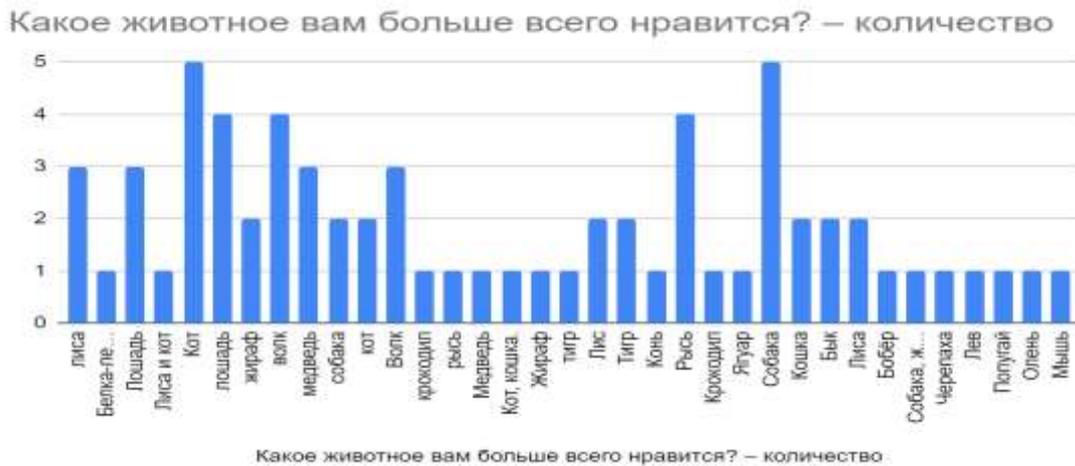
ما صفات الانسان الذي يشبه الخنزير في وجهة نظرك؟

40 responses

غير نظيف
حقير
جبان
مقزز
مقرف
الديانة
انسان حقير

4.10 Характеристики человека, похожего на «свинью», по мнению арабских респондентов эксперимента

В ответе на открытый вопрос для обоих рассмотренных языков «Какое животное больше всего нравится?» респонденты-носители русского языка отвечали таким образом: на 1-м месте — кот и собака; на 2-м месте — лошадь, рысь и волк; на 3-м месте — лиса и медведь; на 4-м месте — бык, кошка и тигр; на 5-м месте — бобер и ягуар; на 6-м месте — черепаха и попугай; на 7-м месте — олень и мышь (рис. 5.1).

5.1 Животные образы, которые русским респондентам больше всего нравятся

А респонденты-носители арабского языка отвечали таким образом: на 1-м месте — кошка; на 2-м месте — собака; на 3-м месте — лев; на 4-м месте — волк; на 5-м месте — обезьяна; на 6-м месте — соловей (см. рис. 5.2. Сверху вниз последовательно называются без повторения: кошка, собака, лев, волк, обезьяна соловей).

ما الحيوان الذي تفضله شخصياً وهل له علاقة بمشاعر الفرح أو الحزن أو الغضب أو الخوف أو الاستعجاب؟ (سؤال مفتوح)
40 responses

5.2 Животные образы, которые арабским респондентам больше всего нравятся

Результаты эксперимента

Зооморфизмам разных национальностей присущи свои особенности. В устойчивых словосочетаниях, пословицах и поговорках (языковой материал), а также в сказаниях, легендах и других культурных текстах их лексическое значение обрывается многочисленными коннотациями.

Символика животных корреспондирует с положительными/отрицательными коннотациями анализируемых единиц, соотносится с мифопоэтическими представлениями определенной лингвокультурной общности. Помимо прямого обозначения животных в ходе эксперимента было интересно раскрыть также второстепенное (переносное) значение их наименований. Названия животных в русском и арабском языках сравниваются в эксперименте с точки зрения метафорического значения, отражающего характер, внешний и внутренний вид и особенности поведения человека и связанные с ними эмоции.

Вспомним, что, по мнению В. М. Мокиенко, сравнение — это «не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Оно экспрессивно, наглядно, образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации» [Мокиенко, 2005, с. 3]. В то же время арабский ученый Аль-Джарим считает, что сравнение в арабской языковой картине мира заключается в том, «чтобы объяснить и сблизить значение явления и предмета к пониманию» [Al-Jārim, 2010, с. 66]. Это не противоречит факту, что значения зооморфных метафор могут быть понятны полностью только носителям определенной языковой культуры вследствие соединения культурологических факторов, этнических характеристик, языковых картин мира и литературных источников. Национальная специфика зооморфных метафор проявляется в различной оценке деятельности человека, его ритма жизни, нрава и качеств личности.

Очень важно подчеркнуть, что эмотивные зооморфизмы не претендуют на то, чтобы дать нам полное описание человеческого разума: это объяснительная парадигма для изучения человеческого разума, но нет никаких оснований

полагать, что это окончательный или единственный инструмент для понимания человеческого разума.

Далее перечислим основные обобщения, которые мы сделали благодаря результатам проведенного эксперимента. Полную сводную таблицу результатов эксперимента приводим в Приложении 1.

Эмоции, вызванные зоонимами

Бык. Эмоции, вызываемые образом *быка*, по мнениям респондентов-носителей русского языка, показались нам удивительными. У русских данный образ вызывает, в основном, эмоции удивления, удовлетворения, возбуждения и, наконец, радости. Мы полагаем, что образ быка вызывает удивление, восхищение и возбуждение у русских, потому что *бык* является энергичным и подвижным животным, которое привлекает внимание других. В русской культуре под влиянием связей с Испанией и, разумеется, оперы Ж. Бизе «Кармен» есть романтический образ *быка* (поэма Е. Евтушенко «Коррида», стихотворения И. Бродского, В. Андреева, Я. Козловского и др.) [Балашова, 2011]. У арабских респондентов образ *быка* вызывает страх, раздражение и ощущение силы. В арабской культуре, литературе нет осмысления боя тореадора с *быком*. Арабы таким образом отзываются об образе «*быка*» потому, что они часто видят его в повседневной жизни. Они боятся его силы и его разрушительные мало контролируемые действия вызывают гнев.

Козел. Образ *козла* у русских вызывают такие эмоции как безразличие, смех (радость с иронией), отвращение, удивление, но также и радость. Также *козлами* часто именуется бестолковые люди, поступки которых вызывают смех с долей сарказма. Далее мнения разделились, некоторые считают, что *козлы* вызывают отвращение от «надоумленных поступков», а другие полагают, что этот образ вызывает радость. Мы, к сожалению, не смогли понять, по какой причине *козел*

вызывает радость (приподнятое настроение) у русских, необходимы дальнейшие специальные изыскания. Для арабских респондентов образ *козла* вызывает страх, глупость, печаль, отвращение, удивление и смех. В арабском мире образ *козла* вызывает в сознании представление о глупости, что, в свою очередь, вызывает печаль, презрение и отвращение. Мы заметили, что образ *козла* вызывает у арабских респондентов эксперимента смех. Смех, в данном случае, можно воспринимать как насмешку над глупым человеком, который ведет себя непонятно или неловко.

Лиса. *Лиса* появляется в фольклоре многих культур, но особенно часто в Европе и Восточной Азии, как метафора хитрости и обмана. Однако, по мнению русских респондентов нашего эксперимента, образ *лисы* вызывает, в основном, восхищение и интерес. Это можно объяснить тем, что *лиса* обладает магическими способностями и имеет связь с трансформацией. Далее были выражены типичные эмоции, такие как страх и радость (возможно, потому что лиса представляет интеллект и мудрость в царстве животных), любопытство и, наконец, хитрость. К нашему удивлению, образ *лисы* является скорее положительным в глазах русских респондентов. Для арабских респондентов эксперимента образ *лисы* сохраняет его типичную картину в менталитете арабов. Этот образ вызывает представление о хитрости, провоцирует гнев в начале, далее удовлетворение (сила, интеллект) и, в последнюю очередь, связывается с осторожностью. Таким образом, в менталитете арабских респондентов образ *лисы* остается неизменным как олицетворение хитрости. Кроме того, появились новые дополнительные положительные черты, которые нам дали ответы арабские респонденты эксперимента.

Собака. Эмоции, вызываемые образом *собаки*, в сравниваемых культурах очень различны. В то время как у русских данный образ вызывает, в основном, счастье, удовлетворение, у арабских респондентов вызывает сначала страх, а потом безопасность и удовлетворение, счастье и отвращение. По мнению респондентов, собака вызывает счастье и страх в разной степени. Предполагаем, что мнения русских о том, что собака — это символ счастья и удовлетворения,

исходит из традиционно устойчивых отношений между людьми и собаками, многие русские содержат дома собак. Однако в то же время данный образ вызывает страх, мы полагаем, что это также исходит из древних представлений о собаках, подчеркивая, что в Русском ассоциативном словаре с образом *собаки* соотносятся слова: «злая, злость, страшная». Респонденты-носители арабского языка не так часто содержат дома собак, как это делают русские. Они воспринимают собаку как животное, представляющее опасность и боль. Но они понимают, что собаки верные и вызывают ощущение счастья, однако в то же время, на их взгляд, возникает отвращение. Такое отношение к образу *собаки* у арабских респондентов эксперимента, вероятно, связано с отрицательным отношением к собаке (псу) в исламе, как мы показывали в теоретической части нашего исследования.

Отслеживание динамики, тенденций, изменений в языковом сознании

В данной части эксперимента отражены результаты внутренних и внешних качеств зооморфизмов с целью отслеживания динамики, тенденций и изменений в языковом сознании в сравнении с ассоциативными единицами, указанными в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Караулова. Мы заметили динамичный процесс с применением новейших качеств описания образа **козла**. В современном языковом сознании образ *козла* становится не только образом «*козла отпущения*» и олицетворением бестолкового человека, но и образом доброго, забавного и своенравного человека. Это вовлечение обширного культурно маркированного языкового материала включает образные единицы; мы отмечаем важную роль метафоры в процессе развития коммуникативной и лингвокультурной компетенций. Таким образом, можем прийти к выводу, что этот образ становится более положительным в современном русском языковом сознании. С другой стороны, в современном арабском языковом сознании образ

козла только отрицательный. В современном языковом сознании образ *коровы* воспринимается, в основном, положительно. По мнению русских респондентов эксперимента, *коровы* представляют собой положительный образ, за исключением случая описания толстой (жирной) женщины. Такое описание только частично указано в Русском ассоциативном словаре Караулова. Положительная оценка образа *коровы* также ярко присутствует в ответах арабских респондентов эксперимента. Однако у арабских респондентов эксперимента *корова* олицетворяет не только щедрого и доброго человека, но и толстого, глупого и ленивого человека. **Лиса** — это животное, качества которого в рассмотренных двух языках примерно одинаковы. Носители русского и арабского языка считают, что образ *лисы* олицетворяет хитрого, сильного, решительного человека. Однако нам не понятно, почему русские респонденты эксперимента считают *лису* доброй. В словаре под ред. Ю. Караулова хитрость также стоит на первом месте как ассоциативное «качество» образа *лисы*. По нашему мнению, для образа *лисы* значительная динамика, тенденции и изменения в языковом сознании отсутствуют. При сопоставлении качеств образа *лошади* во мнениях респондентов эксперимента и в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Караулова мы пришли к выводу, что стоим перед положительным образом, качества которого в рассмотренных двух языках примерно одинаковы. В типичной русской языковой картине мира образ *лошади* остается без изменений, как по мнению русских респондентов эксперимента, так и в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Караулова. Для русских *лошадь* — это трудолюбивый и красивый человек, а, по мнению арабских респондентов эксперимента, образ *лошади* — это образ сильного, благородного и верного человека. В отличие от предыдущего образа, первым качеством образа *свиньи* в ответах русских и арабских респондентов эксперимента и в Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Караулова является грязь. При этом стоит отметить, что, судя по данным, полученных от русских респондентов, в настоящее время образ *свиньи* приобретает более положительные качества, хотя в

современной русской языковой картине мира *свинья*, в основном, олицетворяет грязного человека, однако, также русские считают, что *свинья* олицетворяет доброго и веселого человека. В современном арабском языковом сознании образ *свиньи* рассматривают исключительно отрицательно: грязный, дурак, трусливый, призывающий отвращение и человек-рогоносец (не ревнует жену).

В результате ответа на открытый вопрос: Какое животное больше всего нравится? русские и арабские респонденты дали названия множества животных образов. Мы не ставим перед собой цель дать точное объяснение выбору того или иного зоонима при ответе на вопрос, так как это был личный, индивидуальный выбор, предпочтение каждого участника эксперимента. Однако в контексте этого вопроса, особенно с добавлением слова «больше всего», мы можем сделать вывод, что возникает тесная связь зоонимов с жизнью человека, его коммуникациями и, естественно, его эмоциями.

Выводы к третьей главе

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом широко распространены в сопоставляемых языках, что неудивительно: ФЕ отражают историю и культуру народа, образ жизни и сознания. Животные играют решающую роль в развитии человеческой жизни: животные всегда были вездесущими в жизни людей; существует бесчисленное множество примеров взаимодействия между людьми и животными. Фразеологизмы с зоонимическим компонентом также широко используются в настоящее время и важны для эффективной межкультурной коммуникации.

Рассуждая относительно сравнительно-сопоставительной стороны, мы рассматриваем классификацию ФЕ с компонентом-зоонимом, которые имеют непосредственное отношение к нашему исследованию таким образом, в русском

языке: субстантивные (именные) ФЕ с компонентом-зоонимом, адъективные ФЕ с компонентом-зоонимом, адвербиальные ФЕ с компонентом-зоонимом и глагольные ФЕ с компонентом-зоонимом, а в арабском — сравнительная глагольная форма (ṣiḡhat l-muqarana - 'af 'alu min), условная форма (ṣiḡhat l-shartīya) и генетив (al-muḏāf wa l-muḏāf ileyhi).

Ассоциативный эксперимент как метод выявления эмотивности зооморфизмов среди современных носителей русского и арабского языков был разработан для выявления лингвокультурологических особенностей эмотивных зооморфизмов и их ассоциативных связей в отношении к внутренним и внешним качествам и поведению людей, которые представляют носителей русского и арабского языков, чтобы избежать межкультурного недопонимания.

Язык создается людьми с заземленным опытом, а перцептивное знание имеет пределы, к которым стремится язык кодировать (действительно, может быть, что наиболее очевидные перцептивные факты могут отсутствовать в языковом сигнале именно потому, что они перцептивно очевидны). Понимание этих ограничений является важным направлением в будущем.

Связи между языковыми формами и социальными понятиями представляют очевидный интерес для социолингвистов, но они также имеют значение для исследователей языка в целом. Как отмечалось выше, социофонетическая работа собрала ряд случаев, когда социальная информация влияет на обработку языковых стимулов. Лингвисты, которые хотят эффективно моделировать то, как человеческий разум производит и понимает язык, должны одновременно понимать, как он рассуждает о социальных аспектах социально значимых языковых форм.

В эксперименте нами были отражены результаты внутренних и внешних качеств, связанных с зооморфизмами с целью отслеживания динамики, тенденций и изменений в языковом сознании, в сравнении с ассоциативными единицами, указанными в известном Русском ассоциативном словаре под ред. Ю. Караулова.

Представленный эксперимент имел целью выявление лингвокультурологических особенностей эмотивных зооморфизмов и их ассоциативных связей в отношении к внутренним и внешним качествам и поведению людей, которые представляют носителей русского и арабского языков, чтобы сделать более эффективной межкультурную коммуникацию.

По результатам эксперимента, развивающего эту тему, могут быть проведены обширные исследования в области когнитивной лингвистики, языкознания, культуры, преподавания русского языка как иностранного в арабской аудитории и других аспектов исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Усвоение лексических, грамматических и других особенностей двух рассмотренных языков, как и выявление их национальной картины мира на основе сопоставления, национальных мировоззрений и духовных ценностей играет значительную роль в процессе развития коммуникативной и лингвокультурной компетенций.

Национальные особенности восприятия животного мира находят выражение в формировании переносных значений зоонимов, создающихся на основе общих и специфических национальных представлений о животных. Изучение фразеологических единиц с зоонимами является подтверждением важности этой лексической группы в языке.

Если язык воздействует на ментальные состояния, которые составляют наши общие знания о мире, то, в принципе, все, что знает говорящий, может иметь отношение к пониманию языкового высказывания. Роль контекста и фоновых знаний в рецепции широко изучалась, но большее внимания было сосредоточено на том, как ожидания, установленные языком, влияют на последующую лингвистическую и ментальную обработку. Мы выступаем за гораздо более широкий взгляд на контекст.

Чувства представляют собой важный и дополнительный аспект языка, потому что чувства выражают то, что не всегда возможно выразить вербально. Это исследование подтверждает в практическом и теоретическом плане важность эмотиологии и рассматривает ее в рамках языковой картины мира.

Перенос реальных или мнимых качеств с животных на людей происходит повсеместно, о чем можно судить по зоонимам, которые используются в описании человека в разных языках. В таких случаях зоонимы переходят в разряд зооморфизмов, приобретающих экспрессивную окраску и относящиеся уже к экспрессивной лексике. Эти языковые единицы несут в себе народные

представления, культурные особенности, способы отражения действительности той или иной нации. А в целом соотношение человека с природой, окружающими объектами говорит о том, что мышление любого народа антропоцентрично.

Наделение животных определенными качествами, свойственными скорее людям, связано с ежедневным или, во всяком случае, частым наблюдением особенностей их поведения.

Использование культурно маркированных языковых единиц, в том числе, зоонимических единиц, способствует формированию у учащихся толерантного отношения к языкам и культурам других народов. Это особенно важно для изучения языков.

Зооморфные образы в русском и арабском языках являются наглядным отражением национально-культурных представлений человека о мире и иллюстрацией его образа мышления. Изучение данных языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте имеет большое значение в достижении взаимопонимания при межкультурной коммуникации.

Подводя итоги проведенному эксперименту в целом, заметим, что это исследование является первым в своем роде, которое включает в себя мнения и точки зрения респондентов опроса, владеющих русским и арабским языками, которые обсуждают тему эмоций, ассоциаций и чувств, с одной стороны, и зоонимов, связанных в языковом сознании с ними, — с другой стороны. Предыдущие исследования по этим темам не выходили за рамки научных статей и включали лишь сопоставление зоонимов в русском и арабском языках.

Лингвистическое исследование единиц двух неродственных языков не только раскрывает языковой потенциал носителей русского и арабского языков, но и дает представление о специфике этих языков, о восприятии особенностей животных и их связи с человеческими качествами. Кроме того, изучение эмоций, связанных с этими животными, которые могут быть как сходными, так и различными, делает исследование источником, расширяющим базу научных ресурсов, связанных с предметом исследования. Соответственно, в дальнейшем

возможно проведение обширного исследования, развивающего данную тему в области когнитивной лингвистики, сравнительного языкознания, культуры, преподавания русского языка как иностранного в арабской аудитории и других смежных областях.

Изучение языковых и метафорических единиц, связанных с животными, в русском языке на фоне арабского языка способствует овладению русским языком арабскими учащимися.

Лингво-метафорические единицы, связанные с животными в русском языке, могут быть использованы при формировании толковых и двуязычных словарей (русский язык — арабский язык), в этой области наблюдается острая нехватка информации. Необходимы дополнительные усилия для создания и формирования современных словарей в этой области.

Это исследование и его результаты могут быть использованы также при написании книг по переводоведению (с русского на арабский и с арабского на русский). Фразеологические единицы с зоонимами нуждаются в особой технике перевода, далекой от буквальной. Этот перевод зависит от предполагаемого значения этих выражений, которое предусмотрено тезисом, что помогает в разработке этих аспектов в области перевода между двумя изучаемыми языками.

Появилось дополнение к зафиксированным значениям эмотивных зооморфизмов. Респонденты в ходе проведения эксперимента представили свое понимание возможности вербализации состояния или эмоциональной оценки качества человека. Эти состояния и качества приобретают новые «окраски» эмотивных зооморфизмов в процессе их использования в коммуникации и, соответственно, в языковых единицах. Особое внимание стоит обратить на следующее:

- для образа *собаки* — смех (у русских респондентов) и безопасность (у арабских);

- для образа *быка* — смех, интерес, забавность (у русских респондентов) и варварство, агрессия (у арабских);
- для образа *козла* — безразличие, смех, приподнятое настроение, интерес, скука, волнение (у русских респондентов), и глупость (у арабских);
- для образа *лисы* — интерес, любопытство, хитрость (у русских респондентов) и хитрость, предательство, сила, интеллект и осторожность (у арабских).

Современное понимание эмотивных зооморфизмов у представителей исследуемых языков, о котором мы можем говорить по результатам проведенного эксперимента, отличается от изложенного в научной литературе, справочниках и источниках.

Язык развивается естественным образом и всегда находится под влиянием человеческой деятельности. Это изменение, со временем, отражается в разговорной речи, выражениях и языковых терминах. То же самое касается и фразеологических выражений, относящихся к животным. В этой области отметим следующее.

1. В современном русском языковом сознании образ *козла* становится не только олицетворением бестолкового человека, грязного животного, которое вызывает осуждение. Носители русского языка в 2022 г. статически часто связывают с зоонимом «*козел*» доброго, забавного, хотя своенравного человека. Можем вспомнить традиционные народные сказки (в них *козел* умный и хитрый, по сравнению с *бараном*, *волком* и даже человеком). Видимо, с течением времени положительный образ *козла* трансформировался, приобретая двойственность. Козел сегодня не олицетворяет человека, которого приносят в жертву, чтобы он нес ответственность за ошибки других, а скорее воплощает представление о животной неразборчивости (в грубом просторечии). В нейтральном же дискурсе в восприятии современных россиян *козел* не представляет собой ни дурно пахнущего человека, ни глупца. Более того, есть основание для того, чтобы с помощью этого зоонима выражать положительную оценку и положительные

эмоции (можно предположить, что здесь есть влияние уменьшительно-ласкательного зоонима «*козлик*»).

В арабском же языковом сознании этот эмотивный зооним служит для выражения только негативных эмоций.

2. Никому из русских языковедов в XIX и даже в XX веке и в голову не могло прийти, что *корова* станет воплощением доброго, веселого и дружелюбного человека в восприятии современных россиян, этого не встречалось в восприятии русских в прошлом. Хотя древнее представление о том, что *корова* ассоциируется с богатым человеком, все еще присутствует в сознании нынешних россиян. Корова представляет собой положительный образ, кроме описания толстой (жирной) женщины.

Положительная оценка образа «*коровы*» также ярко присутствует в ответах арабских респондентов опроса. Однако у арабов *корова* олицетворяет не только щедрого и доброго человека, но и толстого, глупого и ленивого человека, так что нельзя в целом сказать, что этот зооним позволяет выражать только положительные эмоции.

3. Восприятие образа *лисы* у россиян в XXI веке стало в большей мере положительным. Хотя лиса олицетворяет собой хитрого человека, респонденты опроса указывают, что она воплощает в себе образ сильного, даже доброго человека, с сильным характером. По нашему мнению, для образа *лисы* значительная динамика, тенденции и изменения в языковом сознании отсутствуют.

Носители арабского языка считают, что образ *лисы* олицетворяет хитрого, сильного, решительного человека.

4. Лошадь до сих пор сохраняет положительную оценку в восприятии русских респондентов. Лошадь — это символ силы и трудолюбия. Однако современные россияне также считают лошадь символом доброты, откровенности, упрямства и престижа. Полагаем, что лошадь — положительный образ, качества которого в картинах мира двух рассмотренных языков примерно одинаковы. В

русской языковой картине мира образа «лошади» остается без изменений. Для русских «лошадь» — это трудолюбивый и красивый человек, по мнению арабских респондентов эксперимента, образ «лошади» — это образ сильного, благородного и верного человека.

5. Первым качеством образа *свиньи*, по мнению русских и арабских респондентов, является склонность к грязи. В сравнении современного мнения русских респондентов эксперимента с данными Русского ассоциативного словаря под ред. Ю. Караулова видим, что в настоящее время образ «свиньи» приобретает более положительные качества: русские считают, что свинья олицетворяет доброго и веселого человека.

В современном арабском языковом сознании образ «свиньи» рассматривают исключительно отрицательно: грязный, дурак, трусливый, вызывающий отвращение и человек-рогоносец (не ревнует жену).

Таким образом, представления, связанные с животными, с течением времени меняются. Негативный образ животного может стать позитивным, и наоборот. Этот факт еще раз свидетельствует о том, что язык и национальный концепт с течением времени изменяются. Это, в частности, является доказательством необходимости подобных лингвистических исследований.

Несмотря на некоторые дразнящие намеки на способность языка структурировать семантическое знание, многие ключевые вопросы остаются без ответа. К ним относятся развитие лучшего понимания роли языка во временной шкале развития и влияния, которое различные модели лексикализации в разных языках могут оказывать на структуру семантических знаний.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

- Автореферат — автореф.
- Английский язык — англ. яз.
- Арабский язык — араб. яз.
- Большой словарь русских поговорок — БСРП
- Большой толково-фразеологический словарь русского языка — БТФС
- Большой толковый словарь русского языка — БТСРЯ
- Буквальный перевод — букв. перевод
- Внутренняя форма — ВФ
- Краткая литературная энциклопедия — КЛЭ
- Лексические единицы — ЛЕ
- Лексическое значение слова — ЛЗС
- Русский семантический словарь — РСС
- Русско-английский фразеологический словарь — РАФС
- Словарь образных выражений русского языка — СОВРЯ
- Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник —
СРФ
- Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке — СС
- Стандартный арабский язык — САЯ
- Толковый словарь русского языка — ТСРЯ
- Филологический — филолог.
- Философские — филос.
- Фразеологические единицы — ФЕ
- Фразеологический словарь русского литературного языка — ФСРЛЯ
- Фразеологический словарь русского языка — ФСРЯ
- Французский — фр.
- Эмоциональная картина мира — ЭКМ
- Языковая картина мира — ЯКМ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абу Эль-Иля М. А. Ф. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов с числовым компонентом в русском и арабском языках : [Электронный ресурс] / Абу Эль-Иля М. А. Ф. // Политическая лингвистика. - 2018. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-frazeologizmov-s-chislovyim-komponentom-v-russkom-i-arabskom-yazykah> (дата обращения: 16.11.2022).
2. Азнаурова, Э. С. Стилистический аспект номинации слова как единицы языка : [Текст] / Э. С. Азнаурова // Языковая номинация : В 2-х кн. Кн. Виды наименований / отв. ред. Б. А. Серебрянников, А. А. Уфимцева. - М. : Наука, 1977. - С. 86-128.
3. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка: Введение в общее языкознание : [Текст] / Н. Ф. Алефиренко ; Акад. социал. наук. [РФ]. Волгогр. гос. пед. ун-т. Каф. рус. и сравн.-ист. Языкознания. – Волгоград : Перемена, 1998. - 440 с.
4. Аникин, В. П. Русская народная сказка [Текст] / В. П. Аникин. - М. : Просвещение, 1977. – 208 с.
5. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л. Г. Бабенко. – Свердловск : Изд-во Уральского ун-та, 1989. - 184 с.
6. Балакай, А. Г. Фразеология современного русского языка [Текст]: учебное пособие / А. Г. Балакай. – Новокузнецк: Новокузнецкий гос. пед. Ин-т, 1992. - 80 с.
7. Балашова, Т. Коррида-танец : аспекты мировосприятия в культурах Испании и России [Текст] / Т. Балашова // Вопросы иберо-романистики.– 2011. - № 11. - С. 176-186.
8. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст]/ Ш. Балли; Перевод с фр. К. А. Долинина ; Под ред. Е. Г. Эткинды ; Вступ. статья Р. А. Будагова. - М. : Изд-во иностр. лит., 1961. - 394 с.

9. Бао, Х. Национально-культурная специфика фразеологизмов в русском и китайском языках [Текст] / Бао Хун // Фразеология в контексте культуры / Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. Проблем. группа "Общ. фразеология" ; отв. ред. В. Н. Телия. - Москва: Языки русской культуры, 1999. - С. 305-310.

10. Берлизон, С. Б. Пособие по письменной практике (на английском языке) [Текст] : учеб. пос. для студ. ин-тов и фак-ов ин. яз. / С. Б. Берлизон. - Л. : Просвещение. Ленинград. отд-ние, 1976. - 208 с.

11. Бирюкова, Н. В. Анималистическая фразеология русского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Нина Викторовна Бирюкова; Ташкент. гос. ун-т. - Ташкент, 1990. - 18 с.

12. Блох, М. Я. Средства эмоционального воздействия политических выступлений [Текст] / М. Я. Блох, Н. А. Резникова // Вестн. Томского гос. педагог. ун-та. - 2006. - № 9. - С. 14-19.

13. Блэк, М. Метафора [Текст] / М. Блэк // Теория метафоры : [Сборник] / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; (Авт. примеч. М. А. Кронгауз). - М. : Прогресс, 1990. - С. 153-203.

14. Богатырев, П. Г. Вопросы теории народного искусства [Текст] / П. Г. Богатырев. - М. : искусство, 1971. - С. 34-37.

15. Богданов, В. В. Речевое общение : Прагматические и семантические аспекты [Текст] : учеб. пос. / В. В. Богданов ; Ленинград. гос. ун-т. - Л. : Изд-во ЛГУ, 1990 г. - 88 с.

16. Богуславский, М. В. Генезис гуманистической парадигмы образования в отечественной педагогике начала XX в. [Текст] / М. В. Богуславский // Педагогика. - 2000. - № 4. - С. 63-70.

17. Брославская, Е. М. Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках [Текст] / Е. М. Брославская // Вестник МСУ. - 2001. - №6. Т.4. - С. 49-52.

18. Будаев, Э. В. Метафора в политическом интердискурсе [Текст] / Э. В. Будаев, А. Л. Чудинов. - Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. - 208 с.

19. Быт великорусских крестьян-землепашцев : Описание материалов Этногр. бюро князя В. Н. Тенишева : (На прим. Владимир. губернии) [Текст] / Авт.-сост. Б. М. Фирсов, И. Г. Киселева. - СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1993. - 472 с.
20. Васильев, И. А. Эмоции и мышление [Текст] / И. А. Васильев, В. Л. Поплужный, О. К. Тихомиров. - М. : Изд-во МГУ, 1980. - 192 с.
21. Васькова, О. А. Тендерная референция фразеологических единиц с зоонимами [Текст] / О. А. Васькова // Языковое сознание и текст: Межвуз. сб. науч. тр. / Федер. агентство по образованию М-ва образования и науки Рос. Федерации, Перм. гос. ун-т ; [редкол.: Г. С. Двинянинова [отв. ред.] и др.] - Пермь : Перм. гос. ун-т, 2004.
22. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков: [Текст] / А. Вежбицкая; Пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред. Т. В. Булыгиной. - М. Языки русской культуры, 1999. - 777 с.
23. Винарская, Е. Н. К проблемам эмоциональных концептов [Текст] / Е. Н. Винарская // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингв. и межкульт. ком. – 2001.- № 2. - С. 5-12.
24. Виноградов, В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В. В. Виноградов. - М. : Наука, 1977. - 312 с.
25. Волек, Б. Типология эмотивных знаков [Текст] / Б. Волек // Язык и эмоции: Сб. науч. Трудов / Волгогр. гос. пед. ун-т, Каф. языкознания, Науч.-исслед. лаб. "Яз. и личность"; [Редкол.: В. И. Шаховский [отв. ред.] и др.]. - Волгоград : Перемена, 1995.
26. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. [Текст] / Е. М. Вольф. - М. : Наука, 1985. – 228 с.
27. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представление в языке [Текст] / Е. М. Вольф // Логический анализ языка : Проблемы интенциональных и прагматических контекстов : [сб. ст.] / ред. Н. Д. Арутюнова. – М.Наука, 1989.- С. 55-75.

28. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. [Текст] / Л. С. Выготский ; сост. М. Г. Ярошевский ; вступ. ст. А. Н. Леонтьев ; АПН СССР. - М. : Педагогика, 1984. – 400 с.
29. Гак, В. Г. Метафора: универсальное и специфическое [Текст] / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте / [В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е. М. Вольф и др.] ; отв. ред. В. Н. Телия ; АН СССР, Ин-т языкознания. - М. : Наука, 1988.- С. 11-26.
30. Гальперин, П. Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления [Текст] / П. Я. Гальперин // Вопросы философии. - 1977. - № 4. - С. 95-101.
31. Георгиева И. Българска народна митология [Текст] / И. Георгиева И, Снимки Христо Юскеселиев.- София : Наука и искусство, 1983. - С. 96
32. Глотова, Е. Ю. Метафора как средство вербализации авторской концепции: когнитивно-дискурсивный аспект (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / Елена Юрьевна Глотова ; (Место защиты: Юж. федер. ун-т). - Ростов-на-Дону, 2010. - 24 с.
33. Говердовский, В. И. Коннотемная структура слова [Текст] / В. И. Говердовский. – Харьков : Выща шк. : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1989. - 95 с.
34. Гончарова, Ю. Л. Слова- названия эмоций в когнитивном аспекте [Текст]: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Юлия Леонидовна Гончарова ; Рост. гос. пед. ун-т. - Ростов-на-Дону, 2003. - С. 8.
35. Графова, Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов [Текст] / Т. А. Графова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / [В. Н. Телия, Т. А. Графова, А. М. Шахнарович и др.; Отв. ред. В. Н. Телия]; АН СССР, Ин-т языкознания. - М. : Наука, 1991. - С. 67-98.
36. Григорьева, А. Д. Об основном словарном фонде и словарном составе русского языка [Текст] / А. Д. Григорьева. - М. : Учпедгиз, 1953. - 68 с.
37. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и

русского языков) [Текст] : дисс. ... д. филол. наук. 10.02.02, 10.02.20 / Фатимат Нашировна Гукетлова; (Место защиты: Ин-т языкознания РАН)- М., 2009. - 431 с.

38. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. под ред., с предисл. Г. В. Рамишвили. - М. : Прогресс, 1984. - 397 с.

39. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции [Текст] / А. В. Гура. - М. : Индрик, 1997. - 912 с.

40. Гутман, Е. А. Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского и французского языков) [Текст] / Е. А. Гутман, Ф. А. Литвин, М. И. Черемисина // Национально-культурная специфика речевого поведения / под ред. А. А. Леонтьева. - М. : Наука, 1977. - С. 147-165.

41. Дмитриева, Ю. В. Эмоциональный концепт «Радость» и его отражение лексико-фразеологическими средствами языка (на материале английского, немецкого и русского языков) [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016.- № 6-1 [60] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-kontsept-radost-i-ego-otrazhenie-leksiko-frazeologicheskimi-sredstvami-yazyka-na-materiale-angliyskogo-nemetskogo-i-svobodnyy> (дата обращения: 03.05.2022). - На рус. яз.

42. Езаова, М. Ю. Языковые культурные коды в лексико-семантическом поле родства кабардино-черкесского языка [Текст] / М. Ю. Езаова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - 2017. - № 11 [77]. В 3 ч. Ч. 3. - С. 98-101.

43. Жаринова, О. М. Зоонимическая лексика карельского языка [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.22 / Ольга Михайловна; Петрозавод. гос. ун-т. - Петрозаводск, 2006. - 22 с.

44. Жельвис, В. И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия [Текст] : учеб. пос. / В. И. Жельвис; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, Яросл. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского. – Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1990. - С. 54.

45. Зайниева, Н. Б. Эмотивная функция зоосемических фразеологических единиц в английском языке [Электронный ресурс] / Н. Б. Зайниева // Наука и мир.- 2015.- № 4-2 [20] URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23604228> (дата обращений 10.02.2022).
46. Звегинцев, В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2 [Текст] / В. А. Звегинцев. - М : Просвещение, 1960. - 496 с.
47. Звегинцев, В. А. Язык и лингвистическая теория [Текст] / В. А. Звегинцев. - 3-е изд. - Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. - 246 с.
48. Зеленин, Д. К. Описание рукописей ученого архива Русского географического общества [Текст] / Д. К. Зеленин. - Пг., 1914-1916. - Вып. 1-3. - 483 с. [Вып.1], 988 [Вып. 2], 1080 с.
49. Иванов, В. В. К семиотическому анализу мифа и ритуала [на белорусском материале] [Текст] / В. В. Иванов, Я. В. Топоров // Sign. Language. Culture = Singe. Langage. Culture = Znak. Język. Kultura = Знак. Язык. Культура / Ed. by A. J. Greimas et al. - Paris, 1970. - P. 321-389.
50. Ивин, А. А. Основания логики оценок [Текст] / А. А. Ивин. - М. : МГУ, 1970. - 230с.
51. Изард, К. Э. Психология эмоций [Текст] / К. Э. Изард ; [пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева]. - СПб : Питер, 2000. - 464 с.
52. Илюхина, Н. А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации [Текст]: монография / Н.А. Илюхина. - 3-е изд., стер. - М. : ФЛИНТА, 2021. - 321 с.
53. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов ; Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. - М. : Наука, 1987. - 261 с.
54. Кацитадзе, Э. А. Метафоризация зоонимов в немецком языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Этери Александровна Кацитадзе ; Тбилис. гос. ун-т. - Тбилиси, 1985. - 20 с.

55. Киприянова, А. А. Предисловие [Текст] / А. А. Киприянова // Опыт тематического словаря фразеологизмов и паремий с компонентом-зооморфизмом [на материале русского, английского, французского и новогреческого языков]. - Краснодар, 1999. - С. 3-7.
56. Клычков Г.С. Значение и полисемия слов [Текст] / Г. С. Клычков // Законы семантического развития в языке [Текст] : Сборник [статей] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра иностр. яз. ; Под ред. Т. А. Дегтеревой . – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1961. – С. 63–71.
57. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова ; Российская акад. наук, Ин-т языкознания. - М. : Либроком, 2013.- 453 с.
58. Кожина, М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики [Текст] / Н. М. Кожина, М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького. - Пермь, 1966. - 213 с.
59. Козлова, Т. В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке [Текст] / Т. В. Козлова .- М.: Изд-во МГУ, 2003.- 191 с.
60. Коростова, С. В. Эмоциональные ситуации в художественном тексте: способы выражения эмотивно-оценочных смыслов [Электронный ресурс]/ С. В. Коростова // Нефилология. - 2016. - №3 [7] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-situatsii-v-hudozhestvennom-tekste-sposoby-vyrazheniya-emotivno-otsenochnyh-smyslov> (дата обращения: 28.10.2022). - На рус. яз.
61. Кошелев, А. Д. О генезисе мышления и языка: Генезис понятий и пропозиций. Аристотель и Хомский о языке. Влияние культуры на язык [Текст] / Кошелев А. Д. – М. : Изд. Дом ЯСК, 2019. - 264 с.
62. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? [Электронный ресурс]/ В. В. Красных // Экология языка

и коммуникативная практика. - 2013. - №1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-lingvokultury-ili-chto-derzhit-yazykovuyu-kartinu-mira> (дата обращения: 15.10.2022). - На рус. яз.

63. Красных, В. В. Когнитивная подсистема лингвокультуры: возможные пути исследования [Текст] / В.В. Красных // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Вып. 45/ Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. - М. : МАКС Пресс, 2012. - С. 4-38.

64. Красных, В. В. Культура, культурная память и лингвокультура: их основные функции и роль в культурной идентификации [Текст] / В. В. Красных // Вестник Центра международного образования Московского гос. ун-та. Серия «Филология. Культурология. Педагогика. Методика». - 2012. - №3. - С. 67-74.

65. Красных, В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) [Текст] / В. В. Красных // Филология как средоточие знаний о мире.: Сб. науч. тр. – Краснодар : Просвещение – Юг, 2008. – С. 140-155.

66. Красных, В. В. Лингвокультура как объект когнитивных исследований [Электронный ресурс] / В. В. Красных // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. - 2013. - №2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokultura-kak-obekt-kognitivnyh-issledovaniy> (дата обращения: 15.10.2022). - На рус. яз.

67. Красных, В. В. Некоторые базовые понятия лингвокультурологии [Электронный ресурс] / В. В. Красных // Вестник культурологии. - 2010. - №4 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnyh-nekotorye-bazovye-ponyatiya-lingvokulturologii> (дата обращения: 15.10.2022). - На рус. яз.

68. Красных, В. В. Роль языка в свете интегративных исследований [Текст] / В. В. Красных // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. - 2013. - №4. Т. 4. - С. 46-51.

69. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В. В. Красных. - М. : Гнозис, 2002. - 284 с.

70. Кулиев, Э. Смысловой перевод Корана [Текст] / пер. с араб. Э. Р. Кулиева. М. : Умма, 2022. - 1312 с.
71. Куличенко, Ю. Н. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом [Текст] / Ю. Н. Куличенко, Е. М. Королевская // Научный диалог. - 2017. - № 4. – С. 44-56.
72. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А. В. Кунин. - М. : Высшая школа, 1986. - 336 с.
73. Кухарева, Е. В. Клише как отражение национального менталитета [на примере арабских паремий] [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. : 10.02.19 / Елена Владимировна Кухарева ; Воен. ун-т Мин-ва Обороны РФ. – М., 2005. – 16 с.
74. Куцай, Я. Как язык влияет на мировоззрение: будущее впереди и позади [Электронный ресурс] // Kfund-media. - 2018. - URL: <https://kfund-media.com/ru/kak-yazyk-vlyuyet-na-myrovozzrenye-budushhee-vperedy-y-pozady/>, свободный (дата обращения: 03-05-2022). - На рус. яз.
75. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении [Текст] / Дж. Лакофф ; пер. с англ. И. Б. Шатуновского. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
76. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф ; пер. с англ. Н. В. Перцова // Теория метафоры / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; [Авт. примеч. М. А. Кронгауз]. - М. : Прогресс, 1990. - С. 387-416.
77. Латышев, Л. К. Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык [Текст] / Л. К. Латышев, Н. В. Тимко // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». - 2013. - №2. - С. 44-49.
78. Леонтьев, А. Н. Основы психолингвистики [Текст] / А. Н. Леонтьев. - М. : Смысл, 1999. - 287 с.

79. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке [Текст] / Т. П. Ломтев ; Под ред. Н.Д. Арутюновой. - М. : Изд-во МГУ, 1979.- 198 с.
80. Лукьянова, Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления : Проблемы семантики [Текст] / Н. А. Лукьянова. - Новосибирск : Наука, 1986. - 227 с.
81. Лясота, Ю. А. Английская зоосемия [Текст]: учеб. пособие / Ю. А. Лясота. - Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. - 116 с.
82. Малафеева, Е. Р. Семантическая структура фразеологизмов с компонентом зоонимом в современном русском литературном языке [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук.: 10.02.01 / Елена Радиогеловна Малафеева ; Челябин. гос. пед. ун-т. - Челябинск, 1989.- 16 с.
83. Мансуров, А. А. Описание рукописей этнологического архива Общества исследователей Рязанского края [Текст] : Вып. 2. №№ 101-200 / А. А. Мансуров. - Рязань : Рязгостип, 1929.- 35 с.- [Труды общества исследователей Рязанского края. Вып. 22].
84. Марданова, Д. М. Сопоставительный анализ фразеологических зоонимов в английском и турецком языках [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дина Марсовна Марданова ; Казан. гос. пед. ун-т. - Казань, 1997. - 449 с.
85. Маслов, А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Андрей Сергеевич Маслов ; (Место защиты: Белгород. гос. нац. исслед. ун-т). - Белгород, 2014. - 252 с.
86. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов / В. А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. - 208 с.
87. Маслова, Ж. Н. Когнитивное исследование генезиса метафоры и метонимии как механизмов формирования смысла [Текст] / Ж. Н. Маслова // Когнитивные исследования языка = Cognitive studies of language : сборник научных трудов. Вып. XI: Международный конгресс по когнитивной лингвистике

10-12 октября 2012 года / Федеральное агентство по образованию, Российская академ. наук, Ин-т языкознания [и др.]; [редкол.: Е. С. Кубрякова и др.]. - М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина.- Тамбов, 2012 - С. 692-695.

88. Мелерович, А. М. Семантический анализ ФЕ [Текст] / А. М. Мелерович // Филологические науки. - 1979. - № 5. - С. 69-76.

89. Меркулов И.П. Мышление [Текст] / И. П. Меркулов // Философия: энцикл. слов / под ред.: А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2003. - С. 533–535.

90. Минский, М. Остроумие и логика коллективного бессознательного [Текст] / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка : сб. ст. / пер. с англ. ; сост. и ред. В. В. Петров, В. И. Герасимов. - М. : Прогресс, 1988. – С. 281- 309.

91. Мицева, Е. Демонични представи и персонажи в българския фолклор [Текст] : дис. за получаване научната степен «Кандидат на филологическите науки»/ Е. Мицева : - София, 1984.

92. Мишкурлов, Э. Н. Арабский язык [Текст] / Э. Н. Мишкурлов // Теоретический курс арабского языка: учебник / Под ред. Э. Н. Мишкурова. - М. : ВУ, 2004. - С. 5-33.

93. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки [Текст] : рассказы о происхождении крылатых и образных выражений / В. М. Мокиенко. –[3-е изд., перераб.]- СПб. : Азбука, 2007.- 253 с.

94. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки: Рассказы о происхождении крылатых слов и выражений [Текст] / В. М. Мокиенко. - 3-е изд., перераб. - СПб. : «Авалон», «Азбука-классика», 2005. - 256 с.

95. Молотков, А. И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А. И. Молотков. - Л. : Наука, 1977. - 248 с.

96. Морозов, И. А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре [кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма] [Текст]:

автореф. дис. ... докт. истор. наук: 07.00.07 / Игорь Алексеевич Морозов; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. - М., 2010. - 50 с.

97. Москаленко, А. В. Концепт «ПТИЦА» в английской фразеологической картине мира [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Анна Валерьевна Москаленко ; Санкт-Петерб. гос. ун-т. - СПб, 2015. - 23 с.

98. Мягкова, Е. Ю. Эмотивность и эмоциональность - две научные парадигмы [Текст] / Е. Ю. Мягкова // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: межвуз. сб. / Калинин. гос. ун-т; [Редкол.: А. А. Залевская [отв. ред.] и др.] – Калинин : Изд-во КГУ, 1998. – С. 73-79.

99. Нелюбин, Л. Л. Очерки по введению в языкознание [Текст] : учебник. - 2-е изд., перераб. и доп. - М. : МГОУ, 2005. - 215 с.

100. Никифорова, Л. К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Людмила Константиновна Никифорова ; (Место защиты: Ур. гос. пед. ун-т) - Екатеринбург, 2010. - 23 с.

101. Никифорова, О. И. Восприятие художественной литературы школьниками [Текст] / О. И. Никифорова. -М. : Учпедгиз, 1959. - 206 с.

102. Омельченко, С. Р. Возможности антропологического подхода в языкознании [Текст]: учеб. пособие / С. Р. Омельченко. – Волгоград : ВолГУ, 2007. - 198 с.

103. Павлов, И. П. Избранные произведения [Текст] / И. П. Павлов ; Под общ. ред. (и со вступит. статьей "Иван Петрович Павлов и значение его трудов", с. 3-42) Х. С. Коштыянца ; [Подбор текста, коммент. и примеч. В. В. Строганова и Г. Д. Смирнова]. - М. : Госполитиздат, 1951.- 583 с.

104. Педагогика [Текст]: Учебник для студентов педагогич. вузов и педагогич. колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. - М., 2010.

105. Петрова, Л. Н. Евразийская ментальность и менталитет [Текст] / Л. Н. Петрова // Интеграция науки и практики в современных условиях : Материалы II

международной научно-практической конференции (30 октября 2014 г.) : сборник научных трудов / Научно-образовательное учреждение "Вектор науки" ; науч. ред. С. В. Галачиева. – Москва : Перо, 2014. - С. 114-117.

106. Пожидаева, Е. В. Пути формирования и развития национальной лингвокультуры питания (на примере английского языка) [Текст] / Е. В. Пожидаева // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. - 2012. - Т.18. №5. - С.84-87.

107. Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. - Воронеж, 1999. - 211 с.

108. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]; Отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. - М. : Наука, 1988. - С. 8-69.

109. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) [Текст] / И. В. Привалова. - М. : Гнозис, 2005. – 469 с.

110. Ричарде, А. А. Философия риторики [Текст] / А. А. Ричарде // Теория метафоры : [Сборник] / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журиной; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; [Авт. примеч. М. А. Кронгауз]. - М. : Прогресс, 1990. - С. 44-67.

111. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций [Текст] : сб. ст. / Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук, Германский ист. ин-т ; под ред. Яна Плампера, Шаммы Шахадат и Марка Эли. - М. : Новое литературное обозрение, 2010, - С. 892-898.

112. Рубинштейн, Л. С. Проблемы общей психологии [Текст] / Л. С. Рубинштейн ; Отв. ред. (и авт. вступ. статьи) Е. В. Шорохова ; [Сост. и авт. коммент. К. А. Абульханова-Славская и А. В. Брушлинский] ; Акад. пед. наук

СССР. Ин-т философии АН СССР. Ин-т психологии АН СССР. -М. : Педагогика, 1973. – 424 с.

113. Свионтковская, С. В. Функции зооморфизмов в формировании прагматического потенциала художественного текста (на материале испанского и английского языков) [Текст] : дис. ... канд. филол. наук:10.02.20 / Светлана Викторовна Свионтковская ; Пятигорск. гос. лингвистический ун-т. - Пятигорск, 2000. - 225 с.

114. Серeda Е. В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи [Текст]: учеб. пособие / Е. В. Серeda. – М.: Флинта : Наука, 2005. – 160 с.

115. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка [Текст] / Г. Н. Скляревская ; Отв. ред. Д. Н. Шмелев ; Российская академия наук, Институт лингвистических исследований. – СПб.: Наука, 1993. - 152 с.

116. Смирнова, Л. Пора звездопада [Текст] / Л. Смирнова // Литературная Россия. - 1982. – 8 января .- С. 7.

117. Солнцева, Н. В. Зооморфизмы, отражающие социально-ролевые характеристики человека во французском и немецком языках [Текст] / Н. В. Солнцева // Вавилонская башня-3: Слово. Текст. Культура : ежегод. междунар. чтения пам. кн. Н. С. Трубецкого "Евразия на перекрестке языков и культур" : чтения 2004 / [ред. кол.: В. Н. Егоров [отв. ред.] и др.]. - Москва : Центр яз. и культур Сев. Евразии [СНГ и Балтии], 2004. - С. 180-185.

118. Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-Day [Текст] / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Лингвистика. – 2018. - Т. 22., №2. - С. 313-337.

119. Срезневский, И. И. Мысли об истории русского языка [Текст] / И. И. Срезневский. - М. : Либроком, 2007. - 136 с.

120. Стернин, И. А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1979. – 156 с.

121. Строева, О. В. Искусство и философия. Удивительные параллели, необычные интерпретации [Текст] / О. В. Строева. - 2-е изд. – СПб. : Страта, 2019. - 262 с.
122. Сулименко, Н. Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии [Текст] : учеб. пособие / Н. Е. Сулименко. - 4-е изд., стер. – М. : Флинта, 2019. - 352 с.
123. Супрун, В. И. Донская казачья лингвокультура в произведении Б. П. Екимова [Текст] / В. И. Супрун, Р. И. Кудряшова, Е. В. Брысина // Известия Волгоградского гос. пед. ун-та. - 2013. - №6 [81]. - С. 79-85.
124. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева ; АН СССР, Ин-т языкознания. - М. : Наука, 1986. – 141 с.
125. Телия, В. Н. Лингвокультурология - ключ к новой реальности феномена воспроизводимости несколько словных образований [Текст] / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение : сб. науч. тр. в честь юбилея Г. Тер-Минасовой / Фак-т ин. яз. и регионоведения МГУ им. М. В Ломоносова ; отв. ред. Г. Г. Молчанова. - М. : Гнозис, 2008.- С.207-216.
126. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. - М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. - 288 с.
127. Толстой, Н. И. Избранные труды. Том II. Славянская литературно-языковая ситуация [Текст] / Н. И. Толстой. - М., Языки русской культуры, 1998. – 542 с.
128. Тон, К. К. Системно-структурная организация зооморфизмов русского языка [на материале произведений А. П. Чехова и М. Зоцеко] [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Тон Куанг Кыонг ; Воронеж. гос. пед. ун-т. Каф. рус. яз. как иностр. - Воронеж, 1996. – 18 с.

129. Тропина, О. А. Производное слово как особая когнитивная структура [Текст] / О. А. Тропина // Когнитивная лингвистика : современное состояние и перспективы развития. - М. 2014, - с. 194.
130. Ураксин, З. Г. Взаимодействие русского и тюркских языков в области фразеологии [Текст] / З. Г. Ураксин // Вопросы языкознания. - 1982. - № 1.- С. 107-112.
131. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей : [Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского] [Текст] / Б. А. Успенский. - М. : Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.
132. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения [Текст] : в 6 т. Т. 2 / К. Д. Ушинский ; (вступ. ст., сост. и примеч. С. Ф. Егорова) ; Акад. пед. наук СССР - М. : Педагогика, 1988. - 543 с.
133. Федоров, М. А. Термин «Лингвокультура» в аспекте теории культуры [Электронный ресурс] / М. А. Федоров // Вестник БГУ. - 2014. - №6-2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-lingvokultura-v-aspekte-teorii-kultury> (дата обращения: 09.10.2022). - На рус. яз.
134. Фразеология в контексте культуры [Текст] / РАН, ин-т языкознания; проблемная группа «Общая фразеология» ; отв. ред. В. Н. Телия. - М. : Языки рус. культуры, 1999. – 333 с.
135. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика [Текст] / Р. М. Фрумкина. - М. : Академия, 2001. - 320 с.
136. Фуко, М. Слова и вещи. [Текст] : Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр., Вступ. статья канд. филос. наук Н.С. Автономовой. - СПб. : Асад : АОЗТ "Талисман", 1994. - С.5-23.
137. Хайрулина, А. Р. Зооморфная метафора и ее образы [Электронный ресурс] / А. Р. Хайрулина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. - 2013. - №1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnaaya-metafora-i-ee-obrazy> (дата обращения: 26.02.2022). - На рус. яз.

138. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова [Текст] / В. К. Харченко // Русский язык в школе. - № 3. -1976. - С. 66-71.

139. Хефни Х. А. Х. Зооморфизмы в языковой картине мира (на фоне арабского языка): дис. ... магистра / Халфалла Абдельхафиз. Хафиз Хефни. - СПб.: СПбГУ. 2019. 106 с.

140. Хефни, Х. А. Х. Эмотивные зооморфизмы как средство отрицательного описания человека в русском и арабском языках [Электронный ресурс] / Халфалла. Абдельхафиз. Хефни // Международный научно-исследовательский журнал – 2020.- № 9 [99], Часть 2. - С. 89-93. URL: <https://research-journal.org/languages/emotivnye-zoomorfizmy-kak-sredstvo-otricatel'nogo-opisaniya-cheloveka-v-russkom-i-arabskom-yazyках/> (дата обращения: 10.02.2022.). - На рус. и араб. яз.

141. Хефни Х.А.Х. Русские фразеологизмы с компонентом-зоонимом "козёл" (на фоне арабского языка) // МНИЖ. 2022. №4-4 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-frazeologizmy-s-komponentom-zoonimom-kozyol-na-fone-arabskogo-yazyka> (дата обращения: 08.01.2023).

142. Хефни Х.А.Х. Русские фразеологизмы с компонентами зоонимами «козёл и корова», отражающие внутренний мир человека (на фоне арабского языка) // МНИЖ. 2022. №6-3 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-frazeologizmy-s-komponentami-zoonimami-kozyol-i-korova-otrazhayusche-vnutrenniy-mir-cheloveka-na-fone-arabskogo-yazyka> (дата обращения: 08.01.2023).

143. Хомякова, Н. А. Эмотивные фразеологизмы в русском, английском и французском языках [Текст]: автореф. дисс. канд. филол. наук : 10.02.20 / Надежда Анатольевна Хомякова; (Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т). – М., 2008. - 23 с.

144. Цыганкин, Д. В. Из лексикологических наблюдений [Текст] / Д. В. Цыганкин // Вопросы лексикологии финно-угорских языков : Межвуз. сб. науч.

тр. / Мордов. гос. ун-т им. Н. П. Огарева; [Редкол.: Д. В. Цыганкин [отв. ред.] и др.] - Саранск, 1989. - С. 41-52.

145. Черемисина, М. И. К вопросу о семантике актуальных проблем лексикологии и словообразования [Текст] / М. И. Черемисина, Н. С. Соппа // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. II. / Новосиб. гос. ун-т ; отв. ред. К. А. Тимофеев -. - Новосибирск. : Изд-во НГУ , 1973.- С. 55-69.

146. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О.Чернейко. - М., 1997. – 319 с.

147. Чернейко, Л. О. Имя СУДЬБА как объект концептуального и ассоциативного анализа [Текст] / Л. О. Чернейко, В. А. Долинский // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 1996.- № 6. - С. 20-41.

148. Чернышева, И. И. Фразеология современного немецкого языка [Текст] / И. И. Чернышева. - М. : Высш. шк., 1970. - 200 с.

149. Чжоу Ян. Лингвокультурологическое описание русских устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом [на фоне китайского языка] [Текст] : дисс. ... к. филол. наук. : 10.02.01 / Чжоу Ян ; (Место защиты: ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого») - СПб, 2022. - 201 с.

150. Чиркова, Е. И. Внимание, невербалика! Невербальные средства коммуникации при обучении иностранному языку [Текст] / Е. И. Чиокова. - СПб. : КАРО, 2009. - 272 с.

151. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации [Текст] : монография / А. П. Чудинова - Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т., 2003. - 248 с.

152. Шаховский, В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens [Текст] / В. И. Шаховский. - М. : Либроком, 2015. - 144 с.

153. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В. И. Шаховский. - Воронеж : Изд-во ВГУ, 1987. – 190 с

154. Шаховский, В. И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] : монография / В. И. Шаховский. - М. : Гнозис, 2008. - 416 с.

155. Шаховский, В. И. Реализация эмотивного кода в языковой игре [Текст] / В. И. Шаховский // Эмотивный код языка и его реализация : Коллектив. моногр. / [Н. С. Болотнова, А. А. Водяха, П. С. Волкова и др.; Редкол.: Шаховский В. И. [науч. ред.] и др.]; М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. Науч.-исслед. лаб. каф. языкознания "Язык и личность". – Волгоград : Перемена, 2003. - С. 4.

156. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания [Текст] : Учебное пособие к спецкурсу / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 1983. – 94 с.

157. Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. - № 9. - С. 29-42

158. Шаховский, В. И. Эмоциональная/эмотивная компетенция в межкультурной коммуникации (есть ли неэмоциональные концепты) [Текст] / В. И. Шаховский // Аксиологическая лингвистика проблемы изучения культурных концептов и этносознания : сборник научных трудов / М-во образования Российской Федерации, Ком. по образованию Администрации Волгоградской обл., Гос. образоват. учреждение Волгоградский соц.-пед. колледж. – Волгоград : Колледж, 2002. - С. 46-54.

159. Шаховский, В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии [Текст] : учеб. пособие / В. И. Шаховский. - Волгоград : Перемена, 2009. - 170 с.

160. Шаховский, В. И. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология) [Текст] / В. И. Шаховский, Ю. А. Сорокин, И. В. Домашева ; Волгогр. гос. пед. ун-т. Н.-и. лаб. "Яз. и личность". - Волгоград, 1998. - С. 59.

161. Шаховский, В. И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский // МИРС. - 2019. - №1 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-kartina-mira-v-verbalnoy-prezentatsii> (дата обращения: 20.08.2022). - На рус. яз.

162. Шаховский, В. И. О роли эмоций в речи [Электронный ресурс] / В. И. Шаховский. - М., 2002 - С. 111-116 URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/916/916111.htm> (дата обращения: 16-02-2021). - На рус. яз.

163. Шейгал, Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке [Текст] : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Елена Иосифовна Шейгал ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. Мориса Тореза. - М., 1981. – 244 с.

164. Шингаров, Г. Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности [Текст] / Г. Х. Шингаров. - М. : Наука, 1997. - С. 191-223.

165. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики [Текст] / Д. Н. Шмелев. - М. : Высш. шк., 1973. – 280 с.

166. Элиаде, М. Аспекты мифа [Текст] / М. Элиаде ; Пер. с фр. В.П. Большакова. -. 4-е изд. - М.: Академический Проект, 2010. -. 251 с.

167. Эмотивный код языка и его реализация [Текст] : кол. моногр. / [Н. С. Болотнова, А. А. Водяха, П. С. Волкова и др.; Редкол.: Шаховский В. И. [науч. ред.] и др.]; М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. пед. ун-т. Науч.-исслед. лаб. каф. языкознания "Язык и личность" – Волгоград : Перемена, 2003. - 174 с.

168. Юзефович, Н. Г. Картины мира: лингвокультурологический аспект [Текст] / Н. Г. Юзефович // Индустрия перевода. - 2013. - №1. - С. 363-368.

169. Юзефович, Н. Г. Российская лингвокультура в произведениях Орландо Файджеса [Текст] / Н. Г. Юзефович // Политическая лингвистика. - 2011. - №2. - С. 244-249.

170. Юрков, Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии [Текст] : автореф. дис. ...доктора. филол. наук: 10.02.01 /Евгений Ефимович Юрков ; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т] . - СПб., 2012. – 55 с.

171. Яковлев, А. А. Коммунистические убеждения и их влияние на развитие экономики и общества : применение новых подходов Д. Нортона к анализу

исторического опыта СССР [Электронный ресурс] / А. А. Яковлев // Мир России. Социология. Этнология. - 2018. - №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunisticheskie-ubezhdeniya-i-ih-vliyanie-na-razvitie-ekonomiki-i-obschestva-primenenie-novyh-podhodov-d-norta-k-analizu-istoricheskogo> (дата обращения: 30.10.2022).

172. Яшина, М. Г. Культурно-маркированная лексика как междисциплинарная область исследования. Тезисы докладов респондентов конференции Ломоносов - 2009 [Текст] / М. Г. Яшина // Ломоносов-2009 : Материалы докладов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация / М-во образования и науки РФ, МГУ, Межгос. фонд гуманитарного сотрудничества государств участников СНГ. – М. : МАКС Пресс, 2009. - С. 35-36.

Словари и энциклопедии

173. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. - М. : Советская энциклопедия, 1966. - 607 с.

174. Баранов, Х. К. Арабско-русский словарь: ок. 42 000 слов [Текст] / Х. К. Баранов. - 6-е изд., стереотип. - М. : Рус. яз., 1985.- 1186 с.

175. Бирих, А. К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник [Текст] / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова ; С.-Петербур. гос. ун-т. – СПб.: Фоли-пресс, 1998.- 700 с.

176. Большая российская энциклопедия: [в 35 т.]. Т. 10 [Текст] / гл. ред. Ю. С. Осипов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. - С. 561-562.

177. Большой лингвистический словарь: [более 3000 лингвистических терминов и понятий] [Текст] / В. Д. Стариченок. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. - 810 с.

178. Большой толково-фразеологический словарь русского языка. В 3 томах [Текст] / Под. ред. М. И. Михельсон. - М.: ЭТС, 2005.
179. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под. ред. С.А. Кузнецова. - СПб. : Норинт, 2003. - 1536 с.
180. Грачев, А. Словарь современного молодежного жаргона [Текст] / А. Грачев. - М. : Эксмо, 2006. - 672 с.
181. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт [Текст]. - М. : Рус. яз., 1999. - Т. 1. - 699 с.
182. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: в 2-х т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. - М. : Рус. яз., 2000.
183. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Жеребило. - 5-е изд., испр. и доп. - Назрань : Пилигрим, 2010. - 486 с.
184. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов [Текст] / Т. В. Матвеева. - Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. - 562 с.
185. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. - М. : ОЛМА Медиа Групп, 2007. - 784 с.
186. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - 2-е изд., испр. и доп. - М. : Азъ, 1994. - 761 с.
187. Русский ассоциативный словарь: (В 2 т.) [Текст] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева (и др.); РАН. - М. : АСТ: Астрель, 2002.
188. Русское культурное пространство : Лингвокультурологический словарь [Текст] : Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. - М. : Гнозис, 2004. - 318 с.
189. Русское народное поэтическое творчество. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков [Текст]. - Л., АН СССР, 1953. - 348 с.
190. Словарь образных выражений русского языка [Текст] / Т. С. Аристова и др. - М. : Отечество, 1995

191. Толковый словарь русского языка [Текст] / Под. ред. Д. Н. Ушакова. - М. : Альта-Принт, 2005. - 1216 с.
192. Толковый словарь русского языка [Текст] : Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / [Ахапкин Д.Н. и др.]; Под ред. Д.В. Дмитриева.- М. : Астрель : АСТ, 2003. – 989 с.
193. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Текст] / А. И. Федоров. - 3-е изд. испр. - М. : Астрел: АСТ, 2008. - 878 с.
194. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. – М. : Рус. яз., 1986. - 543 с.
195. Фразеологический словарь русского языка [Текст] / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 4е изд., стереотип. - М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
196. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык [Текст]: в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др.; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. - Т.1. - 2-е изд., стер. - М. : Флинта, 2014 г. - 840 с.

Литература на арабском языке

197. ‘Abd al-Raḥmān, ‘Afīf. Al-adab al-jāhilī fī ‘athār al-dārisīn qadīmā wa ḥadīthā, Dār nashr dār al-fakk, Beyirūt, al-ṭib‘at al-ula, 89 s.
198. Al-Fiqī, Muḥammad ‘Abd al-Wāḥid, ‘ilm al-ḥayawān fī al-tirāth al-islāmī, al-Kuwait: al-wa‘u al-islāmī, 303 ‘a, 1989. – 303 ṣ.
199. Al-Jārim, A. A. Al-bayān al-ma‘ānī, al-bādī / a. al-dijram, a. muṣṭafī. - al-qāhira 2010. – 210 ṣ.

200. Al-Hāshimī, Aḥmad Ibrāhīm Muṣṭafa. Jawāhir al-balāgha fī-l-ma‘ānī wa-l-bayān wa-l-ibdā‘. tadqīq wa ta‘alīq: Yiūsuf al-ṣmīlī, Dār nashr al-maktaba al-‘aṣriyya, Beirūt, 2006. – 119 ṣ.
201. Al-Jāhiz, Kitāb al-ḥayawān, 2d ed., ed. A. M. Hārūn. - Cairo, 2002. - vol. 4. - pp. 85-90; vol. 6, p. 269.
202. Al-Mīdān, Aḥmad b. Muḥammad, Mu‘jam al-Amthāl fī juz’eiin, Beyirūt, Dār al-fikr, 1972. – 908 ṣ.
203. Al-Nahrawāī, Abū-l-Farj al-Mu‘āfi Zikryiāiyin Yaḥyia. Al-Jalīs al-ṣāliḥ al-shāfi wa-l-ams al-nāṣiḥ. taḥqīq: ‘Abd al-Karīm Sāmī al-Junudī, Dār al-kutub al-‘ilmīyya, Beirūt - Lubnān, al-ṭib‘a al-ūla, 2005. - 268 ṣ.
204. Al-Shawāf Qāsim, Dīwān al-asāṭir sūmir wa akād wa ashūr, k 3, Dār al-sāqī, 1991. – 159 ṣ.
205. Al-Tha‘ālibī ‘Abd al-Mālik ‘Abd al-Mālik Muḥammad Ismā‘īl, Taḥqīq: Ḥassn al-amīn, Dār nashr al-ḥaiāt, Beirūt, al-ṭib‘a al-ūla, 2005.
206. Al-Sharārī A. Kh. ‘Amthāl kitāb al-ḥayawānāt li-l-jāhiz, risālatu duktūrāt al-‘ulūm al-lughawiyya. - Yemen, 2015. - 194 p.
207. Khifājī, ‘Abdāllh ‘Abd al-Jabbār Muḥammad ‘Abd al-Mun‘im, Qiṣṣat al-adab fī al-ḥijāz, Dār nashr al-kullyiāt al-azhariyya, al-Qāhra, 2007.
208. Klīnī Dānīāl, Mūsū‘a ‘ilm al-‘āthār, tarjamat līūn Iūsuf, Baghdād, 1990, ḡ 2. - Ṣ. 347.
209. Kadrr, George. Mu‘jam ālihat al-‘arab qabla al-islām, Dār al-sāqī, Beirūt, 2013.
210. Ma’lūf, L. Al-Munjid fī al-lugha wa-l-‘alām. – Beyirut : Dar Al-mashriq, 1975.
211. Mario, Kārbū Rīūrād. Mu‘jam ālihat Miṣr al-qadīma, tarjamat ibtisām Muḥammad ‘Abd al-Mujīd, al-hī‘at al-mṣriyya al-‘āma li-l-kitāb, 2008. - 22-25 ṣ.
212. Phililps, Wyndel, Kanūz madīnat Bilqīs, tarjamat ‘Amr al-Dirāwī, Dār al-‘ilm li-l-milāyin 1961. – 249 ṣ.

213. Qatamish, A.M. *al-Amthāl al-arabiyya, dirāsa tā' rikhiyya taqlidiyya*. Syria: Dār al- fikr. – 1988.
214. Sāndrz, F.K. *Malḥamat Kilkāmesh, tarjamat Muḥammad Nabīl wa Fārūq al-qāḍī*, Miṣr, 1970. - 7-71 ṣ.
215. Şawilḥ Yiāsīn, *Safīnat al-şahrā' fī turāth al-bādiyya*, majallat al-ḥaras al-waṭanī al-'adad 252 tūnū 2003. – 120 ṣ.

Литература на английском языке

216. Agafonova, O. I. Functioning of the Complex Metaphor «Politics is Animal World» in contemporary Mass-Media / O. I. Agafonova, M.S. Belozeroва, S. Larini // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. – 2020. -Т. 6, № 1. - P. 3-11.
216. Ahmmad, A. *Semantic creativity in the opposites* / A. Ahmmad. - UAE: Al Manha, 2017.
217. Al-makauī, A. (2007). *The environment and the Names: a study of the meanings and the] semantics*. Cairo: Kotobarabia.
218. Burckhardt, John Lewis. *Arabic Proverbs and the Manners and Customs of Modern Egyptians*, Piscataway / J. L. Burckhardt. - NJ, USA : Gorgias Press, 2002. – 300 p.
219. Ben Salamh S. & Maalej Z. A cultural linguistics perspective on animal proverbs, with special reference to two dialects of Arabic.and *Literary Studies [Electronic resource]* / B. S. Salamh, Z. Maalej. –// *Arab World English Journal*. - 2018. - 2[4]. – P. 21-40 URL: <https://doi.org/10.24093/awejtls/vol2no4.2> (date of access: 12.02.2022). - На англ. яз.
220. Garro, L. C. *Remembering What One Knows And The Construction Of The Past: A Comparison Of Cultural Consensus Theory And Cultural Schema Theory*

[Electronic resource]. – Ethos. – 2000. – 28[3]. – P. 275-319
<https://doi.org/10.1525/eth.2000.28.3.275> (date of access: 12.02.2022).

221. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction : A Preliminary Survey of the Field / Fr. Danes // Preprints of the Plenary Session Papers : XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10-15. August, 1987. - Berlin, 1987. - P. 272-291.

222. Eid, Mushira. Arabic linguistics: The current scene/ M. Eid // Perspectives on Arabic Linguistics : Paper From The Annual Symposium On Arabic Linguistic. Vol. I / ed. Mushira Eid, 3-37. - Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins. Ferguson, 2009.- P. 3-37.-

223. Ekman, P. Emotion in the Human Face / P. Ekman, W. Friesen, P. Ellsworth. - N.Y. : Pergamon Press, 1972. - 191 p.

224. Hall, Edward T. Beyond Culture / E. Hall. - Garden City, N.Y: Anchor Books, 1976. – 256 p.

225. Harun, A.S.M. [Ed.]. 'al-hayawan. - 2nd ed.. - Cairo : Mustafa Al-Ba:bi Al-Halabi and Sons Publishers, 1965.

226. Ibn Mandur, M.B.M. Lisan 'al-'arab. - Beirut : Dar Sader Publishers. 1990.

227. Jeweet, J. R. Arabic Proverbs And Proverbial Phrases / J. R. Jeweet // Journal of the American Oriental Society. – 1893. - Vol. 15. - pp. 28-120.
<https://doi.org/10.2307/592351>

228. Malouf, L. Al-MunjidFi 'al-luga wa'al-a'la:mi / L. Malouf. - Beirut : Dar Al-mashriq, 1975.

229. Mansfield, P. The Arabs / P. Mansfield. - London : Penguin Books : Cox&Wyman Ltd, 1978. – 557 p.

230. Al-Areeqi M. Abdul-Jalil. Architectural Art and Religious Thought in Ancient Yemen from 1500 BC to 600 AD / Munir Abdul-Jalil Al-Areeqi. - Madbouly Press, 2002. - pp. 59-60.

231. Nesi, H. A modern bestiary: A contrastive study of the figurative meanings of animal terms [Electronic resource] / H. Nesi // English Language Teaching Journal. –

1995. - 49[3]. - pp. 272-278. <https://doi.org/10.1093/elt/49.3.272> (date of access: 12.02.2022). - На англ. яз.

232. Nishida, H. Cultural schema theory / H. Nishida // W.B. Gudykunst [Ed.], *Theorizing About Intercultural Communication*, Thousand Oaks. – CA : Sage Publications, Inc., 1999. - pp. 401-418.

233. Omar, Y. Z. The challenges of denotative and connotative meaning for second-language learners / Y. Z. Omar // *ETC: A Review of General Semantics*. – 2012.- 69[3]. – P. 324 - 34951.

234. Sapir, E. *Language : An introduction to the study of speech* / E. Sapir. - N.Y. : Harcourt, Brace and Company, 1921. - vii, 258 p.

235. Schmitz, J. *Cultural Orientations Guide: The Roadmap to Building Cultural Competence* / J. Schmitz. - Princeton Training Press. - 2003. - v, 183 p.

Сетевые ресурсы

236. Варбот Ж. Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии [Электронный ресурс]/ Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев ; РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, *Этимология и история слов русского языка*. - 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (дата обращения: 16.10.2020).

237. Гудкова, Е. Животные и растения в русских суевериях [Электронный ресурс] / Е. Гудкова // *Культура РФ*: - 2022. URL: <https://www.culture.ru/materials/254421/zhivotnye-i-rasteniya-v-russkikh-sueveriyakh>, свободный (дата обращения: 16.10.2022). - На рус. яз.

238. Скворцова Е. В. Частотность употребления позитивно и негативно окрашенных зооморфизмов в речи [Электронный ресурс] / Е. В. Скворцова. – 2012. URL: <http://www.conf.tsu.tula.ru>. (дата обращения: 16.11.2022). - На рус. яз.

239. Хефни Х. А. Х. Зооморфные образы в русских и арабских фразеологизмах: лингвокультурологический аспект [Электронный ресурс] / Х. А. Хефни // Филологический аспект: международный научно-практический журнал.- 2022.- № 02 [82]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/zoomorfnye-obrazy-v-russkikh-i-arabskikh-frazeologizmakh-lingvokulturologicheskij-aspekt.html> (дата обращения: 16.11.2022).

240. Mahlawi A. Поговорки и пословицы про свинью نأوره وامثال وثرثره.... عن الخنازير والخنزيره – URL: <https://www.startimes.com/f.aspx?t=16961577> (дата обращения: 25-09-2022). - На араб. яз.

241. Alfarhan, I. Харун-Рашид [Электронный ресурс] / I. Alfarhan. – URL: <https://e3tidal.com> اعتدال – هارون الرشيد ونقفور ملك الروم – اعتدال (дата обращения: 16-02-2021). - На араб. яз.

242. Aljaffari, A. Образ лошади в арабской культуре [Электронный ресурс] / A. Aljaffari. URL: <https://www.hespress.com/-صورة-الفرس-في-الثقافة-العربية-رفيق-ش-> (дата обращения 16-10-2022). - На араб. яз.

243. Devis, D. J. Животные в рабской культуре [Электронный ресурс] / D. J. Devis // Albayane.ae. - 2014. URL: <https://www.albayan.ae/opinions/articles/2014-12-22-1.2271203>, الحيوانات في الثقافة العربية (дата обращения: 03.05.2022). - На араб. яз.

244. Hafiz, F. Науки о растениях и животных в арабском наследии [Электронный ресурс] / F. Hafiz. URL: islamonline.com علوم-النبات-والحيوان-في-التراث-العربي (дата обращения 08.03-2022). - На араб. яз.

245. Electronic Poetry Encyclopedia [Electronic resource] // Department of Culture and Tourism. - URL: <https://tcaabudhabi.ae/en/what.we.do/national.library/projects/poetry.encyclopedia.aspx> (date of access: 22.10.2022). - На араб. и англ. яз.

ПРИЛОЖЕНИЕ. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НЕКОТОРЫХ ЭМОТИВНЫХ ЗООМОРФИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И АРАБСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

1- Вызывающие эмоции зоонимы			
Зооним	Параметр	У русских респондентов	У арабских респондентов
Бык	Эмоции	<i>На 1-м месте удивление; на 2-м месте безразличие; на 3-м месте смех (удовлетворение); на 4-м месте возбуждение ; на 5-м месте интерес; на 6-м месте обычный; на 7-м месте радость ;на 8-м месте забавный ; на 9-м месте восхищение; на 10-м месте потрясающие (см. рис. 2.1).</i>	<i>на 1-м месте страх; на 2-м месте раздражение (гнев); на 3-м месте сила (удовлетворение); на 4-м месте удивление; на 5-м месте варварство (страх и гнев); на 6-м месте гнев; на 7-м месте печаль (грусть) (см. рис. 2.2).</i>
Козёл		<i>на 1-м месте безразличие; на 2-м месте смех; на 3-м месте отвращение; на 4-м месте удивление; на 5-м месте приподнятость; на 6-м месте радость; на 7-м месте интерес на 8-м месте скука; на 9-м месте волнение (см. рис. 2.3).</i>	<i>на 1-м месте страх; на 2-м месте глупость (гнев); на 3-м месте печаль (грусть); на 4-м месте презрение; на 5-м месте сила; на 6-м месте отвращение; на 7-м месте удивление; на 8-м месте смех; на 6-м месте волнение (см. рис. 2.4).</i>
Лиса		<i>на 1-м месте восхищение; на 2-м месте интерес; на 3-м месте страх; на 4-м месте</i>	<i>на 1-м месте хитрость; на 2-м месте предательство (гнев); на 3-м месте сила</i>

		<i>радость (удовлетворение); на 5-м месте любопытство; на 6-м месте хитрость (см. рис. 2.4).</i>	<i>(удовлетворение); на 4-м месте интеллект; на 5-м месте осторожность (см. рис. 2.6).</i>	
Собака		<i>на 1-м месте счастье (радость); на 2-м месте смех (удовлетворение); на 3-м месте страх; на 4-м месте восхищение; на 5-м месте интерес (см. рис. 2.7).</i>	<i>1-м месте страх; на 2-м месте безопасность (удовлетворение); на 3-м месте счастье; на 4-м месте презрение; на 5-м месте отвращение; на 6-м месте печаль (грусть) (см. рис. 2.8).</i>	
1- Отслеживание динамики, тенденций, изменений в языковом сознании (мнений русских и арабских респондентов в сравнении с ассоциативными единицами, указанными в Русском ассоциативном словаре под ред. Караулова).				
Зооним	Параметр	По мнениям русских респондентов	По мнениям арабских респондентов	Как указано в Русском ассоциативном словаре Караулова

Козёл	Языковое сознание	<p><i>На 1-м месте: бестолковый; на 2-м месте: тупой; на 3-м месте: добрый; на 4-м месте: забавный; на 5-м месте: своевольный; на 6-м месте: дерзкий; на 7-м месте: странный; на 8-м месте: вредный. (см. рис. 4.1).</i></p>	<p><i>На 1-м месте: глупый; на 2-м месте: одержимый едой и сексом; на 3-м месте: властный; на 4-м месте: некрасивый; на 5-м месте: полоумный. (см. рис. 4.2).</i></p>	<p><i>Козёл: отпущения 19; рогатый 12; борода, 8-животное, 5; дурак 4, осел, рога 3; баран, бородатый. вонючий, коза, молодой, сам козел, с рогами, старый, 2 белый, благородный, враг, горный, грязный, двурогий, жмот-зверь, зеленый, ишак, козлов много, козлы, корова, ладить, лектор, луг, московский, мужик, несчастный, обезьяна; осел, мишка; прыгнул, рога длинные, ругательство, рябой, сам такой, серый, скакать, с капустой, -смущение, тапки, тупой, ты, ты недобитый, ты этакий, у бабушки, упал, урод</i></p>
Корова		<p><i>На 1-м месте: добрый; на 2-м месте: толстый; на 3-м месте: забавный; на 4-м месте: прикольный; на 5-м месте: большой; на 6-м месте: интересный; на 7-</i></p>	<p><i>На 1-м месте: щедрый; на 2-м месте: добрый; на 3-м месте: толстый; на 4-м месте: глупый; на 5-м</i></p>	<p><i>Молоко 16; дойная 5; рыжая 4; пятнистая 3; черная 3; Буренка 2; животное 2; рогатая 2; стадо 2 толстая женщина 2; большая 1; грусть 1; дает молоко 1; деревня 1; дряхлая 1; дура 1; жвачка 1; жирная 1; жует 1; зеленая 1; искусная 1 крупная 1 толстая; тощая 1; черно-белая 1</i></p>

		<i>м месте: дружелюбный (см. рис. 4.3).</i>	<i>месте: ленивый (см. рис. 4.4).</i>	
Лиса		На 1-м месте: хитрый; на 2-м месте: сильный; на 3-м месте: добрый; на 4-м месте: забавный; на 5-м месте: прикольный; на 6-м месте: имеет характер (см. рис. 4.5).	На 1-м месте: хитрый; на 2-м месте: предатель; на 3-м месте: сильный; на 4-м месте: обманщик; на 5-м месте: неуловимый (см. рис. 4.6).	хитрая 21; рыжая 15; Алиса 9; волк 7; животное 5; заяц 5; хвост 3; чёрно-бурая 3; зверь 2; краса 2; лес2; Патрикеевна 2; плутовка 2; и волк 1; лесная 1; мех1; пушистая 1; рыжая и хитрая 1; хитрое животное1; хитрый 1.
Лошадь		На 1-м месте: сильный; на 2-м месте: добрый; на 3-м месте: забавный; на 4-м месте: прямолинейный; на 5-м месте: прикольный; на 6-м месте: трудолюбив; на	На 1-м месте: смелый; на 2-м месте: сильный; на 3-м месте: красиво видный; на 4-м месте:	Пржевальского 36; белая 24; в яблоках 16; животное15; конь 15; корова 14; кобыла13; красивая13; ломовая13; кляча 9; рыжая 9; телега 9; гнедая 8; седло 8; быстрая 7; скачет 7; пегая 6; серая 6; старая 6; большая 5; красота 5; осел 5; породистая 5; сивая 5; страшная 5; грива 4; дикая 4; поле 4; скаковая4; беговая 3; вороная3; деревня3;

		7-м месте: упрямый; на 8-м месте: статный (см. рис. 4.7).	благородный; на 5-м месте: верный (см. рис. 4.8).	овес ³ ; сильная ³ ; скачки ³ ; стоит ³ ; уздечка ³ ; худая ³ ; бег ² ; женищина ² ; жеребенок ² ; иноходец ² ; красиво ² ; работа ² ; бегущая ¹ ; бедняга ¹ ; бежала ¹ ; добрая ¹ ; дорога ¹ ; дохлая ¹ ; дурак ¹ ; ездочная ¹ ; ест ¹ ; ехать ¹ ; жалко ¹ ; желтая ¹ .
Свинья		На 1-м месте: грязный; на 2-м месте: толстый; на 3-м месте: добрый; на 4-м месте: прикольный; на 5-м месте: забавный; на 6-м месте: неприятный; на 7-м месте: жадный; на 8-м месте: статный (см. рис. 4.9).	На 1-м месте: грязный; на 2-м месте: дурак; на 3-м месте: трусливый; на 4-м месте: призывает отвращение; на 5-м месте: кукол (рогоносец). (см. рис. 4.10).	грязная ⁹ ; грязь ⁸ ; животное ⁶ ; жирная ⁵ ; толстая ³ ; лужа, под дубом, подложена, пятчоч, розовая, ты, хрюкает, хрюкать ² ; беспорядочный, большая, рань, в грязи, везде грязь найдет, в ермолке, вонючая, враг, дикая, домашнее животное, домашняя, желудь, жирняк, закуска, кабан, корова, корыто, мой друг, мясо, напился, неблагодарная, невоспитанная, не съест; ну, ты и; она, опоросилась, отруби, Панов, паршивая, пить, поганая, подло жить, позорная, поросята, противно, противный запах, родненький, сало, сволочь, соседа, Спартак, страшная, супоросная, схавать, такая, твоя, хам, хлев хорошая, хряк, человек.

3. Ответ на открытый вопрос для двух рассмотренных языков: Какое животное больше всего нравится?

<p>Какое животное больше всего нравится современным русским и арабским лицам?</p>	<p><i>Респонденты эксперимента носители русского языка отвечали таким образом: на 1-м месте: Кот и собака; на 2-м месте: лошадь, рысь и волк; на 3-м месте: лиса и медведь; на 4-м месте: бык, кошка и тигр; на 5-м месте: бобер и ягуар; на 6-м месте: черепаха и попугай; на 7-м месте: олень и мышь (см. рис. 5.1).</i></p>	<p><i>Респонденты эксперимента носители арабского языка отвечали таким образом: на 1-м месте: кот; на 2-м месте: собака; на 3-м месте: лев; на 4-м месте: волк; на 5-м месте: обезьяна; на 6-м месте: соловей (см. рис. 5.2).</i></p>
--	--	---

St. Petersburg State University

Manuscript copyright

Khalfalla Abdalhafiz Hafez HEFNY

Zoomorphisms as emotional etalons in modern Russian linguoculture (in comparison with the Arabic linguoculture)

Scientific specialty: 5.9.5 - Russian language. Languages of the peoples of Russia

DISSERTATION IS SUBMITTED FOR THE DEGREE OF CANDIDATE OF
PHILOLOGICAL SCIENCES

Translation from Russian

Scientific supervisor:
PhD in Philology, assistant professor
Kolesova Darya Vladimirovna

Saint-Petersburg

2022

CONTENT

INTRODUCTION.....	4
CHAPTER 1. EMOTIVE ZOOMORPHISMS AS A SUBJECT OF LINGUISTIC COMPREHENSION	11
1.1. Emotive function of language	11
1.1.1. Emotion, Thought and Language.....	11
1.1.2. Emotivity as a category of linguistics.....	14
1.2. Emotive characteristics of zoomorphism.....	23
1.2.1. Zoomorphism as linguistic units	23
1.2.1.1. Basic principles and problems of describing zoomorphisms	25
1.2.1.2. Connotative Components of the Meaning of zoomorphism.....	28
1.3. Zoomorphism and the emotive code.....	37
1.3.1. Emotive components of the meaning of zoomorphism.....	41
1.4. Linguoculture as a basis for the formation of figurative meanings of lexical units	44
1.4.1. Linguocultural subsystems.....	46
Conclusions to the first chapter.....	50
CHAPTER 2. EMOTIVE ZOOMORPHISMS IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (IN COMPARISON WITH ARABIC)	53
2.1. Linguistic and cultural features of zoomorphisms.....	53
2.2. Russian and Arabic Linguocultures: Zoomorphic Dominants of Social Interaction and their Influence on Emotions.....	54
2.2.1. Russian Linguoculture: Zoomorphic Dominants of Social Interaction and their Influence on Emotions	55
2.2.2. Arabic Linguoculture: Zoomorphic dominants of social interaction and their influence on the expression of emotions.....	59
2.3. Use of Russian and Arabic zoomorphisms in expressing emotions	63
2.3.1. Use of zoomorphisms in Russian for expressing emotions	63

2.3.2. Use of zoomorphisms in Arabic for expressing emotions	65
2.4. Linguocultural analysis of the semantics of zoomorphisms by the lexicographic sources	67
2.5. Specifics of emotive zoomorphisms functioning.....	76
2.5.1. Functioning of emotive zoomorphisms in speech	78
Conclusions to the second chapter	83
CHAPTER 3. EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ZOOMIM COMPONENT IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (IN COMPARISON WITH ARABIC).....	86
3.1. Phraseological expressions with zoomim component in Russian.	86
3.2. Phraseological expressions with zoomim component in Arabic.	91
3.3. Emotional zoomorphisms functioning in speech practice of speakers of Russian and Arabic.....	96
Conclusions to the third chapter.....	126
CONCLUSION	128
LIST OF ABBREVIATIONS AND SYMBOLS	133
REFERENCES.....	134
APPENDIX. FUNCTIONING OF SOME EMOTIVE ZOOMORPHISMS IN MODERN RUSSIAN AND ARABIC LINGUOCULTURES	162

INTRODUCTION

Similarity in the behavioral characteristics of people and animals has long been noted (in many cultures there are fables, fairy tales and other genres of oral folklore, the heroes of which are animals). The realization of this similarity led to the fact that people began to describe each other, drawing analogies between the characteristics to humans and the behavior or habits of animals. The layer of lexical units nominating a person, who, according to the speaker, is endowed with the qualities of animals, appeared in the speech of representatives of various cultures. In linguistics, this phenomenon is called "zoomorphism". The animals are fixed in the folk consciousness, embodying the national ideas about the surrounding world, so zoomorphisms can often be found in the speech of a speaker of any language when assessing this or that phenomenon.

Due to the national-cultural specificity, semantics and emotionality, zoomorphisms allow us to study the linguistic worldview. The word, as the basic unit of language, is a product of the human world conceptualization, and the result of categorization of the world and its objects in the system of lexical units is the appearance of connotations. The connotations of lexical units are the essential elements of the linguistic worldview, characteristic of the national language.

Therefore, **the topicality of this study** is due to several factors. Despite the fact that studies of zoomorphisms as a functional-semantic group of words have already been conducted, their connection with typical expressions of emotions and the human condition has been little studied so far. In addition, the analysis of the expressive-emotional specificity of zoomorphisms as a representation of the Russian linguistic worldview will reveal the structure of the lexical meaning of national-cultural connotations to these lexical units.

Since the emotion recognition is a universal property, the set of emotions is the same for all people. However, the ways of their expression and the situations in which

they manifest themselves may differ depending on nationality, as the cognitive thinking of different nationalities is not the same. At the same time, no language can fully convey all of a person's experiences [Shakhovsky, 2015, 8]. Emotional concepts of language units allow completing the scientific understanding of the worldview and self-perception of the representatives of different nations, because the attitude to something, reflected in emotions, is stored in the folk consciousness for many generations. This paper attempts to summarize the experience of the Russian and Arabic peoples through the study of emotive concepts belonging to the two languages.

Emotion represents the starting point from belief to action, a mental and verbal phenomenon. Our research considers language units as the final product in which human perceptions of certain phenomena are expressed. The study of these units took place through cognitive interpretation, which allowed us to understand the general ways of categorization and conceptualization, and to enrich scientific ideas about the linguistic representation of the world.

The subject of the research is the functional-semantic group of lexical units of emotive zoomorphisms in the Russian linguistic worldview on the background of the Arabic language.

The research question focuses on the emotive zoomorphisms as a component of the Russian linguistic worldview. Therefore, the research question is a set of emotive, lexical and semantic features. These features are vividly manifested in expressions of the human condition, as also in the norms of implementation of emotion transfer, formed with the help of the component-zoonym in nationally specific forms in native speakers of Russian and Arabic languages.

The above is the reason for **the scientific novelty** of this research, which is devoted to the study of emotive zoomorphisms as components of the Russian linguistic worldview in comparison with Arabic.

The trial hypothesis is as follows: using different techniques of linguocultural analysis, when comparing Russian emotive zoomorphisms with their Arabic analogues, will allow to identify features of similarity and difference in representations about

appearance, character, psychological properties of man in Russian and Arabic linguistic consciousness, will allow to visualize the universal and national specificity at the level of stereotypes, images and symbols of two cultures, to draw conclusions about some specific features of the Russian mentality.

The goal of the research involves identifying, describing and analyzing the zoomorphic metaphors used as emotive lexemes, including expressive-valuation relations as a component of the Russian linguistic worldview in comparison with the Arabic language. The research will pay special attention to the consideration and analysis of the code of linguistic means for expressing different emotions and the reasons for fixation of such means in the language.

In order to achieve the stated goal, the research mentions the following **problems**:

1) describe the theoretical basis of the study by presenting the scientific context of the study of linguistic consciousness and associative-verbal fields within the framework of linguocognitive paradigm;

2) analyze dictionary definitions of zoomorphic images and conduct a cognitive test to identify subjective definitions of their concept in Russian and Arabic linguistic consciousness;

3) conduct an associative experiment to determine the specific functioning of emotive zoomorphisms in Russian and Arabic cultures;

4) set the structure of the associative-verbal field, based on the thematic classification of the obtained associations;

5) analyze semantics, syntagmatic relations and pragmatic component of the meaning of linguistic units based on the opinions of the Arab and Russian respondents obtained in the course of the experiment;

6) analyze the data from the linguocognitive point of view; present the linguocognitive interpretation of the results obtained in the course of the research;

7) Compare the results of the experiment with the data of associative dictionaries of the Russian language;

8) Identify emotionally evoking zoonyms, trace the dynamics, trends, changes in the linguistic consciousness (based on a comparison of the opinions of the Russian and Arab respondents with the data of the associative dictionary edited by Y. Karaulov).

The main methods of research are the fundamental methods of linguistic analysis, such as: the descriptive method, the method of distributive analysis, the method of continuous sampling of the material from the lexicographic directories and sources of the Russian and Arabic languages and free and directed associative experiment among representatives of both cultures, the method of word formation analysis, the method of contextual analysis, the method of comparative and comparative analysis.

The theoretical and methodological basis of this thesis was formed by the works of domestic and foreign scientists in the lexical semantics and field theory (E. A. Katsitadze 1985, Ton Kuang Kyong 1996, E. M. Broslavskaya 2001, O. A. Vaskova 2004, V. M. Mokienko 2005, 2007, O. M. Zharinova 2006, etc.), cognitive research (N. V. Solntseva 2004, J. N. Maslova 2012, A. R. Khairulina, 2013, etc.), works on linguoculturology (V. A. Maslova 1997, V. V. Krasnykh, F. N. Guketlova 2009, E. I. Zinovieva 2006, 2009, 2013, 2016, L. G. Vedenina 2017, etc.), works in the field of studying the linguistic worldview (E. A. Gutman 1977, S. V. Sviontkovskaya 2000, N. G. Yusefovich 2013, A. S. Maslov 2014, etc.), psycholinguistic studies of language consciousness (V. I. Zhelvis 1990, C.E. Izard 2000, V. I. Shakhovsky 2003, 2008, 2009, 2015, Y.N. Kulichenko 2017, A.D. Koshelev 2019, etc.) and works in comparative study (E. A. Gutman, (in comparison with Russian, English and French) 1977, A.A. Kiprianova (in comparison with Russian, English, French and New Greek) 1999, E. M. Broslavskaya (in Russian, Ukrainian and English] 2001, E. Glotova (in comparison with Russian and English) 2010, Y. V. Dmitrieva (in comparison with English, German and Russian) 2016, Abu El-Ila (on the material of Russian and Arabic) 2018 and others.

The material of the research was seven emotive zoonyms in Russian and Arabic: bull, goat, cow, fox, horse, pig and dog. The choice of these zoonisms is due to their high frequency in the Russian discourse [Zhou Yang, 2021], as well as their importance for the Arabic linguistic consciousness. The units of analysis were taken from 49 dictionaries

in Russian and 7 dictionaries in Arabic. In addition, the material was the results of an associative experiment in which 100 native speakers of Russian and 40 native speakers of Arabic participated.

According to the findings of the work, it was possible to form a coherent algorithm for the analysis of Russian emotive zoomorphisms on the background of the Arabic language. On the basis of this concept, the semantic components of the lexical units can be investigated. The theoretical relevance of this research is seen in this. Its results will facilitate further research in revealing the relationship between language and culture and studying the analysis of the national-cultural component of the meanings of lexical units. Such research itself and its conclusions become important in compiling and creating specific dictionaries, such as: anthro-oriented and linguocountry dictionaries of linguistic stereotypes and expressive vocabulary.

The practical relevance of the work consists in the possibility of using its results for pedagogical purposes in teaching Russian as a foreign language, especially to groups of Arab students, and in special courses on linguoculturology, cognitive linguistics, and in lexicographical practice.

Theoretical provisions and results of the research were discussed at the postgraduate seminars of the department "Russian as a foreign language and the methodology of its teaching" and presented in the form of scientific and practical reports at the following interuniversity, and Russian and international conferences: International scientific conference of young scientists "Language. Culture. Personality", December 16, 2021 (Samara State University of Social Sciences and Education), International scientific conference "Actual problems of linguistics and literary studies", February 3-4, 2022 (The Pushkin State Russian Language Institute), International scientific philological conference named after Ludmila Alekseevna Verbitskaya, March 15-23, 2022 (Saint Petersburg State University), International Scientific and Practical Conference "Actual Issues of Philological Research", March 31, 2022 (Kuban State Technological University), International Scientific Conference "Linguocultural Universals in the World Space", April 20-22, 2022 (Voronezh State Technical University), International Scientific

Conference "Actual problems of linguistics and literary studies", February 3-4, 2022 (The Pushkin State Institute of Russian Language). Based on the topic of the dissertation 7 works were published, including 3 in the journals approved by Higher Attestation Commission (VAK RF).

The Highlights that are to be defended:

1. zoomorphisms are one of the means of cultural code representation of the people, allowing to bring the underlying meanings of culture to the level of expression;
2. zoomorphisms have an emotive component of meaning, which reflects the emotional side of the speaker's personality and attitude towards the world;
3. zoomorphisms can be used as emotive standards in modern communication;
4. the key characteristics of emotive zoomorphisms can be revealed and described by comparing and correlating these units of the Russian language with units of other languages.

Scope and Structure of this Paper. This dissertation consists of an introduction, three chapters, a conclusion, a bibliography and a list of used dictionaries, as well as an appendix. The introduction grounds its urgency and scientific novelty, defines its goal, objectives and methods, describes the research material, and describes the theoretical and practical significance of the work. The first chapter is devoted to the theoretical basis of this study. In the second chapter, a semantic and linguocultural analysis of the lexical units of emotive zoomorphisms is carried out. The third chapter describes the emotive phraseological units with the zoonym component in Russian (in comparison with the Arabic language). It presents the results of the associative experiment, in which native speakers of Russian and Arabic took part, and contains an analysis of emotive zoomorphisms and the concepts of basic emotions expressed by using the zoomorphisms.

The Conclusion draws the findings of the researcher, gives recommendations and identifies the prospects for further development of the research topic. In the appendix, which is placed at the end of the thesis, there are two tables. The first table contains emotionally evoking zoonyms. The second table contains a summary of the dynamics,

trends and changes in the linguistic consciousness based on the analysis of the opinions of the Russian and Arab respondents.

“The limits of my language mean the limits of my world”

(L. Wittgenstein)

CHAPTER 1. EMOTIVE ZOOMORPHISMS AS A SUBJECT OF LINGUISTIC COMPREHENSION

1.1. Emotive function of language

1.1.1. Emotion, Thought and Language

Words are the means of conveying ideas and conveying information, so the language is studied considering the respective culture and its environment. But the question remains: can words themselves determine the way of thinking? Philosophers, philologists, psychologists, cognitologists have actively explored the question of whether the language forms thoughts and actions, or our thoughts and beliefs form the language (Smirnova 1982, Merkulov 2001, Shakhovsky 2003, 2009, 2015, 2019, Yakovlev 2018, etc.). Taking into account the questions about the relation of language to ideology and social communication between people, raised in particular by linguists) Karaulov 1987, Sklyarevskaya 1993, Maslova 2012, Shakhovsky 2019, etc.) , the relationship between language and thinking should be closely reviewed. Taking into account the existence of unequal forms of thinking and languages, it is worth referring to the differentiated method.

Speaking from the perspective of linguistics, the relationship between language and thinking was first considered by W. Humboldt [Humboldt, 1984, p. 11], whose ideas (so-called "Humboldtianism") laid the foundation for the research of many scientists) V. A. Zvegintsev 2008, V. I. Shakhovsky 2015, A. D. Koshelev 2019, etc.) .

Language does not completely define our thoughts, i.e. they are too flexible for that—but habitual language use can influence our ways of thinking and acting. According to W. Humboldt, language and spiritual forces do not function separately from each other

and not sequentially one after the other, but they constitute an integral activity of the mind [Zvegintsev, 1960 p. 71]. Therefore, there is a very important relationship between thinking and language. In some sense they depend on each other (this does not mean that language is the only way to convey thought).

It is possible to speak (in a language) and not convey a message for thought. For example, a person may say something to another person who is not paying attention to the speaker. The one who is supposed to listen and decipher language (thought) cannot do so.

Consequently, it is up for debate whether there is such a thing as non-linguistic thought, or whether language is indeed a precondition for thinking [Foucault, 1994] rather than for representing thought.

The word becomes a repository of accumulated information about the environmental phenomena and the global exploration. At the same time, language is also necessary for communication in the domestic sphere.

Person's thinking and his worldview are inevitably reflected in his speech; as a result, language not only is involved in shaping man's concept of the environment and will cause logical connection, but also naming objects and creating them through endless metaphorical imagery. Yu. Kutsai believes that the characteristics of a nation are explained by the nature of language and the features of its worldview. They suggested that no matter how many languages a person learned, only his native language would leave the deepest imprint on his soul, because it most fully reflects the warehouse of concepts. This is true for all peoples and applies to all languages on earth [Kutsai, 2018]. Each nation finds its own expression and reflection in its own language. It is the property of the people, its product and wealth, which contains national memory, history, culture and which is inherited by each new generation [Sreznevsky, 2007, p. 19].

Consequently, man's thinking and the totality of his ideas about the environment are reflected in language. It is important to remember its main function, the emotive one, through which it conveys the speaker's verbal attitude to the phenomena of the surrounding reality. Emotive semantics in the language is characterized by semantic

vagueness of the expressed concept, the emotional and evaluative relationship is the focus of this phenomenon [Shakhovsky, 2015, p.78].

Emotion is an important pillar of linguistic identity. Any emotion combines the specificity of the target semantics of linguistic signs with the expression of relationships in everyday life communication. Thus, the relationship between language and emotion is an integral.

Thinking is as real as human existence. It is impossible to imagine man without thinking and, on the other hand, there is no man without language, for "language is thinking, expressed in words" [Zvegintsev, 1960, p. 92], so closely associated relationship between thinking and language do not exist outside of a person and act to express thoughts conveying information [Ushinsky, 1988] along with the reflection of his attitude to the world through emotion.

Words that name emotions (sadness, joy) are also emotives, that is, they are nominatives with similar and emotive meanings, in which the sema of emotionality is represented in the status of a categorical-lexical seme [Goncharova, 2003]. A human think using images, which are a reflection of objects and phenomena of the environment. Therefore, man's natural ability to think, speak, and express his internal state in emotion is a fundamental property of his being. If the aural form is the expression that language creates for thinking, then emotion is broadly expressed in the direction in which the process of thinking goes by linguistic tools.

Emotions do not simply condition people's actions. S.L. Rubinstein considered that emotions in combination with intellect form thinking itself (when intellect prevails) or emotion (when emotion prevails) [Rubinshtein, 1973, p. 97-98]. I. A. Vasiliev and O.K. Tikhomirov are sure that emotions are very important for the formation of consciousness. According to their works emotions, which, in turn, arise during an active human activity, and appear consciousness [Vasiliev, Tikhomirov, 1980, p. 30].

Consequently, thinking, and language are interconnected, and a person's emotional relationship to the world around him is expressed through words.

1.1.2. Emotivity as a category of linguistics

Emotions have played a major role in human communication since time immemorial. They manifest themselves in ethnic and political disagreements, in economic cooperation, and in other types of relations between peoples and between individuals. This phenomenon is nothing more than a consequence of our nature, in which communication is the foundation of the survival and prosperity of civilization.

It is necessary to separate the meanings of the concepts "emotion" and "emotionality", to determine their semantic distinction as the key lexical units of this research. According to the definition of the Explanatory Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova (1992) "emotion is a mental experience, a feeling. Emotions can be positive and negative" [Ozhegov, Shvedova, 1994, p. 910].

O. Akhmanova, in her Dictionary of Linguistic Terms, logically defines emotionality rather than emotion: "relating to the expression of feelings, attitudes, subjective attitudes. A word, the main content of which is the expression of feelings". [Akhmanova, 1966, p. 516].

In the Explanatory Dictionary under the editorship of S. A. Kuznetsov "emotions (pl.) - (French emotion), subjective human and animal reactions to internal and external stimuli, manifested as joy, fear, pleasure or displeasure, and can be positive and negative, emotion of fear and emotion of pleasure. External manifestation of feelings: Let us dispense with emotions." [Kuznetsov, 2003, p. 1522].

T.V. Matveeva Complete Dictionary of Linguistic Terms also lacks a definition of emotion, but states that emotionality in the theory of expressiveness and in lexical semantics means a correlate of the psychological concept of emotionality. Along with this term, the terms "emotionality" and "emotional coloring" are defined [Matveeva, 2010 p. 541]. T.V. Matveeva further revealed the connection between the emotional (emotive) content and emotional interjections (ah, oh, aah!, wow, bravo, bas!). The evaluative content in their use is either constant (bravo, encore, oho-ho) or depends on the context

or situation (exclamation Ah! may be an expression of joy, surprise and other emotions). Negative emotional content is typical for swear words [Matveeva, 2010, p. 542].

In D. N. Ushakov Big Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language "emotion is a mental experience, excitement, feeling (often accompanied by some instinctive expressive movements), such as the emotions of anger, sadness, joy". [Ushakov, 2005, p. 786].

The emotions studies occupy an important place in linguistics (Bally, L. G. Babenko, V. G. Gak, V. N. Telia, V. I. Shakhovskiy, etc.).

V. I. Shakhovskiy and E. Y. Y. Miagkova, in addition to other linguists, often use such a concept as emotive. They mentioned that emotion is a broad concept and differs from emotive in that it is a non-discrete entity, whereas emotive is always discrete. "The emotive is always a metonymy of the emotion being reconstructed." [Shakhovskiy 2002, p. 113]. Consequently, the emotive can be called a representative of an emotion, because "its cultural referent in various communicative situations can be a whole set of experiences" [Shakhovskiy 2002, p. 114]. According to the point of view of linguistics, emotion correlates with the meaning of the word, and emotionality correlates with what exactly a person has in mind when he or she utters a word [Myagkova, 1998, p. 73]. Psychologists also strictly distinguish between the concepts of "emotion" and "emotionality". The first term is used for the sphere of mental experiences, while the second is used to characterize mental processes related to emotions [Shingarov, 1997, p. 91].

Linguists have given several definitions of emotionality, which gave rise to the broad and narrow meanings of the term. In the narrow meaning the category of emotionality is compared with connotation in the structure of meanings of lexical units (V. N. Telia) or with their emotional (P. Ya. Halperin), evaluative (E. M. Wolf) semantic components. In a broad meaning this category is associated with the units of different linguistic levels [Babenko, 1989, p.14]. However, a complex approach to the study of emotionality is also applied. For example, V. I. Shakhovskiy considers this "phenomenon a pragmatic and speech category, a linguistic expression of emotions and an immanent

inherent semantic property of language to express the system of its means emotionality as a mental fact, reflected in the semantics of language means"[Shakhovsky, 1987, p. 42]. Such a methodology makes it possible to embrace the speech and language aspects that make up such a category as emotionality and, in addition, to relate it both to the speaker's personality and to the linguistic collective. Thus, we believe that emotionality is an element of connotation that manifests itself at different levels of language to reflect the mental state of the individual.

The inner world of man was clearly reflected in certain sciences, including psychology, literature, philosophy, etc. This subject has begun to be reflected in modern linguistics since the 1960s (L.G. Babenko, L.M. Vasiliev, V.I. Shakhovsky, A. Vyezbitskaya).

In E. Sapir's opinion, the study of emotion is not a relevant topic for research in linguistics because it is not a constituent component of semantics [Sapir, 1921]. It is worth noting that any speech act has explicit and implicit emotional meaning. In the flow of communication, the emotional meaning is reflected in words, and as a result, the emotive function of language appears. In this regard, it is important to note that the main task of language is to convey all information at different levels, including at the level of communication within human feelings, realized by emotive signs of language [Wolek, 1995, p. 16]. It is noted that all words denoting some feelings carry an emotional meaning. Such words include swear words, curses, obscene words, etc. [Nelyubin, 2005, p. 122.]

It is inconceivable to imagine a language devoid of units for expressing emotions, or emotionless people. At present, most linguistics scholars believe that the emotional component "enters into the composition of words according to the lexical principle". [Shakhovsky, 2003, p. 15], which seems fair enough, since the greatest role of emotion has also been confirmed by science. K. Izard believes that human emotions control human states of consciousness [Izard, 2000] and precede cognitive processes. At the same time, in studies of emotions in language, the study of the text-forming potential of emotions plays a major role in the interpretation and lexicalization of our feelings sphere and in the study of the text-forming potential of emotions, for example, by saying: "he is angry",

“happy to listen”, we express the pure inner state of a person in language in order to evaluate (positive or negative) and convey the state (pleasant or unpleasant) of the speaker. Consequently, language reflects both emotion and culture.

As was mentioned above, emotions express a person's attitude to an action or phenomenon, as well as a person's state of mind about it [Pidkasisty, 1998]. Emotions can be both positive and negative (sadness/joy, disgust/sympathy, etc.). At the same time, the name does not fully reflect what lies behind it. Therefore, we can designate a whole range of emotions with jealousy (uncertainty, anger, envy, etc.), and only the brightest part of positive emotions can be called enthusiasm.

Whereas the set of emotions in the arsenal of each nationality is the same, the intensity and ways of expressing them are different. We can say the same about each individual: all experience and demonstrate feelings in their own way [Maslova, 2012, p. 255], so it is difficult to study emotions as a whole. Such difficulty, according to V. I. Shakhovsky, consists in the impossibility to break the unity of the process of reflection of human phenomena, naming and expression of this reflection in naming affective words. Naming in language without awareness is not possible because each word both generalizes and names some phenomenon, object, action, or attitude. Therefore, in speech situations, emotions always go hand in hand with linguistic elements. Some scholars even believe that emotionless phrases do not exist in principle [Danes, 1987, p. 274].

According to Sh. Balli, man's "pure" thought is contrary to his nature, since the emotional aspect in his daily life is a constant, the most pressing need for communication, he also argues that the emotion expressed by man emanates from the situation of expression and from the personality of man [Balli, 1961], so emotions cannot be in pure form, that is, they are always conveyed and accompanied by Body Language as a result of the fact that language cannot range or cover all the wants and situations in man's life. In this regard, V.I. Shakhovsky argues that emotions are observed directly through body language and indirectly through language. Both of these channels "express the emotional mental style of a person and his emotional deixis" [Shakhovsky, 2002].

The fact of "lack" of language expressing all situations of everyday life can be explained by some need, which always stands behind the speech act: attraction of attention, inducement to action, etc. [Karaulov, 1987, p. 53]. This opinion is also confirmed by V. I. Shakhovsky: "The linguistic system does not fulfill its function without taking into account emotion" [Shakhovsky, 1987, p. 7].

Some linguists believe that any action or even simple human contemplation of the world around causes an emotion. Emotion also carries an expressive-evaluative connotation of a person in its relation to reality by means of linguistic expressions [Shakhovsky, 1998, p. 84].

Thus, the emotional worldview appears as an evaluative activity of human consciousness in the mental exploration of the world and is formulated as a result of the evaluative gymnastics of human consciousness. Evaluative-emotional acts are formed in human consciousness, these acts are mixed with the cultural concept and form additional value-evaluation characteristics.

Getting acquainted with the points of view of the linguists of the 1960s and 1970s, we can notice that the understanding of emotive components and expressive elements of language in modern linguistics, the study of language means in general and the expression of emotions, in particular expressive forms of speech and expressive elements of language, has changed significantly.

It is necessary to state, that nowadays linguists show, what important role emotions play in human communication (Wolf, 1996; Telia, 2008; Shakhovsky, 2019, etc.). They are the result of consciousness functioning, take part in cognitive processes [Izard, 2000] and directly influence the intellectual sphere [Shakhovsky, 2003, p. 4].

There is evidence that without emotion manifestation, not a single day of human life passes, so it is so firmly anchored in the meaning of words as a certain scale of assessment of the human emotional states. That is why emotive semantics is important for the study of language with subject semantics. It can be called the attitude to the world around, expressed in the language, which makes these emotions, clothed in words, clear for the speakers of a particular language. This makes emotion an effective way of

perceiving reality and part of both the linguistic worldview and the "local social emotion. Thus, the emotive meaning is given a generalized character that corresponds to the emotions of any other native speaker. People of the same linguistic community experience similar emotions in similar situations. All of the above make up the emotional worldview. The wide spread of emotions in the modern communicative space determines the emotional perception of the world, the essence of which is the reflection of objectively existing reality through the prism of human emotions. There is a need to define a variety of images of the world around, which is usually called an emotional worldview. Acquisition, thinking and awareness of the linguistic personality are closely connected with human emotions, which have a significant place in such an entity [Shakhovsky, 1987].

Emotions are an integral component of consciousness, they are continuous, emotions are discrete [Vinarskaya, 2001]. In this connection it is worth recalling that emotions, cognition and reflection interact with each other in the following way: emotions feel in cognition and accompany and color cognition [Shakhovsky, 2008, p. 41]. Emotional forms of reality, which are components of the emotive function of language, are encapsulated in this process. On the other hand, all such emotional forms are reflected in language, which makes language a means of communication, an instrument of thinking and a means of communication, as we stated above. Language in this regard is related to the expression of feelings, emotions, provides the sphere of human emotional activity and expresses his subjective, personal consciousness, represented in feelings and emotions.

The emotive function of language consists in expressing the evaluative and expressive components of the semantics of words, associated with the human condition and its relation to the object of speech in the course of the emotional formation and development. When investigating emotionality from the semantic aspect of words, we first of all determine the basis for lexico-semantic categorization of emotions in different types of lexico-semantic units denoting, expressing and describing emotions. Whereas everyone understands what emotion means, there is no precise scientific definition of the

term, because the concept itself is very broad and encompasses several scientific areas [Shakhovsky, 2008, p. 46].

Emotions have many functions, but mainly gives a reflection, born in a person to some object, his assessment, his consciousness and description of his internal state [Shingarov, 1997].

Thus, emotive lexical units of language tell the speaker's mental excitement, convey emotional information, and evoke an emotional response, such as feelings of disgust, contempt, hatred, etc. between the communicating parties.

According to I.V. Pavlov, words and the mental state of a person are connected in the following way: words are one of the forms of higher levels of neural activity, and emotions are one of its manifestations [Pavlov, 1951]. Thus, the reflection of human emotions in a word has a psycho-phraseological and social grounding, which complements other connotative semantic meanings of words, so the connotative meaning of a word carries its emotional-expressive or stylistic coloring. "Emotional and non-emotional meanings (of words) differ depending on whether or not they are related to human emotion, e.g.: oh dear! great!" [Encyclopedic Reference Dictionary 2014, p. 498].

When talking about language units denoting emotions, we cannot ignore the evaluativity.

Evaluative lexicon is words with evaluation, both positive and negative. Evaluation semantically implies an aspect of the meaning of linguistic expressions and is present in different interpretations. Evaluative semantics is spoken of when identifying any linguistic units, and there are various layers of evaluation vocabulary, such as adjectives and adverbs (excellent, good, not bad, bad, ugly, etc.).

Our life, reflexed by the collective mind, is realized by the categories of linguistic consciousness. They, in turn, are being verbalized through a system of lexical-phraseological means and through different units of nomination. Besides naming, such linguistic units reflect the corresponding attitude of expressive and evaluative nature in the process of the communicative act [Alefirenko, 1998, p. 310].

As we stated above, according to V. N. Teliya, emotionality, in its narrow meaning, correlates with connotation in the structure of the meaning of lexical units and as a result, the emotional and evaluative connotative meaning of the word brings the connotative meaning.

Many words, in addition to indicating objects or concepts, show the speaker's attitude towards them. However, there are words that do not have an evaluative sense, such as interjections, especially primitive ones, but they cannot belong to the emotional lexicon, since evaluation constitutes their verbal meaning (ouch!, oh now, what a!).

That is, the presence of an evaluative sense in a word determines the presence of emotional coloring. The evaluative sense and the speaker's attitude to this phenomenon (and, as a consequence, expressiveness) complicates the nominative function. The words moron, slacker, omnipotent, etc. in their semantics carry an expressive-emotional coloring and therefore are stylistically colored.

Words are divided into two groups in the theory of expressive means close in expressiveness:

- 1) words described a positive evaluation (words of praise, words said in jocular form), for example: handsome, well done;
- 2) words described negative evaluation (swearing, ironic statements, etc.), e.g.: dullard, fool.

The figurative sense develops emotional and expressive connotations. Thus, tropes that are neutral in stylistics are made more expressive: to fall down (off one's feet), to sleep (as one is killed), etc. Thus, some words in one situation may be perceived by their meaning as solemn, and in another as an insult or mockery, i.e. the context determines the coloring. For example, the word fool in different contexts can be perceived differently. Consequently, the context and the expressive connotation provide a great opportunity to use the words. In T. V. Zhrebilo dictionary of linguistic terms we find the definition of an emotionally evaluative word: a lexical unit that includes an element of evaluation with various shades, which are usually stable, as they arise due to the fact that the word meaning itself contains an evaluation [Zhrebilo, 2010, p. 467].

V. I. Zhelvis states: all our emotions are connected with each other, one emotion always entails another [Zhelvis, 1990, p. 54]. That is why they are quite difficult to classify, verbally represent and analyze the linguistic means responsible for their expression. Besides, though language is the same for each of its speakers, yet its emotionality is different, as any personality can give birth to an infinite number of meanings [Shakhovsky, 1998, p. 59].

There are several variants of the systematization of emotive vocabulary, for example, depending on the part of speech or lexico-grammatical category, with many including such units as interjections and particles [Berlison, 1976, p. 90; Kharchenko, 1976, p. 68]. Let us consider some generally accepted classifications.

A. L. Grigorieva's classification, which divides the entire lexicon into:

- 1) words with diminutive suffixes.
- 2) metaphorical uses of neutral words;
- 3) words containing emotionality in their semantics [Grigorieva, 1953, p. 24].

The classification of emotional vocabulary seems more logical:

- 1) words containing emotional coloring, denoted by means of language: daddy, sonny, kindly;
- 2) swear words: scoundrel, scoundrel, scoundrel;
- 3) interjections: bravo! Oh my God! Damn it! [Sereda, 2005, p. 44].

Lexical units formed metaphorically from the names of animals and serving as a figurative characteristic of a person are divided into the group of expressive-evaluative vocabulary. Thus, "zoosemisms" are zoological names used in direct meaning, and "zoomorphisms" used in figurative meaning [Broslavskaya, 2001, p. 49].

Emotional vocabulary is often used in the colloquial style of literary language, and also in the journalistic and artistic styles. It is not used in scientific and official-business styles, as they do not allow subjectivity.

According to A. Vyezbitskaya, a person's emotional scale has a direct connection to his or her native language [Vyezbitskaya 1999, p. 505]. E. M. Wolf emphasizes the

difference between a specific emotional state and a nonspecific one) difference in the presence of a certain character of emotion).

1.2. Emotive characteristics of zoomorphism

1.2.1. Zoomorphism as linguistic units

The close coexistence between human and animals has led to the appearance of zoomorphic units in the lexicon. Linguists pay special attention to the lexical-semantic layer of zoomorphisms in the language due to its wide polysemy, metaphorical and associative links resulting from the lexical richness of zoomorphisms.

Since we are talking about the names of animals, the term "zonym" arises, formed from the Latin word *animalia* i.e. 'animal' [Kozlova, 2003, p. 14]; "zoosemisms" - names of animals in direct and figurative meanings [Gutman, 1977 p. 147; Kozlova 2003, p. 14; Lyasota, 1984]. According to the definition of V. D. Starichenok, zonyms are a class of linguistic units, the proper names of animals, [Starichenko, 2008] and their secondary figurative metaphorical lexical and semantic meanings are called zoomorphisms. It is noticeable that in dictionaries (such as O. S. Akhmanov Dictionary of Linguistic Terms (1966), the Explanatory Dictionary of the Russian Language by S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova (1994), V. D. Starichenko's Large Linguistic Dictionary (2008) and T. V. Zhrebilo's Dictionary of Linguistic Terms (2010) do not provide definitions of the term "zoomorphisms").

By definition of the Great Russian Encyclopedia, a zoomorphism means assigning a person, event, object or a deity with animalistic characteristics. The first manifestations of zoomorphisms are presented in the rock carvings of the Paleolithic period. The presentation of God in the animal form or its features (horns, fangs, claws) is

characteristic of the art of the Ancient World, especially of ancient Egypt [Great Russian Encyclopedia, 2008].

T. Matveeva argues that by using zoomorphisms a characteristic of man is carried out through transferring the qualities inherent in animals to him. At the same time, in zoomorphisms we can observe folk ideas about this or that animal, which are also influenced by folklore and literary works. Therefore, a rooster is drawn cocky, shouty and motley - accordingly, a rooster will be called a scandalous, energetic person who likes to dress brightly. And some animals have even become the embodiment of personal qualities: the hare represents cowardice, the fox represents guile, the bee represents diligence [Matveeva, 2010 p. 117-118].

In the Large Explanatory Dictionary of Russian edited by S.A. Kuznetsov, zoomorphism) derived from the Greek *zoon* - animal and *morphe* - form) is "giving animal features to real or imaginary objects, representing gods and spirits in the image of animals." Prilagfnym zoomorphic, zoomorphic deity of life, zoomorphic [Kuznetsov, 2003 p. 370]

T. Yu. Broslavskaya gives a narrow, precise definition of zoosemisms and zoomorphisms [Broslavskaya, 2001 p. 65]. By her definition "zoosemisms are zoological nominations used in direct meaning", and zoomorphisms are zoological nominations used in figurative meaning (in this context definitions are limited to descriptions of human behavior or qualities) [Solntseva, 2004].

The proper names of animals, nicknames, and phraseological units that contain them, form the group of zoonisms.

The figurative field of "animals" represents the basis for the metaphorical transformation of ideas about the world around us. The metaphorical transformation of actions attributed to animals is considered to be open to moral evaluations. We assume that zoomorphisms are part of the linguistic means of living moral, ethical or social patterns, and as a result such qualities as cunning and guile, loyalty, rudeness, malice and kindness, etc. appear. Zoomorphisms are considered to be a part of the zoonymic fund of

the language, and the language acts as a custodian and at the same time a communicator of the national culture.

Consequently, zoomorphisms are formed as a reflection of complex or individual qualities and features of animals, which in turn reflects the ability of people and their culture to creativity and wide imagination. The created figurative meanings are fixed in the form of lexical units, which are reflected in the internal structure of zoomorphism and have a special expressive coloring. Zoomorphism constitutes a wide layer of the expressive part of the language, which may be negative or positive. In this context, we believe that a comparative study of languages (Russian on the background of Arabic) through emotive zoomorphisms reveals the most significant features of language and culture, which helps to draw attention to the dissimilarity of cultures, offering a new understanding of the world outside.

1.2.1.1. Basic principles and problems of describing zoomorphisms

The forms of animal worship are the most ancient manifestation of human creativity. Animal worship reflects the primary human consciousness beings, who saw in animal forms a dominant force. Despite the fact that the role of animals in spiritual culture has decreased in the consciousness of modern human, but animals always remain in the focus, which forms the language and doctrinal stereotypes [Maslova, 2012, p. 128], which explains the gradual expansion of their use both in speech and in the literature of different peoples.

According to V. Telia anthropomorphism, zoomorphism and spatial stereotype are recognized as models of metaphorical transfer of naming [Minsky, 1988, 250].

Recently, the study of zoomorphisms has become very dynamic. It is possible to consider zoomorphisms from different sides, for example, through the reflection of their semantic connotations in the language, or through the literary study of ancient fairy tales

and zoomorphic folklore, taking into account animal biology, or through grammar when studying the formation of new words (derivatives) from zoomorphic images, or through linguoculture when revealing associative links of zoomorphic forms and the difference of zoonisms in languages in synchrony and diachrony. The latter was especially widely studied at the end of the twentieth century and the beginning of the twenty-first century, when the subject was: components-zoonyms [Malafeeva, 1989], animalistic phraseological units [Biryukova, 1990; Bao Hong, 1999], zoophrasemological units [Katsitadze, 1985, Kozlova, 2003], phraseological zoonyms [Mardanova 1997, Moskalenko 2015], etc. R. S. Omelchenko wrote that the description of such units can help in the study of linguistic personality within such sciences as linguodidactics, cognitive and communicative linguistics, linguoculturology and ethnolinguistics [Omelchenko, 2007, p. 150-151].

On the other hand, G.N. Sklyarevskaya also notes the important role of zoomorphisms in language. She argues that thanks to the use of zoomorphisms in language it became possible to describe different human qualities, both internal [morals, personality traits] and external (physical appearance of a person, his public behavior) qualities [Sklyarevskaya, 1993, p. 90].

In the effort to get acquainted with the classifications of human qualities by using zoomorphisms, Ton Kuang Kyong 's dissertation thesis groups the semantic potential of 159 Russian zoomorphic images, about 90 attributes characterizing the evaluative qualification of the person, into four classifications: 1996]. The human physical characteristic, moral and aesthetic qualities, socio-communicative properties, and intellectual abilities [Ton Kuang Kyong, 1996].

N.A. Ilyukhina points to the basic substantive names of animals when they are used in a figurative sense concerning a human [Ilyukhina, 2021, p. 35] and states that zoomorphisms represent a common model of description of metaphorical semantics of animals in semiotics [Ibid, 2021, p. 35]. N.A. Ilyukhina uses the definition of M. I. Cheremisina and her co-author, who call the entire system of associations,

associated in speakers of a particular language with the representation of an animal, for example, "he behaves like a pig, he acts like a pig" [Cheremisina, 1973, p. 152].

In this regard, we think that the basic figurative meanings of animals may be poorer than the semantic structures revealed in communication, so the animals in our study are considered in the explication. N.A. Ilyukhina argues that the use of direct zoomorphisms in the process of communication (donkey, dog, horse, etc.) shows indirect animals' representations "in context" for all its properties and relations (stubborn and unrestrained, saddle, harness, reins, shores, etc.) [Ilyukhina, 2021, p. 36].

It is significant to point out the most important and most used dictionaries that contain zoomorphisms of different orders within the study of zoomorphisms.

T.V. Efremova's Explanatory Dictionary of the Word-Formation Units of the Russian language defines in detail the concepts of zoonym, zoomorphism, zoomorphic, zoomorphic and other terms with the prefix zoo-. The author also refers to zoomorphisms the words denoting gods and spirits, which are traditionally represented in the image of animals [Efremova, 2000]. We cannot deny the basis of such an understanding, because, as we pointed out earlier, ancient man was aware of the dominance and power of animals, which made him think that the god has, to an approximate degree, the same power and dominance.

Another dictionary, which collects thematic units from folklore and educational literature, is called "Russian Cultural Space: Linguistic and Cultural Dictionary". The material presented in it reveals the peculiarities of the Russian language worldview [Russian Cultural Space, 2004].

The Russian Associative Dictionary, edited by Y. N. Karaulov, is a unique work. This dictionary, unlike typical function dictionaries, shows how Russian people speak. [Russian associative dictionary, 2002]. The associative dictionary presents the language in its pre-speech readiness, revealing the secret, hidden from direct observation, way of "holding" the language in the memory of its bearer", in it one can find the most typical and most frequent word combinations, grammatical constructions, all types of word-formation and word-formation [Russian Associative Dictionary, 2002]. We can say that

the Associative Dictionary as a whole gives a description of the word according to Vygotsky: "The word relates to consciousness as a small world to a large one, as a living cell to an organism, as an atom to a cosmos. It is the small world of consciousness. a microcosm of human consciousness." [Vygotsky, 1982, p. 318].

1.2.1.2. Connotative Components of the Meaning of zoomorphism

The study of zoomorphisms provides a rich material for modern linguists, because the characteristics and qualities of zoomorphisms are transferred to humans until the present time. Following A. A. Kipriyanova, we note that zoomorphisms have an expressive-evaluative connotation, depending on the norms of the language community, so they serve as a valuable component of the worldview. [Kipriyanova, 1999, p. 4].

We can highlight the lexical units formed by zoomorphic metaphorical transfer on the basis of animal names and serving to describe the internal and external characteristics of man in the expressive-evaluative vocabulary of the language.

It is worth noting that the transfer of animal names to humans with an evaluative describing function is a typical phenomenon for different languages according to many researchers [M. I. Cheremisina, F. A. Litvin, A. E. Gutman, Ton Kuang Kyong] . In this respect, researchers pay considerable attention to the signs of the material, physical, and mental sides [Broslavskaya, 2001 p. 49].

V. G. Gak also points out the semantic function of zoomorphisms. According to his opinion, zoomorphism serves as an indicator to describe and evaluate the internal, including physical qualities, and the external world of a person (for example: dog. wolf, pig) [Gak, 1988, p. 18].

The study of the semantics of zoomorphisms in language leads to the search for the root of the relation between zoomorphisms and phraseology. The roots of this relation are revealed to us by two of the outstanding linguists, A. I. Molotkov [1977] and

A. G. Balakai [1992]. According to them, in ancient times there was a belief that every tribe descended from some animal. This animal became a symbol of the tribe, it was worshipped and depicted on coats of arms and flags. This phenomenon developed over time, preserved in the religions and cultural heritage of every nation. Thus, zoomorphisms became not only a source of phraseological phrases that decorate the language, but also a phenomenon that tells the modern man about the traditions and way of thinking of his ancestors [Molotkov, 1977; Balakai, 1992]. Phraseological units with the zoonym component:

- 1) are a standard collocation with the direct name of an animal;
- 2) always have a figurative meaning to human;
- 3) contain the evaluation of human actions or behavior [Molotkov, 1977].

Thus, zoomorphisms are always connected with the human. Thus, S. R. Omelchenko, in his study of the anthropological side of linguistics, addresses to the description not only of the phenomena, which are related, actually, to the linguistic personality, but also other entities, in particular having zoomorphic characteristics [Omelchenko, 2007, p. 150-151].

I. A. Morozov also considered anthropomorphic and zoomorphic sides in a unified way. In particular, the scientist using structural-functional and structural-semiotic method, as well as methods of cultural and ethnolinguistic analysis studied the influence of children's toys depicting humans and animals on the formation of human personality, on the acquisition of social roles and own awareness [Morozov 2010].

Interestingly, zoomorphism can also be found in the military sphere. For many years, weapons and military equipment have animals' names. For example, the ship "Tiger", "Panther", etc. Animals are chosen for the names, whose characteristics one wants to give to the equipment (speed, marksmanship, formidability, etc.). This method is used to encourage the soldiers and intimidate the enemy [Chirkova, 2009, p. 66]. In honor of animals, not only single equipment is named, but also entire models. Here we can recall the English planes "Mosquito" or American planes "Airacobra, Royal Cobra,

Hellcat". Thus, zoonyms in their semantics contain socially significant experience [Chirkova, 2009, p. 66-67].

Almost every name of an animal can carry an emotional connotation, which serves as the basis for metaphorical nomination and determines the phrase-forming potential of zoomorphism.

The connotations of a linguistic unit cause many definitions in which its semantic structure is lost. Therefore, in order to restore the original of a unit, one must first study all shades of meanings, and then analyze them and identify what is common [Shakhovsky, 1987, p. 66].

Some researchers argue that connotation is a semantic connotation, which brings additional meaning to the content of a word [Aznaurova, 1977]; others believe that the content of a word and connotation do not correlate with each other [Galperin, 1977]. Finally, according to the third ones, connotation is a constituent element of either association or implication.

Despite the great multitude of opinions about the relationship between connotation and semantic content, all researchers consider the indisputable fact that connotation has a sign of additionality to the denotative aspect of meaning, recognizing the connotation secondariness in relation to the denotation.

Thus, according to V.I. Goverdovsky, connotations of expressive-valuation, historical and cultural types are manifested at different stages [Goverdovsky, 1989]. Linguists have different views on which definition of connotation and its semantic component is the most accurate.

Further we will consider various points of view, but first let us consider the very notion of lexical meaning and define the place of connotation in it.

Under the lexical meaning of a word (LMW) is understood a complex structure [Vinogradov, 1977, p. 162], which includes a whole hierarchy of substructures, a certain complex of substructures, the components of which are semantics, pragmatics and syntactics.

In other words, the lexical meaning of a word is a specially structured integrity of semantics, pragmatics, and syntactics, reflecting together a strictly linguistic method of reality division.

Considering the character of the lexical meaning of a word, modern linguists, following I.A. Sternin, define it as a complex system of interconnected components [Popova, Sternin, 1999, p. 42]. According to the scholar's theory, from which we have highlighted the most important, in our opinion, provisions, the lexical meaning of a word consists of two levels: micro- and macro, and each has its own components of division, forming the integral structure.

The macro-component level consists of the denotative-significative and connotative components of the lexical meaning of the word, the micro-components of each of which are the semes.

It worth noting that connotation has a different status in the direct and secondary types of lexical meaning of a word. In the first case, connotation has the status of a potential seme, being a micro-component of the lexical meaning of the word. In the second case, connotation is a macro component of the lexical meaning of a word, as it splits into the connotative semes.

Consequently, Thus, we understand connotation as a micro or macro component (depending on the type of the lexical meaning of the word) of the systemic lexical meaning of the word, accompanying or co-recognizing together with its denotative meaning and carrying in itself or expressing the emotional and evaluative attitude of the speaker to reality.

The second most important point in the discussion of connotation is undoubtedly the question of its structure V. N. Telia, N. Y. Lukyanova, V. I. Shakhovsky and others recognize emotionality, evaluativity, expressivity and stylistic marking as constituent elements of the connotation.

V. N. Telia considers the first three constituents, which make up the expressive effect, to be the apex [Telia, 1986]. N.Y. Lukyanov agrees with this view [Lukyanova, 1986], and V.I. Shakhovsky recognizes emotionality as the key constituent, which already

includes assessment. It is worth noting that V. N. Telia, puts emotionality, evaluativity and expressiveness on top, recognizes their autonomy and correlation. [Telia, 1996, p. 18]. A. V. Kunin and A. I. Kuznetsova distinguish figurativeness among the constituents of connotation [Kunin, 1986], and E. I. Sheigal distinguishes intensity [Sheigal, 1981].

We note that by including the different constituents in the structure of connotation, linguists take into account their additionality to the denotative and cognitive content

Following V. N. Telia, we also include emotive, evaluative, figurative and expressive connotations [Telia, 1986]. It is clear that not all these constituents are equally involved in the reflection of connotation in all cases, but in the structure itself they are obligatory, appearing together, but with different intensity.

At the level of the lexical meaning of a word, the constituents of connotation manifest themselves in the form of specialized semes (for example, the sema "evaluativity," etc.).

Further, let us consider each of the connotative components in more detail.

Emotionality

In semantics, emotionality is a psychological result of the intellectual interpretation of emotionality; in other words, emotionality is potential emotional intensity.

The stylistic approach also defines the goal of linguistic research on emotionality - the description of the expressive possibilities of language and the ways of their realization in different conditions of communication.

However, in modern linguistics the approach to emotionality as a sign category that has its own emotive meaning in its structure, which directly expresses emotion, is more wide-spread. Thus, in linguistics there is a shift in the relationship between emotion and language from stylistics to semasiology [Shmelev, 1973; Shakhovsky, 2008, 2009, 2015].

In our research we see eye to eye on V. I. Shakhovsky's view that the semantics of emotionality is realized in special semes (emosemes) that are used to demonstrate the

addressee's emotional attitude to what he is saying: fox (about a cunning man), eagle (about a beautiful, proud man), jackal (about a bad man).

Summarizing the above, we can conclude that emotionality as a constituent of connotation serves to realize the speaker's emotions and is an expression of the addressee's emotional attitude toward the object of speech.

Evaluability

Since emotionality serves to express both positive and negative emotions of the addressee, it is inextricably linked to the evaluative component in the linguistic names. This approach is based on the axiom of the psychological and linguistic science: any emotion carries an assessment.

The axiom itself is based on the following definition: emotion is a psychological state that expresses "an evaluative-personal relationship to emerging or possible situations, to its activity and to its manifestations in them" (definition from the field of psychology) [Leontiev, 1999, p. 37]. Evaluativity in relation to emotionality is primary because it has a social character.

In our view, the definition of assessment as a values judgment is universal, while the latter express the salience of reality objects for the individual and society as a whole, due not to the objective properties of objects, but to their meaning for an individual or group. From the given definition it follows that evaluativity is also socially conditioned.

In semantics, assessment also realizes the value aspect of meaning (positive or negative), which is interpreted by the following relationship between the subject and the object of assessment: "A thinks that B is good/bad" [Wolf, 1985]. It should be noted that the addressee's assessment is not always rational. Objective assessment can also be emotional. [Sternin, 1979; Telia, 1996].

The fundamental difference between the rational and emotional assessment of the object of speech is that the former is a component of the subject-logical plan of meaning, while the latter is an additional content of the lexeme and is part of the connotation (it means emotionality) [Telia, 1986]. The structure of both emotional and rational

assessment includes a system of obligatory components, including the subject and object of assessment, the assessment itself and the assessment scale, which includes certain assessment stereotypes [Ivin, 1970; Wolf, 1985]. Stereotypes in this case are understood as standardized associations forms, typically characterizing bearers of any qualities, realized in the linguistic worldview.

We have rightly remarked that connotation is the result of emotional and evaluative perception of reality, emotionality and evaluativity are its obligatory components. It seems that to us that emotionality and evaluativity are inseparable, united in terms of expressing the emotional and evaluative attitude of the subject to the object of speech.

The inseparable unity of emotionality and evaluativity is confirmed by the special organization of dictionary definitions, in which only emotive labels are reflected, while the quality of assessment is only implied (approving, contemptuous, disparaging, pejorative, ironic, etc.).

Researchers of evaluativity argue that positive evaluation is conveyed through positive emotion, and negative evaluation is conveyed vice versa. For example, N. A. Lukyanova speaks about this when she discusses the absorption of emotion through assessment [Lukyanova, 1986, p. 17].

The majority of zoomorphisms have a strong negative assessment. For example, in the word donkey the attribute "dumb" is realized; the fox evokes the idea of a "cunning person"; the snake characterizes a "treacherous person"; the turkey corresponds with "arrogant"; the ram corresponds with a "stubborn person"; The rooster evokes the idea of a "brawler"; the bear evokes the idea of a "clumsy person"; the hare correlates with a "cowardly person"; the peacock refers to a "haughty, important person", etc.

Zoomorphisms with positive evaluation are very few, including: eagle ("points to a handsome man", swan ("symbolizing a beautiful woman"), lion ("describes a strong, brave person"), deer ("describes a noble person," but in some cases may be negatively colored: deer "stupid, featherheaded"), etc.

Many researchers confirm the clear lexemes predominance with a negative assessment over the lexemes with a positive one. [Lukyanova, 1986, p. 121; Grafova,

1991, p. 67; Teliá, 1998, p. 61]. This relationship is associated, first of all, with the fact that human consciousness (and at one and the same time language and its reflection) differentiates a negative experience more carefully than positive, since the latter is often perceived by consciousness as a norm [Wolf, 1985].

Zoomorphisms symbolizing a negative assessment not only outnumber zoomorphisms with a positive assessment, but also are semantically more diverse.

They reflect an assessment of various human vices (greed, stupidity, cowardice, malice), human behavior in a certain situation (bragging, deceit), low social status of the object of assessment, as well as his psychophysiological state, which is not negative in the traditional consciousness, but becomes such in case of manifestation in an excessive amount.

These are examples of the semantic diversity of zoomorphisms with a negative evaluation: the "ugly" seme is realized by the zoomorphisms monkey, monkey; the "excessively tall" seme is realized by giraffe; the "excessively large" seme is realized by bull, boar, bear; the "fat" seme is realized by hippo, hog, pig, elephant; the "timid/fearful, unresponsive/" is realized by sheep, calf, lamb; the "stupid" seme is realized by donkey etc.

Emotionality and evaluativity in their entirety form an emotional and evaluative constitution, which is obligatory in the connotation.

Expressiveness

The category of expressiveness is considered from two diametrical positions, which is connected with the difficulties in determining its boundaries within the connotation. In a broad sense, expressivity is an increase in the influential power of the spoken word; in a narrow sense, it is a certain component of the lexical meaning of the word, characterizing the degree of manifestation of various features of the object of speech.

In the universally accepted definition expressiveness is considered as a special emphasis, atypical brightness of the lexical meaning of a word in comparison with a neutral name, which is assigned to better convey information to the addressee.

In this research, we will consider expressivity as one of the components of the word connotation, as it is closely related to both assessment and the expression of emotion in general. As we can see, in the connotative macro-component, expressivity is inseparably connected with the other two components considered earlier.

Moreover, this relationship is shown in the fact that expressivity is realized through the interaction of expressiveness and evaluativity, because the latter, being the semantic components of connotation, just create the effect of expressiveness. It is possible to summarize that expressivity should be considered as the final connotative component.

Figurativeness

Association is necessary for the connotative macro-component [Telia, 1996, p.107]. The association may be figurative or aural. For example, when a person hears the word "jackal", he represents in his mind a cowardly animal that eats carrion. Such behavior arouses contempt and disgust. Accordingly, an emotional evaluation is formed.

This assessment is based on the perception by associations and images, which are the motives of the evaluative relationship of the subject of speech.

The associative-imaginative motif or perception is the reason for the appearance of a special element of the meaning of a word: its inner form. Including in the system of constituents of the macro-component of the lexical meaning of a word emotionality, evaluativeness and expressiveness, the researchers define the internal form through associative-imaginative basis for connotation, because "in an expressively colored meaning there is necessarily a motivating feature, which in most cases coincides with the internal form of naming". [Telia, 1986, p. 68].

As it follows from the definition given above, figurativeness is the component that is not included in the definition of the meaning of a word, but is entirely related to its semantics as its usual or occasional inner form.

It is necessary to note that the concept of inner form should be considered much broader than figurativeness: every lexical unit of language has an inner form, with the exception of non-motivated lexemes. Figurativeness is characteristic of such expressively

colored words, which have a sufficiently transparent inner form, in other words, due to the inner form lexical units become figurative, in other words, the inner form is a kind of motivating connotation, emerging in it in the form of the constituent "figurativeness".

Some scientists believe that emotionality owes its being to figurativeness [O. I. Nikiforova, 1959; I. I. Chernysheva, 1977; V. N. Telia, 1986, 1996; V. I. Shakhovsky, 1983; M. Black, 1990; Richards, 1990], which is expressed in the thesis fixed in linguistics: "not figurativeness and emotionality, but figurativeness and therefore emotionality" [Kozhina, 1966, p. 81].

In other words, figurativeness, being a motive for the emotionality and evaluativity, contributes to the connotation's formation.

We can conclude that zoomorphisms fulfill two functions of language: expressive and evaluative. For example, a stupid person is being described by a donkey, a clumsy person by a goat, and a dirty person by a pig. The evaluative function, in turn, expresses a positive or negative assessment.

Zoomorphisms give us an answer to the question: why do we call a person a donkey, which characteristics lie in this metaphor and associative connection. It is also worth noting that the nomination of animals is often negative in Russian language. For example, "wicked as a dog," "dog's life (rotten life)", "die like a dog," and etc.

1.3. Zoomorphism and the emotive code

The lexical-semantic layer of zoomorphisms appears in speech with different emotional and expressive coloring, reflecting the cultural and national features, becoming an ornament and demonstrating the richness of the language. The emotive sema in the structure of the lexical meaning of a word is important for successful communication, which is confirmed by its reflection in the dictionary definitions. Emotive nominatives

are present in a large volume, for example, in a sports blog in the form of such parts of speech as a noun, an adjective, a verb, an adverb. [Blokh, Reznikova 2006, pp. 14-19].

As V. I. Shakhovsky defines it, the emotive language code is "a semiotic system of correlations between the mental states (emotions) of communicants and their conceptualization (schematization, verbal packaging, namely linguistics) [Shakhovsky, 2003, p. 171].

V.I. Shakhovsky divided the lexical emotives in a language into three groups: 1) lexicon denoting emotions; 2) lexicon expressing emotions; 3) lexicon describing emotions. [Shakhovsky, 2008]. The emotive nominatives are understood as a lexical corpus, which includes those lexemes, in the structure of the subject-logical meaning of which the emotional component is determined. Despite the linguistic paradox, from the point of view of linguistics, the lexicon of emotion is not emotive; it belongs to the logical-subject plane of expression. This is also determined by the fact that emotion denotes not a feeling, but a representation of a feeling in the subject of speech, while the meaning of the emotive nominative demonstrates the emotional attitude of the subject of speech to its object.

Today scientists, considering the problems of the relationship between emotions and language, the reflection of human emotional states by means of language means, developing the linguistic concept of emotions, widely use the achievements of psychological science in the study of emotions. V. I. Shakhovsky singles out the study of emotions into a special linguistics of emotions - a branch of the science of language that studies the problems of "verbalization, expression and communication of emotions". [Shakhovsky, 2009, p. 33].

The study of emotionality can start from the meaning of words and affixes that have emotional coloring to the detailed descriptions of the categorical emotional situations. To reveal the relationship between emotionality and zoomorphism, it is certainly worth clarifying several definitions. First of all, let's talk about zoomorphic metaphor.

At the present, interest in the study of metaphor has increased considerably. The reason for this interest is the new ideas about the essence of metaphor in the cognitive theory of metaphor.

Metaphor in the cognitive process plays an important role in expressing the analogous possibilities of our mind. Metaphor can be defined as one of the main cognitive operations, ways of categorization, conceptualization, evaluation, explanation and cognition of the worldview, therefore metaphor helps to understand the world and to comprehend the surrounding reality, in other words, metaphor reflects what people think about and how they act [Glotova, 2010, p. 13]. Metaphor plays an important role due to its ability to represent emotional evaluation in the daily life.

The definition of the concept we will use is taken from T. V. Matveeva Complete Dictionary of Linguistic Terms: "It is a fact of a way of life, social consciousness, theory, expressed in the linguistic form" [Matveeva, 2010, p. 161].

Consequently, the emotional concept is a mental unit, reflecting the accumulated experience of the people in the generalized form of ideas about emotional experiences [Dmitrieva, 2016, p. 108] (by verbal linguistic signs and nonverbal means). According to linguistics, the expression of emotions by linguistic units and their reflection in oral and written speech is very significant.

Though without emotions there is no language and though the language is poorer, than actually human activity, but the language expresses emotions, describes, imitates, simulates, categorizes, comments, invents means for their interpretation of emotions. Exactly the language forms the emotional worldview of representatives of this or that linguoculture [Shakhovsky, 2009, p. 15].

P. Ekman considered seven basic and universal emotions: joy/happiness, surprise/amazement, fear, disgust/ contempt, sadness, anger/ rage, and interest/curiosity [Ekman, Friesen, Ellsworth, 1972, p. 35].

At present we can have a general idea of how the emotions and the zoomorphisms are combined in one linguistic component by means of zoomorphic metaphor. Basically,

connotations, cognition and emotion go in the same line: emotion prompts cognition, and vice versa, cognition gives rise to emotion, which is explored through the language.

The zoomorphic metaphor is considered to be the result of metaphoric figurative meaning, in which the properties of an animal are assigned to a person, and the behavior of a person is similar to the behavior of an animal. A metaphor of this type is the most productive in the phraseological conceptualization of positive and negative emotions. We say: "He is just a donkey" about a pestering, annoying stupid person, at the same time the zoomorphism "dog" is also used in other stable expressions: he is a dog - that is, he can 'get angry, shout'; to gnaw like dogs - 'fight, swear loudly', etc.

Zoomorphisms are used to convey a characteristic of a person, an attitude toward this or that phenomenon. We note that the figurative use of the nomination of an animal not only means that the person in question has features and character in common with some animal, but also immediately generates an emotion, positive or negative in relation to that person, as well as an emotion in the person being nominated. Accordingly, zoomorphic metaphor is a productive means of verbal representation of the concepts of positive and negative emotions. The zoomorphic metaphor reveals certain mental and emotional features in the linguistic world pictures of the Russian and Arabic cultures.

We have already emphasized the clear predominance of zoomorphisms symbolizing a negative assessment over zoomorphisms symbolizing a positive assessment. Often such zoomorphisms are associated with ideas about the human norm, for example a bear (about a healthy man), a snake (about a treacherous woman). It is not uncommon to find among zoomorphisms the contrasting construction "not a person, but a beast" (about an extremely cruel, fierce, fierce person).

Deviations from the generally accepted in a particular culture norm are found in such comparisons as "stubborn as a sheep", "dirty as a pig", "cowardly as a hare", as well as in stable collocations (shot sparrow, church mouse, wolf in sheep's clothing, etc.) [Sulimenko, 2019, p. 63].

According to N.V. Solntseva, such anthropocentric aspects as appearance, moral qualities of a person, his character, intellectual abilities and social roles are significant for

the formation of the semantic component of zoomorphisms, within which subgroups are distinguished: profession/nation of activity, belonging to a nation and culture, etc. [Solntseva, 2004, p. 65-66, 68-69, 98].

S. V. Sviontkovskaya in her works identifies similar anthropocentric aspects: qualities of intellect, character, psychophysiological characteristics, the moral appearance and social qualities of the subject of speech [Sviontkovskaya, 2000, p. 36].

E. E. Yurkov, when describing the objects of reality from the "natural world" sphere, highlights such anthropocentric aspects as physical, consistence, functional, realization, relational and subjective-psychological properties [Yurkov, 2012, p. 152-153].

A. S. Maslov, whose zoometaphors invective have been closely studied, identifies three main factors for the "animal/human" comparison: appearance, habits and features of communication with other animals [Maslov, 2014, p. 33].

Consequently, the dynamics of the culturally conditioned components of meaning is represented in the significant expansion and detailing of those meanings, which are fixed in the lexical units of the language. The emotive code of zoomorphisms is especially noticeable when zoonisms are used in certain syntactic constructions (comparative, separative and oppositional), which reveals the tendency of traditional and non-traditional comparison of the object (through zoomorphisms) not only with humans, but also with other realities of the cultural life of the ethnic group.

1.3.1. Emotive components of the meaning of zoomorphism

In the modern Russian language zoomorphic archetypes actively participate in the composition of the matrix of semantic derivation. The new speech and usual nominations arise on the basis of the zoomorphic archetype [Tropina, 2014, p. 194].

In our opinion, we can talk about the relationship between emotive components and zoomorphisms as follows:

A) Nomination of zoomorphic images is always accompanied by expressiveness and evaluation, which leads us to the idea of a close connection between zoomorphisms and emotions, since emotions are a form of reflection and perception of reality and are always accompanied by evaluation [Klychkov, 1961, pp. 63-71] through consciousness. The vocabulary language units, which are highly emotional phraseological units, usually do not fall under the dictionary definition, but instead their mental content is provided.

B) Another connection between emotions and zoomorphisms is the possibility to divide emotions by assessment into two categories - positive and negative. These two categories are also categories of expressive-evaluation coloring when using zoomorphisms, for example, in all languages or in any people we cannot represent the image of "pig" as an image of positive evaluation or the image of "horse" as an image of negative assessment. This division of the negative and positive assessment can be confirmed by a conscious and naive view of human reality, for example, we can in no way understand the affectionate expression "ah, my little piggy".

C) The emotional component plays a fundamental role in the parametric analysis of the semantic structure of linguistic units, in particular of zoomorphisms. The common emotional component of the meaning of phraseological units, with the components of zoomorphisms, collects all the information, which is associated with the feeling - the attitude of the subject to the signified [Zainieva, 2015]. Each language unit in the process of communication in its general content reflects the state of emotional communication, determines the form of its expression and the criteria of its use. Thus, the assessment operates in the context of opinion, on a scale of "good-bad" [Khomyakova, 2008, p. 13].

In emotiology a special attention is paid to the study of the emotional language means of expression, because it is in them the estimated attitude of the speaker to the subject of speech through emotions is reflected. The attention of researchers to zoomorphic vocabulary is also connected with the fact that the latter is an active way of replenishing the vocabulary of any language.

Having a direct meaning, zoomorphisms also contain a symbolic meaning, which allows the subject of speech to convey an emotional assessment. The increased use of zoomorphisms, which can be traced through various contexts of their use, reveals the beauty of languages.

In the Russian linguistic worldview of the majority of zoomorphisms are pets, the vast majority of them with a negative assessment. Undoubtedly, only a bull is a positive assessment: about a healthy person they say "healthy, like a bull" [Hefny, 2020, p. 91]. Since the majority of zoomorphisms are lexemes with negative connotation, we will give them the closest attention in our research.

The emotional and sensual forms of zoomorphisms are dictated by their linguocultural interpretation, demonstrating the addressee's attitude to the surrounding reality and giving a certain internal state to the communicants.

Consequently, emotive zoomorphisms are a special corpus of linguistic means, performing primarily an emotional function (distinguished by V. I. Shakhovsky) and possessing the ability to demonstrate an emotional attitude to the object of speech.

According to our opinion, the manifestation of the emotional component of life in zoomorphisms contributes to a more accurate and profound interpretation of what ideas about the world exist in the different cultures.

As a result, zoomorphic metaphors enrich the language, carrying data about the history, traditions and ways of thinking of the people. The lexico-semantic corpus of emotive zoomorphisms of the Russian language is quite extensive, it includes lexical units of varying degrees of expression of positive and negative evaluations and a wide range of feelings.

Consequently, the function of emotional forms in speech is to express the emotional perception and attitude of the subject of speech to a certain fact of objective reality.

1.4. Linguoculture as a basis for the formation of figurative meanings of lexical units

Despite the fact that before linguoculturology aspects of the interaction between language and culture to a greater or lesser degree were the subject of study in several disciplines, such as ethnopsycholinguistics, ethnolinguistics and sociolinguistics, the scientific approach to the analysis of the interaction between language and culture is typical for linguoculturology [Yurkov, 2012].

Thanks to the seeming evidently of the inner form: lingvo (language) + culture, the concept is probably interpreted as "culture expressed in language". It is no wonder that this word has an extremely broad interpretation: different sources include images, precedent texts and names in the content of linguoculture [Yuzefovich, 2011,2013], values [Latyshev, 2013], traditions [Suprun, 2013], an arsenal of language means and symbols [Pozhidaeva, 2012].

V. V. Krasnykh intimately discusses the linguoculture from different viewpoints. Basing himself on the works of other scientists, in particular the works of E. Sepir and A. A. Leontiev on what is culture and language [Krasnykh, 2013, p. 47-50], V. V. Krasnykh argues that the culture is embodied in language and this is what is called linguoculture [Krasnykh, 2012, p.71-72].

It goes without saying that it's impossible to represent everything in language, but what is enshrined in language is part of the human experience. For this reason, language occupies an important place in understanding the culture of any nation. Thanks to language we can learn about the history, the traditions and the beliefs of ancestors and transfer knowledge to future generations [Telia 1996, p. 228]. V. V. Krasnykh even narrows the concept of culture, considering it as a space of common memory, as a system of representations [Krasnykh, 2010, p. 69], i.e. considers it from the perspective of the semiotic aspect.

According to the way of distinguishing the literary language and dialects, clarifying in them the common parlance, and in some cases even the argot, A. Tolstoy distinguished four types of culture in any ethnoculture: a) the culture of the educated class - "bookish" or elitist; b) the people' culture of the peasantry; c) the opiate culture of the educated class - "the elitist" or "the elitist"; d) the culture of the peasantry - "the elitist". Tolstoy distinguished four types of culture in any ethnoculture: a) culture of the educated stratum - "book", or elitist; b) folk culture, peasant culture; c) mediating culture, approaching to ordinary speech, which is usually called "culture for people", or "third culture"; d) the traditional-professional subculture (herders, beekeepers, potters and trade and craft culture) [Tolstoy, 1998, p. 235].

According to V. N. Telia, linguoculturology has in mind the study of language in synchronicity, in other words, the processes that occur in the language in a given period of time. And here a big role is played by a comprehensive consideration of language in connection with national perceptions, the mentality of the people, which are different categories [Telia, 1999, p. 35].

In our opinion, a linguistic worldview of the world is made by language and culture. V. I. Postovalova defines the worldview: "the specificity of a person and his being, his relationship with the world, the most important conditions of his existence in the world". [Postovalova, 1988, p. 11]. For all that all national experience, behavior is fixed in the linguistic worldview (how in consciousness and behavior of representatives of Russian and Arabic languages the image of this or that zoonym is reflected), a person learns the world through forms of the native language, which determines his thinking and behavior (how representatives of Russian and Arabic languages perceive this or that zoonym).

Consequently, we agree with T. Lomtev's view that every word in human language comes from the reality surrounding, from what a person hears and sees, accordingly, a person uses words according to the way he understands this world [Lomtev, 1979, p. 19].

1.4.1. Linguocultural subsystems

As part of the study of linguoculture V. V. Krasnykh distinguishes its vocabulary and grammar and puts forward a number of hypotheses. According to the scientist, this field of knowledge consists of four subsystems: cognitive, metaphorical, etalon and symbolic [Krasnykh, 2005, 2010, 2012, 2013].

a) Cognitive subsystem

The scientist understands mentifacts, i.e. cognitive content units, as units of this category. They can be considered as individual as well as collective cognitive spaces, and the national-cultural cognitive base and cultural space are also involved here [Krasnykh, 2012, p. 4]. According to the classification in the study of mentifacts within the framework of linguoculture we mean social mentifacts, on the basis of which the national-cultural component is formed. It is possible to divide the content units of human consciousness (mentifacts) into four classes in logical order: Knowledge, Explication, Concepts and Representations [Krasnykh, 2012, p. 4]. Knowledge as structured and hierarchical information units of this or that collective turn into representations over time, are subjected to internal assessment. according to M. Eliade the knowledge preserved in one tribe and accepted as reality, could be considered untrue for another tribe [Eliade, 2000, p. 17]. In this connection we divide two types of knowledge: a) natural knowledge itself is not connected with evaluations, relations, emotions (for example, sums $4 + 4 = 8$, and $6 + 6 = 12$). b) erroneous knowledge, which lose the status of knowledge proper and pass into another class of mental facts - into the class of representation, and this, incidentally, very precisely fixes our language [Krasnykh, 2012, p. 5]. Understandings are the result of rational and logical comprehension of reality. Understandings as mental facts are not conditioned by culture and do not depend on it [Krasnykh, 2012, p. 9]. Understandings as mental facts are not conditioned by culture and do not depend on it [Krasnykh, 2012, p. 9]. Here is an example to clarify an understanding as a class of the cognitive subsystem of linguoculture, taken from J. Lakoff's discussions: "We have no

abstract mental images of furniture objects that are not images of basic-level objects such as a chair, table, bed, etc. Try to imagine a piece of furniture that looks not like a chair, table, bed, etc., but something more abstract" [Lakoff, 2004, p. 73-74]. It is the same with other objects and creatures. We do not imagine a cat or a dog "in general," but very specifically, of a certain size, color, etc. Thus, the concept is the result of understanding, evaluation, consciousness, based on rational-logical clarification. These comprehension, evaluation and consciousness will form life experience at the level of individual and collective components. According to V. V. Krasnykh the concept has rational and emotional, as it is the result of the rational-emotional perception of reality in the conditions of a certain culture. [Krasnykh, 2012, p. 10]. According to the linguocognitive point of view, it is "a paradigmatic structure derived from the syntagmatic relations of the name, fixed in the text". [Cherneiko, Dolinsky, 1996, p. 39] Cf: "Linguistic consciousness reveals those notions of time, fate, conscience, power, freedom, thought, and the like that have developed in culture and are reflected in language primarily through the nonfree combination of the names time, fate, conscience, power, freedom, thought. The frequent belonging of these words. indicates that the phenomena behind them have the character of substance, i.e., that which exists in itself and thanks to itself as a carrier of property, attribute, state, action"[Cherneiko, 1997, p. 285]. Consequently, concepts have the same characteristics as concepts, they are the result of consciousness comprehension based on rational-logical explanation, but they also have an emotional coloring. We pointed out that concepts bring an emotional component, while representations are the result of subjective perception of a phenomenon, a specific kind of which representations represent [Krasnykh, 2012, p. 18].

b) Metaphorical subsystem

The basis of metaphor combines three spaces: cognitive, cultural and linguistic [Privalova 2005, p. 46]. Metaphor reflects the national-cultural outlook in language, which allows it to be one of the main subsystems of linguoculturology, "defining many features of the national-language worldview, national [and probably also individual] linguistic consciousness". [Yurkov 2012, p. 4].

While studying the metaphors we face the problem of the consistency of metaphor with the national values of the peoples. In other words, metaphoricity of language is directly connected with national and cultural peculiarities, traditions, customs of the people. According to J. Lakoff, cultural values are not isolated from each other, but must form a coherent meaning with metaphors [Lakoff, 1990, p. 405].

Accordingly, the metaphor is a means and method of conceptualization of the world, an assessment of a subject and a phenomenon. By using metaphors, a person not only expresses his or her worldview, but also communicates to communicators his or her language worldview [Chudinov, 2006, p. 11].

We focus a special attention on the zoomorphic metaphor in this research. As a result of the long-standing relationship between humans and animals, many zoomorphic metaphors have appeared, no one denies that a lion is a symbol of strength, a raven is a symbol of wisdom, etc., people in everyday life widely use zoomorphic metaphors.

Here are examples of Russian zoomorphic metaphors based on appearance similarity, condition, or actions: a hen is a silly girl who talks a lot; a swan is a graceful girl.

Zoomorphic metaphors describing humans are interesting to study because they store folk ideas about the world around them, which include negative and positive evaluation, information about cultural values.

c) Symbolic subsystem

The symbolic system is a rather broad formation. Any social environment, the normative part of the system is part of the symbolic system, because it gives us information about a certain culture. Therefore, when we say that the signs of symbolic systems represent the linguistic information field, we just include all symbolic subsystems [Krasnykh, 2008]. Therefore, the key concepts of this subsystem are, firstly, language, and secondly, symbol.

Images of objects or their features perceived and comprehended by a person are symbols, or units of the symbolic base level of culture - linguoculture [Krasnykh, 2008]. The function of a symbol is formal [i.e. in form] substitution without a serious semantic

shift. For example, an eye is a word consisting of four letters or phonemes, signifying an object with which we are trying to convey information. But this symbol can have different interpretations. That is, it can also be an organ of vision.

d) Ealon subsystem

In the Explanatory Dictionary of the Russian language S. I. Ozhegov and N. Y. Shvedova (1992), a standard is an exact sample of an established unit of measurement, the most accurate measure [Ozhegov, 1994 p. 913]. The same definition is given in the Large Explanatory Dictionary of the Russian language [Kuznetsov, 2003 p.1526], etalon (fr. etalon) is a sample measure, serving to check the measuring instruments in circulation, and in figurative meaning, it is a template, a ready measurement for something. In accordance with its other phenomena are evaluated, they, more precisely, the reference niches (standards of beauty, mind, etc.), form a reference subsystem [Krasnykh, 2008]. The cultural connotation is a consequence of the interpretation of the figurative basis of the metaphor, that is, the concept of connotation, introduced in linguocultural studies by V.N. Telia, has become the main means of reflecting the relations to the etalons, stereotypes, values of peoples, so different peoples have different benchmarks of human qualities, such as strength, prowess, beauty, health, etc.

By studying this subsystem, it is possible to draw conclusions about what is especially valuable for this or that culture, which categories are defined in it as positive and which are negative, what is called "good" and what is called "bad", by what criteria the surrounding world is assessed, what is ignored and what is given special attention. All this information can give a deeper insight into the cultural code of any nation [Krasnykh, 2008].

V. M. Mokienko states the close relationship between humans and animals, in his opinion, as a result animals have become "the standard of most human qualities, both physical and moral" [Mokienko, 2007, p. 92], due to which zoomorphic images have in all languages a high connotative stock, and in their lexical semantics lies cultural semantics, which usually becomes the basis of semantics of phraseological units.

Even though zoonyms are a universal means of metaphorization, they reflect a vividly national worldview, so the circle of animals fixed in phraseological units, and the features they are characterized by, differ significantly in different cultures. These differences lie in cultural connotations, which act as a link between the meaning of human language units and the space of culture - stereotypical ideas, concepts, symbols and standards formed in it [Kovshova, 2013].

In this regard, it is worth noting that the emotive etalon is an exact sample of the established unit of measurement of any emotion, both positive and negative, the most accurate measure within the expressive part of the language with the zoonym component.

Thus, we can say that linguocultural specificity is based on the etalons, associations, stereotypes of the national-cultural community, which allows metaphor to be a meaningful means of translation of cultures from generation to generation.

Therefore, we can find the symbols in every culture. For example, a student's record book, for example, is a symbol of his belonging to the student community. These signs and symbols form an iconic symbolic system that allows us to form the information field of our interaction.

Conclusions to the first chapter

Language is a living reflection of the culture and mentality of a nation; it encapsulates the national-cultural code of the human community. The relationship between language and culture is most clearly represented at the lexical level, in particular at the level of the cultural and national marking of lexical units, highlighted by the similarities and differences in the national and cultural worldview. People of different cultures perceive feel and perceive the world in their own way, thus creating their own idea and image of the worldview.

At present, the language is often regarded not only as a means of universal communication, but also as a nationally specific standard. Any "linguistic persona" [Karaulov, 1987] has a set of ideas about the surrounding world. This knowledge is inherent in speakers of all languages, but all of them are different. Therefore, in order to understand a representative of this or that culture, it is necessary to find out what are the features of its worldview, and this can be done, including through language. The language reflects the history, traditions, mentality of the people, so there is a national-cultural component in the meaning of each word. At that, the "national-cultural" concept implies, in our opinion, comparison with the semantic system of another language.

The various linguistic units embody the history of different segments of the people who differ in everyday life, ideas, and ways of thinking.

As part of the expression of environmental features and the accumulative linguistic worldview, a very specific layer of lexical units appeared in languages called zoomorphisms.

Zoomorphisms are formed when metaphorical units and connotative semantics are included in stable combinations. They are used in phraseological units, word combinations, expressions, proverbs and sayings. Zoomorphic metaphors are associated with the cultural code of the people, reflect the mentality and specific national features, helping to interpret a particular language worldview.

Zoomorphic units may reflect different characteristics, for example, physical state (healthy as a bull, walks slowly like a cow, like a chicken pawing, etc.), external appearance (fat as a cow, filthy as a pig, etc.), mental characteristics (tender as a cat, stubborn as a donkey, like an elephant in a china shop, etc.), intellectual abilities (stupid as a donkey, he is hard to understand, like a ram, etc.), and human skills and abilities (she is like a pussycat, cunning as a wolf, like a chicken with its paw, etc.).

In modern linguistics a large number of works are devoted to the connotative component of the lexical meaning of a word, but there is no generally accepted understanding of the status of connotation, there is no unity in the understanding of the structure of connotation, in the realization problem of the functions of its constituents.

In Russian, zoomorphic units express positive emotions (tenderness, love, etc.), but in most cases they are used for negative evaluation (fear, anger, etc.).

Assuming that the classification principle when studying mentefacts as a part of the linguoculture, we mean the social mentefacts, on the basis of which the national-cultural component is formed. It is possible to divide the units of human consciousness content (mentefacts) into four classes in the logical order: Knowledge, Understandings, Concepts and Representations.

Studying of emotive zoomorphisms shows that they contain national representations and through them it is possible to trace the thoughts and feelings of the speaker. Moreover, since national perceptions vary from nation to nation, when using zoomorphisms it is important to understand the peculiarities of their use in different languages.

It is worth noting that there are no strict boundaries between the four subsystems of culture and one and the same phenomenon can fulfill different functions. For example, dirt is the standard of a huge quantity, a symbol of nothingness and the figurative basis of the phraseology "like dirt".

CHAPTER 2. EMOTIVE ZOOMORPHISMS IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (IN COMPARISON WITH ARABIC)

2.1. Linguistic and cultural features of zoomorphisms

Among different bases of lexical units' classification by G. N. Sklyarevskaya (1993) and O. N. Laguta (2003) it is possible to note the thematic division of lexical units, performing metaphorical functions according to their denotative attribution. Metaphorizers of the semantic sphere "nature" can be referred to three large lexical-semantic blocks - linguocultural codes: plant, animal and "nature proper", uniting nominations of "non-living nature". This linguocultural interest is reflected recently in linguistics, special attention is paid to the biomorphic themes and their reflection in the language. The reflection of such a subject in language is divided into two types: phytomorphic (for plant images) and zoomorphic (for animal images) [Ezaova, 2017, p. 98]. The main approach to the study of such images, especially images of animals, is the study of social relations in the language, that is, through the language the anthropocentrism of the traditional worldview is reflected, which allows to form plant and zoonymic codes as part of the social relations [ibid, 2021,].

Consequently, the image of the animal is not just a fact of culture, being directly a highly specialized material of the cultural research, but an interdisciplinary phenomenon, reflecting the problems of sociology, history and others, at the same time it implies the study of animal as such and understanding of the animal form. The image of animals in linguocultural studies can be studied at the level of vocabulary, philology, paremiology [Guketlova, 2009, p. 98].

Studying the zoomorphic images in legends, proverbs and sayings, phraseological units, can expand the scientific understanding of the interaction between human beings and nature, the features of human thinking, the national and spiritual concepts of any nation.

The symbol of animal culture is a very characteristic and interesting layer of language, revealing the peculiarities of the worldview of speakers of different languages and cultures. In the Russian language phraseological units (PHUs), which have components-zoonyms, represent a large number. They contain the figurative and evaluative standards, which are interesting for the study of the identity of Russian culture.

In addition, it is curious to compare the results of the study of zoomorphisms in the different languages, since the zoomorphic code is verbalized differently in each language. It is thought that a comparison with related and genetically distant languages is advisable to discover the unique ethno-cultural stereotypes and images, which will make it possible to overcome both linguistic barriers and barriers associated with the mentality of foreign people.

2.2. Russian and Arabic Linguocultures: Zoomorphic Dominants of Social Interaction and their Influence on Emotions

A person may learn many languages during his life, but he continues to think constantly, starting with a particular language, which is the language of motherhood. W. Humboldt emphasized the close connection and dialectical relationship between nation and language, because language is not just a neutral means of communication and expression, it is the spiritual space and material embodiment of a nation, and every nation has civilizational components, as it has linguistic competencies capable of responding adequately to various problems facing the march of development, promotion and growth [Humboldt, 1984, p. 94]. The intellectual and semantic richness of language is considered an enrichment for the its native speakers and the development of the civilizational values they carry and defend, for the language system has a profound influence on the style and way of thinking of the speaker, all those who adopt it and put it forward as the watchword of their civilizational and cultural identity.

In this connection we remind the definition introduced by V. V. Krasnykh, who considers the culture code as a grid that culture throws on the surrounding world, "categorizes, evaluates it and structures it" [Krasnykh, 2002, p. 232].

It is worth recalling that we perceive the culture of another person through the filter of our culture, which leads to problems with understanding the other. Therefore, the study of culturally marked vocabulary contributes to mutual understanding between representatives of different human communities.

2.2.1. Russian Linguoculture: Zoomorphic Dominants of Social Interaction and their Influence on Emotions

Since a person is able to analyze different phenomena and to distinguish something unifying from them, "[...] any language adequately serves its culture, providing speakers with the means to express culturally significant concepts and relations" [Frumkina, 2001, p. 87]. V. Krasnykh believes that it is the cultural codes that determine the benchmarks for assessing the surrounding world [Krasnykh, 2002, p. 232].

The peculiarities of the national-cultural marking of lexical units are not always understood by native speakers. However, these features are obvious for the representatives of other cultures and are revealed exactly when comparing languages. There is often no equivalent concept in the system of another language, so the search for comprehensible correspondences of culturally marked units is very difficult, since there is no universal algorithm for them [Yashina, 2009, p. 35].

Russia presents a specific type of culture associated with its geographical location; historical twists and turns of fate, interaction with eastern and western neighbors. At the same time Russian culture not only absorbed all these elements, but also synthesized them into an integrity [Plumper, 2010, p. 895].

Returning to our object of research, let us note that all animals have long been divided into two types: pure, reflecting the deities, constituting the world and not pure, relating to the vicious, sinful side of life.

The images of animals in Slavic culture reflected the zoomorphic dominants of linguoculture. People considered animals as gods, with their images made totems that were worshipped. The ancient Slavs believed that the genus came from some animal that was revered. Some animal body parts were considered sacred or lucky (paw, tooth). Animal body parts even appeared in initiation rites, when boys had to kill an animal on the hunt and eat, for example, its liver. Eating animals was considered ritualistic. The fact is that by taking the life of an animal, a man tries to transfer the qualities of that animal to himself. Therefore, it is eaten and body parts are used as amulets and talismans [Petrova, 2014, p. 117].

Animals and their related representations and emotional reactions are a part of the value picture of the Russian language consciousness, which explains the diversity of linguistic expression of emotional and evaluative meanings in the process of communication. In the Russian language consciousness emotions preserve the national memory and ideas about experiences. The emotion concepts joy, sadness, fear, it seems, occupy a special place in the composition of the original emotional and evaluative meanings, forming the basis of the mental warehouse of the personality [Korostova, 2016, p. 73].

The dominant attitude of animals in the Russian linguistic culture is confirmed by fairy tales and other folklore genres of Russia. Some researchers consider animal tales to be only an entertainment genre, where satire is "ornamentation alien and violent" and their true content allows for "multiple applications" [Anikin, 1977, p. 22]. However, in our opinion, the essence of these tales proves the opposite. "Plurality of application" still has a certain limit, based on the life experience of the people who created these tales and who passed them from mouth to mouth. Thus, the tales reflected the social inequalities and struggles of the common people. And the qualities attributed to various animals alluded to certain segments of the population (for example, the greediness and cunning

of the fox).

Strictly speaking, fairy tales about animals are actually about people. "Every fairy tale has elements of reality," M. Gorky wrote about it, "if you were to present children with a tale where the rooster and the cat do not speak the human language, they would not become interested in it." [Russian Folk Poetry, 1953, p. 13]. Fairy tales teach people, ridicule vices, and their meaning leads to the indispensable use of elements of fantasy [Gura, 1997, p. 165].

Speaking of zoomorphisms as the dominants of Russian linguoculture, let us move on to the description of the main animals in the Russian environment.

The wolf is associated with the unclean force, and in this manifest the same ambivalence of the wolf as in legends (created by the devil and pounced on the devil, lame devil and lame wolf, unclean force devours wolves) [Zelenin, 1914-1916, p. 427].

To the most typical motifs and attributes associated with the wolf include blood (the wolf comes from the blood of Cain, pours blood of devil on alder or aspen trees, his meat cures cattle of blood in the urine, the motif of blood is present in amulets against the wolf in the "wolf days", etc.), stone (in various amulets, incantations, taboos) and fire (fire, head in amulets, wolf eyes burning with fire) [Gura, 1997, p. 125].

The wolf was associated with the crossing of the temporal [change of seasons], event (wedding) or territorial (transfer of woven implements beyond the boundary of the village dangerously attacked by the wolf) [Gura, 1997, p. 127].

The bear was considered the master of the forest, a sacred animal. L. Uspensky suggested that the word "mishka" is related to Bulgarian "mechka" and to Lithuanian "seshka", which, in turn, derived from "mishkas", which means "forest" [Uspensky, 1982, p. 102]. The bear symbolized fertility, therefore at weddings one of the guests was dressed with this animal. According to the assumption of V. V. Ivanov and V. N. Toporov, the bear is a rather ancient zoomorphic symbol of the groom in the folk poetic texts [Ivanov, Toporov, 1970, p. 388]. The bear symbolism is sometimes endowed with the mother of the bride or groom, who welcomes the newlyweds in a jacket, turned outside out, and depicts a bear; in some cases, she is directly called a bear.

In addition, the image of a bear is often found in witchcraft rituals. For example, so that the husband would stop cheating on his wife, she should anoint her vagina with bear fat [Mansurov, 1929, p. 16]. It was also believed that sorcerers could take the form of a bear, and if you take off the bear's skin, it will take the human form.

It is interesting, that in the Eastern Slavs unclean powers (devil, kikimora, etc.) call the bear "cat". Devil, banished by the bear from the house, asks: "Is the big cat still alive?" [Uspensky, 1982, p. 102]. According to the belief of the peasants of Vladimir province forest spirits "borovik", which has a bear appearance, can be summoned by bringing a cat into the forest and choking it [Firsov, Kiseleva, 1993, p. 125].

The bear also is figured in folk omens. Therefore, to meet a bear was considered a good sign [Dahl, 1999, p. 940].

The human origin, health, strength - all this is associated with the image of a bear in any Slavic tradition. At the same time there is a number of regional differences in bear symbolism. The brightest and most varied image of the bear is presented in the Eastern and Southern Slavs. Marital symbolism of the bear is most characteristic of the eastern Slavs, and beliefs about turning wedding participants into bears are found mainly in the Russians [Gura, 1997, p. 165].

The cat and the weasel in the household of the ancient Slavs caught mice, benefiting the people. However, the cat, though considered the guardian of sleep and befriended the house man, was believed to be associated with sorcerers, sinners and unclean forces. The weasel, on the contrary, was perceived as a kind animal. At the same time, it could behave dangerously, scratching, souls of people and other animals, for what some considered a weasel as a house pet [Gudkova, 2022].

Thus, we noticed that the zoomorphic dominants of the Russian linguoculture include human attitudes to the animal world around, that is, a person not only evaluated this or that image of the animal, but associates it with the manifestation of emotions

Therefore, in the Russian language consciousness the image of the wolf evokes the emotion of fear, because the wolf is associated with evil forces, and the image of a bear evokes the emotion of happiness, because the bear symbolized fertility and good luck.

The feeling of happiness is also found in the image of the cat, which Russian ancestors viewed as a cozy creature.

The assessment of emotion is either positive or negative, based on how a person feels about what is happening, based on his or her values and needs. Zoomorphisms in this connection represent a rich linguistic stratum for expressing positive or negative assessments of the situation in which a person may experience it.

2.2.2. Arabic Linguoculture: Zoomorphic dominants of social interaction and their influence on the expression of emotions

Before discussing the dominants in Arab culture, it is important to note that Arab culture is abstract. Indeed, the identity of the Arabs lies in the Arabic language. But languages are abstract; everything we say and write is merely a representation of language. Therefore, the identity of Arabs is abstract. Most Arabs are Muslims, but there are also Christians. Consequently, the religion does not determine the identity of the Arabs. Also, Arabs have different skin colors and backgrounds. Therefore, skin color and background do not define an Arab. All this shows that the only factor determining who is an Arab is actually the Arabic language itself, so that an Arab acquires his or her identity as an Arab by virtue of the fact that he or she speaks Arabic as a mother tongue.

It is impossible not to notice that one of the main features of the Islamic spiritual tradition is the fundamental unity of the religious and secular in it. The Qur'an was the first written monument written in a common Arabic language. It dates back to the 7th century A.D. The fact that the text was sacred has largely contributed to the preservation of linguistic features without significant change up to the present day.

The Arabic language actively participated in the formation of Arab-Islamic culture. For example, Arabic played a key role in orienting Arab culture toward the past. The Arabic language itself is oriented to the past. Therefore, Arab culture has become oriented

toward the past. Arabs obviously use Arabic to communicate. Nevertheless, the Arabic language is oriented toward the past. It is therefore natural that most Arabs are oriented toward the past. One example of Arabic's focus on the past tense is this: in Arabic "lastu" means "'anā lā", but "lastu" is conjugated in the past tense just as "darastu", i.e. "'anā darastu", and "sāfartu", i.e. "I traveled". Although "lastu" expresses something about the present, it is conjugated in the past tense. Many other verbs in Arabic function as "lastu". For example, "mā ziltu" means "'anā mā ziltu," but it is also conjugated in the past. Many Arabic verbs are conjugated in the past tense, even though they refer to the present.

On the other hand, Arabic is an inherited set of information associated with the basic patterns of Arabic communication. Many scholars, such as Edward T. Hall [Hall, 1976], have discussed some basic properties of Arabic communication patterns. For example, the Arabic communication pattern is highly contextual, implicit, and deductive. The Arabic communication style is high-contextual in the sense that most Arabs tend to assume that others know the background information. Consequently, they usually do not specify background information when they communicate. The Arabic communication style is also implicit rather than explicit in the following important sense: most Arabs tend to imply what they intend to convey instead of expressing their thoughts clearly and explicitly. In the Arab culture, implicit and explicit messages are the main messages one seeks to convey.

In this regard, let us remind that Arab communication is also deductive rather than inductive in the sense that most Arabs and Muslims express general statements instead of providing details regarding the topic under discussion [Schmitz, 2003]. For example, an Arab may say, "Tourism in Egypt is very good," but usually does not provide details and usually does not provide examples to support his claim.

The Arabic language currently plays an important role in shaping Arabic patterns of communication. Since almost every Arabic word contains interesting inherited information, it follows that if someone uses Arabic to communicate with others, he does not need to elaborate and detail the information he wants to convey. Thus, there is no need to be explicit and detailed. This is why Arabic-Islamic communication patterns are

highly contextual, implicit, and deductive, so that most Arabs do not convey the maximum amount of explicit information when communicating.

In this regard, we indicate that the inhabitants of Arab countries are hot and expressive people. They can be impulsive and unrestrained in displaying emotions and feelings, but they do not use physical force. In the Arab countries gesticulation is very developed, very different from the European in meaning [Kukhareva, 2005, p. 10]. Each nationality has its own set of emotions that a representative of this or that ethnic group experiences in certain situations, because "cognitive scenarios of emotions are formed not by universal human biology and psychology, but by the culture of a particular ethnic group and its nationally conditioned reflexes" [Shakhovsky, 2008, p. 22].

The speech of Arabophones is very emotional and metaphorical, so Arab researchers pay much attention to the study of the emotive function of language, which they associate with the talent (mind, imagination, feeling, hearing) and knowledge inherent in a person. Thus, Ahmad Matlub, Abd al-Rahman al-Maidani emphasize the importance of the emotionality of speech in influencing the listener [Mansfield, 1978, p. 261].

It is worth noting that when talking about the emotive function in Arabic, we have to take into account diglossia. The Arabic language is understood here as both literary Arabic and Koyné languages, which consist of dialects, dialects and accents. Both dialects and literary language are typologically different language systems, complementing each other [Mishkurov, 2004, p. 5-33]. And according to the opinion of Arabic philologists, it is very important to use "high" and "low" words correctly, depending on the context [Mishkurov, 2004, pp. 524-525].

The study of zoomorphisms in the Arabic culture and language is given special attention. Thus, there are books that talk about one kind of animal, such as camels, horses, etc. ; books about the animal nature; books on the treatment of animal diseases, which are part of books on veterinary medicine; books that refer to something closely related to the animal, such as saddles, bridles, and animal food; linguistic books that deal with the study of animal names, attributes, actions, and colors, as well as the origins of these names and

their use in literature; books about the wonders of the universe and creatures; religious books that discuss what is allowed with respect to animals and what is forbidden; books about animals in general and in all their manifestations [Hafiz, 2022].

Discussing zoomorphisms as the dominants of Arabic linguoculture, we will move on to the description of the main characters of Arabic animals in the Arab world. **The camel** occupies a special place in the history of the Arabs, which goes back thousands of years. The camel can live in the desert and adapt to its harsh nature, including the intense heat, lack of water and scorching sun, so it became known as the "ship of the desert," although the camel can also live in mountainous areas where the weather is cold. The camels were used for centuries as means of transportation. The royal family in ancient Egypt used the "howdage" for its transportation, carried by her servants and followers on their shoulders. **The horses** occupy a high position in the Arabic and international culture because of their great role in human life in times of peace and war, and it is for this reason that numerous images were created for these animals in sacred books, art and history that made him, in fact, an indispensable companion in adversity and a beloved friend in life. [Aljaffari, 2015]. According to Ibn al-Arabi, horses are related to humans; they stand with us on common denominators wherever members of the Arab community meet, despite their tribal diversity. The system of life in the Arabian Peninsula is under the aegis of the desert environment, which influences the character, thinking and behavior of everyone.

Consequently, the horse is considered a cultural phenomenon that the Arab used: in his journey, in his war, in his poem. [Electronic Poetry Encyclopedia, 2003]. The violent denunciation and hatred of crows in most Arabs is expressed in the reluctance of their presence near homes, farms, and all places in which they are found, even the desert. The Arabs' hatred of the crow: "şurra 'aleyhi rajlu ghurābin" "the crow man shouted" at him, that is, he was tired of his business or life, "ṭāra ghurābuhu" "the crow flew" - the young man's head, "wajada tamrata l-ghurābi" "he found a crow fig", that is, found something he liked. There is expression In the Egyptian dialect "yā farḥatu la tutimma, 'akhadhahā l-ghurābu wa ṭāra": "O joy incomplete, the crow took it and flew away. Said of the joy that disturbs his peace and is incomplete. "yā mā jāba l-ghurābu li- 'ummihi."

That is, what one person brings to another person is irrelevant. It is noteworthy that all the foregoing about the hidden hatred of the Arabs towards this particular type of bird has no logical basis [Al-Faqī, 1989, p. 74].

Thus, we noticed that the zoomorphic dominants of Arabic linguoculture include human attitudes toward the animal world around, that is, humans not only evaluated this or that image of the animal, but associated it with the manifestation of emotions.

Thus, in the Arabic language consciousness, the image of a camel evokes the emotion of happiness, because the camel is the ship of the desert and represents precious possessions. The same is true for the image of a horse. A healthy horse for the Arabs in ancient times is an important "weapon" for war and victory over other tribes.

Therefore, the category of emotionality today is expressed in the functional-semantic field (where the metonymic means are one of the components of the central part of its microfields) of emotionality in the Arabic language, which is realized at all language levels of both literary Arabic and regional dialects, including by means of paralinguistic means.

2.3. Use of Russian and Arabic zoomorphisms in expressing emotions

2.3.1. Use of zoomorphisms in Russian for expressing emotions

Zoonyms belong to the assessment vocabulary, representing the cultural and linguistic features of native speakers. They are considered by some scientists as lexical-semantic groups, in which there are no delimited linguistic features [Zharinova, 2006]. According to E. V. Skvortsova, a zoonym is a general lexical unit. It can act as zoosemism (name of an animal) or zoomorphism (projection to a person and evaluation) [Skvortsova, 2012].

Let's discuss zoomorphisms of the Russian language, study their peculiarities, identify a number of emotive zoomorphisms, and determine what emotions they express.

In the Russian language, the description of appearance, behavior and condition is often made with the help of comparisons with animals. In this case, the emotional trait comes from the neutral meaning of the lexical unit. For example, the neutral habits of an animal called a fox are transferred to a man, endowing him with cunning and hypocrisy. And when calling a man, a hawk, one speaks of his cruelty and cunning, because this bird itself has the image of a strong predator: "The hawk kissed the hen to the last feather." In both cases, by calling a person a fox or a hawk, the speaker is verbalizing his negative attitude toward him and assumes that he is causing other people to have the same attitude toward that person.

Thus, the neutral meaning of a lexical unit is filled with evaluation when the qualities of an animal are transferred to a person. The speaker chooses this or that lexeme, based on the degree of emotional intensity of his statements at a particular moment.

Appearance, abilities, actions of a person are characterized by means of zoomorphisms when any of these phenomena corresponds to the habits, appearance of this or that animal. The zoomorphic units of the Russian language can be divided into three groups:

- a) Expressive-emotional forms that characterize a person's mental abilities. For example, a "hare" is a person who shakes from fright;
- b) Emotional forms describing a person's appearance and physical condition. Thus, the lexical unit "pussycat" describes a flexible, seductive girl;
- c) Emotional forms characterizing a person's moral and ethical behavior. For example, "ram (animal) " is a stubborn person.

According to D.V. Tsygankin, the main function of the lexical-semantic group of zoomorphisms may consist in the fact that it recreates the linguistic phenomena formed as a result of human perception of the image of any animal [Tsygankin, 1989, 75]. These phenomena carry a positive or negative assessment. For example, a swallow is a symbol of purity and kindness, the image of a nightingale carries in itself playfulness and

naughtiness. On the other hand, the despicable "taurus" and the cowardly "hare" are worthy of sympathy.

2.3.2. Use of zoomorphisms in Arabic for expressing emotions

As in every culture, animals (aḥayawānāt) have great significance in the Arab world. Some of these traits of animals inspired parents to give names to their children. This perception was influenced by ancient Arab and Middle Eastern culture. The environment and nature played a huge role in people's lives. Also, the culture has a great respect for animals, believing that it is forbidden to hunt animals for entertainment and gambling. In earlier times, Arabs attributed the qualities and shortcomings of human nature to animals. Accordingly, one often hears expressions such as "strong as an ox" or "cunning as a fox," which associate positive or negative human qualities with animals [Nesi, 1995].

Words in Arabic, as in Russian, can convey more than the literal and exact meaning of words, because they imply or "connote" additional meanings or meanings that are not conveyed in dictionaries. Therefore, A. Ahmmad [Ahmmad 2017, p. 46], among others, insisted on the importance of contextual factors in determining the meaning of words.

The consideration of zoomorphisms and their use in expressing emotions comes from the "theory of mental schemata," on the basis of which the brain constructs knowledge. Nishida argued that a schema is a unit of knowledge organized for a particular subject or unifying based on previous experience and available to guide existing actions [Nishida, 1999]. One such type is the cultural schema, from which people understand members of other cultures. Garro [Garro, 2000] argued that a cultural schema is usually created from previous personal experience through interactions between members belonging to the same culture.

Ben Salamh (2018) researched the use of animal proverbs in two different dialects, namely Saudi Arabic and Tunisian Arabic. The study involved examining several specific plays in which animal names occur in proverbs [Ben Salamh, 2018, 35]. The study showed that proverbs related to animals have a discursive meaning that depends on the environment.

The world of the ancient poets seems to be oversaturated with animals: about 80 species of animals are mentioned in their poems, there are extensive descriptions of camels, horses, hoopoes, birds and hunting animals, which form an integral part of the master's poetry. The description of camels in the poem "Tarfa bin al-Abd" shows not only a passion for animals, but also includes a poetic approach which we also find in the poetry of love. There is a very rich Arabic literature that treats animals as one of the wonders of the world and that they are examples of the wisdom that man learns from them. The book *Kalila wa Dimna*, translated into Arabic during the Abbasid era, became one of the most frequently cited picture books in classical Arabic culture. Al-Bizra's books were written in all eras, the most famous of which is Al-Jahiz's "Animals," which belongs to world literature [Devis, 2014].

So we can conclude that the lexical-semantic group of zoomorphisms in Arabic has the same role as in Russian. In Arabic, zoomorphisms are mainly used to perform two functions: to represent an evaluative meaning and to express an emotion in relation to another person. To represent the estimated value of zoomorphisms in Arabic, we will find many lexical units, among them are: *yabkī dumw‘u ʔaltāmāsyhi* (lit. trans.: cry like crocodiles, crocodile tears) as an indication of cunning, *ʔlfu min kalbiⁿ* (lit. trans.: more friendly than a dog) as an indication of friendship, etc. To express emotions and feelings with the help of zoomorphisms in Arabic we find many lexical units, among them are: *ʔlqirdu fiyā ‘ayna ʔumīhi ghazāluⁿ* (lit. trans.: A monkey is a deer in her mother's eyes), as the mother always loves her child and, regardless of its appearance or behavior, they remain beloved and the source of her joy, and also *ʔinā ḥubātaka ʔf‘y ʔtlfḥ bihā* (lit trans.: If you love a snake, make it a cover for you) (it is also about joy, ie. i.e., when one loves someone, one knows how to deal with their not good qualities, *byl‘b ʔlfāra bi‘abīhi* (lit.

trans.: Mouse plays in his armpit), this is used to express "surprise" when another behaves suspiciously, especially in professional communication [Hefny, 2022, p. 62].

2.4. Linguocultural analysis of the semantics of zoomorphisms by the lexicographic sources

Culture and language are connected in a multitude of ways. Proverbs, rules of precedence in conversation, pronouns of power and solidarity, background knowledge for understanding conversations, politeness, linguistic relativity, the principle of cooperation, metaphor, metonymy, context, semantic change, discourse, ideology, print culture, oral culture, literacy, sociolinguistics, speech acts, etc. - these are just some of the concepts in which we find the obvious links between culture and language.

We shall consider the semantics of several zoomorphic images, with which the representatives of the two cultures are well familiar, according to the lexicographic sources in Russian in comparison with the Arabic language. Here we will try to pay attention to those word combinations, phraseological units, proverbs and sayings, which have not been previously considered in the linguocultural aspect.

Bull

Bulls are used for plowing, hauling and towing carts, providing irrigation, and for several other purposes. Bulls are usually harnessed in pairs, but several pairs of oxen are used for heavy work.

The bull among young people is called a representative of a youth group, which proclaimed the slogan: "Live for your own pleasure". Also, the bull is called a person who makes rude claims, in other words, stupid and strong [Grachev, 2006, p. 90].

The colloquial expressive expression "take the bull by the horns" represents a determined and energetic person, who is able to proceed directly to any matter [PHDRL, 2008, p. 54].

In the Dictionary of Russian phraseology there is an expression "be like red rag to a bull". It is used when it is about something that is very annoying. The semantics of this phrase originates from the Spanish tradition of bullfighting, where the bullfighter goes out to the bull with a grain colour. [DRP, 1998, p. 64].

In modern Russian representation, the image of the bull is different from the traditional one. In the Great Dictionary of Russian Proverbs, the relatively new expression "plywood bull (festival)" refers to a stupid young man, an abnormal person, a stubborn person and a person posing as a representative of big business, criminal structures "polled bull" means a stubborn or stupid, unintelligent person [GDRP, 2007, p. 69].

Thus, in Russian culture the bull is associated with such possible components of meaning as: stupid, stubborn, unintelligent, rude, strong.

In Arabic, the image "bull" is used metaphorically to denote a noble person who defends his honor. This is shown in the proverb *yaḥmī al-tawru 'anfahu bi-qarnihi* "lit. translation: The bull protects his nose by his horn" [Ibn Mandur, 1990, p. 109]. Here *al-thawr* "bull" means a noble person.

The image of the bull had a special meaning among the thinkers of the ancient Arabic East. In Iraq, for example, the bull was associated with the moon, and the reason for this analogy is its growth, indicating strength. The bull here is also the god of fertility [Al-Shawāf, 1991].

The Bull of Heaven is a wild bull with a human face and also a symbol of powerful destructive power [Sāndrz, 1970, p. 71].

The bull entered the religious beliefs of the ancient Egyptians, the pharaohs. In the image of the bull, they represented the god of fertility Apis [Mario, 2008, p. 22]. The ancient Egyptians grieved greatly when the bull died. The bull was dedicated to a special burial, which was called *Sabrabiom*. At the burial the king and his family participated in funeral ceremonies, where the dead bull was transformed into the god Osiris and called *Osiris Apis* [Klīnī, 1990, vol. 2, p. 325].

The image of the fertile bull was widespread in the cultural life of the Arabs before the rise of Islam, it can be found even in the Arabic names: Abdsur (lit. translation: slave of the bull), Abi bin Ka'b bin Sur (lit. translation: son of the bull), etc. [Kadrr, 2013, p. 8].

The bull was depicted on bronze coins in Hadramawt kingdom, when the Arabs perceived the bull as a symbol of prosperity [Al-Areeqi, 2002, p. 59] even prepared offerings [Phililps, 1961, p. 249].

The modern representation deprives the bull of worship. The image of the bull in modern Arabs represents stubbornness, nervousness, pessimism [Hefny, 2020, p. 71, 77]. In the Arabic proverb 'aqūlu lahu thawr yaqūlu 'uḥlubhu (lit. translation: "I tell him 'This is a bull' and he replies: 'Milk him'") refers to the situation when someone keeps repeating the same argument over and over, even if he is constantly contradicted.

In general, in Arab culture, the bull is associated with the following characteries: stupid, ignorant, stubborn. However, also historically, fertile, strong, noble.

Therefore, the image of the bull is used in figurative meaning in the two languages under consideration actively in the past and in the present. Basically, the image of bull conveys a negative assessment, if we observe the Russian language consciousness, and in the Arabic language conveyed a positive assessment in the past, currently verbalizes a negative assessment.

The Camel

The representation of camels is usually associated with the desert, where these animals were used for riding or transporting goods in desert countries. In Russian the colloquial expression "(know) from a camel" is used when the speaker does not want to tell the truth [PHDRLL, 2008, p. 63]. On the other hand, in the Dictionary of Russian phraseology the book form "it is easier for a camel to go through the eye of a needle" is given [PHDRLL, 2008, p. 65], which means complete impossibility of positioning or accomplishing something. In this regard, it is worth noting that there are similar expressions in the Noble Qur'an. In the fortieth ayat of surah al-Araf (The Heights): «inna alladhīna kadhabū bi-āyātinā wa stakbarū 'anha la taftaḥu lahum 'abwāba al-sama'i wa la yadkhulūna al-janna hatta yalija al-jamal fi sammi al-khiāt» (meaningful translation: «

Indeed, those who deny Our verses and are arrogant toward them – the gates of Heaven will not be opened for them, nor will they enter Paradise until a camel enters into the eye of a needle. And thus, do We recompense the criminals»). According to most scholars, a male camel is meant here. Mujahid and Ikrima report that Ibn Abbas read the ayat "hatta yalija al-jamal fi sammi al-khiāt" and interpreted that al-jamal means a thick rope. Thus, the general meaning is: and they will not enter paradise until the thick rope enters the eye of a needle [Kuliev, 2022]. In spite of the participation in the formation of the zoonym in the phraseology, this fact does not add anything to the figurative and/or emotional content of the lexical unit.

Nowadays, the image of the camel is found in several jargons. The youth "talking camel" is used in role-playing games and means a person capable of performing primitive roles with a text, and the expression "don't smoke that - you'll become a camel" refers to brand cigarettes (kamel) [GDRP, 2007, p. 78]. This expression should be understood literally, although against the interpretation of the ancient Greek kamelos "camel" as a secondary in comparison with kamilos "rope" testifies that the first word (as well as its European parallels like English camel) is a borrowing from Semitic languages [DRP, 1998, p. 74].

In general, for the Russian linguistic consciousness it is difficult to specify any stable connotations with the zoonym "camel".

In Arabic there is also an expression that literally translates as "he drives an elephant through the eye of a needle". It is used when talking about a person who has taken on an impossible task. The elephant and the camel are the largest animals in the East, which is reflected in the language [DRP, 1998, p. 74].

In Arab culture camels are the most useful of all domestic animals; they are used for a variety of purposes in times of peace and war [Qatamish, 1988, p. 406]. Arabs distinguished different categories of camels according to their color, age and functions, for example, al-bair - an adult camel, assaniyya - a camel used for drawing water, and al-'ayr - a camel used for transportation of goods [ibid, 2021, pp. 412-419]. The Arabs called

the camels they owned 'diamond, "possessions", because these animals constituted the greater part of their property.

We conclude that the image of a camel is used more in Arabic culture because it is associated with the desert. The image of the camel does not represent an emotional evaluation in Russian and conveys a positive assessment in Arabic.

The Horse

The horse is seen as a useful animal on which people ride and which is used to transport weights. In Russian the word combination with a reference to a horse "to work like a horse" reflects a popular notion of the difficult role of horses in the peasant economy [DRP, 1998, p. 350]. Although this comparison is understandable in many cultures, including Arabic, in Arabic the word "horse" is replaced by the word "donkey", i.e. "works like a donkey". This refers not only to a person who works hard, but also to a person whose work benefits others.

The expression "back up the wrong horse" is new in Russian. It is used when talking about a mistake in selfish expectations. The origins of the phrase lie in betting on horse races [ibid, 2021, p. 351].

In the Big Dictionary of Russian Proverbs, the new expression "change horses in midstream" means to make a change of power, coaching staff, etc. during a difficult period. With young people "to bring the horses" is used to mean to bring the girls to the party, and "to see a white horse" means to talk nonsense, nonsense. The colloquial expression "old war horse" refers to a wife or an old girlfriend. [GDRP, pp. 371-372].

All this allows us to say that for the Russian linguistic consciousness the horse is associated with hard servile work, the implementation of other people's orders, being in a state of an object, rather than an active subject. A horse in this figurative interpretation is not like a steed (helper and even a comrade in battle, cf. the description of the horse in the "Song of Oleg the Prophetic" by A.S. Pushkin). [Russian cultural space, 2014].

In Arab culture the horse was famous for its beauty and was used by kings for racing [Harun 1965]. The animal was also revered for its obedience and considerable value in times of war.

On the other hand, there is the Arabic expression 'akala wa naṭṭa mithla kheili l-zalṭa (lit. trans. "He eats and plays like gypsy horses"), literally "eats and jumps, but gives nothing himself in the same way as gypsy horses, which, because they are unfit for work, are left to feed and play with them while their owners are busy elsewhere, and thus these horses do nothing in return for their sustenance." [Jeweet, 1893, p. 41].

The image of the horse is actively used in the two studied languages. This image allows to convey a generally positive assessment, but with a touch of condescension (the Russian speaker feels his superiority over the one whom he correlates with a horse) in Russian and Arabic. Sometimes in Arabic this zoonym may include a negative assessment.

The Pig

The typical association in the Russian consciousness: a pig is a person of dirty and unpleasant appearance. The Explanatory Dictionary of the Russian Language, edited by Dmitriev, adds that a pig is not only a person with a dirty appearance, but with lowly habits. A pig is also someone who is rude and mean in conversation. The contemptuous "pig in a yarmulke" refers to a snooty person with great pretensions, not justified in any way. Also, the swear expression "(him) to the pigs" is used when expressing irritation and dissatisfaction about someone or something [PHDRL, 2008, p. 601].

The expression "piss in someone's cornflakes " is used when a person has done a dishonest thing to another person. The phrase "cast pearls before swine" expresses a state where a person does not want to take the time to tell something important, because it goes without saying. "know as much about as a pig about pineapples" means that the person does not understand the basics of any matter [EDRL, 2003, p. 1216].

Also, in the language there is an expression " piss in someone's cornflakes " spoken when someone has done someone mean. This expression is primordial and originates from the peoples who do not eat pig meat. To these people ill-wishers could put such meat on the plate [DRP, 1998, p. 519]. The joking phrase in the dialogue "when the pigs will walk from the field" means - never. The ironic expression "to put a clamp on a pig" is used when describing a ridiculously useless act of a person seeking to help someone. The

colloquial "pig under an oak tree " is used when referring to ungrateful people destroying what they previously used, enjoyed the fruits of [GDRP, 2007, p. 599-600].

In general, Russian people distinguish such qualities in a pig as: lowly, dirty, ungrateful. This zoonym is steadily used to express negative emotions (irritation, disapproval, ridicule, condemnation, etc.).

At first glance, the impression of the image of the pig in classical Arabic texts is not positive. The bad reputation of the image of the pig in Arabic comes from the Noble Qur'an of Islam (the religion of most Arabs). Ayat 145 of surah al-an'am says "qul lā ajidu fī mā 'uwḥīa 'iileyya muharraman 'ala ṭā'imin yaṭ'amuhu 'illa 'an- yakūna maytatan 'aw daman mmasfūḥan 'aw laḥma khinzīr fa-'innahu rijsun 'aw fisqan 'uhilla li-ghayri llahi bi-hi fa-man aḍṭurra ghayra bāghin wa lā 'ādin fa'inna rabbaka ghafūrun rraḥīm. Translation: "Tell them (O Muhammad!): 'I do not find in what has been revealed to me anything forbidden for anyone who wants to eat unless it is carrion, outpoured blood and the flesh of swine, all of which is unclean; or that which is profane having been slaughtered in a name other than that of Allah". [Kuliev, 2022].

In the Arabic language, the image of the pig is also associated with filth. For example, the proverb sha'rat min al-khinzir 'ahsanu min diqnihi (lit. trans: One pig's stubble is better than all his beard) [Burckhardt 2002, p.63] means that an undeveloped, worthless person is not punished because he does not learn from experience, is not ashamed and does not look far enough to be held back by punishment or even avoidance. Another similar proverb is khinzir labisa zaynan 'arafūhu min rihatihi l-natuna (lit. trans.: The pig was dressed just like everyone else, but the musty smell gave it away.) [Eid, 2009].

We can summarize: For the Arabs, a pig is associated with dirt. In Arabic, a pig represents an ugly, unpleasant-looking person.

The image of a pig has a significant number of figurative meanings in both languages, distinguished by a bright negative coloring in the Russian and Arabic languages. At present, the phraseological units with the zoonym pig component are actively used in everyday life.

The dog

The dog lives in all regions of the world and is the closest of all domestic animals to man. Dog in the Russian language is often mentioned in ironic swear words, such as "like a dog, one sits on another" (Gogol, "Notes of a Madman"), or in the disparaging expression "every dog knows" that is, anyone, any person. Another example is the colloquial expression "like a dog", which means to do bad things to someone, to kick him out or kill him, without any pity: "shot me like a dog". [PHDRLL, 2008, p. 638].

In the modern explanatory dictionary of the Russian language edited by D. Dmitriev a dog in the Russian language worldview correlates with several types of people, with different situations. For example, a dog is called someone who causes indignation: "I never met such a dog as you in my life". Or the object of envy: "Ah, a dog, how does he do it? " The phrase "hang (all) dogs on someone" means that the person becomes the object of many well-deserved accusations. The expression "like a dog," is used when there is a lot of someone or something. When someone gives an explanation for something, it is said "here's the dog in the hole. The same can be said about a person who is very difficult to find: "They look for him with dogs". [EDRL, 2003, p. 1216].

The representation of the image of the dog among young people differs from the classic one. Dog in youth jargon refers to a commuter electric train, such as "dog-driving," and a computer sign (@). And dogger means a dog handler at the border [Grachev 2006, p. 505]. Interestingly, in Russian there is the expression "to eat a dog" (be an old hand at something) [GDRP, 2007, p. 627]. It is used when speaking about a professional, a knowledgeable person who perfectly understands how to do a job. And the aforementioned expression "like dogs not cut off" (a great many) is said when a) there is a lot of unnecessary, which is spoken of with disdain, b) there are more people engaged in a certain business than necessary, which leads to the loss of value of their work [DFERL, 1995, p. 311].

The expression "From seven dogs (at the crossroads) will chew off (will renounce, will eat off) " refers to a man who in a dispute, in a quarrel is able to stand up for himself. The proverb "a dog sees milk, but his snout is short" is used to describe a person who is

very eager to have something unavailable. The humorous form of the saying "went to the dogs to make hay (grass) (give)" (went to get the milk) is used when referring to an absent (usually, abandoned the family) husband, father. The public expression "dogs of war" describes foreign mercenaries involved in punitive and subversive operations against the forces of the national liberation movement [GDRP 2007, pp. 626-627].

Thus, the zoonym "dog" allows a wide range of emotions to be conveyed. Although there is much love for these animals in modern Russia, it is mostly disdain, an expression of superiority, condemnation, etc.

In Arab culture, the dog is perceived both positively and negatively [Harun, 1965]. The animal's protection and affection are recognized because no other animal, except the dog, follows its owner when he leaves home [Ma'lūf, 1975, p. 971].

Nevertheless, the dog is also considered a very dirty animal. In Arab culture a dog signifies uncleanness (najasa) and lowliness (hakara) and is second only to a pig in this respect. The pejorative term "dog of the Byzantines" [kalbu l-rūm] was used by several Arabs to insult the Byzantine emperors. In a reply letter sent by the fifth Abbasid caliph Harun al-Rashid to Nicephorus I, the Byzantine emperor, Harun al-Rashid addresses his letter as follows: "from Harun al-Rashid the Lord of the Faithful to Nicephorus the dog of the Byzantines." [Alfarhan, 2018].

The Arabic proverb "illī biya'tāz alkalb yaqūluhu ṣubhak bi-lkheyr sayyidī" (lit. trans.: Whoever needs a dog says to him: "Good morning, my lord.") [Jeweet, 1893, p. 39].

Due to the good relationship between the human and the dog, this image conveys a positive evaluation as a constant friend to the human in both languages considered. It is also noticeable that in both languages there are many phrases with the zoonym dog component. In the narrow sense the zoonym dog is used as a sign of contempt and swearing.

Thus, the linguocultural aspect underlies the semantics of zoomorphisms, when a group of people living in the same social, historical and physical environment conceptualizes their experiences in a more or less unified way. This means that they

understand what other people say, identify objects and events in similar ways, find or do not find behavior appropriate in certain situations, create objects, texts, and discourses that other group members find meaningful, and so on. In all these and other cases we have meaning-making in one form or another: not only in the sense of producing and understanding the language, but also in the sense of correctly identifying things, finding acceptable or unacceptable behavior, the ability to follow a conversation, the ability to generate meaningful objects and behavior for others in the group, and so on. Creating a representation of an animal is a collaborative enterprise (linguistic or otherwise) that always takes place in a large set of contexts (from immediate to background) and with varying degrees of communicative success. It can be said that people who can successfully participate in such meaning-making belong to the same culture. Effective cases of unsuccessful participation in shared meaning-making are called "culture shock. Obviously, however, unsuccessful participation in meaning-making can also occur between members of the same culture.

2.5. Specifics of emotive zoomorphisms functioning

As we mentioned earlier, zoomorphisms are an important component of the lexical-semantic stock of any language. The functioning of zoomorphisms as linguistic signs of culture can be confirmed in various ways, such as answering the following questions. Why are there certain animals that are more respected in every culture? Why is the owl, for example, in Russian culture, as a zoonym, a symbol of wisdom, but in other cultures, among them Arabic, the owl represents a harbinger of unpleasant premonitions? Why in Buddhism is the Creator personified in the image of a "cow"? It is impossible to find answers to these and other similar questions without disclosing zoomorphisms as cultural codes. In our opinion, the best proof of the cultural signs of zoomorphism is its bright

definition in the main sources of culture, in religions and books, in particular in the Bible and the Noble Quran.

In the process of cognition, a person expresses his attitude to objects and phenomena, so the study of the category of assessment and its linguistic component is mandatory in order to understand how thinking, expression, and assessment occurs in the representatives of a culture.

In our opinion, the relationship between zoomorphisms and emotions represents rich material for studying the functioning of various figures in speech, such as irony, comparison, paradox, and so on. The study of such relations shows the aesthetic potential of linguistic units, which we, in turn, consider necessary to enrich with a new approach. According to our data, the chosen object of our study has been little studied in the aspect of considering the Russian language on the background of Arabic.

It is worth noting that zoomorphisms are a reflection of the human idea not only of the surrounding world, but also of pragmatic activity.

Consequently, the lexical units-zoomorphisms reflect a certain evaluation of the objects and phenomena they represent. Such units are a certain code in the speech of native speakers and are implemented in communication. In order to consider the features of emotive zoomorphisms functioning in Russian, it is necessary to study several components, which reveal such features as nomination of human physical qualities (evaluation of internal human qualities).

The representation of external qualities is usually vividly reflected in national culture. Such a representation is formed from many sources, such as, for example, legends, byliny, fairy tales, folklore, as well as artistic and literary works.

In this regard, it is worth noting that the assessment of the external qualities of the person associated with the associative description shows the psychological and emotional warehouse of personality. The external human qualities are the initial representation of a person as a personality, are fixed in the minds of others, and also serve as a source of basic information about personal qualities [Boguslavsky, 2000, p. 13-14]. The

zoomorphisms demonstrate several ways of expressing evaluation in the meaning of the name of a person:

- lexical units carry functional aesthetic attributes, which reveal a negative or positive attitude to the external qualities of the person [Hefny, 2019] (disdain, irony, affection, joke, etc.) (see Ah, you are snake! you tricked me, she is a fat cow, healthy as an ox, works like a horse, stubborn as a donkey, you are my kitten!).

- zoomorphisms are metaphorical transfers to figurative expressions that reveal basic human nominations, Therefore, for example, the expression "haggard woman" can be expressed by a lexico-semantic zoomonym: "skinny cat" (skinny woman). And an exorbitantly fat person can be called a "hog". Also, it is common to call a brave man a "lion" and a strong man is a "horse".

2.5.1. Functioning of emotive zoomorphisms in speech

Zoomorphisms are used in speech often and in different situations of communication, like all emotives, they will be only in non-stereotypical types, in business and scientific should not be. The active participation of zoomorphic vocabulary in speech is well highlighted in the following classification of V. V. Bogdanov [Bogdanov, 1990, pp. 28-29].

- 1) Socio-cultural status, including social affiliation, profession, cultural norms and customs, level of education, place of residence, marital status. For example: work like a horse about a hard -working person,

- 2) Biological and physical characteristics, including gender, age, state of health, presence or absence of physical features or disabilities. For example: strong as an ox about a healthy person.

3) Psychological status, that is, temperament, type of orientation, elements of pathology. For example: stupid as a donkey about a person who hardly understands anything.

4) Psychological status, including the mood, interests and goals of the individual. For example, a person's cowardly behavior can be described by zoomorphisms with the use of ironic nominal phraseological phrases "tuck tail like a wolf in a kennel", "wet hen". Hare is considered the standard of cowardice in the Russian language: "to run like a hare", "cowardly (timid) as a hare", "hare's soul".

5) The degree of familiarity of the communicants. The degree of familiarity of the addresser and addressee in any language is determined by the type of communication and its progress. The use of zoomorphisms marks the communication of familiar people. For example, "oh, you crow" in the meaning "you are very inattentive!" can be said to a friend or a younger relative, but not to a colleague or an older relative.

6) Appearance (clothes and actions). For example: like a pig dirty about a person in very soiled clothes/shoes.

Consequently, zoomorphic lexis is capable of expressing all components of socio-cultural status.

The communicative nature determines the accompanying emotions according to several criteria: age, mood, and other factors of the communicative partners. [Shakhovsky, 2008, p. 56]. In other words, when we call a person a fox, we mean not only his cunning, but also express our discontent and irritation.

It is important to take into account the emotional reaction of the person who is the object of assessment (cf.: a person who people call a dog, a bug or a snake feels resentment, irritation and anger, and when he is called a lion and a tiger - pride and confidence) [Shakhovsky, 2008, p. 5].

When a person verbalizes his or her experiences and emotions, he or she uses language units both consciously and unconsciously. Here it is appropriate to recall the naive emotional language worldview [Shakhovsky, 2019, p. 37]. In particular, we can talk about this in the use of zoomorphisms.

Thus, zoomorphisms take an active part in the expression of emotions. Zoomorphic lexica and semantics form emotional and evaluative expressive components of word meaning. A speaker of any language by using zoonymic metaphors, phrases and word combinations expresses his/her feelings, emotions, state of mind and evaluation of a communication partner.

As part of the zoonymic metaphors of Russian and Arabic, in speech communication images of beasts characterized by cruelty, rudeness and heartlessness are usually used to address a person as a compliment, in particular, in colloquial speech. As a designation of high achievements of a person and his/ her unique successes in affairs we meet in Russian colloquial speech such expressions as, for example, "well, you and the beast!" [Khairulina, 2013, p. 140]. Perhaps, this is a controversial example. In a colloquial situation a beast can be a compliment, but it can also be a condemnation for rudeness; in the same way in Arabic, we meet an idiosyncratic metaphor. In Arabic speech communication, however, this expression is used not only when a person achieves high results, but also when a strong man reclaims his rights, such as when it comes to conflict or after a physical intervention, as well as in recognition of a man's high sexual power (in Russian this would correspond to another zoonym, "animal").

There are peculiarities of the use of such images in Russian speech. For example, the image of a dog can be used in different meanings, depending on the person to whom the image is used. The use of the image of a dog as a dog or a male dog has a narrow semantic meaning. At the same time, when the expression is used in reference to a woman ("dog, she-dog"), it implies a crude insult. In the linguistic consciousness of a native Russian speaker, this naming unit brings an identification sign of low negative assessment and cannot be understood in any other way than as a swear word with a regulated high degree of asociality (irritation and anger) to the named woman. As a consequence, there is a sharply limited use of this appellation. It is worth noting that a similar analogy is also found in relation to men. The use of the image of a goat to a male communication partner is exclusively a humiliation and a low evaluation and is perceived only as a swear word. Obviously, certain zoonisms in specific speech situations have a limited use.

Speaking of "gender reference, it is worth noting that O. A. Vaskova, " gives the following examples. Girls in colloquial speech are called "chick". When attending events, such as, for example, a bachelorette party, such zoomorphisms as "chicken party" may be used, and as a description of the manner of communication at these events the zoomorphism "cluck" (communicate with girlfriends) is used. Further, as they grow older and change their social status, according to the researcher, the girls turn into "old squabbling girls" (oral, dial. "hen") and "cluck" with their husbands. Some believe that when they call a man that, they accuse him of a lack or absence of masculinity. Young homosexuals are also called "roosters" [Vaskova, 2004, p. 262].

Zoomorphisms with positive or neutral assessment value function much less frequently (pigeon/*alḥamāma*, swan/ *bajaʿa*, eagle/ *ṣaqr*, lion/ *aṣadu*, etc.), and often include words used as fondling. The object of their addressing is mainly children (they are assigned, as a rule, the names of baby animals and birds), girls, women, less often young people and men (cf. *dolubushka*, *ptashka*, fish, *chizhik*, *chickadee*, sparrow, *kitty*, *bunny*, *falcon*, eagle, lion, etc. in Russian). In Arabic, the range of zoomorphic metaphors with positive assessment is much wider (cf.: *ṭiflūn*, *qitāṭay*, *auṣdī*, etc.), with the explicit expression of possessive form being worth attention in the word-formation aspect. The reason for the dominance of positive valuation over negative valuation in the Arabic zoometaphors is the economic specificity of the nomadic culture, which significantly influenced the formation and development of nomads about the surrounding world, their place and role in this world.

The metaphorical aspect is very important in political discourse. Through it the function of social influence is manifested [Agafonova, Belozerova, Larini, 2020, p. 262], which explains the active use of zoonymic metaphors in political discourse. The study of the metaphorical aspect in political discourse has drawn the attention of many researchers, for example (E. V. Budaev 2006, L. K. Nikiforova 2010, O. A. Solopova and A. P. Chudikov 2018, etc.).

It seems that the main feature of the use of zoometaphors in political discourse is the identification of negative meanings in the address of the so-called political opponent.

Accordingly, we can conclude that zoonymic metaphors are able to reflect the image of the female sex in the language through the figurative use of the words "cow, she-dog or fox". The analysis of zoomorphic metaphors describing humans shows how diverse and expressive the emotional nature and expressive vocabulary of Russian colloquial speech is [Hefnt, 2022, p. 98]. The prospects of a comparative study of the pragmatic component of these lexical units by using the experimental methods make it possible to see how the zoomorphisms given in the dictionaries correspond to those actually functioning in modern speech.

In the above examples, the stated - and easily perceived - resemblance, characteristic or attribute of the animal guide (stubbornness, curiosity, stupidity or slyness) is attributed to the human being, so a stable association arises.

However, when metaphors are involved, determining positivity/negativity becomes problematic for the recipient in the same language and for the translator into a related language (not to mention the translator into a non-native language). The evaluative content of the animalistic property is weakened. Actually, in such expressions as "He is a pig," "She is a fox," "My neighbors are rabbits," "His lawyer is a shark," "He is an owl," "You are a lamb," "She is a cat" and among many other animal inspired metaphors, understanding and interpretation are compounded, due to unspecified ground, the incoherence of phenomena in the two languages under consideration and the resulting cultural background, which requires questions and adjustments.

In fact, there is a rhetorical code in the conventions of figurative language. The code refers to the way things are represented in a given culture; understanding this code is a sign of belonging to the culture in which the code is used. The cultural dimension, which, in our view, is a determining factor in the interpretation, selection and assignment of potential properties in animal metaphor, on the one hand, and in the complex decisions involved in the work of the translator, as he/she seeks to achieve equivalence through personification, that is, deconstruction of the assumptions of another society (its "givenness"), containment of his/her own cultural bias ("sorting") and So this research raises the question: what is it about understanding, interpreting, and re-creating animal

metaphors that gives priority to the moral over the physical? So let us present a comparative characterization with even broader clarifying contextual cues: "He is a pig; for him, life means nothing more than gulping and ingestion. Do the additional cues defining the framework as "gluttony" impose any limitations on understanding, interpreting, and reconstructing the animal metaphor by tying its meaning to the physical? It is likely that they tend only to confirm a cultural bias (which should usually be at best a corrected cultural input, a kind of mediation). Indeed, "moral promiscuity" remains the basis for the resemblance (whenever a pig is mentioned), and the Arabic term used to translate "swallow" - although otherwise morally neutral (*jarā'a/ aīẓdarada*) - suddenly becomes actualized in the pig metaphor, where "immorality" comes to the fore. Thus, the language, which is a mirror of culture, reflects the people's worldview, the representation of the environment, the definition of values, national and cultural heritage and thinking; subsequently, lexical units (including zoomorphisms) are considered as signs of culture [Maslova, 2001, p. 63].

Conclusions to the second chapter

The development of scientific ideas in the late XX and early XXI centuries has contributed to the formation of a new paradigm in science, the center of which is the human being. It defines the modern paradigm of scientific knowledge from an anthropocentric point of view. The interest of linguists in this field is becoming global and increasingly interdisciplinary. The study of the zoomorphic code of culture is central to the understanding of nature, man and society.

Since the images of animals in different cultures represent the human perceptions of the world, the study of zoomorphisms can expand scientific understanding of how humans have interacted with nature for centuries, what the main values and principles of a particular culture may be.

Zoomorphisms reflect the specificity of people's collective consciousness, being ethnospecific. They manifest themselves in lexical, phraseological units, in paremiology, comprehend the external and internal world of a person, allows to determine the universal and national linguistic specificity. The mirror of zoomorphic metaphors and comparisons reflects the spiritual life of a particular people, i.e. moral values, volitional decisions, emotional and intellectual actions, character traits, attitudes towards the people and things. The difference in the connotative meaning of zoometaphors shows the different ways of development of the compared cultures. Each language has its own unique lexical units with figurative meaning, nominating the living creatures.

Linguoculturology is a new aspect of a comprehensive aspect of the language and the culture, their interrelation with each other, mutual influence on the development of culture and language, their connection with social life, psychology and philosophy. The linguocultural aspect of zoomorphisms depends not only on the conscious behavior of the person, but also on his spiritual state, which manifests itself unconsciously. Thus, zoonyms allow to reveal universal and national-specific features in the vision of the world.

In defining the concept of Russian mentality, one should take into account its complex and deep historical roots and the intertwining of different points of view on the issue, which should be considered comprehensively. On the other side, the inhabitants of Arab countries are hot and expressive people. The gestures in the Arab countries are very developed, very different from the European gestures.

A comparative study of zoonyms in different linguistic cultures can significantly enrich the systematics of zoonyms while revealing the interdependence between the cultural trends and linguistic development.

The animal comparisons, such as "stubborn as a mule," "curious as a cat," "stupid as a cow," or "cunning as a fox," attribute to humans an animalistic quality. When the cultural reserve of tropes, the ecology of the people, and the common usage of the linguistic community come into play in addition to the above ground, the connotation becomes quite simple for the speakers of the utterance. The polarity of positive-

negative/good/bad (derived from "definite basis" and "common usage," and the tone of the utterance and gender (as, for example, in "stupid cow!") helps to discover the animalistic property of assessing the animalistic bearer.

In the Russian language, the main function of the lexical-semantic group of zoomorphisms may be to reproduce those facts of language, which over the centuries have been formed in the people's perception of a particular image of an animal, its characteristics, including the expression of an evaluative value, containing a negative or positive attitude of the speaker to the object of nomination (approval or disapproval, love, affection, tenderness or contempt, disdain, indignation). The lexico-semantic group of zoomorphisms in Arabic has the same role in Russian. In Arabic, zoomorphisms are used mainly to perform two functions: to represent an evaluative meaning and to express a positive or negative emotion towards another person.

CHAPTER 3. EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE ZONIM COMPONENT IN RUSSIAN LINGUOCULTURE (IN COMPARISON WITH ARABIC)

3.1. Phraseological expressions with zoonim component in Russian

The unilateral influence of one language on another is impossible, this phenomenon is always mutual, but the degree of influence may differ in different periods, depending on additional languages to a greater extent and interlinguistics to a lesser extent. The interlingual influence of languages is most pronounced in the field of vocabulary [Uraksin, 1982, p. 107].

Phraseological units are a special type of linguistic nomination module. Their semantic structure is determined by the unity of socially stable subject-logical content and lexico-grammatical layer [Mokienko, 2007, p. 3].

The semantics of phraseological units in the language system is the general and characteristic representations of some elements and phenomena of reality. In the language system, connotation (form) of phraseological units is connected with connotation through semantics [Melerovich, 1979].

It is fundamental for our research that if a phrase includes a zoonim component, it usually determines the semantic uniqueness of the studied phraseological expressions, which consists in their anthropomorphism [Malafeeva, 1989].

Taking into account the comparative side of the research, we accept the following classification of the phrases related to the zoonymic component in Russian language [Kulichenko, 2017, p. 50]:

1. Substantive (nominative) phraseological units with a zoonym component.
2. Adjectival phraseological units with a zoonym component.
3. Adverbial phraseological units with a zoonym component.
4. Verbal phraseological units with a zoonym component.

We will give examples of appropriate phraseological units with the zoonymic component. Examples are given with the help of dictionaries and reference books. We have tried to choose such phrases that continue to function actively in Russian-speaking communication and, if possible, include the images of animals studied in this research.

1. Substantive phraseological units

Substantive phraseological units include FEs denoting experience, external and internal qualities of a person and his behavior, and general and family attitudes of a person toward others, a person's condition, and his life activities.

A) The experience of man:

yellow-bird [GDRP, 1998, p. 542] refers to a young, naive and inexperienced person;

A sea wolf (PHDRLL, 2008, p. 76) refers to an experienced man who has mastered his specialty;

The old (shot) sparrow [GDRP, 1998, p. 102] refers to an experienced, experienced person, who is difficult to deceive or outwit.

B) Inner qualities of a person:

a sneaky snake [PHDRLL, 2008, p. 258], denoting a vicious, treacherous and disgusting person, a stubborn;

stubborn goat [GDRP, 1998, p. 292], denoting a stubborn intractable person;

The unriden stallion [GDRP, 1998, p. 229] refers to a self-loving person with a stubborn character;

The bird of high flight [BEPHDRL, 2005, p. 542] refers to an influential person.

C) The external qualities of a person:

a gaunt goat [GDRP, 1998, p. 292], representing an unattractive person;

a horseless horse [GDRP, 1998, p. 373] refers to a person with a strong temperament;

a sleepy heifer [GDRP, 1998, p. 664] refers to a person who is very fond of sleeping, a sleepyhead;

a wet hen [GDRP, 1998, p. 345] refers to a pathetic, helpless person.

D) Life activity:

a crow's foot [GDRP, 1998, p. 103] refers to a homeless person;

goat's foot [PHDRL, 2008, p. 302] denotes 1) a tool to remove teeth; 2) a special kind of homemade cigarette, a self-twist.

E) Common and family attitude:

an unknown horse [GDRP, 1998, p. 373] refers to a stranger;

no cat, no spoon refers to a person who has no family or relatives;

a hen major [GDRP, 1998, p. 344] refers to a girl who is not a member of a youth group;

a wolf's appetite [PHDRL, 2008, p. 90] refers to one's willful behavior;

I am a horse, I am a bull, I am a woman, and a man [GDRP, 2007, p. 377] refers to a) a woman performing the roles of men and women; b) refers to lesbians.

F) Intellectual skills and abilities:

a deer with golden antlers [GDRP, 1998, p. 465] refers to a very stupid person;

a stag with bushy antlers [GDRP, 1998, p. 465] refers to a naive, inexperienced person who does not belong to crime.

2. Adjectival phraseological units

Adjectival phraseological units also contain an element with which adjectives do not create relations of dependence and semantically. Adjective negative particles are often present in phraseological phrases. Some of the adjectival phraseological phrases may also be used in the negative form, in which the slouch is sometimes found [Kunin 1986, p. 229-241]. In Russian, adjectival phraseological expressions expressing the idea of comparison are quite common, for example:

The external and internal human qualities:

The external and internal qualities of a person:

A cunning as a fox [PHDRL, 2008, p. 316] refers to a very cunning person, a sneaky person.

3. Verbal idiological units with a zoonym component

Verbal idiological units with a zoonym component become an integral part of phraseological units at the linguistic level.

A) Behavior:

To make a goat refers to spreading rumors about someone's ties to the police, [GDRP, 1998, p. 291].

B) Action:

to saddle a horse [GDRP, 1998, p. 373] denotes to be in the dock;

To see a white horse [GDRP, 1998, p. 373] is said when one speaks nonsense, nonsense.

C) Emotional state:

Smells like a bear [GDRP, 1998, p. 394] refers to that which causes disgust;

Will not feed the pigs [GDRP, 1998, p. 601] personifies a negligent hostess;

as [as if exactly] a fly swallowed [FSRPL, p. 413] denotes a displeased look;

[PHDRLL, 2008, p. 95] bitterly complain, complain, etc. about sth., suffering from sth;

he lies (or lies like a black sheep) brazenly, shamelessly, limitlessly [BEPHDRL, 2005, p. 305];

sulked up like a mouse on a croup [PHDRLL, 2008, p. 387] very much offended, angry, dissatisfied with sth. [about a person expressing offence, dissatisfaction, etc.].

D) Human life activity:

to catch (fetch) fleas [GDRP, 1998, p. 85] refers to finding small faults;

to chase pigeons [BEPHDRL, 2005, p. 94] means to idle, idly spend time;

to shoe a flea [GDRP, 1998, p. 109] refers to discover amazing ingenuity;

to catch flies; to catch flies [GDRP, 1998, p. 448] means to do nothing, to idle;

like a squirrel in a wheel [PHDRLL, p. 71] denotes to be in incessant worries, occupations, cares.

E) Inner qualities of a person:

to know [recognize] the beast by its claws [GDRP, 1998, p. 109] - a strong, resolute, courageous person is recognized by his actions;

to milk a goat means to engage in aimless, useless and foolish activity;

to bend someone to the mutton's horn [PHDRL, 2008, p. 78] means to bend or twist someone to the mutton's horn.

F) The external qualities of a person:

as a mouse on a croup puffed up someone [LEDRL, 2003, p. 567] refers to a person who has an offended, pouting look;

tired as a dog [LEDRL, 2003, p. 1224] refers to a very tired person;

as a raven's wing [PHDRL, 2008, p. 98] denotes black with a bluish tint [mostly about the hair];

hungry as a wolf (would eat a bull) [PHDRL, 2008, p., p. 258] refers to a very hungry person;

to pull the cat by the tail (do not pull the cat by the tail) [BSLP, 331] means to speak tediously, slowly;

to look like a wolf (to look) [BEPHDL, 2005, p. 97] means to have a sullen, unfriendly, hostile look;

to count crows means 1) to rotoze, to gaze around; 2) to spend time in idleness, to idle;

The crows are the same as a cow's saddle [PHDRL, 2008, p., 336], and they do not fit well.

G) Intellectual abilities and skills:

stupid as a ram refers to a very stupid person;

to bet (put) on the right horse [GDRP, 1998, p. 287] - to win, having foreseen the right arrangement of forces, having accurately calculated the course of events;

to gird a mosquito [GDRP, 1998, p. 395] - to care unnecessarily about trifles, forgetting about the main thing;

To shoe a cow in noodles [GDRP, 1998, p. 401] to do something unnecessary, even stupid.

4. Adverbial phraseological units

H. F. Alefirenko believes that "the adverbiality of the FE may be determined by the semantic-grammatical change of their phrase-forming components, which is the result of the interaction between different levels of the language system, determining the structural types, semantic and grammatical properties of the FE". [Alefirenko, 1998]. Example of adverbial phraseological units:

The phrase "like water off a goose from sb. (go off (come off) like water off a goose)- easily, quickly, without a trace, disappears, is forgotten, etc. something by sb. and others.

All of the above phrases are entirely figurative. Most of the phrases of this structural type have postpositional definitions, sometimes prepositional definitions, and the preposition in the phrase usually loses its grammatical function.

like a dog - simple, very strong, to the extreme (tired, hungry, frozen, etc.);

as (as if exactly) from the horn of plenty - in great quantity, inexhaustibly;

as if from the horn of plenty - in great abundance; - as if from the horn of plenty - inexhaustibly.

3.2. Phraseological expressions with zoonim component in Arabic

In Arabic, there are common forms of expressions, including those that fall under contextual expression, or collocations, which are defined as "a group of words with a particular meaning, tending to be related to each other by tradition and habit" [Khifājī, 2007, p. 243]. This includes what falls within the scope of a phraseology, which is defined as a fixed group of words carrying a special meaning not derived from the set of meanings of its constituent words [Khifājī, 2007, p. 260].

The best-known sources of Arabic phrases are as follows:

Literary works, such as the statement of the wolf in *Mujalasaat Almiluq* [Al-Nahrawāī, 2005, p. 268].

Books on Rhetoric and Criticism: This group of Arabic sources has had a great influence on the study of Arabic proverbs, especially those related to aspects of rhetoric and criticism, because it occupies the widest place and is the most complete in conveying to us a large group of Arabic proverbs. Let us note among these sources "Animals" [Al-Jāhiz, 2002, p.178].

Grammar books: Arabic linguists mention FJEs in grammar books to extract general grammatical rules. One of the best-known sources in this regard is A. O. Sibawayhi's *Compendium of General Arabic Grammar*, which indicates the structure of the FJE and the rules of its use [Omar, 2012, p. 158].

Dictionaries and a collection of proverbs and sayings: Ancient Arabic linguists paid special attention to the collection of proverbs and sayings. In this connection we point to *Al-bayān al-maʿānī* (2010), and *Muʿjam al-Amthāl* (1972), and Ibn Manzūr's dictionary, *Lysān al-Arab* (The Language of the Arabs) [Khifājī, 2007, p. 268-269].

Unlike the studies of other languages, including Russian, the interest of Arabic linguists in collecting and describing the sources of phraseological units comes from other purposes: grammarians and linguists were interested in reporting what they heard about Arabs in general, be it poetry or prose, and studying the phrases helps to reveal the cultural and national heritage, the more it leads to discovering the influential relations between Arabs and those who surrounded them from other inhabitants and races, such as Syrians, Abyssinians and others. [Al-Sharārī, 2005, p. 34]. On the other hand, the phraseological units usually indicate a clear reference to the social and political life in which the Arabs lived at a certain stage of Arab history, especially in the pre-Islamic era until the end of the first century Hijra. can be called colloquial folk proverbs, which refer to the social, political and religious principles established in the minds of Arabs [ʿAbd al-Raḥmān, 1987, p. 89]. We also think that the phraseological units in Arabic refer to those linguistic, cultural and civilizational phenomena that came to the Arabs as a result of their neighborhood and as a result of the influence of Arabic on other languages that surround

it, in addition to the penetration of those cultures into Arabic language and culture after those foreigners adopted Islam, and they had a great impact on Arab life.

Classification of Phrases with a zoonim Component in Arabic

Phraseological units with the zoonim component can be divided into groups from the grammatical-semantic aspect:

- 1) comparative form of verb (ṣiġhat l-muqarana - 'af 'alu min),
- 2) conditional form (ṣiġhat l-shartīya),
- 3) genitive Case (al-muḍāf wa l-muḍāf ileyhi).

1) Comparative form of verb (ṣiġhat l-muqarana - 'af 'alu min): The distinguishing of this form among other forms of FJEs makes it a great fortune for philologists specializing in proverbs, which we cannot limit or define. According to Al-Tha'ālibī, the interest of the Arabs in this particular form of proverbs went so far as to increase their FEs, given that these new proverbs retained the measure of this outstanding form. [Al-Tha'ālibī, 2007, p. 45] (see Table No. 1).

Russian translation of Arabic phraseological units	Interpretations	Arabic phraseological units
(кто-либо) смелее мухи (lit. trans.: (someone) bolder than a fly)	Because flies are very brave.	'ajra min al-dhubāb
(кто-либо) зрячее змеи lit. trans.: (someone) more sighted than a snake)	Because the snake is famous for its keen eyesight.	abṣaru min ḥayya fulan
(кто-либо) скупее собаки, поедающей падаль lit. trans.: (someone) stingier than a dog that eats carrion).	Because when a dog eats carrion, it does not leave bits and pieces for other animals.	'abkhalu min kalb ya'kulu jifat-an

<i>(кто-либо) невежественнее осла</i> lit. trans.: (someone) more ignorant than a donkey).	Because the donkey usually doesn't know his destination or target.	'ajhalu min ḥimā
<i>(кто-либо) неуклюжее голубя</i> (someone) (Clumsier than a pigeon)	Because a pigeon has a hard time distinguishing between what's good for it and what's bad for it.	'akhlaqu min ḥamam
<i>Он любит воровство больше, чем крыса</i> lit. trans.: (He likes stealing more than a rat)	Because the rat is known for sneaking and stealing food.	'asraqu min jaradh
<i>вернее кошки</i> lit. trans.: (more loyal than a cat).	Because the cat is friendly and loyal to its master.	'aṣdaqū min hirra
<i>Он знает места (не теряется) больше, чем верблюды</i> lit. trans.: (He knows the places (one does not get lost] more than a camel)	Because the camel knows very well how to walk in the desert and its trails.	'ahda min jamal

Table No. 1. Phrases that reflect the inner qualities of a person

2) Conditional form (ṣiḡhat l-sharṭiya): The distinctive forms of Arabic phraseological units include the conditional form (ṣiḡhat l-sharṭiya), meaning that the phraseological units go with the meaning of the conditional form, which is to some extent common in Arabic proverbs. Considering that the comparative form is the most common of all, but the conditional form of the phraseological units gave it more stability [Khifājī, 2007, p. 267] (see Table No. 2).

Russian translation of Arabic phraseological units	Interpretations	Arabic phraseological units
Тот, кто заботится о волке, обижает (овца) lit. trans.: (He who cares for the wolf, offends(the sheep)	Because the wolf is not entrusted with the sheep	man astar‘ā l-dhi’b zulm (al-ghanamu)
(Я сделаю), если ворона состарится (станет белой) lit. trans.: (I will do] if the crow grows old (becomes white)	It indicates impossibility because it is impossible for the color of the crow to turn white.	hattā yushību l-ghurab
(Я сделаю), если мышь отложит яйцо lit. trans.: (I will do] if the mouse lays an egg].	It indicates the impossibility because it is impossible for a mouse to lay eggs.	hattā yabyaḍḍu l-fāru
Если вы проголодаетесь, ваша собака последует за вами lit. trans.: (If your dog gets hungry, it will follow you).	Because she follows her master to eat him.	īdhā ‘aja’ ta kalbak yatba ‘ka
Если твоя собака толстая, она тебя съест lit. trans.: (If your dog is fat, it will eat you.)	Because it can betray its master when it feels strong	īdhā sammanta kalbak ya’ kulka
Когда змея рождается, она рождает змею, подобную ей lit. trans.: (When a serpent is born, it gives birth to a serpent like it)	Because the snake (mother) influences her daughter and passes her anger on to her.	‘indamā talidu l-hayya talidu hayyat-an mithla-ha

Table No. 2: Phraseological units that express the similarity, action, and actions of people

3) Genitive Case (al-muḍāf wa l-muḍāf ileyhi): Arabic includes a distinct form subordinated to a particular syntactic system, namely the genitive case. The relationship between genitive and adjective becomes a metaphor rather than a reality [Al-Hāshimī, 2006, p. 119] (see Table No. 3).

Russian translation of arabic phraseological units	Interpretations	Arabic phraseological units
дерево (место) волка lit. trans.: (Tree (place) of the wolf.)	It is said when a person is in a certain place all the time.	shajara (mahall) dhi'b al-khamr
(Они пришли) как муравьи lit. trans.: (They came) like ants	Indicates a great number of people.	(ja'ū) mithla l-naml
одинокий жеребенок lit. trans.: (a single foal).	It speaks of a person who has been lonely for a long time.	jaḥīsh waḥdatuhu
тело мулов lit. trans.: (mule body).	Indicates a big size of body.	jism al-bighāl

Table No. 3. Phraseological units that contain a distinct form subordinate to a specific syntactic system

3.3. Emotional Zoomorphisms Functioning in Speech Practice of Speakers of Russian and Arabic

The emotional zoomorphism is attributing mental states to animals, because its formation begins with the interpretation of mental states of animals and only then, as an association, is transferred to the evaluation of human behavior. In the theoretical part of our research, we have demonstrated the typical representations of emotive zoomorphisms in the lexicographic sources. we included an experimental part in the study, which

consists in analyzing the views of native speakers of Arabic and Russian about a number of proposed emotive zoomorphisms to confirm and expand the idea of the modern understanding of emotive zoomorphisms and to achieve a full disclosure of the peculiarities of linguistic consciousness and mentality of speakers of the studied languages.

To create the experiment survey, we chose several animals that live in Russian and Arabic environments that people often handle in their daily lives.

The idea behind the experiment

Before determining the final purpose of the research experiment, we selected several questions about the nature of the experiment and the data obtained. The most important questions are presented below:

1. Is the modern understanding of emotive zoomorphisms in the mentality of the modern representatives of the languages under study different from that presented in the "non-modern" literature, reference books and sources? and if therefore, to what extent is it different?

2. What are the expected results of the experiment? Is the similarity of the opinions of the representatives of the languages under study possible?

3. In which way will the obtained results of the experiment be considered? Will there be an addition to the recorded reserves of meanings of emotive zoomorphisms or, in general, will new "colors" of emotive zoomorphisms prevail in their use in communication and, consequently, in languages as a result of language development?

4. Is it possible to conduct broad research based on the results of the experiment, which develops this topic in the field of cognitive linguistics, linguoculturology, teaching Russian as a foreign language, in the Arabic classroom and other aspects of research?

5. Which techniques can be used to perform the experiment? How does the use of statistics allow for logical inference based on a random sample of respondents or linguistic expressions and mental representations?

The answers to all these questions are given in the conclusion of the associative experiment.

The idea of the experiment is to reveal the peculiarities of emotive zoomorphisms and intercultural representation of a human being in different non-neighboring cultures and languages (Russian and Arabic). Considering the material in linguocultural aspect allows to better understand the habits and traditions, ethical and aesthetic values of Russian and Arabic cultures.

The experiment was carried out by questioning Arabic and Russian native speakers about their perceptions of the mental, emotional and physical qualities of various animals, as well as the characteristics of their images.

Experiment purpose

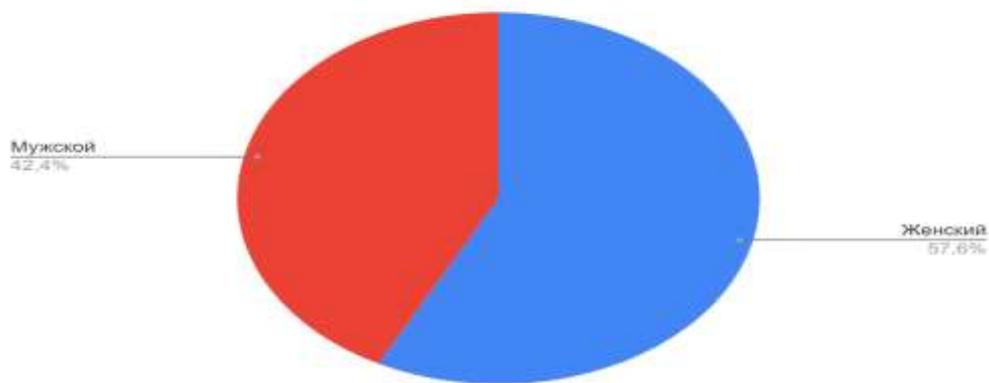
Based on the meanings of zoomorphisms and their reflection of internal qualities and human appearance and emotions associated with it, the differences between Russian and Arabic cultures are examined, especially between the perceptions of man and the world around him. The experiment reveals linguocultural peculiarities of human identification with animals.

Experimental conditions

We have created an online survey using the Google Document service. 100 native Russian speakers and 40 native Arabic speakers took part in the survey and answered 45 questions ("Russian" and "Arabic" respectively). The survey was conducted in February 2022.

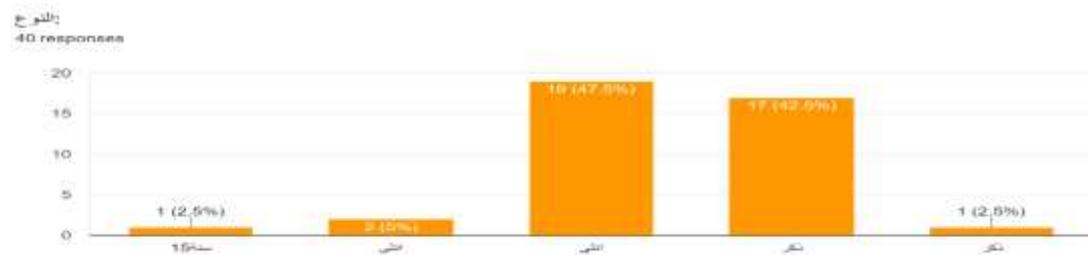
Representatives of the female gender in both languages have a significant proportion. Among the total number of Russian respondents to the experiment male representatives make up 42.4%, and female 57.6% (Fig. 1.1).

Пол – количество

1.1 Ratio of men to women among Russian respondents in the experiment

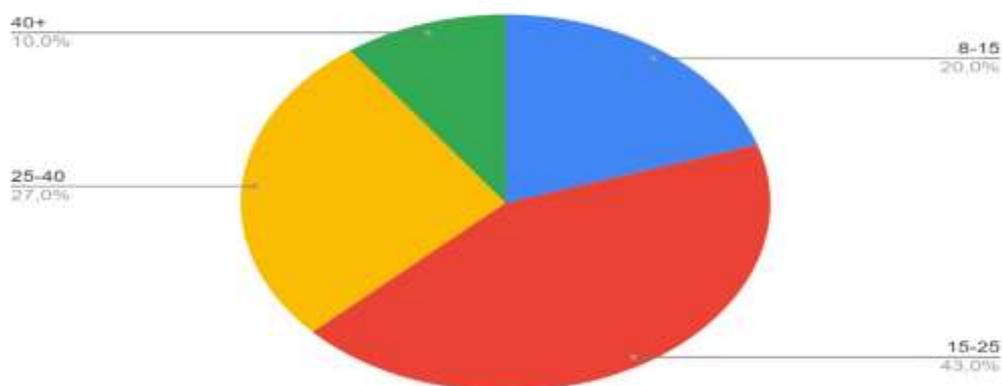
These values are not very different from those of the Arab participants in the experiment, with males making up 42.4% and females 57.6% (Fig. 1.2).

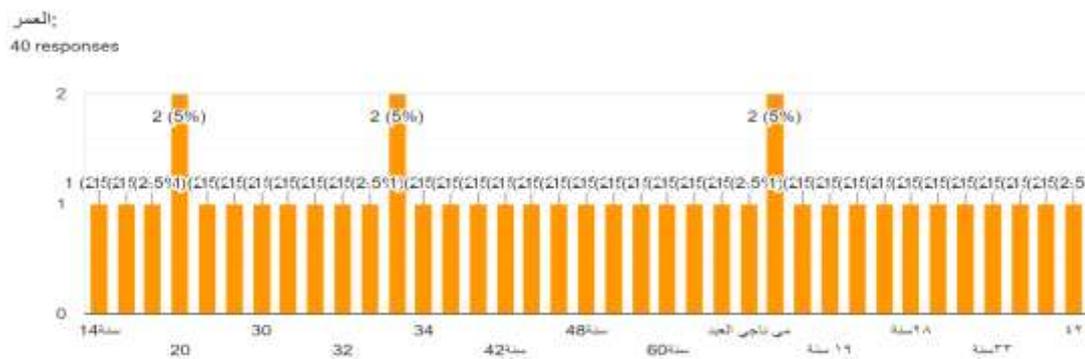
1.2 Ratio of men to women among Arab respondents in the experiment

The respondents are defined in terms of age as follows (14 years old - 60 years old) (Fig. 1.3) and (Fig. 1.4).

Возраст – количество

1.3 Categories of age of Russian respondents in the experiment

1.4 Categories of age of Arab respondents in the experiment

Experimental materials

The experiment includes a description of the characteristics of animals common in both cultures: bull, cat (female cat), dog, goat, pig, fox, cow, giraffe and others. When selecting zoomorphic images in the associative experiment, a special attention is paid to animals, which a person deals with in everyday life, such as a cat (she-cat), a dog, a cow, a pig, or their use in a metaphorical meaning in the process of communication, such as a pig, a fox, a wolf and others. In response to free questions, respondents gave us several other images, which also reflect the mental aspects and characteristics related to these aspects.

Types of Associative Experiment Questions

Different types of questions were used to obtain more effective and reliable answers from respondents to the association experiment.

A] Free Response Questions

Free response questions are asked in a free-form manner that allows respondents to respond based on their full knowledge, feelings and understanding. This means that answers to such questions are not limited to a set of options.

In the free response questions, we gave participants in the experiment the opportunity to choose any animal image or emotion associated with them. As a result, we obtained, as outlined below, a definite list of emotive zoomorphisms. On the other hand, open-ended questions can never be answered with a specific word. They can be in the

form of lists, sentences, or something longer, like a whole paragraph. Answers to such questions are shown in figures (Fig. 5.1) and (Fig. 5.2).

In the free response questions, we allowed the participants of the experiment to choose any animal image or emotion associated with them. As a result, we obtained, as outlined below, a definite list of emotive zoomorphisms. Free response questions, on the other hand, can never be answered with a specific word. They can be in the form of lists, sentences, or something longer, like a whole paragraph. Answers to such questions are shown in figures (Fig. 5.1) and (Fig. 5.2).

B] Closed-Ended Question

Closed-ended questions are defined as the types of questions that ask a participant in an experiment to choose from a specific set of predefined answers, such as "yes/no" or among the given multiple-choice questions to select a particular animal image. Closed questions in the experiment provide control over the collection of certain information. To expand the palette of reactions, we introduced various stimuli into the list of possible responses (name of an emotion or state (e.g., joy); verbal manifestation of an emotion or state (e.g., terrific); verbalization of a neutral self-perception (e.g., normal/something). Responses to such questions are presented in figures (Fig. 1.1) to (Fig. 4.10).

Summary of the views of respondents who are native speakers of Russian and Arabic

The Bull

According to the Russian respondents in the experiment, when the hero in a book or movie is a "bull," they have the following states, emotions, and ideas about them: 1st place surprise; 2nd place indifference; 3rd place laughter (satisfaction); 4th place excitement; 5th place interest; 6th place ordinary; 7th place joy; 8th place amusing; 9th

place admiration; 10th place terrific (see Figure 2.1.)

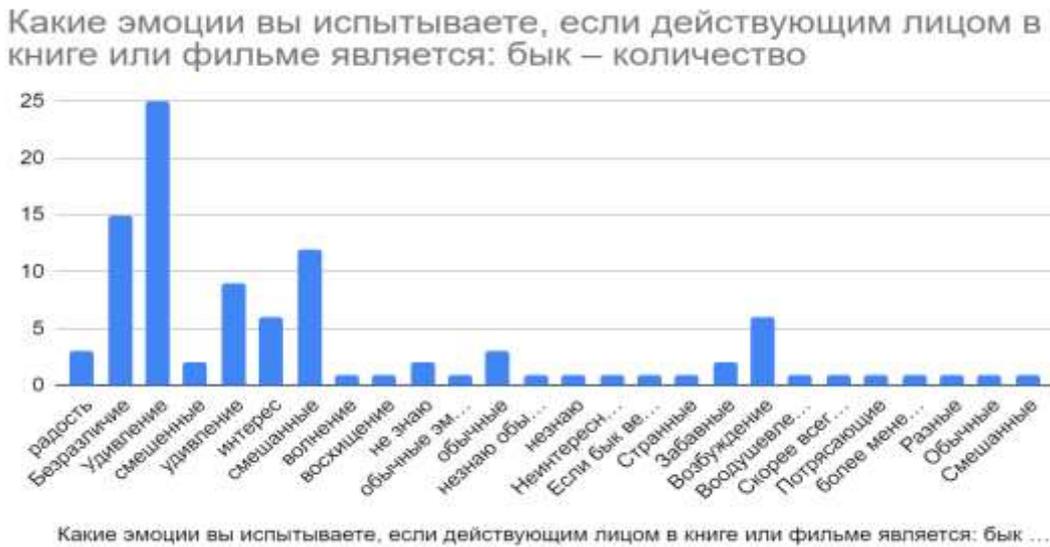

Fig.2.1 Emotions evoked by the "bull" image, according to the Russian respondents of the experiment

According to Arab respondents to the experiment, when the hero in a book or a movie is a "bull", the following states, emotions and ideas about them arise in them: 1st place fear; 2nd place irritation (anger); 3rd place satisfaction; 4th place surprise; 5th place barbarism (fear and anger); 6th place anger; 7th place sadness (grief) (see Fig. 2). From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: fear, anger/annoyance, strength/satisfaction, surprise, barbarism, annoyance].

Fig. 2.2 Emotions caused by the image of the "bull", according to the Arab respondents of the experiment

The Male goat

According to the Russian respondents in the experiment, when the hero in a book or movie is a "male goat," they have the following states, emotions, and ideas about them: 1st place indifference; 2nd place laughter; 3rd place disgust; 4th place surprise; 5th place elation; 6th place joy; 7th place interest; 8th place boredom; 9th place excitement; 10th place happiness (Fig. 2.3).

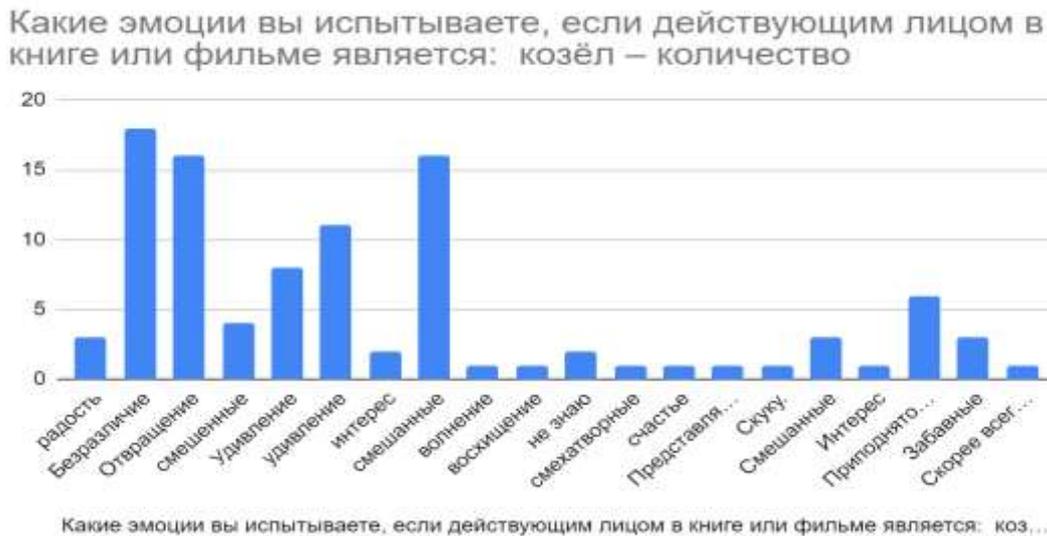

Fig.2.3 Emotions aroused by the image of "goat," according to the Russian respondents in the experiment

According to the Arab respondents to the experiment, when the hero in a book or movie is a "goat", the following states, emotions and ideas about them appeared in their minds: 1st place fear; 2nd place stupidity (anger); 3rd place sadness (grief); 4th place contempt; 5th place power; 6th place disgust; 7th place surprise; 8th place laughter; 9th place excitement (see pic.2 From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: fear, stupidity/satisfaction, anger/annoyance, sadness, disgust, and having control/satisfaction).

ما هي المشاعر التي تشعر بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: ديس (ذكر الماعز)
40 responses

Fig. 2.4 Emotions aroused by the image of "goat" according to the Arab respondents to the experiment

The Fox

According to the Russian respondents of the experiment, when the hero in a book or film is a “fox”, they experience the following states, emotions, and ideas about them: admiration comes first; in 2nd place interest; in 3rd place is fear; in 4th place is joy (satisfaction); in 5th place is curiosity; in 6th place is cunning; in 7th place is admiration (Fig. 2.5).

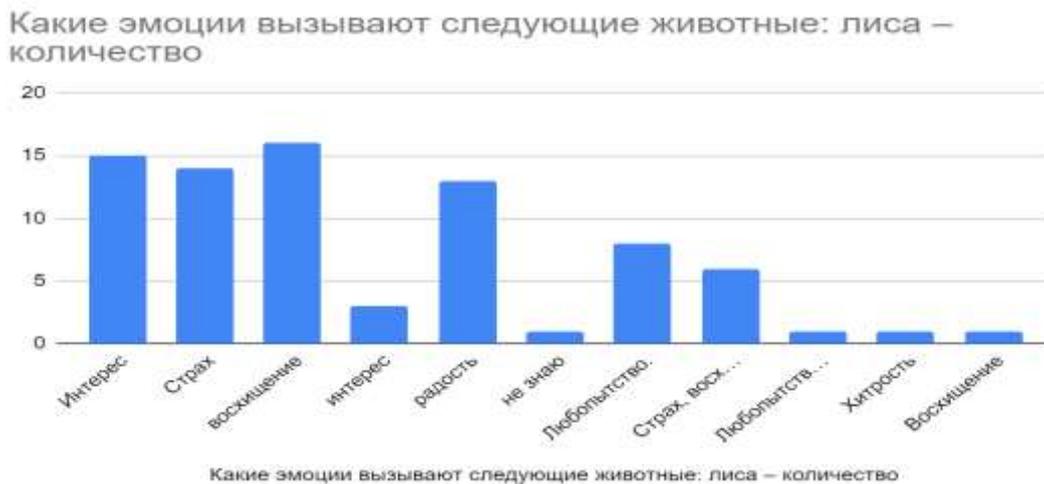

Fig. 2.5 Emotions caused by the image of the “fox”, according to the Russian respondents of the experiment

According to the Arab respondents of the experiment, when the hero in a book or a movie is a "fox" they have the following states, emotions and ideas about them: first

place is cunning; second place treachery (anger); third place power (satisfaction); fourth place intelligence; fifth place caution (see Fig.2.6. From left to right the following states, without repetition, are named in sequence: anger, cunning, treachery, intelligence, caution).

ما هي المشاعر التي تتسبب بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: ذئب

:40 responses

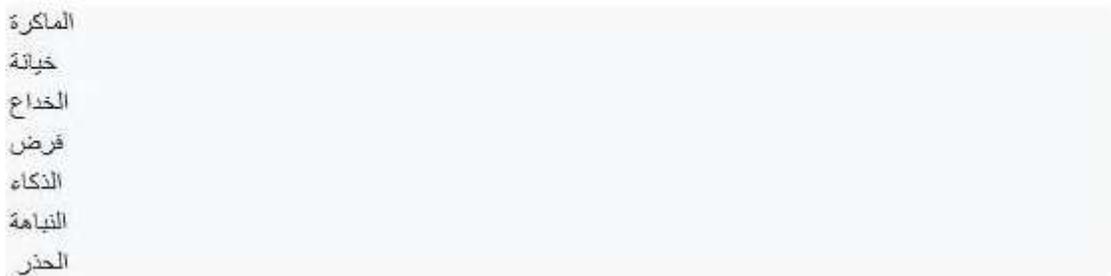

Fig. 2.6 Emotions that evoke the image of the "fox" according to the Arab respondents of the experiment

The dog

According to the Russian respondents to the experiment, when the hero in a book or movie is a "dog," they have the following states, emotions, and ideas about them: 1st place happiness (joy); 2nd place laughter (satisfaction); 3rd place fear; 4th place admiration; 5th place interest (Fig. 2.7).

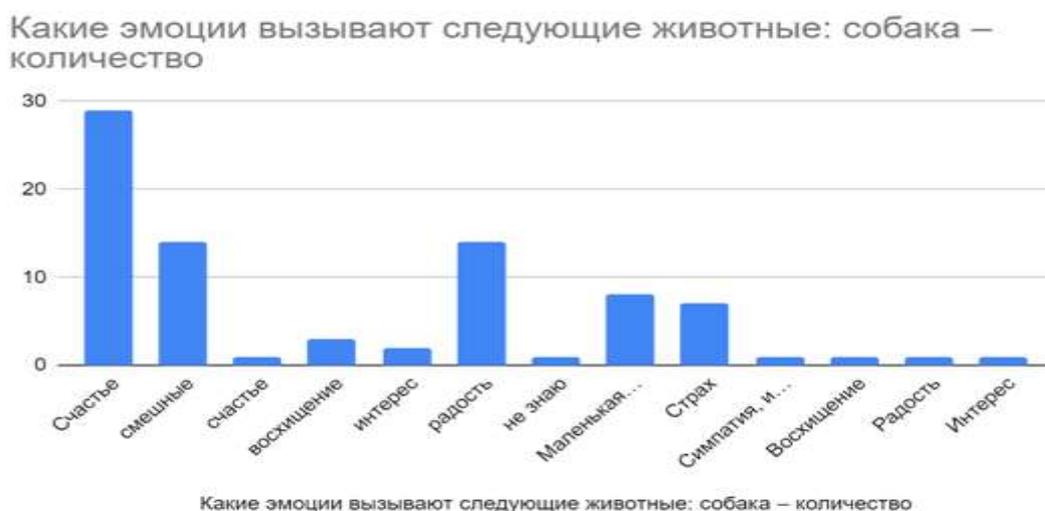

Fig. 2.7 Emotions evoked by the image of "dog," according to the Russian respondents to the experiment

According to the Arab respondents of the experiment, when the hero in a book or a movie is a "dog," it evokes the following states, emotions and ideas about them: first place fear; second place safety (satisfaction); third place happiness; fourth place contempt; fifth place disgust (see Figure 2.8. From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: fear, happiness, loyalty, disgust).

: ما هي المشاعر التي تشعر بها إذا كانت الشخصية في كتاب أو فيلم: كلب

40 responses

اشعر بالخوف
اشعر بالامان
الخوف
اشعر بالفرح
الوفاء
الامان
الفرح
اشعر بالامان
الاحتقار

Fig. 2.8 Emotions aroused by the image of "dog", according to the Arab respondents to the experiment

In response to the question of which animal evokes the above emotions, the following data were obtained:

SADNESS (GRIEF)

For native Russian speakers: in first place - no such thing; in second place - pig; in third place - donkey; in fourth place - dog; in fifth place - wolf; in fourth place - bear; in fifth place - snake; in sixth place - fox; in seventh place - owl (Fig. 3.1).

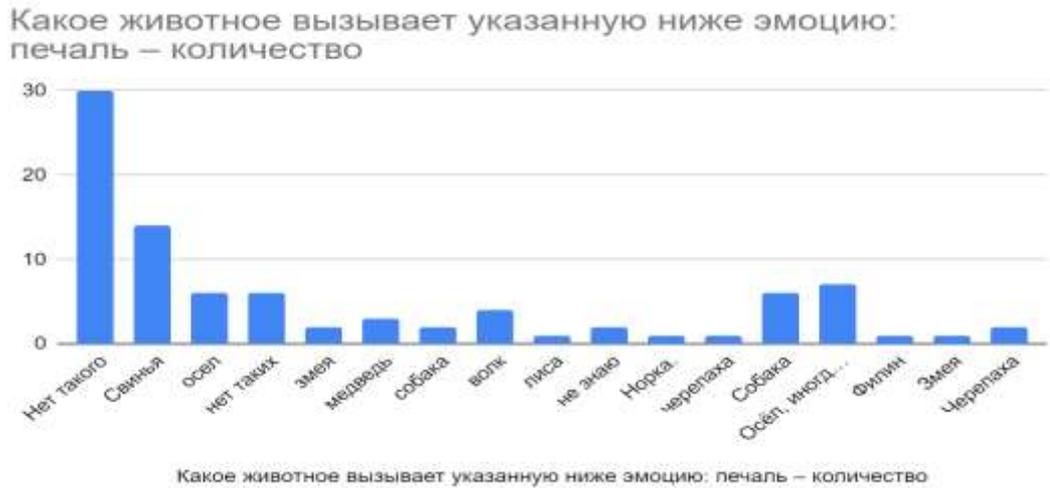

Fig. 3.1 Animal images that evoke the emotion "sadness" according to the Russian respondents of the experiment

For Arabic speakers: in first place, a pig; in second place, a mouse; in third place, a donkey; in fourth place, a fox; in fifth place, a cat (see Fig. 3.2. From large to small are consecutively called: pig, mouse, donkey, cat).

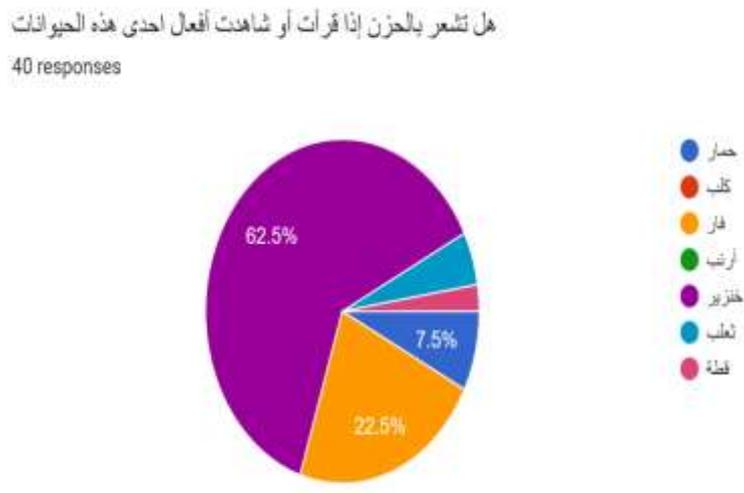
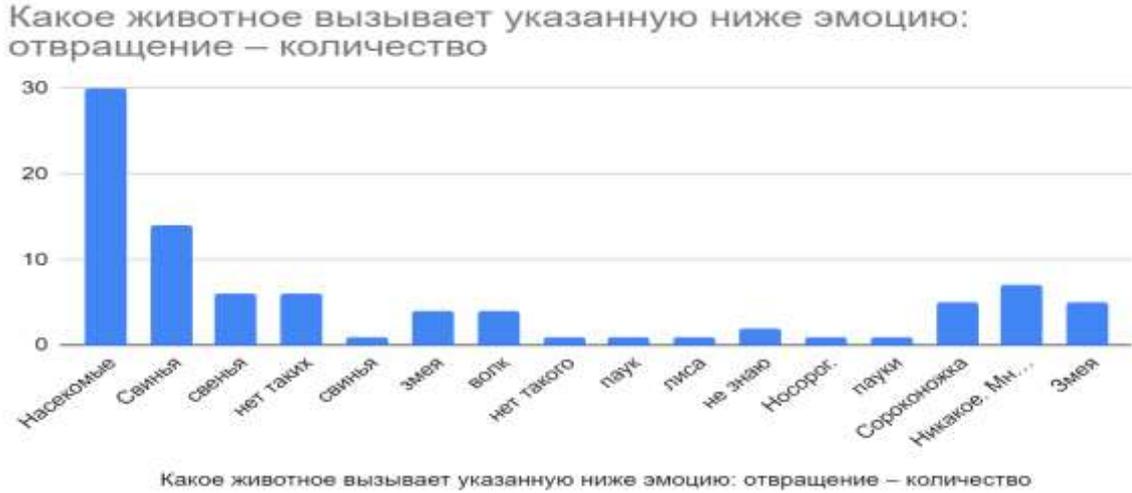

Fig. 3.2 Animal images that evoke the emotion of "sadness" according to the Arab respondents to the experiment

ABOMINATION

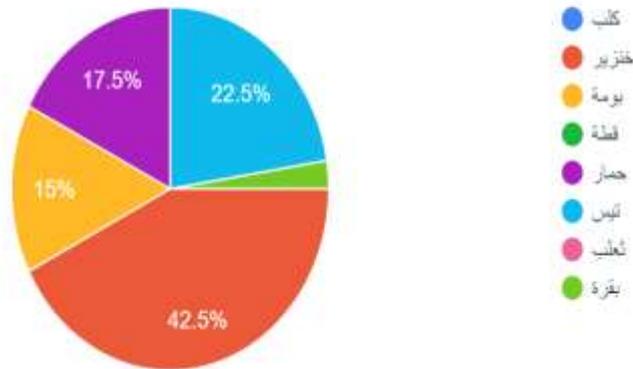
For native Russian speakers: in first place - insects; in second place - pig; in third place - centipede; in fourth place - snake; in fifth place - spider; in sixth place - wolf (Fig. 3.3).

3.3 Animal images that evoke the emotion of "disgust," according to Russian respondents to the experiment

For Arabic speakers: 1st place - pig; 2nd place - dog; 3rd place - donkey; 4th place - owl; 5th place - cow; 6th place - cat; 7th place - fox (see Fig. 3.4. From large to small are consecutively named: pig, dog, donkey, owl, cow, cat, fox).

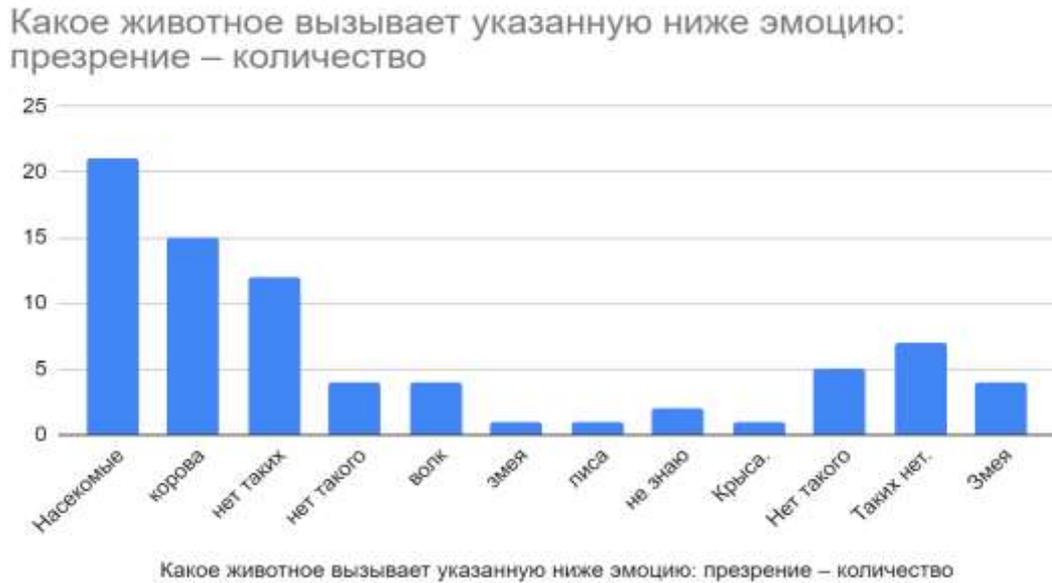
تشعر بالاحتقار إذا كانت شخصية قسنتك أو فيلمك إحدى هذه الحيوانات
40 responses

3.4 Animal images that evoke the emotion of "disgust" according to the Arab respondents to the experiment

DISDAIN

For native Russian speakers: in first place - insects; in second place - cow; in third place - snake; in fourth place - wolf; in fifth place - fox; in sixth place - rat (Fig. 3.5).

3.5 Animal images that evoke the emotion of "contempt," according to the Russian respondents to the experiment

For Arabic speakers: 1st place, pig; 2nd place, owl; 3rd place, goat; 4th place, donkey; 4th place, cow; 5th place, cat; 6th place, fox; 7th place, bull (see Fig. 3.6. From large to small are consecutively named: pig, owl, goat, donkey, cow, cat, fox, bull).

3.6 Animal images that evoke the emotion of "contempt" according to the Arab respondents to the experiment

ANGER (IRRITATION)

For native Russian speakers: in first place - turkey; in second place - wolf; in third place - donkey; in fourth place - ram; in fifth place - dog; in sixth place - crocodile; in seventh place - hyena (Fig. 3.7).

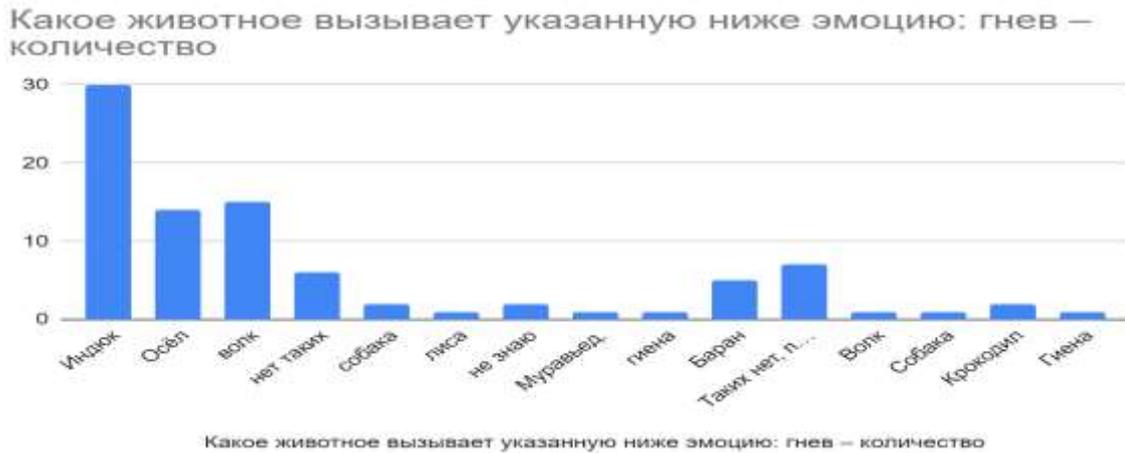

Fig. 3.7 Animal images that evoke the emotion of "anger," according to Russian respondents to the experiment

For the Arabic speakers: 1st place - pig; 2nd place - snake; 3rd place - cow; 4th place - dog; 5th place - fox; 6th place - cat; 7th place - snake; 8th place - other animal b/n(Fig. (see Fig. 3.8. From large to small are consecutively named: pig, snake, cow, dog, fox, cat, snake, another animal).

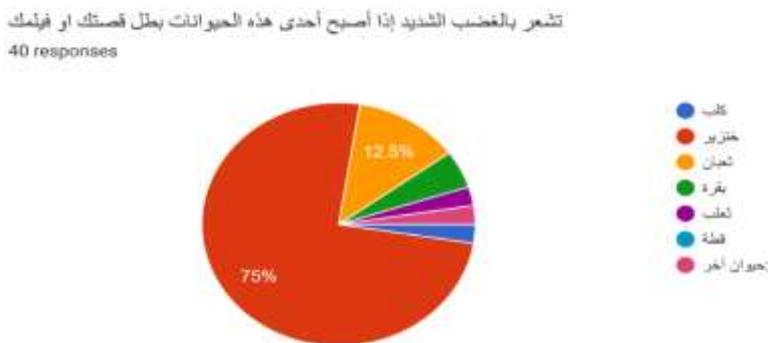

Fig. 3.8 Animal images that evoke the emotion of "anger," according to Arab respondents to the experiment

FEAR

For native Russian speakers: in first place - snake; in second place - turkey; in third place - bull; in fourth place - bear; in fifth place - wolf; in sixth place - spider; in seventh place - tiger; in eighth place - fox; in ninth place - jaguar (Fig. 3.9).

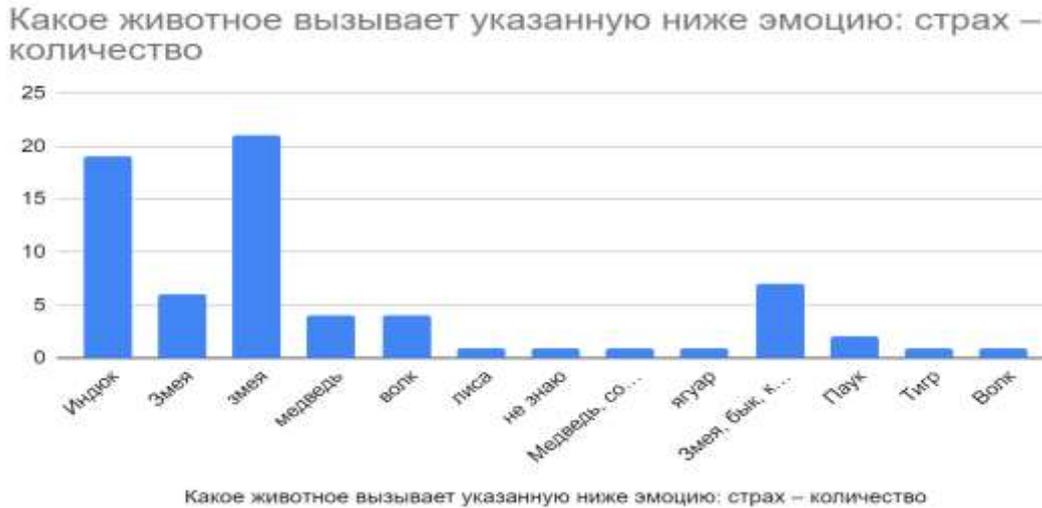

Fig. 3.9 Animal images that evoke the emotion of "fear," according to Russian respondents to the experiment

For Arabic speakers: 1st place - wolf; 2nd place - snake; 3rd place - crow; 4th place - dog; 5th place - fox; 6th place - dog; 7th place - snake; 8th place - sparrow (see Fig. 3.10. From large to small are successively called: wolf, snake, crow, dog, fox, dog, snake, sparrow).

Fig. 3.10. Animal images that evoke the emotion "fear," according to Arab respondents to the experiment

JOY (HAPPINESS) For native Russian speakers: in first place - dog; in second place - cat; in third place - horse; in fourth place - fox; in fifth place - wolf (Fig. 3.11).

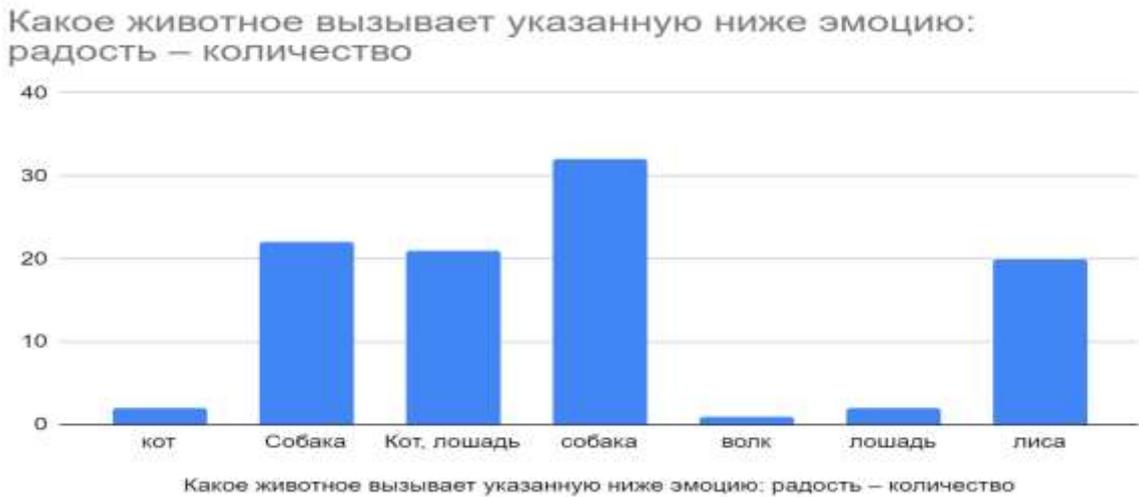

Fig. 3.11 Animal images that evoke the emotion of "joy," according to Russian respondents to the experiment

For native Arabic speakers: 1st place - cat; 2nd place - wolf; 3rd place - deer; 4th place - cow; 5th place - lion; 6th place - ram; 7th place - cat; 8th place - deer; 9th place - another animal b/n (see Fig. 3.12. From large to small are consecutively called: cat, wolf, deer, cow, lion, ram, cat, deer, another animal).

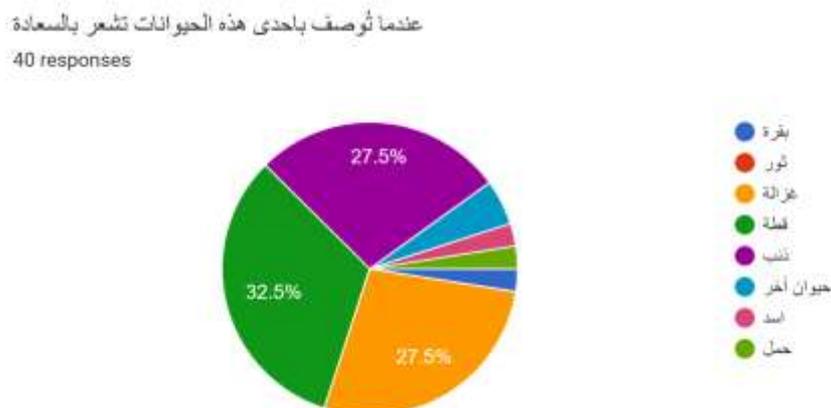

Fig.3. 12 Animal images that evoke the emotion of "joy" according to the Arab respondents to the experiment

SURPRISE

For native Russian speakers: 1st place - raven; in 2nd place - a snake; in 3rd place - a goat; in 4th place - a donkey; in 5th place - a wolf; in 6th place - a giraffe; in 7th place - capybara; in 8th place - a dog; in 9th place - eagle owl; in 9th place - an owl; in 11th place - fox (Fig. 3.13).

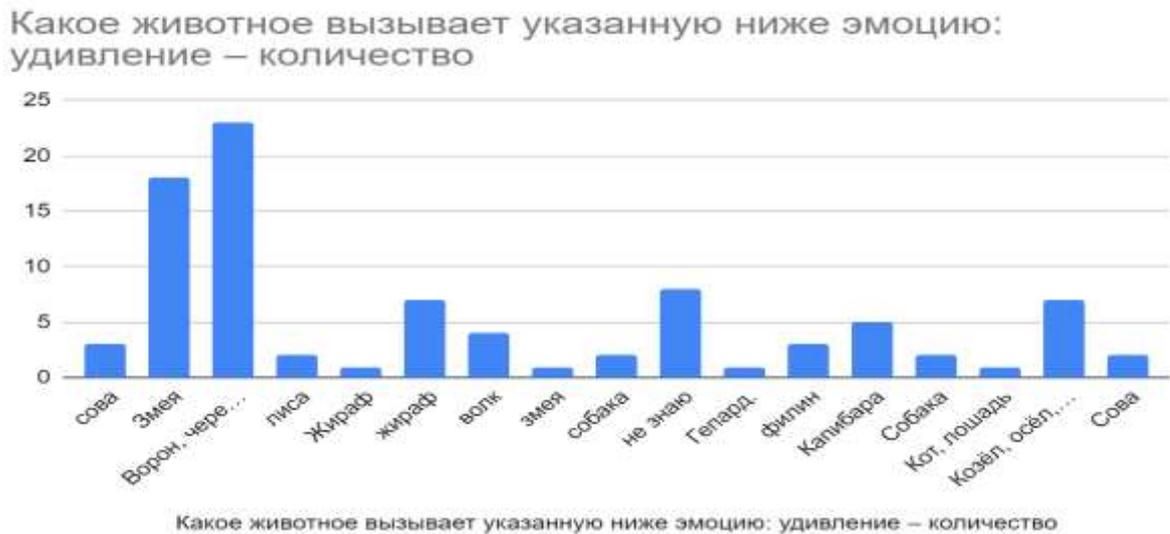

Fig. 3.13 Animal images that evoke the emotion of "surprise", according to the Russian respondents of the experiment

For Arabic speakers: 1st place - chicken; in 2nd place - a cow; in 3rd place - a hare; in 4th place - a bull; in 5th place - a donkey (see Fig. 3.14. From large to small they are sequentially named: chicken, cow, hare, bull, donkey, another animal).

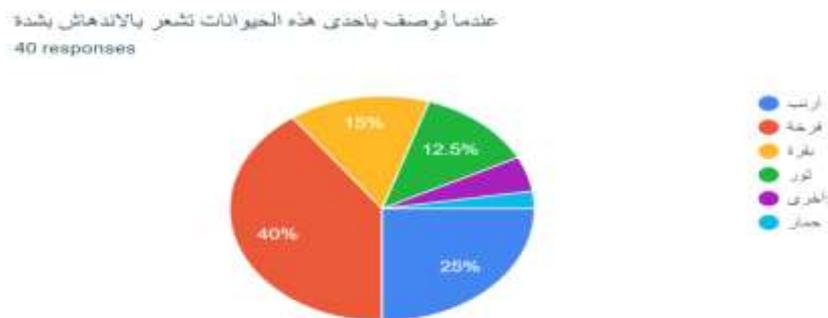

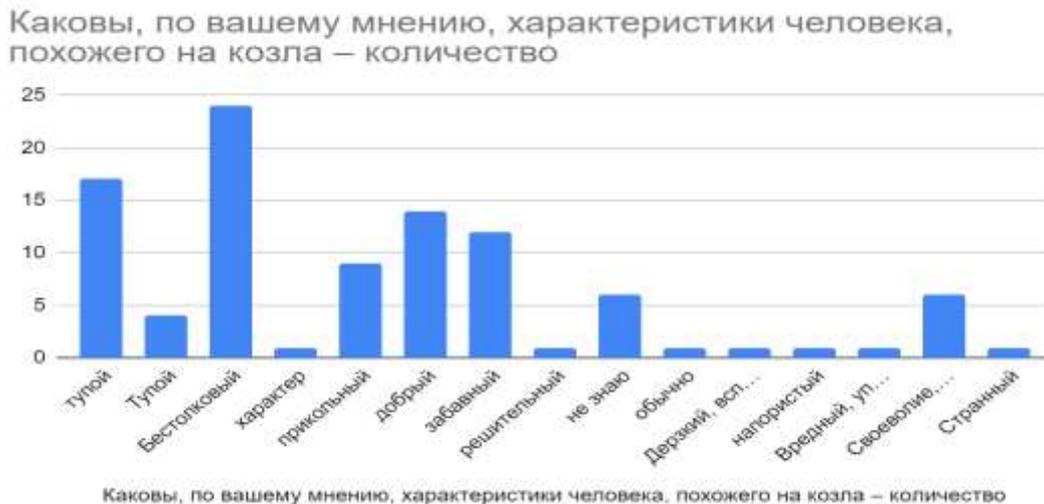
Fig. 3.14 Animal images that evoke the emotion of "surprise", according to the Arab respondents of the experiment

In **the third part of the experiment**, the participants were asked to determine the qualities of the most common animals in the Russian and Arab peoples.

«Male goat»

Male goat: absolutions 19; horned 12; beard, 8 animal, 5; fool 4, donkey, horns 3; ram, bearded. smelly, goat, young, goat himself, with horns, old, 2 white, noble, enemy, mountainous, dirty, two-horned, miser-beast, green, donkey, many goats, goats, cow, get along, lecturer, meadow, Moscow, peasant, unfortunate, monkey; donkey, bear; jumped, long horns, swearing, pockmarked, himself like that, gray, jumping, with cabbage - embarrassment, slippers, stupid, you, you are unfinished, you are like that, at your grandmother, fell, freak [Russian associative dictionary, 2002, p.258).

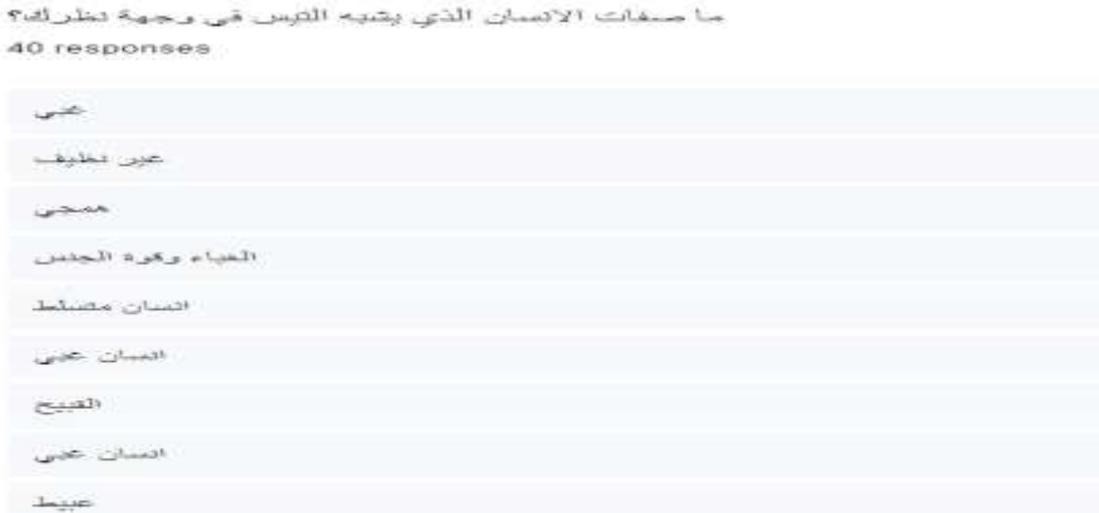
For respondents who are native Russian speakers, the image of a "goat" personifies the following: in 1st place - stupid; in the 2nd place - blunt; in 3rd place - kind; in 4th place - funny; in 5th place - masterful; in 6th place - impudent; in 7th place - strange; in 8th place - harmful (Fig. 4.1).

4.1 Characteristics of a person who looks like a "goat", according to the Russian respondents of the experiment

For respondents who are native speakers of Arabic, the image of the "goat" personifies the following: in the 1st place - stupid; in 2nd place - dirty; in 3rd place - barbarian; in 4th place - obsessed with food and sex; in the 5th place - imperious; in 6th

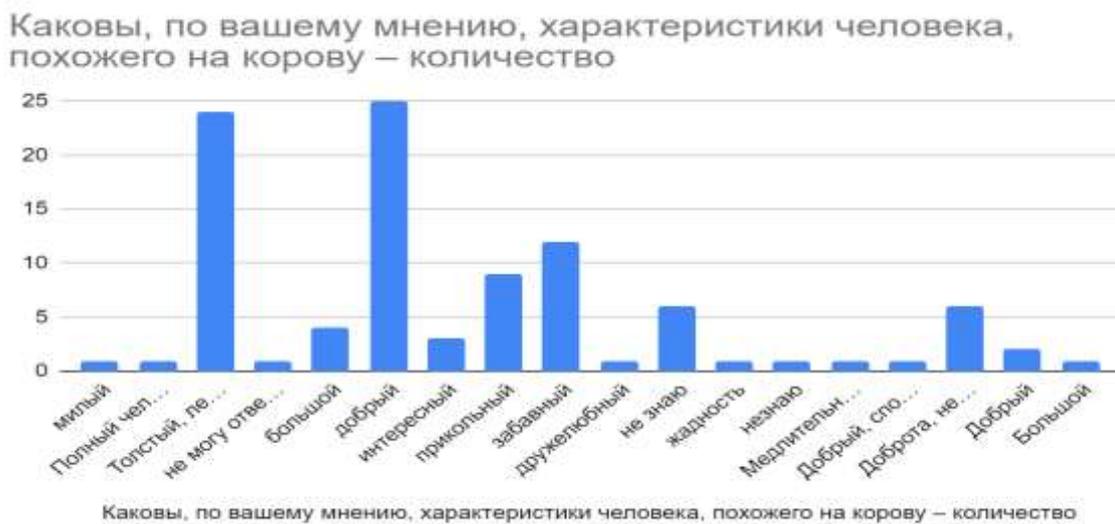
place - ugly; in 7th place - crazy (see Fig. 4.2. From top to bottom they are named sequentially without repetition: stupid, dirty, barbaric, obsessed with food and sex, domineering, ugly, crazy).

4.2 Characteristics of a person who looks like a "goat", according to the Arab respondents of the experiment

«Cow»

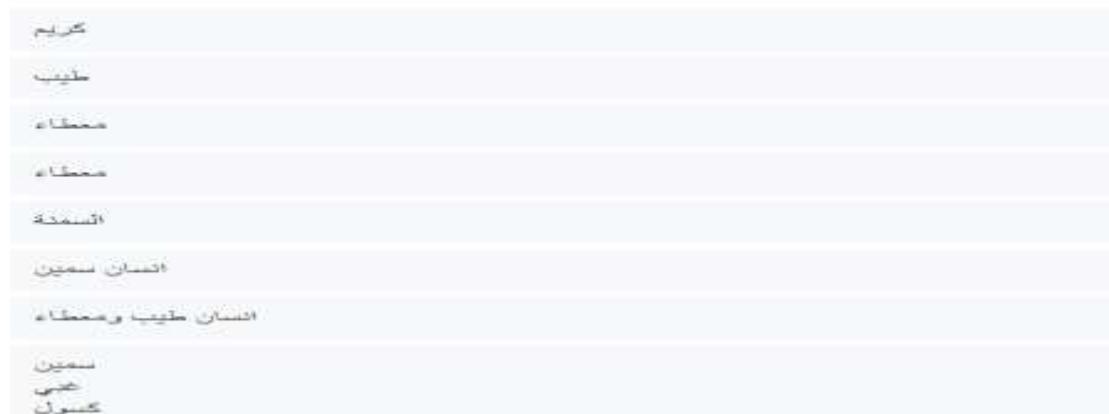
For respondents who are native Russian speakers, the image “cow” personifies the following: in 1st place - kind; in 2nd place - thick; in 3rd place - funny; in 4th place - cool; in 5th place - large; in 6th place - interesting; in 7th place - friendly (Fig. 4.3).

4.3 Characteristics of a person who looks like a "cow", according to the Russian respondents of the experiment

For native Arabic respondents, the image of a “cow” personifies the following: in the 1st place - generous; in 2nd place - kind; in 3rd place - thick; in 4th place - stupid; in 5th place is lazy (see Fig. 4.4. From top to bottom they are named sequentially without repetition: generous, kind, fat, stupid, lazy).

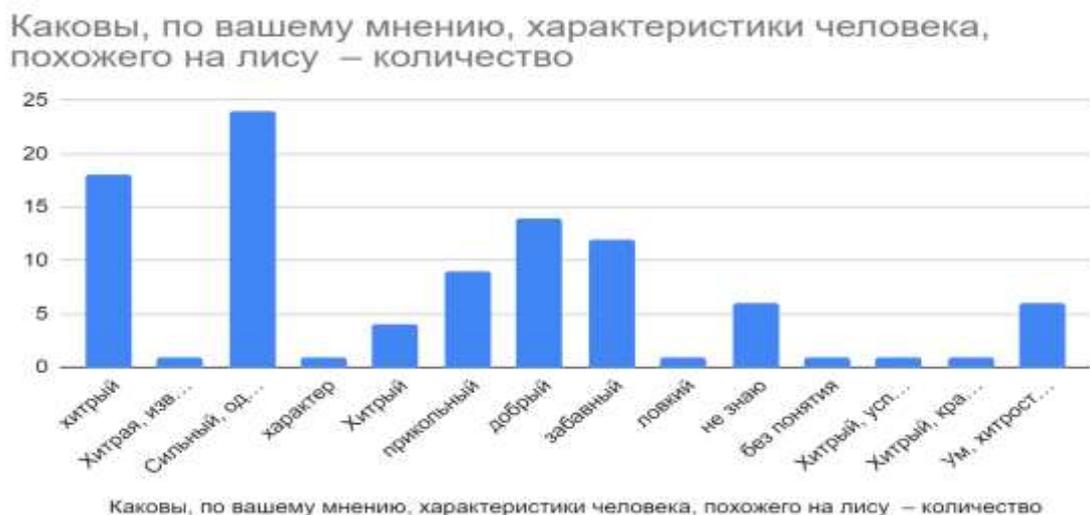
بعيدا عن السياق الديني: ما صفات الانسان الذي يشبه البقرة في وجهة نظرك؟
40 responses

4.4 Characteristics of a person who looks like a “cow”, according to Arabic respondents of the experiment

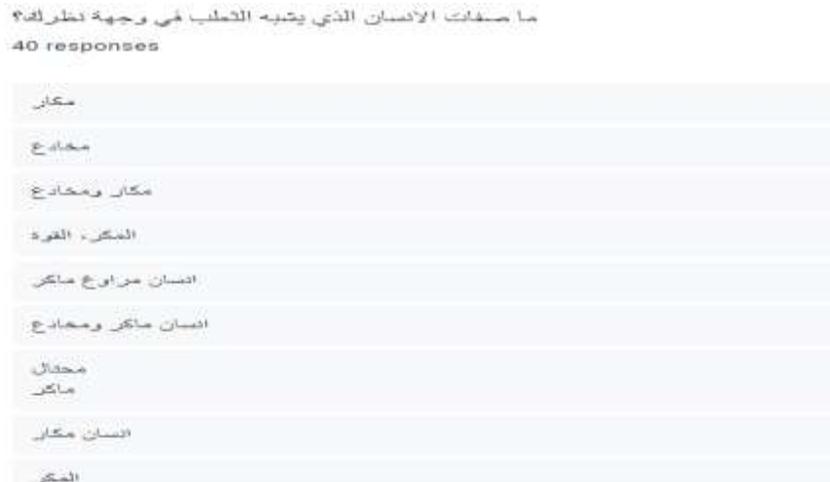
«Fox»

For Russian-speaking respondents, the image of "fox" represents the following: in 1st place, cunning; in 2nd place, strong; in 3rd place, kind; in 4th place, funny; in 5th place, groovy; in 6th place, has character (Fig. 4.5).

4.5 Characteristics of a person who looks like a "fox" according to Russian respondents in the experiment

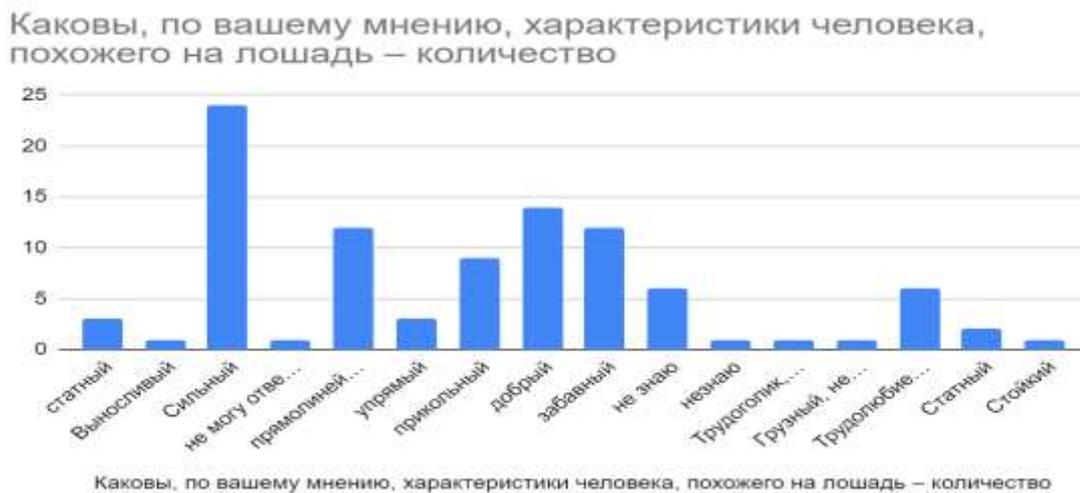
For Arabic-speaking respondents, the image of "fox" represents the following: 1st place - cunning; 2nd place - traitor; 3rd place - strong; 4th place - deceiver; 5th place - elusive (see Fig. 4.6. From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: cunning, traitor, strong, deceiver, elusive).

4.6. Characteristics of a person who looks like a "fox" according to Arab respondents of the experiment

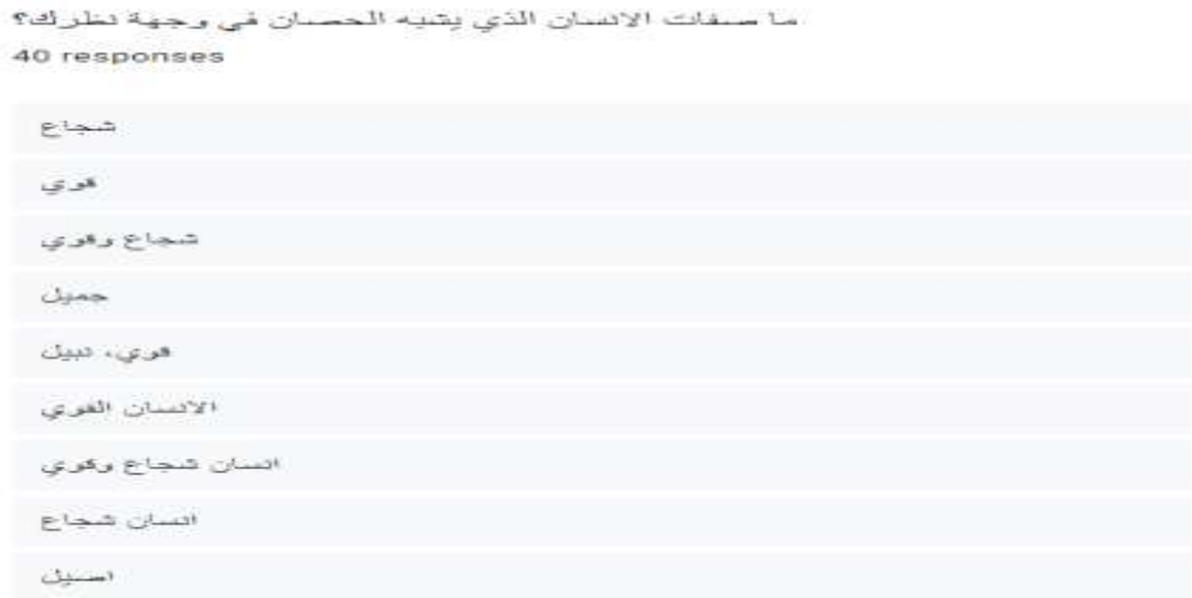
«Horse»

For native Russian-speakers the image of "fox" represents the following: in 1st place - strong; in 2nd place - kind; in 3rd place - funny; in 4th place - straightforward; in 5th place - funny; in 6th place - workaholic; in 7th place - stubborn; in 8th place - stately (Fig. 4.7).

4.7 Characteristics of a person who looks like a "horse" according to Russian respondents of the experiment

For native Arabic-speaking respondents, the image of "cow" represents the following: In 1st place, bold; in 2nd place, strong; in 3rd place, handsome-looking; in 4th place, noble; in 5th place, faithful (see Fig. 4.8. From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: bold, strong, beautifully seen, noble, faithful).

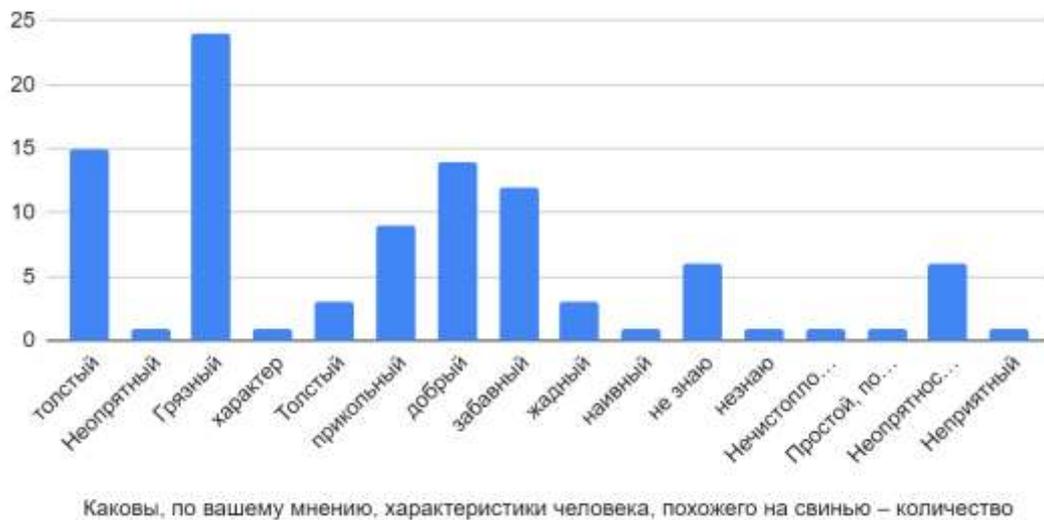
4.8 Characteristics of a person who looks like a "horse" according to Arab respondents of the experiment

«Pig»

Pig: dirty 9; filthy 8; animal 6; fat 5; fattening 3; puddle, under oak tree, lined, heeled, pink, you, grunt, grunt 2; disorderly, big, early, in mud, finds mud everywhere, yarmulke, stinky, enemy, wild, domestic animal, pet, acorn, fat, snack, boar, cow, trough, my friend, meat, drunk, ungrateful, unbred, will not eat; well, you and; she, farrowed, bran, Panov, lousy, drink, vile, vile to live, shameful, piglet, nasty, nasty smell, native, lard, bastard, neighbor, Spartacus scary, supine, eat, such, your, hum, stable good, hog, man [Russian Associate Dictionary, 2002, p. 54).

For Russian-speaking respondents the image of a pig represents the following: in 1st place - dirty; 2nd place - fat; 3rd place - kind; 4th place - funny; 5th place - funny; 6th place - unpleasant; 7th place - greedy; 8th place - stately (Fig. 4.9).

Каковы, по вашему мнению, характеристики человека, похожего на свинью – количество

4.9 Characteristics of a person who looks like a "pig" according to Russian respondents of the experiment

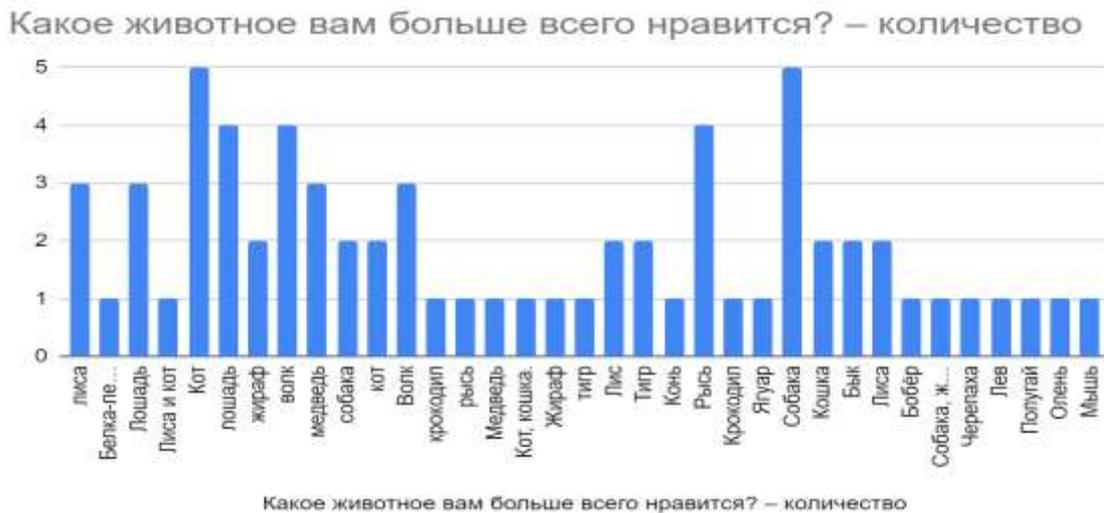
For Arabic-speaking respondents, the image of "pig" represents the following: 1st place - dirty; 2nd place - fool; 3rd place - cowardly; 4th place - appeals disgust; 5th place - cuckold; 6th place - despicable (see Fig. 4.10. From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: dirty, fool, cowardly, appeals disgust, cuckold, despicable).

ما صفات الانسان الذي يشبه الخنزير في وجهة نظركم؟
40 responses:

4.10 Characteristics of a person who looks like a "pig" according to Arab respondents to the experiment

In response to the Open Question for both languages considered, "What is your favorite animal?", Russian-speaking respondents answered as follows: 1st place - cat and dog; 2nd place - horse, lynx and wolf; 3rd place - fox and bear; 4th place - bull, cat and tiger; 5th place - beaver and jaguar; 6th place - turtle and parrot; 7th place - deer and mouse. (Fig. 5.1).

5.1. The animal images that Russian respondents like most of all

The Arabic-speaking respondents answered in the following way: 1st place - cat; 2nd place - dog; 3rd place - lion; 4th place - wolf; 5th place - monkey; 6th place - nightingale (see Fig. 5.2. From top to bottom, the following are called in sequence without repetition: cat, dog, lion, wolf, monkey, nightingale).

ما الحيوان الذي تفضله شخصياً ومن له علاقة بمشاعر الفرح أو الحزن أو الغضب أو الخوف أو الازدهار؟ (سؤال مهم جداً)
40 responses

5.2. The animal images that Russian respondents like most of all

Experimental results

Zoomorphisms of different nationalities have their own peculiarities. In stable word combinations, proverbs and sayings (linguistic material), as well as in tales, legends and other cultural texts their lexical meaning acquires the numerous connotations.

The animal symbolism correlates with the positive/negative connotations of the analyzed units, correlates with the mythopoetic notions of a certain linguistic and cultural community. In addition to the direct designation of animals in the course of the experiment, it was also interesting to reveal the secondary (figurative) meaning of their names. The names of animals in the Russian and Arabic languages are compared in the experiment in terms of metaphorical meaning, reflecting the nature, appearance and internal appearance and features of human behavior and the emotions associated with them.

According to V. M. Mokienko, comparison is "not just a way of naming the surrounding reality, but also a very bright means of its evaluation. It expressively, evidently, figuratively characterizes a person, phenomena of nature, everyday situations". [Mokienko, 2005, p. 3]. At the same time, the Arabic scholar Al-Jārim believes that the comparison in the Arabic language worldview is "to explain and bring the meaning of the phenomenon and the object to the understanding" [Al-Jārim, 2010, p. 66]. This does not contradict the fact that the meanings of zoomorphic metaphors can only be fully understood by speakers of a particular linguistic culture due to the combination of the cultural factors, the ethnic characteristics, the linguistic pictures of the world and literary sources. The national specificity of zoomorphic metaphors is manifested in a different assessment of human activities, the rhythm of life, the disposition and qualities of personality.

It is very important to emphasize that emotive zoomorphisms do not claim to give us a complete description of the human mind: it is an explanatory paradigm for the study of the human mind, but there is no reason to believe that it is the final or only tool for understanding the human mind.

Below we list the main conclusions that we have made thanks to the results of the experiment. A complete summary table of the results of the experiment is given in Appendix 1.

Emotions evoked by zoonisms

"Bull." The emotions evoked by the "bull", according to the opinions of the Russian-speaking respondents, seemed surprising to us. For the Russians this image evokes mainly the emotions of surprise, satisfaction, excitement and, finally, joy. We believe that the "bull" evokes surprise, admiration, and excitement in Russians because the bull is an energetic and agile animal that attracts the attention of others. In Russian culture, influenced by ties with Spain and, of course, by J. Bizet's opera Carmen, there is a romantic image of the bull (E. Yevtushenko's poem Corrida, poems by I. Brodsky, V. Andreev, J. Kozlovsky and others). [Balashova, 2011]. For the Arab respondents, the "bull" evokes fear, irritation and a sense of power. In Arab culture and literature, there is no understanding of the bullfighting of the bullfighter. This is how Arabs refer to the image of the "bull" because they often see it in everyday life. They fear his power and his destructive uncontrollable actions provoke anger.

"Goat". The "goat" for the Russians evokes such emotions as: indifference, laughter (joy with irony), disgust, surprise, but also joy. Also "goats" are often referred to as goofy people whose actions cause laughter with a share of sarcasm. Opinions are further divided, with some believing that "jerks" evoke disgust at the "witless deeds" and others believing that the image evokes joy. We, unfortunately, could not understand the reason why "goat" causes joy (high spirits) among Russians, further special research is needed. For Arab respondents, the image of "goat" evokes fear, stupidity, sadness, disgust, surprise and laughter. In the Arab world, the "goat" evokes the idea of stupidity in the mind, which in turn evokes sadness, contempt and disgust. We noticed that the "goat" evokes laughter among the Arab respondents of the experiment. Laughter, in this case, can be perceived as a mockery of a stupid person who behaves incomprehensibly or awkwardly.

"Fox": the fox appears in the folklore of many cultures, but especially often in Europe and East Asia, as a metaphor for cunning and deception. However, according to the Russian respondents to our experiment, the image of the "fox" evokes mainly admiration and interest. This can be explained by the fact that the fox has magical powers and has a connection with transformation. Next, typical emotions were expressed, such as fear and joy (perhaps because the fox represents intelligence and wisdom in the animal kingdom), curiosity, and finally, cunning. To our surprise, the image of the "fox" is rather positive in the eyes of the Russian respondents. For the Arab respondents to the experiment, the "fox" preserves its typical picture in the Arab mentality. This image evokes the idea of cunning, provokes anger in the beginning, then satisfaction (strength, intelligence) and, lastly, is associated with caution. Thus, in the mentality of the Arab respondents, the "fox" remains unchanged as a personification of cunning. In addition, there are new additional positive traits given to us by the responses of the Arab respondents to the experiment.

"Dog": the emotions evoked by the image of "dog" are very different in the cultures compared. While with the Russians this image evokes mainly happiness and satisfaction, with the Arab respondents it evokes first fear, and then safety and satisfaction, happiness and disgust. According to the respondents, the dog evokes happiness and fear to varying degrees. We assume that the opinions of Russians that a dog is a symbol of happiness and satisfaction come from the traditionally stable relationship between people and dogs, many Russians keep dogs at home. However, at the same time this image evokes fear, we believe that this also comes from the ancient ideas about dogs, emphasizing that in the associative vocabulary with the image of "dog" are associated with the words: "evil, angry, fearful". Arabic-speaking respondents do not keep dogs at home as often as Russians do. They perceive the dog as an animal of danger and pain. But, at the same time, they understand that dogs are loyal and evoke a feeling of happiness, but at the same time, in their view, there is an abhorrence. The abhorrence of the image of "dog" among the Arab respondents to the experiment is probably related

to the negative attitude towards the dog (puppy) in Islam, as we showed in the theoretical part of our research.

Tracking dynamics, trends, changes in linguistic consciousness. This part of the experiment reflects the results of the internal and external qualities of zoomorphisms in order to trace the dynamics, trends and changes in the linguistic consciousness, in comparison with the associative units specified in the associative dictionary edited by Yu. Karaulov. We have noticed a dynamic process with the use of the newest qualities of describing the image of "**male goat**". In the modern linguistic consciousness, the image of "goat" becomes not only an image of a "scapegoat" and a personification of a goofy person, but also an image of a kind, amusing and self-willed person. This involvement of extensive culturally marked linguistic material includes figurative units; we note the important role of metaphor in the process of communication and linguocultural competence development. Thus, we can conclude that this image becomes more positive in the modern Russian language consciousness. On the other hand, in the modern Arabic linguistic consciousness the image of "goat" is only negative. In the modern linguistic consciousness, the image of "**cow**" is mostly perceived positively. According to the Russian respondents of the experiment, cows represent a positive image, except in the case of the description of a thick (fat) woman. Such a description is only partially indicated in Karaulov's associative dictionary. The positive assessment of the image of "cow" is also clearly present in the opinions of the Arab respondents of the experiment. However, in the Arab respondents of the experiment, the cow represents not only a generous and kind person, but also a fat, stupid and lazy person. The **fox** is an animal whose qualities in the two languages considered are approximately the same. The native speakers of Russian and Arabic believe that the image of the "fox" represents a cunning, strong, resolute person. However, it is not clear to us why the Russian respondents of the experiment consider the fox to be good. In the dictionary edited by Yu. Karaulov, cunning also takes first place as an associative "quality" of the image of the "fox". In our opinion, there are no significant dynamics, trends and changes in the linguistic consciousness for the image of the "fox". When comparing the qualities of the image "**horse**" in the opinions

of the respondents of the experiment and in the associative dictionary edited by Yu. Karaulov, we came to the conclusion that we are facing a positive image, whose qualities in the two languages under consideration are approximately the same. In the typical Russian language worldview, the image of "horse" remains unchanged, both in the opinions of the Russian respondents to the experiment and in the associative dictionary edited by Y. Karaulov. For Russians, a "horse" is a hard-working and beautiful person, and, according to the Arab respondents to the experiment, the image of a "horse" is that of a strong, noble and loyal person. Unlike the previous image, the first quality of the image of a "**pig**" in the opinions of the Russian and Arab respondents to the experiment and in the associative dictionary edited by Yu. Karaulov is dirt. It is worth noting that, judging by the answers of the Russian respondents, nowadays the image of "pig" acquires more positive qualities, although, in the modern Russian language worldview, a pig mostly represents a dirty person, but also the Russians believe that a pig represents a kind and cheerful person. In the modern Arabic linguistic consciousness, the image of a pig is seen exclusively negatively: dirty, foolish, cowardly, appealing to disgust, and a cuckolded man (not jealous of his wife).

We asked the Open Question for the native speaker of the two studied languages: Which animal is the most like, for the actual disclosure of the zoomorphic images of the representatives of both languages considered, we asked the Open Question. We do not aim at an exact explanation of the choice of these zoonisms, as it was a personal, individual choice of each participant of the experiment. However, in the context of this question, especially with the addition of the word "most," we can conclude that a close connection of the zoonisms with the human life, his communications and, naturally, his emotions emerges.

Conclusions to the third chapter

The phraseological expressions using a zoonym component are widespread in the comparable languages, which is not surprising: the phrases reflect the history and culture of the people, way of life and consciousness. Animals play a crucial role in the development of human life: animals have always been ubiquitous in people's lives; there are countless examples of interaction between humans and animals. Phraseological expressions with a zoonymic component are also widely used nowadays and are important for effective intercultural communication.

Considering the comparative aspect, we consider the classification of phraseological units with the zoonymic component, which are directly relevant to our study in this way in the Russian language: Substantive (nominative) phraseological units with a zoonym component, Adjective phraseological units with a zoonym component, adverbial phraseological units with a zoonym component and verbal phraseological units with a zoonym component, while in Arabic the comparative verb form (ṣīghat al-mqārnt - af' l mn), the conditional form (ālṣīghat sh-shrṭīt) and the genitive (ālmḍāf wālmḍāf ilīh).

The associative experiment as a method of revealing the emotionality of zoomorphisms among modern native speakers of Russian and Arabic was designed to identify linguocultural features of emotive zoomorphisms and their associative links in relation to internal and external qualities and behavior of people who represent native speakers of Russian and Arabic to avoid intercultural misunderstandings.

Language is created by people with grounded experience, and perceptual knowledge has limits to which language strives. encode (indeed, it may be that the most obvious perceptual facts may be missing from a language signal precisely because they are perceptually obvious). Understanding these limits is an important direction for the future.

The connections between language forms and social concepts are of obvious interest to sociolinguists, but they are also relevant to language researchers in general. As

noted above, sociolinguistic work has collected a number of cases in which social information influences the processing of linguistic stimuli. Linguists who want to model effectively how the human mind produces and understands language must simultaneously understand how it reasons about the social aspects of socially meaningful language forms.

In the associative experiment we reflected the results of internal and external qualities associated with zoomorphisms in order to trace the dynamics, trends and changes in the linguistic consciousness, in comparison with the associative units specified in the well-known associative dictionary edited by Y. Karaulov.

The presented experiment was aimed at revealing linguocultural features of emotive zoomorphisms and their associative links in relation to internal and external qualities and behavior of people who represent speakers of Russian and Arabic, in order to make intercultural communication more effective.

The experimental results developing this topic could lead to extensive research in cognitive linguistics, linguistics, culture, teaching Russian as a foreign language to the Arab public, and other aspects of research.

CONCLUSION

Acquainting with the lexical, grammatical and other features of the two studied languages, as well as identifying their national worldview on the basis of comparison, national worldviews and spiritual values play a significant role in the process of developing communicative and linguocultural competence.

The national features of the perception of the animal world are expressed in the formation of figurative meanings of zoonym, based on the general and specific national perceptions of animals. Studying the phraseological units with zoonym is a confirmation of the importance of this lexical group in the language.

If language affects the mental states that make up our general knowledge about the world, then, in principle, all that the speaker knows can be relevant to the understanding of the linguistic utterance. The role of context and background knowledge in reception has been widely studied, but much of the focus has been on how expectations set by language affect subsequent linguistic and mental processing. We advocate a much broader view of context.

Feelings represent an important and complementary aspect of language, because feelings express what is not always possible to express verbally. This research affirms the importance of emotiology and considers it in both practical and theoretical terms in the context of the linguistic worldview.

The transfer of real or imaginary qualities from animals to people occurs everywhere, as can be seen from the zoonisms used to describe humans in different languages. In such cases, zoonyms pass into the category of zoomorphisms, which acquire an expressive coloring and belong to the expressive vocabulary. These linguistic units carry folk ideas, cultural peculiarities, ways of reflection of reality of this or that nation. In general, the correlation of man with nature, surrounding objects suggests that the thinking of any nation is anthropocentric.

Giving animals certain qualities that are rather characteristic of humans is associated with daily or at least frequent observation of the peculiarities of their behavior.

The use of culturally labeled linguistic units, including zoonymic units, contributes to the formation of a tolerant attitude towards the languages and cultures of other peoples. This is especially important for the study of languages.

Zoomorphic images in Russian and Arabic are a visual reflection of national and cultural perceptions of the world and an illustration of one's way of thinking. Studying these linguistic units in the linguocultural aspect is of great relevance in achieving mutual understanding in intercultural communication.

Summarizing the experiment as a whole, we note that this research is the first of its kind, which includes the opinions and points of view of the survey respondents who speak Russian and Arabic, discussing the topic of emotions, associations and feelings, on the one hand, and the zoonisms associated in the linguistic consciousness with them, on the other hand. The previous studies on these topics did not go beyond scientific articles and included only a comparison of zoonyms in Russian and Arabic.

The linguistic study of the units of two unrelated languages not only reveals the linguistic potential of the speakers of Russian and Arabic, but also gives insight into the specificity of these languages, the perception of animal features and their connection with human qualities. Additionally, the study of the emotions associated with these animals, which can be both similar and different, makes the research a source that expands the base of scientific resources related to the subject of research. Accordingly, extensive research developing this topic in the field of cognitive linguistics, comparative linguistics, culture, teaching Russian as a foreign language to Arabic audiences and other related fields is possible in the future.

Studying the animal-related linguistic and metaphorical units in Russian on the background of Arabic language contributes to the acquisition of Russian by the Arabic learners.

Linguistic and metaphorical units related to animals in Russian can be used in the formation of explanatory and bilingual dictionaries (Russian-Arabic), in this area there is

an acute lack of information. More efforts are needed to create and form modern dictionaries in this field.

This research and its findings can also be used for writing books on translation studies (from Russian to Arabic and from Arabic to Russian). Phraseological units with zoonyms need a special technique of translation, which is far from literal. This translation depends on the intended meaning of these expressions, which is provided by the thesis, which helps in developing these aspects in the field of translation between the two studied languages.

An addition to the recorded meanings of emotive zoomorphisms appeared. During the experiment, the respondents presented their understanding of the possibility of verbalizing a state or an emotional evaluation of a human quality. These states and qualities acquire new "colors" of emotive zoomorphisms in the process of their use in communication and, accordingly, in language units. Particular attention should be paid to the following:

- - for the image of the dog: laughter (for Russian respondents) and security (for Arab respondents).
- - for the image of the bull: laughter, interest, amusement (for Russian respondents), and barbarity, aggression (for Arab respondents).
- for the image of the goat: indifference, laughter, elation, interest, boredom, excitement (for Russian respondents), and stupidity (for Arab respondents).
- for the image of the fox: interest, curiosity, cunning (for Russian respondents), and cunning, treachery, strength, intelligence and caution (for Arab respondents).

The modern understanding of emotive zoomorphisms in the representatives of the studied languages, which we can talk about based on the findings of the experiment, differs from the one presented in the scientific literature, reference books and sources.

Language evolves naturally and is always influenced by human activity. This change, as time passes, is reflected in the colloquial speech, expressions and linguistic

terms. The same is true of phraseological expressions referring to animals. In this area, let us note the following.

1. In the modern Russian language consciousness the image of a goat becomes a symbol of a stupid man, a dirty animal, which causes condemnation. Speakers of the Russian language in 2022 statically often associate the zoonym "goat" with a kind, amusing, though willful man. We can recall traditional folk tales (in them a male goat is smart and cunning, compared with a sheep, a wolf and even a man). Apparently, as time passed, the positive image of the goat was transformed, acquiring duality. The goat today does not represent a person who is sacrificed to be responsible for the mistakes of others, but rather embodies the idea of animal unscrupulousness (in crude colloquialism). In neutral discourse, however, in the perception of modern Russians, the goat represents neither a bad-smelling person nor a fool. Moreover, there is reason to use this zoonym to express a positive evaluation and positive emotions (we can assume that here there is the influence of the diminutive zoonym "goat").

In the Arabic linguistic consciousness, this emotive zoonym is used to express only negative emotions.

2. No Russian linguists in the nineteenth or even twentieth century could have imagined that the cow would be the embodiment of a kind, cheerful and friendly person in the perception of modern Russians, this was not found in the perception of Russians in the past. Although the ancient notion that the cow is associated with a rich man is still present in the minds of today's Russians. The cow is a positive image, except for the description of a fat woman.

The positive assessment of the image of "cow" is also clearly present in the opinions of the Arab respondents of the survey. However, in Arabs the cow represents not only a generous and kind person, but also a fat, stupid and lazy person, so we cannot generally say that this zoonym in general allows expressing the positive emotions.

3. The perception of the image of the fox among Russians in the twenty-first century has become more positive. Although the fox represents a cunning person, respondents to the survey indicate that it embodies the image of a strong, even kind

person, with a strong character. In our opinion, there are no significant dynamics, trends and changes in linguistic consciousness for the image of the fox.

Native Arabic speakers believe that the image of the fox represents a cunning, strong, resolute person.

4. The horse still retains a positive assessment in the perception of the Russian respondents. The horse is a symbol of strength and diligence. However, modern Russians also see the horse as a symbol of kindness, candor, stubbornness, and prestige. We believe that the horse is a positive image, whose qualities in the world pictures of the two languages considered are approximately the same. In the Russian linguistic worldview, the image of "horse" remains unchanged. For Russians, a "horse" is a hard-working and beautiful person; according to the Arab respondents to the experiment, the image of a "horse" is that of a strong, noble and loyal person.

5. The first quality of the image of the pig, according to the Russian and Arab respondents, is its tendency to be dirty. By comparing the contemporary opinion of the Russian respondents of the experiment with the data from the associative dictionary edited by Yu. Karaulov, we see that at present the image of the "pig" acquires more positive qualities: the Russians believe that the pig represents a kind and cheerful person.

In modern Arabic linguistic consciousness, the image of a "pig" is viewed only negatively: dirty, foolish, cowardly, disgusting, and a cuckolded man (not being jealous of his wife).

Thus, perceptions associated with animals change over time. A negative image of an animal can become a positive one, and vice versa. This fact demonstrates once again that language and the national concept change over time. This, in particular, is proof of the necessity of such linguistic research.

Despite some tantalizing hints about language's ability to structure semantic knowledge, many key questions remain unanswered. These include the development of a better understanding of the role of language in the timeline of development, and the influence that different models of lexicalization in the different languages can have on the structure of semantic knowledge.

LIST OF ABBREVIATIONS AND SYMBOLS

- Arabic - Ar.
- Author's abstract – auth. abstr.
- Concise Literary Encyclopedia - CLE
- Dictionary of comparisons and comparative expressions in Russian - DCCER
- Dictionary of figurative Russian language - DFRL
- Dictionary of Russian Phraseology: Historical and Etymological Reference Book
- DRPHERB
- Emotional worldview - EWV
- English - Eng.
- Explanatory Dictionary of the Russian Language - EDRL
- Expressionistic and Phraseological Dictionary of the Russian Language –
BEPHDRL
- French - Fr.
- Great dictionary of Russian proverbs - GDRP
- Internal form - IF
- Lexical meaning of the word - LMW
- Lexical units - LUs
- Linguistic worldview - LWV
- Literal translation - lit. translation
- Philological - philolog.
- Philosophical - philos.
- Phrase Dictionary of the Russian Language - PHDRL
- Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language - PHDRL
- Phraseological units - PHUs
- Russian phraseological dictionary - RPD
- Russian Semantic Dictionary - RSD
- Russian-English Phraseological Dictionary - REPHD
- Standard Arabic – SA

REFERENCES

1. Abu El-Ilya M. A. F. Linguocultural analysis of phraseological expressions with numerical component in Russian and Arabic languages : (Electronic resource) / Abu El-Ilya M. A. F. // Political Linguistics. - 2018. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-analiz-frazeologizmov-s-chislovyim-komponentom-v-russkom-i-arabskom-yazykah> (date of reference: 16.11.2022).
2. Alefirenko, N. F. Theory of Language: Introduction to General Linguistics: [Text] / N. F. Alefirenko ; Acad. of Social Sciences. (RUSSIAN FEDERATION). Volgograd State Pedagogical University. Department of Russian and Comparative Studies. Linguistics. - Volgograd : Peremena, 1998. - 440 p.
3. Anikin, V.P. Russian folk tale [Text] / V.P. Anikin. - M. : Prosveshcheniye, 1977. - 208 p. - (Handbook for teachers).
4. Aznaurova, E. S. Stylistic aspect of word nomination as a unit of language: [Text] / E. S. Aznaurova // Linguistic nomination : In 2 parts Types of names / ed. by B. A. Serebryannikov, A. A. Ufimtseva. - M. : Nauka, 1977. - pp. 86-128.
5. Babenko L.G. Lexical means of denoting emotions in Russian [Text] / L.G. Babenko. - Sverdlovsk : Publishing house of the Urals University, 1989. - 184 p
6. Balakay, A. G. Phraseology of the modern Russian language [Text]: textbook / A. G. Balakay. - Novokuznetsk: Novokuznetsk State Pedagogical Institute, 1992. - 80 p.
7. Balashova T. Corrida-dance: aspects of worldview in the cultures of Spain and Russia [Text] / T. Balashova // Voprosy Ibero-Romanistica.- 2011. - № 11. - pp. 176-186.
8. Balli, Sh. French style [Text] / Sh. Balli; Translation from fr. K. A. Dolinina; Ed. E. G. Etkinda; Intro. article by R. A. Budagov. - M. : Publishing house of foreign literature, 1961. - 394 p.

9. Bao, X. National-cultural specificity of idioms in Russian and Chinese languages [Text] / Bao Hong // Phraseology in context of culture / Russian Academy of Sciences. Institute of Linguistics. Problem Group "General Phraseology" ; ed. by V. N. Telia. N. Telia. - Moscow: Languages of Russian culture, 1999. - pp. 305-310. - (Studia philologica).
10. Berlison, S. B. Manual for writing practice (in English) [Text] : textbook for students of the Institutes and faculties of foreign languages / S. B. Berlison. B. Berlison. - L.: Prosveshchenie. Leningrad. Branch, 1976. - 208 p.
11. Biryukova N. V. Animalistic phraseology of the Russian language [Text]: Ph. Candid. of Philological Sciences: 10.02.01 / Nina V. Biryukova; Tashkent. State Univ. - Tashkent, 1990. - 18 p.
12. Black, M. Metaphor [Text] / M. Black // Theory of metaphor: (Collection) / Ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya; Introductory article and comp. Per. ed. by N. D. Arutyunova; (by M.A. Krongauz). - M. : Progress, 1990. - pp. 153-203.
13. Blokh, M. Y. Means of emotional impact of political speeches [Text] / M. Y. Blokh, N. Reznikova // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. - 2006. - № 9. -pp.14-19.
14. Bogatyrev, P.G. Questions of folk art theory [Text] / P.G. Bogatyrev. - M. : Art, 1971. - pp. 34-37. - (From the History of Soviet Aesthetics and Art Theory).
15. Bogdanov, V. V. Speech Communication : Pragmatic and Semantic Aspects [Text] : textbook / V. V. Bogdanov ; Leningrad State University. - L. Publishing house of Leningrad State University, 1990. - 88 p.
16. Boguslavsky, M. V. Genesis of the humanistic paradigm of education in Russian pedagogy in the early 20th century. (Boguslavskij M.V. / M.V. Boguslavskij // Pedagogica. - 2000. - № 4. - pp. 63-70.
17. Bolotnova S., Vodyakh A. A., Volkova P. S. Emotive language code and its implementation [Text]: col. monograph. / (N. S. Bolotnova, A. A. Vodyakh, P. S. Volkova, and others; Editorial staff: V. I. Shakhovsky (scientific ed.) and others);

Ministry of Education Ros. Federation. Volgograd state ped. un-t. Scientific research lab. cafe Linguistics "Language and Personality" - Volgograd: Change, 2003. - 174 p.

18. Broslavskaya, E. M. Ethnocultural features of zoomorphisms in Russian, Ukrainian and English [Text] / E. M. Broslavskaya // Bulletin of MSU. - 2001. - No. 6. T.4. - pp. 49-52.

19. Budaev E. V. Metaphor in Political Interdiscourse [Text] / E. V. Budaev, A. L. Chudinov. - Yekaterinburg : Ural. State Pedagogical University, 2006. - 208 p.

20. Cheremisina, M. I. On the issue of the semantics of actual problems of lexicology and word formation [Text] / M. I. Cheremisina, N. S. Soppa // Actual problems of lexicology and word formation. Issue. II. / Novosib. state un-t; resp. ed. K. A. Timofeev -. - Novosibirsk. : NGU Publishing House, 1973.- pp. 55-69.

21. Cherneiko, L. O. Linguistic and philosophical analysis of an abstract name [Text] / L. O. Cherneiko. - M., 1997. - 319 p.

22. Cherneiko, L. O. The name FATE as an object of conceptual and associative analysis [Text] / L. O. Cherneiko, V. A. Dolinsky // Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology. - 1996.- No. 6. - pp. 20-41.

23. Chernysheva, I. I. Phraseology of the modern German language [Text] / I. I. Chernysheva. - M.: Higher. school, 1970. - 200 p.- (B-ka philologist).

24. Chirkova, E. I. Attention, non-verbal! Non-verbal means of communication in teaching a foreign language [Text] / E. I. Chiokova. - St. Petersburg. : KARO, 2009. - 272 p.

25. Chudinov, A.P. Metaphorical mosaic in modern political communication [Text]: monograph / A.P. Chudinova - Yekaterinburg: Ural. state ped. un-t., 2003. - 248 p.

26. Dmitrieva, Yu. V. The emotional concept "Joy" and its reflection by lexical and phraseological means of the language (on the material of English, German and Russian languages (Electronic resource) // Philological sciences. Questions of theory and practice. - 2016.- No. 6 -1 (60) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy->

kontsept-radost-i-ego-otrazhenie-leksiko-frazeologicheskimi-sredstvami-yazyka-na-materiale-angliyskogo-nemetskogo-i, free (date of access: 05/03/2022) - In Russian.

27. Eliade, M. Aspects of myth [Text] / M. Eliade; Per. from fr. V.P. Bolshakov. -. 4th ed. - M.: Academic Project, 2010. -. 251 p.

28. Ezaova, M. Yu. Language cultural codes in the lexical-semantic field of kinship of the Kabardino-Circassian language [Text] / M. Yu. Ezaova // Philological Sciences. Questions of theory and practice. - 2017. - No. 11 (77). At 3 o'clock. Part 3. - p. 98-101.

29. Fedorov, M. A. The term "Linguistic culture" in the aspect of the theory of culture (Electronic resource) / M. A. Fedorov // Bulletin of BSU. - 2014. - No. 6-2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-lingvokultura-v-aspekte-teorii-kultury> (date of access: 10/09/2022). - In Russian .

30. Foucault, M. Words and things. [Text]: Archeology of the Humanities / M. Foucault; per. from French, Intro. article cand. philosophy Sciences N.S. Autonomous. - St. Petersburg. : A-cad : CJSC "Talisman", 1994. - pp. 5-23.

31. Frumkina, R. M. Psycholinguistics [Text] / R. M. Frumkina. - M. : Academy, 2001. - 320 p.

32. Gak, V. G. Metaphor: universal and specific [Text] / V. G. Gak // Metaphor in language and text / (V. G. Gak, V. N. Telia, E. M. Wolf et al.) ; ed. N. N. Telia ; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. - Moscow : Nauka, 1988. pp. 11-26.

33. Galperin, P. Y. Language consciousness and some questions of correlation between language and thinking. - 1977. - № 4. - pp. 95-101.

34. Genesis of Great Russian peasant farmers: Description of materials of Ethnogr. bureau of Prince V.N. Tenishev: (On the example of Vladimir province) [Text] / Author-compiler B.M. Firsov, I.G. Kiseleva. Author-compiler B. M. Firsov, I. G. Kiseleva. - SPb. Publishing house of European House, 1993. - 472 p.

35. Georgieva I. Bulgarian folk mythology [Text] / I. Georgieva I., Pictures by Hristo Yuskeseliev.-Sofia : Nauka i izkustvo, 1983. - p. 96

36. Georgieva I. Folk Mitology in Bulgarian [Text] / I. Georgieva I., Shot by Hristo Yuskeseliev - Sofia : Nauka i izkustva, 1983. - p. 96
37. Glotova E. Y. Metaphor as a means of verbalizing the author's concept: cognitive and discursive aspect (on the material of the English language) [Text]: autoref. Candidate of Philological Sciences: 10.02.19. / Elena Y. Glotova ; (Place of defense: South Federal University). - Rostov-on-Don, 2010. - 24 p.
38. Goncharova Y. L. Word names of emotions in the cognitive aspect [Text]: Ph. .. candidate of philological sciences. 10.02.01 / Julia Leonidovna Goncharova ; Rostov. state. ped. university. - Rostov-on-Don, 2003. - p. 8.
39. Goverdovskiy, V. I. Connotemporal structure of a word [Text] / V. I. Goverdovskiy. - Kharkiv : Vyshcha shk. Editorial Office of Kharkiv State University, 1989. - 95 p.
40. Grafova, T. A. The semantic structure of emotive predicates [Text] / T. A. Grafova // Human factor in language: language mechanisms of expressiveness / (V. N. Teliya, T. A. Grafova, A. M. Shakhnarovich and others; Rep. ed. V. N. Teliya); Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. - M. : Nauka, 1991. - pp. 67-98.
41. Grigorieva, A. D. On the main vocabulary and vocabulary of the Russian language [Text] / A. D. Grigorieva. - M. : Uchpedgiz, 1953. - 68 p. - (Bib-ka "Issues of Soviet Linguistics").
42. Guketlova, F. N. Zoomorphic code of culture in a linguistic worldview (on the material of different-structured languages: French, Kabardino-Circassian and Russian) [Text] : dissertation .. D. in Philological sciences. 10.02.02, 10.02.20 / Fatimat Nashirova Guketlova; (Defence place: Institute of Linguistics of RAS) - M., 2009. - 431 p.
43. Gura, A. V. Symbolism of animals in the Slavic folk tradition [Text] / A. V. Gura. - M. : Indrik, 1997. - 912 p.
44. Gutman, E. A. Comparative analysis of zoomorphic characteristics (based on Russian, English and French languages) [Text] / E. A. Gutman, F. A. Litvin, M. I.

Cheremisina // National and cultural specifics of speech behavior / ed. A. A. Leontiev. - M.: Nauka, 1977. - pp. 147-165.

45. Hefny KH.A.H. Russian phraseological units with zoonym components "goat and cow", reflecting the inner world of a person (against the background of the Arabic language) // MNIZH. 2022. No. 6-3 (120). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-frazeologizmy-s-komponentami-zoonimami-kozyol-i-korova-otrazhayuschie-vnutrenniy-mir-cheloveka-na-fone-arabskogo-yazyka> (date of access: 08.01 .2023).

46. Hefny KH.A.H. Russian phraseological units with the zoonym component "goat" (against the background of the Arabic language) // MNIZH. 2022. No. 4-4 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-frazeologizmy-s-komponentom-zoonimom-kozyol-na-fone-arabskogo-yazyka> (date of access: 01/08/2023).

47. Hefny KH. A. H. Emotive zoomorphisms as a means of negative description of a person in Russian and Arabic (Electronic resource) / Khalfalla. Abdelhafiz. Hefni // International Research Journal - 2020.- No. 9 (99), Part 2. - P. 89-93. URL: <https://research-journal.org/languages/emotivnye-zoomorfizmy-kak-sredstvo-otricatel'nogo-opisaniya-cheloveka-v-russkom-i-arabskom-yazykax/> (Date of access: 10.02.2022.). - In Russian and Arabic .

48. Hefny KH. A. H. Zoomorphisms in the language worldview (in comparison with the Arabic language): dis. .. master's / Khalfalla Abdalhafiz. Hefny. - St. Petersburg: St. Petersburg State University. 2019. 106 p.

49. Humboldt, W. von Selected works on linguistics [Text] / W. von Humboldt; translated from German, edited and prefaced by G.V. Ramishvili. - Moscow : Progress, 1984. - 397 p. - (Linguists of the world).

50. Ilyukhina, N.A. Metaphorical image in semasiological interpretation [Text]: monograph / N.A. Ilyukhin. - 3rd ed., erased. - M. : FLINTA, 2021. - 321 p.

51. Ivanov, V. V. Toward a semiotic analysis of myth and ritual (based on Belarusian material) [Text] / V. V. Ivanov, Ya. V. Toporov // Sign. language. Culture =

Singe. Language. Culture = Sign. Jezyk. Culture = Sign. Language. Culture / Ed. by A. J. Greimas et al. - Paris, 1970. - P. 321-389.

52. Ivin, A. A. Foundations of the logic of estimates [Text] / A. A. Ivin. - M. : MGU, 1970. - 230 p.

53. Izard, K. E. Psychology of emotions [Text] / K. E. Izard; (per. from English. V. Misnik, A. Tatlybaeva). - St. Petersburg: Peter, 2000. - 464 p. - (Masters of Psychology).

54. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality [Text] / Yu. N. Karaulov; Rep. ed. D. N. Shmelev; Academy of Sciences of the USSR, Department of lit. and yaz. - M.: Nauka, 1987. - 261 p.

55. Katsitadze, E. A. Metaphorization of zoonyms in the German language [Text]: Author. dis. .. cand. philol. Sciences: 10.02.04 / Eteri Aleksandrovna Katsitadze; Tbilisi. state un-t. - Tbilisi, 1985. - 20 p.

56. Khairulina, A. R. Zoomorphic metaphor and its images (Electronic resource) / A. R. Khairulina // Bulletin of Leningrad State University. A. S. Pushkin. - 2013. - No. 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorphnaya-metafora-i-ee-obrazy> (date of access: 26.02.2022). - In Russian .

57. Kharchenko, V. K. Distinguishing appraisal, figurativeness, expressiveness and emotionality in the semantics of the word [Text] / V. K. Kharchenko // Russian language at school. - No. 3. -1976. - pp. 66-71.

58. Khomyakova, N. A. Emotive phraseological units in Russian, English and French [Text]: author. diss. cand. philol. Sciences: 10.02.20 / Nadezhda Anatolevna Khomyakova; (Place of protection: Mosk. state region university). - M., 2008. - 23 p.

59. Kipriyanova, A. A. Preface [Text] / A. A. Kipriyanova // Experience of the thematic dictionary of phraseological units and paremias with a zoomorphism component (on the material of Russian, English, French and modern Greek languages). - Krasnodar, 1999. - pp. 3-7.

60. Klychkov G.S. The meaning and polysemy of words [Text] / G. S. Klychkov // Laws of semantic development in the language [Text]: Collection (of articles) / Acad.

societies. Sciences at the Central Committee of the CPSU. Department of foreign lang. ; Ed. T. A. Degtereva. - M.: Publishing House of VPSH and AON, 1961. - pp. 63–71.

61. Korostova, S. V. Emotional situations in a literary text: ways of expressing emotive-evaluative meanings (Electronic resource) / S. V. Korostova // *Neophilology*. - 2016. - No. 3 (7) URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-situatsii-v-hudozhestvennom-tekste-sposoby-vyrazheniya-emotivno-otsenochnyh-smyslov> (date of access: 10/28/2022) . - In Russian .

62. Koshelev, AD On the genesis of thinking and language: Genesis of concepts and propositions. Aristotle and Chomsky on language. The influence of culture on language [Text] / Koshelev A. D. - M. : Ed. House of YaSK, 2019. - 264 p.

63. Kovshova, M. L. Linguistic and cultural method in phraseology: codes of culture [Text] / M. L. Kovshova; Russian acad. Sciences, Institute of Linguistics. - M. : Librokom, 2013.- 453 p.

64. Kozhina, M. N. On the specifics of artistic and scientific speech in the aspect of functional stylistics [Text] / N. M. Kozhina, Moscow State University. and avg. specialist. education of the RSFSR. Perm. state un-t im. A. M. Gorky. - Perm, 1966. - 213 p.

65. Kozlova, T. V. Semantics of phraseological units with animal names in modern Russian [Text] / T. V. Kozlova .- M. : Publishing House of Moscow State University, 2003.- 191 p.

66. Krasnykh, V. V. Cultural space: a coordinate system (to the question of cognitive science) [Text] / V. V. Krasnykh // *Philology as the focus of knowledge about the world.: Sat. scientific tr.* - Krasnodar: Enlightenment - South, 2008. - pp. 140-155.

67. Krasnykh, V. V. Culture, cultural memory and linguistic culture: their main functions and role in cultural identification [Text] / V. V. Krasnykh // *Bulletin of the Center for International Education of the Moscow State University. university Series "Philology. Culturology. Pedagogy. Methodology.* - 2012. - No. 3. -pp. 67-74.

68. Krasnykh, V. V. Grammar of linguistic culture, or what holds the linguistic worldview? (Electronic resource)/ VV Krasnykh // *Ecology of language and*

communicative practice. - 2013. - No. 1 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grammatika-lingvokultury-ili-chto-derzhit-yazykovuyu-kartinu-mira> (date of access: 10/15/2022). - In Russian.

69. Krasnykh, V. V. Linguistic culture as an object of cognitive research (Electronic resource) / V. V. Krasnykh // Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. - 2013. - No. 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokultura-kak-obekt-kognitivnyh-issledovaniy> (date of access: 10/15/2022). - In Russian.

70. Krasnykh, V. V. Some basic concepts of cultural linguistics (Electronic resource) / V. V. Krasnykh // Bulletin of Culturology. - 2010. - No. 4 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-v-krasnykh-nekotorye-bazovye-ponyatiya-lingvokulturologii> (date of access: 10/15/2022). - In Russian.

71. Krasnykh, V. V. The role of language in the light of integrative research [Text] / V. V. Krasnykh // Man and language in the communicative space: Sat. scientific Art. - 2013. - No. 4. T. 4. - pp. 46-51.

72. Krasnykh, V.V. Cognitive subsystem of linguistic culture: possible ways of research [Text] / V.V. Krasnykh // Language, consciousness, communication: Sat. articles. Issue. 45/ Rev. ed. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov. - M. : MAKS Press, 2012. - pp. 4-38.

73. Krasnykh, V.V. Ethnopsycholinguistics and linguoculturology [Text] / V.V. Krasnykh. - M. : Gnosis, 2002. - 284 p.

74. Kukhareva, E. V. Cliche as a reflection of the national mentality (on the example of Arabic proverbs) [Text]: author. dis. ... cand. philol. Sciences. : 10.02.19 / Elena Vladimirovna Kukhareva; Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation. - M., 2005. - 16 p.

75. Kulichenko, Yu. N. Comparative analysis of phraseological units with a zoonym component [Text] / Yu. N. Kulichenko, E. M. Korolevskaya // Scientific dialogue. - 2017. - No. 4. - pp. 44-56.

76. Kuliev, E. Semantic translation of the Koran [Text] / transl. from Arabic. E. R. Kulieva. M. : Umma, 2022. - 1312 p.

77. Kunin, A. V. Course of phraseology of the modern English language [Text] / A. V. Kunin. - M.: Higher school, 1986. - 336 p.
78. Kutsai, Ya. How language affects the worldview: the future is ahead and behind (Electronic resource) // Kfund-media. - 2018. - URL: <https://kfund-media.com/ru/kak-yazyk-vlyyaet-na-myrovozzrenye-budushhee-vperedy-y-pozady/>, free (date of access: 03-05-2022). - In Russian.
79. Lakoff, J. Metaphors we live by [Text] / J. Lakoff; per. from English. N. V. Pertsova // Theory of metaphor / Per. ed. N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya; Intro. Art. and comp. N. D. Arutyunova; (Ed. note M. A. Krongauz). - M. : Progress, 1990. - pp. 387-416.
80. Lakoff, J. Women, fire and dangerous things: What the categories of language tell us about thinking [Text] / J. Lakoff; per. from English. I. B. Shatunovsky. - M. : Languages of Slavic culture, 2004. - 792 p.- (Language. Semiotics. Culture).
81. Latyshev, L. K. Reflection of the values of American linguistic culture in a literary text when translated into Russian [Text] / L. K. Latyshev, N. V. Timko // Vestnik MGOU. Series "Linguistics". - 2013. - No. 2. - pp. 44-49.
82. Leontiev, A. N. Fundamentals of psycholinguistics [Text] / A. N. Leontiev. - M.: Meaning, 1999. - 287 p.
83. Lomtev, T. P. Sentence structure in modern Russian [Text] / T. P. Lomtev; Ed. N.D. Arutyunova. - M.: Publishing House of Moscow State University, 1979.- 198 p.
84. Lukyanova, N. A. Expressive vocabulary of colloquial use: Problems of semantics [Text] / N. A. Lukyanova. - Novosibirsk: Nauka, 1986. - 227 p.
85. Lyasota, Yu. A. English zoosemia [Text]: textbook. allowance / Yu. A. Lyasota. - Vladivostok: Dalnevost Publishing House, 1984. - 116 p.
86. Malafeeva, E. R. The semantic structure of phraseological units with a zoonym component in the modern Russian literary language [Text]: author. dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.01 / Elena Radiogelovna Malafeeva; Chelyabin. state ped. un-t. - Chelyabinsk, 1989.- 16 p.

87. Mansurov, A. A. Description of the manuscripts of the ethnological archive of the Society of Explorers of the Ryazan Territory [Text]: Issue. 2. No. 101-200 / A. A. Mansurov. - Ryazan: Ryazgostip, 1929.- 35 p.- (Proceedings of the Society of Researchers of the Ryazan Territory. Issue 22).
88. Mardanova, D. M. Comparative analysis of phraseological zoonyms in English and Turkish [Text]: dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.20 / Dina Marsovna Mardanova; Kazan. state ped. un-t. - Kazan, 1997. - 449 p.
89. Maslov, A. S. Zoom metaphors-invectives in modern Russian: an experimental study [Text]: dis. ... cand. philol. Sciences: 10.02.01 / Andrey Sergeevich Maslov; (Place of protection: Belgorod. state nat. research university). - Belgorod, 2014. - 252 p.
90. Maslova, V. A. Cultural linguistics [Text]: textbook. allowance for students. universities / V. A. Maslova. – M.: Ed. Center "Academy", 2001. - 208 p.
91. Maslova, Zh. N. Cognitive study of the genesis of metaphor and metonymy as mechanisms for the formation of meaning [Text] / Zh. N. Maslova // Cognitive studies of language = Cognitive studies of language: a collection of scientific papers. Issue. XI: International Congress on Cognitive Linguistics October 10-12, 2012 / Federal Agency for Education, Russian acad. Sciences, Institute of Linguistics (and others); (editor: E. S. Kubryakova and others). - M. : Institute of Linguistics RAS; Tambov: TGU Publishing House. G. R. Derzhavina. - Tambov, 2012 - pp. 692-695.
92. Melerovich, A. M. Semantic analysis of phraseological units [Text] / A. M. Melerovich // Philological sciences. - 1979. - No. 5. - S. 69-76.
93. Merkulov I.P. Thinking [Text] / I. P. Merkulov // Philosophy: Encyclopedia. words / ed.: A. A. Ivin. M.: Gardariki, 2003. - pp. 533–535.
94. Minsky, M. Wit and the logic of the collective unconscious [Text] / M. Minsky // New in foreign linguistics. Issue. 23. Cognitive aspects of language: Sat. Art. / per. from English. ; comp. and ed. V. V. PETROV, V. I. GERASIMOV - M. : Progress, 1988. - pp. 281-309.

95. Mishkurov, E. N. Arabic language [Text] / E. N. Mishkurov // Theoretical course of the Arabic language: textbook / Ed. E. N. Mishkurova. - M. : VU, 2004. - pp. 5-33.
96. Mitseva, E. Demonichni imagine and characters in Bulgarian folklore [Text]: dis. for receiving scientific degrees "Candidate for Philological Sciences" / E. Mitseva: - Sofia, 1984.
97. Mokienko, V. M. Into the depths of sayings: Stories about the origin of winged words and expressions [Text] / V. M. Mokienko. - 3rd ed., revised. - St. Petersburg. : "Avalon", "Azbuka-classika", 2005. - 256 p.
98. Mokienko, V. M. Into the depths of the saying [Text]: stories about the origin of winged and figurative expressions / V. M. Mokienko. - (3rd ed., Rev.)- St. Petersburg. : ABC, 2007. - 253 p. - (Russian literature).
99. Molotkov, A. I. Basic phraseology of the Russian language [Text] / A. I. Molotkov. - L.: Nauka, 1977. - 248 p.
100. Morozov, I. A. The puppet phenomenon in traditional and modern culture (a cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism) [Text]: author. dis. .. doc. history Sciences: 07.00.07 / Igor Alekseevich Morozov; Institute of Ethnology and Anthropology im. N. N. Miklukho-Maklay RAS. - M., 2010. - 50 p.
101. Moskalenko, A. V. The concept of "BIRD" in the English phraseological worldview [Text]: author. dis. .. cand. philol. Sciences: 10.02.04 / Anna Valerievna Moskalenko; St. Petersburg. state un-t. - St. Petersburg, 2015. - 23 p.
102. Myagkova, E. Yu. Emotivity and emotionality - two scientific paradigms [Text] / E. Yu. Myagkova // Psycholinguistic studies of the meaning of the word and understanding of the text: interuniversity. Sat. / Kalinin. state un-t; (Ed.: A. A. Zalevskaya (editor-in-chief) and others) - Kalinin: Publishing house of KSU, 1998. - pp. 73-79.
103. Nelyubin, L. L. Essays on introduction to linguistics [Text]: textbook. - 2nd ed., revised. and additional - M. : MGOU, 2005. - 215 p.
104. Nikiforova, L.K. Metaphorical representation of nuclear energy in the political discourse of Russia, France and Germany [Text]: author. dis. ... cand. philol.

Sciences: 10.02.20 / Lyudmila Konstantinovna Nikiforova; (Protection Location: Lv. state ped. un-t) - Yekaterinburg, 2010. - 23 p.

105. Nikiforova, O. I. Perception of fiction by schoolchildren [Text] / O. I. Nikiforova. -M. : Uchpedgiz, 1959. - 206 p.

106. Omelchenko, S. R. Possibilities of the anthropological approach in linguistics [Text]: textbook. allowance / S. R. Omelchenko. - Volgograd: VolGU, 2007. - 198 p.

107. Pavlov, I.P. Selected works [Text] / I.P. Pavlov; Under total ed. (and enter. article "Ivan Petrovich Pavlov and the significance of his works", p. 3-42) H. S. Koshtoyants; (Text selection, comment. and note. V. V. Stroganov and G. D. Smirnov). - M.: Gospolitizdat, 1951.- 583 p.

108. Pedagogy [Text]: A textbook for pedagogical students. universities and pedagogical colleges / Ed. P.I. Pidkasisty. - M., 2010.

109. Petrova, L. N. Eurasian mentality and mentality [Text] / L. N. Petrova // Integration of science and practice in modern conditions: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (October 30, 2014): collection of scientific papers / Scientific and educational institution "Vector of Science"; scientific ed. S. V. Galachieva. - Moscow: Pero, 2014. - pp. 114-117.

110. Phraseology in the context of culture [Text] / RAS, Institute of Linguistics; problem group "General Phraseology"; resp. ed. V. N. Teliya. - M.: Languages of Russian. culture, 1999. - 333 p. - (Studia philologica).

111. Popova, Z. D. The concept of "concept" in linguistic studies [Text] / Z. D. Popova, I. A. Sternin. - Voronezh, 1999. - 211 p.

112. Postovalova, V. I. The worldview in human life [Text] / V. I. Postovalova // The role of the human factor in the language: Language and worldview / (B. A. Serebrennikov, E. S. Kubryakova, V. I. Postovalova and others); Rep. ed. B. A. Serebrennikov; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. - M. : Nauka, 1988. - pp. 8-69.

113. Pozhidaeva, E. V. Ways of formation and development of the national linguoculture of nutrition (on the example of the English language) [Text] / E. V. Pozhidaeva // Bulletin of the Kostroma state. un-ta im. N. A. Nekrasova. - 2012. - V.18. No. 5. - pp.84-87.

114. Privalova, I. V. Interculture and verbal sign (linguo-cognitive foundations of intercultural communication) [Text] / I. V. Privalova. - M.: Gnosis, 2005. - 469 p.

115. Richards, A. A. Philosophy of rhetoric [Text] / A. A. Richards // Theory of metaphor: (Collection) / Per. ed. N. D. Arutyunova, M. A. Zhurinskaya; Intro. Art. and comp. N. D. Arutyunova; (Ed. note M. A. Krongauz). - M. : Progress, 1990. - pp. 44-67.

116. Rubinshtein, L. S. Problems of general psychology [Text] / L. S. Rubinshtein; Rep. ed. (and ed. intro. articles) E. V. Shorokhova; (Comp. and ed. comments K. A. Abulkhanova-Slavskaya and A. V. Brushlinsky); Acad. ped. sciences of the USSR. Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of the USSR. Institute of Psychology of the Academy of Sciences of the USSR . -M. : Pedagogy, 1973. - 424 p.

117. Russian empire of feelings: Approaches to the cultural history of emotions [Text]: Sat. Art. / Franco-Russian Center for the Humanities and Social Sciences, German East. in-t; ed. Jan Plumper, Shamma Shahadat and Mark Ely. - M.: New Literary Review, 2010 - pp. 892-898.- (New Literary Review: Scientific Supplement; Issue 83) (Scientific Library)

118. Sereda E. V. Morphology of the modern Russian language. Place of interjections in the system of parts of speech [Text]: textbook. allowance / E. V. Sereda. – M.: Flinta: Nauka, 2005. – 160 p.

119. Shakhovsky, V. I. Categorization of emotions in the lexico-semantic system of the language [Text] / V. I. Shakhovsky. - Voronezh: VSU Publishing House, 1987. - 190 p.

120. Shakhovsky, V. I. Emotional / emotive competence in intercultural communication (are there non-emotional concepts) [Text] / V. I. Shakhovsky // Axiological linguistics of the problem of studying cultural concepts and ethnic consciousness: collection of scientific papers / Ministry of Education of the Russian

Federation, Com. Education Administration of the Volgograd region., State. educate. institution Volgograd sots.-ped. college. - Volgograd: College, 2002. - pp. 46-54.

121. Shakhovsky, V. I. Emotional worldview in verbal presentation (Electronic resource) / V. I. Shakhovsky // MIRS. - 2019. - No. 1 - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnaya-kartina-mira-v-verbalnoy-prezentatsii> (date of access: 08/20/2022). - In Russian .

122. Shakhovsky, V. I. Emotions as an object of study in linguistics [Text] / V. I. Shakhovsky // Questions of psycholinguistics. - 2009. - No. 9. - pp. 29-42

123. Shakhovsky, V. I. Emotive component of meaning and methods of its description [Text]: Textbook for a special course / V. I. Shakhovsky. - Volgograd: VGPI, 1983. - 94 p.

124. Shakhovsky, V. I. Implementation of the emotive code in the language game [Text] / V. I. Shakhovsky // Emotive year of the language and its implementation: Collective. monograph. / (N. S. Bolotnova, A. A. Vodyakh, P. S. Volkova, and others; Editorial staff: V. I. Shakhovsky (scientific ed.) and others); Ministry of Education Ros. Federation. Volgograd state ped. un-t. Scientific research lab. cafe Linguistics "Language and Personality". - Volgograd: Change, 2003. - p. 4.

125. Shakhovsky, V. I. Language and emotions in the aspect of linguoculturology [Text]: textbook. allowance / V. I. Shakhovsky. - Volgograd: Change, 2009. - 170 p.

126. Shakhovsky, V. I. Linguistic theory of emotions [Text]: monograph / V. I. Shakhovsky. - M. : Gnosis, 2008. - 416 p.

127. Shakhovsky, V. I. Text and its cognitive-emotive metamorphoses (intercultural understanding and linguoecology) [Text] / V. I. Shakhovsky, Yu. A. Sorokin, I. V. Domasheva; Volgograd state ped. un-t. N.-i. lab. "Language and Personality". - Volgograd, 1998. - p. 59.

128. Shakhovsky, V. I. The voice of emotions in the language circle of homo sentiens [Text] / V. I. Shakhovsky. - M. : Librokom, 2015. - 144 p.

129. Shakhovsky, V.I. On the role of emotions in speech (Electronic resource) / V.I. Shakhovsky. - M., 2002 - S. 111-116 URL:

<http://www.voppsy.ru/issues/1991/916/916111.htm> (date of access: 16-02-2021). - In Russian .

130. Sheigal, E. I. Intensity as a component of the semantics of the word in modern English [Text]: diss. ... cand. philol. Sciences: 10.02.04 / Elena Iosifovna Sheigal; Moscow state ped. in-t foreign lang. them. Maurice Thorez. - M., 1981. - 244 p.

131. Shingarov, G. Kh. Emotions and feelings as a form of reflection of reality [Text] / G. Kh. Shingarov. - M.: Nauka, 1997. - S. 191-223.

132. Shmelev, D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary [Text] / D. N. Shmelev. - M.: Higher. school, 1973. - 280 p.

133. Sklyarevskaya, G. N. Metaphor in the language system [Text] /G. N. Sklyarevskaya; Rep. ed. D. N. Shmelev; Russian Academy of Sciences, Institute for Linguistic Research. - St. Petersburg: Nauka, 1993. - 152 p.

134. Smirnova, L. It's time for starfall [Text] / L. Smirnova // Literary Russia. - 1982. - January 8. - p. 7.

135. Solntseva, N. V. Zoomorphisms reflecting the social and role characteristics of a person in French and German [Text] / N. V. Solntseva // Tower of Babel-3: Word. Text. Culture: yearly. intl. memory reading. book. N. S. Trubetskoy "Eurasia at the crossroads of languages and cultures": readings 2004 / (ed. coll.: V. N. Egorov (responsible editor) and others). - Moscow: Center yaz. and cultures of the North. Eurasia (CIS and Baltics), 2004. - p. 180-185.

136. Solopova, O. A. Diachronic analysis of metaphors in the British corpus of texts: victory bells and Russia's V-Day [Text] / O. A. Solopova, A. P. Chudinov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Linguistics. - 2018. - T. 22., No. 2. - pp. 313-337.

137. Solopova, O. A. Diachronic analysis of metaphors in the British corpus of texts: victory bells and Russia's V-Day [Text] / O. A. Solopova, A. P. Chudinov // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Ser. Linguistics. - 2018. - T. 22., No. 2. - pp. 313-337.

138. Sreznevsky, I. I. Thoughts on the history of the Russian language [Text] / I. I. Sreznevsky. - M. : Librokom, 2007. - 136 p.
139. Sternin, I. A. Problems of analysis of the structure of the word meaning [Text] / I. A. Sternin. - Voronezh: Publishing House of VSU, 1979. - 156 p.
140. Stroeva, O. V. Art and Philosophy. Amazing parallels, unusual interpretations [Text] / O. V. Stroeva. - 2nd ed. - St. Petersburg. : Strata, 2019. - 262 p.
141. Sulimenko, N. E. Modern Russian language. The word in the course of lexicology [Text]: textbook. allowance / N. E. Sulimenko. - 4th ed., revised. - M. : Flinta, 2019. - 352 p.
142. Suprun, V. I. Don Cossack linguoculture in the work of B. P. Ekimov [Text] / V. I. Suprun, R. I. Kudryashova, E. V. Brysina // News of the Volgograd state. ped. university - 2013. - No. 6 (81). - pp. 79-85.
143. Sviontkovskaya, S. V. Functions of zoomorphisms in the formation of the pragmatic potential of a literary text (on the material of Spanish and English languages) [Text] : dis. .. cand. philol. Sciences: 10.02.20 / Svetlana Viktorovna Sviontkovskaya; Pyatigorsk. state linguistic un-t. - Pyatigorsk, 2000. - 225 p.
144. Telia, V. N. The connotative aspect of the semantics of nominative units [Text] / V. N. Telia; resp. ed. A. A. Ufimtseva; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Linguistics. - M.: Nauka, 1986. - 141 p.
145. Tolstoy, N. I. Selected Works. Volume II. Slavic literary and linguistic situation [Text] / N. I. Tolstoy. - M., Languages of Russian culture, 1998. - 542 p.
146. Ton, K. K. System-structural organization of zoomorphisms of the Russian language [based on the works of A. P. Chekhov and M. Zoshcheko] [Text] : author. dis. ...cand. philol. Sciences: 10.02.01 / Ton Kuang Kyong; Voronezh. state ped. un-t. Dept. Russian lang. as a foreign - Voronezh, 1996. - 18 p.
147. Tropina, O. A. Derived word as a special cognitive structure [Text] / O. A. Tropina // Cognitive linguistics: current state and development prospects. - M. 2014, - 194 p.

148. Tsygankin, D. V. From lexicological observations [Text] / D. V. Tsygankin // Issues of lexicology of Finno-Ugric languages: Interuniversity. Sat. scientific tr. / Mordov. state un-t im. N. P. Ogareva; (Editorial staff: D.V. Tsygankin (editor-in-chief) and others) - Saransk, 1989. - pp. 41-52.
149. Uraksin, Z. G. Interaction of Russian and Turkic languages in the field of phraseology [Text] / Z. G. Uraksin // Questions of linguistics. - 1982. - No. 1.- P. 107-112.
150. Ushinsky, K. D. Pedagogical writings [Text]: in 6 vols. T. 2 / K. D. Ushinsky; (intro. Art., comp. and note. S. F. Egorova); Acad. ped. Sciences of the USSR - M.: Pedagogy, 1988. - 543 p.
151. Uspensky, B. A. Philological research in the field of Slavic antiquities: [Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra] [Text] / B. A. Uspensky. - M. : Publishing House of Moscow State University, 1982. - 245 p.
152. Vasiliev I.A. Emotions and Thinking [Text] / I.A. Vasiliev, V.L. Popluzhny, O.K. Tikhomirov. - Moscow: Publishing house of Moscow State University, 1980.
153. Vaskova, O. A. The gender reference of phraseological units with zoonym [Text] / O. A. Vaskova // Language consciousness and text: Interuniversity collection of scientific works / Federal Agency on Education of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Federation, Perm State University ; (ed. by: G. S. Dvinyaninova (responsible editor), etc.)- Perm : Perm State University, 2004.
154. Vinarskaya, E. N. On the problems of emotional concepts [Text] / E. N. Vinarskaya // Vestn. Voronezh. state university Ser. Lingu. and intercult. com. - 2001.- No. 2. - C. 5-12.
155. Vinogradov VV Selected works. Lexicology and lexicography [Text] / VV Vinogradov. - M. : Nauka, 1977. - 312 p..
156. Vyezbitskaya, A. Semantic universals and language description: (A. Vyezbitskaya; Translated from English by A. D. Shmelev, ed. by T. V. Bulygina. - M. Languages of Russian culture, 1999. - 777 p. - (Language. Semiotics. Culture.(

157. Vygotsky, L. S. Collected Works: in 6 vols. T. 6. [Text] / L. S. Vygotsky ; comp. M.G. Yaroshevskiy ; editorial by A.N. Leontiev. A. N. Leontiev ; APN USSR. - M. : Pedagogica, 1984. - 400 p .

158. Wolek, B. Typology of emotive signs [Text] / B. Wolek // Language and emotions: Collection of scientific papers / Volgograd State Pedagogical University, Department of Linguistics, Scientific and Research Lab. "L. and personality; (Editors: V. I. Shakhovsky (responsible editor), etc.). - Volgograd : Peremena, 1995.

159. Wolf E. M. Emotional states and their representation in the language [Text] / E. M. Wolf // Logical analysis of language: Problems of intensional and pragmatic contexts: [sat. Art.] / ed. N. D. Arutyunova. - M.Nauka, 1989.- S. 55-75.

160. Wolf, E. M. Functional Semantics of Evaluation. [Text] / E. M. Wolf. - M. : Nauka, 1985. - 228 p.

161. Yakovlev, A. A. Communist beliefs and their impact on the development of the economy and society: the application of new approaches by D. North to the analysis of the historical experience of the USSR (Electronic resource) / A. A. Yakovlev // World of Russia. Sociology. Ethnology. - 2018. - No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunisticheskie-ubezhdeniya-i-ih-vliyanie-na-razvitiye-ekonomiki-i-obschestva-primenenie-novykh-podhodov-d-norta-k-analizu-istoricheskogo> (date of access: 30.10.2022).

162. Yashina, M. G. Culturally-marked vocabulary as an interdisciplinary area of research. Abstracts of the reports of the respondents of the conference Lomonosov - 2009 [Text] / M. G. Yashina // Lomonosov-2009: Materials of the reports of the XVI International Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, 19. Linguistics and Intercultural Communication / Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Moscow State University, Mezhgos. fund for humanitarian cooperation of the CIS member states. - M. : MAKS Press, 2009. - pp. 35-36.

163. Yurkov, E. E. Metaphor in the aspect of linguoculturology [Text]: Author. dis. ...the doctors. philol. Sciences: 10.02.01 / Evgeny Efimovich Yurkov; (Place of protection: St. Petersburg. state un-t) . - St. Petersburg, 2012. - 55 p.

164. Yuzefovich, N. G. Pictures of the world: linguoculturological aspect [Text] / N. G. Yuzefovich // Translation industry. - 2013. - No. 1. - pp. 363-368.
165. Yuzefovich, N. G. Russian linguistic culture in the works of Orlando Figes [Text] / N. G. Yuzefovich // Political Linguistics. - 2011. - No. 2. - S. 244-249.
166. Zainieva, N. B. Emotive function of zoosemic phraseological units in English (Electronic resource) / N. B. Zainieva // Science and the world. - 2015. - No. 4-2 (20) URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23604228> (date of access 02/10/2022)
167. Zelenin, D. K. Description of the manuscripts of the scientific archive of the Russian Geographical Society [Text] / D. K. Zelenin. - Pg., 1914-1916. - Issue. 1-3. – 483 p. (Issue 1), 988 (Issue 2), 1080 p. (Issue 3).
168. Zharinova, O. M. Zoonymic vocabulary of the Karelian language [Text] : author. dis. .. cand. philol. Sciences 10.02.22 / Olga Mikhailovna; Petrozavod. state un-t. - Petrozavodsk, 2006. - 22 p.
169. Zhelvis, V. I. Emotive aspect of speech. Psycholinguistic interpretation of speech influence [Text]: textbook. settlement / V. I. Zhelvis; Leningrad. state ped. in-t im. A. I. Herzen, Yaroslavl. state ped. in-t im. K. D. Ushinsky. - Yaroslavl: Publishing House of YarSU, 1990. - p. 54.
170. Zhou Yang. Linguoculturological description of Russian stable comparisons with a zoonym component (in comparison with the Chinese language) [Text]: diss. .. k. philol. Sciences. : 10.02.01 / Zhou Yang ; (Place of defense: Yaroslav the Wise Novgorod State University) - St. Petersburg, 2022. - 201 p.
171. Zvegintsev, V. A. Language and linguistic theory [Text] / V. A. Zvegintsev. - 3rd. ed. - Moscow: Publishing house LKI, 2008. - 246 p.
172. Zvegintsev, V. A. The history of linguistics in the XIX-XX centuries in essays and extracts. Part 2 [Text] / V. A. Zvegintsev. - M: Education, 1960. - 496 p.

Dictionaries and encyclopedias

173. Akhmanova, O. S. Dictionary of linguistic terms [Text] / O. S. Akhmanova. - M.: Soviet Encyclopedia, 1966. - 607 p.
174. Baranov, H. K. Arabic-Russian Dictionary: approx. 42,000 words [Text] / H. K. Baranov. - 6th ed., stereotype. - M.: Rus. lang., 1985.- 1186 p.
175. Big explanatory dictionary of the Russian language [Text] / Pod. ed. S.A. Kuznetsova. - St. Petersburg. : Norint, 2003. - 1536 p.
176. Big explanatory-phraseological dictionary of the Russian language. In 3 volumes [Text] / Pod. ed. M. I. Mikhelson. - M.: ETS, 2005.
177. Big linguistic dictionary: (more than 3000 linguistic terms and concepts) [Text] / V. D. Starichenko. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2008. - 810 p.
178. Birich, A. K. Dictionary of Russian phraseology. Historical and etymological reference book [Text] / A. K. Birich, V. M. Mokienko, L. I. Stepanova; St. Petersburg. state un-t. - St. Petersburg: Foli-press, 1998. - 700 p.
179. Dahl, V. I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols [Text]. - M.: Rus. yaz., 1999. - T. 1. - 699 p.
180. Dictionary of figurative expressions of the Russian language [Text] / T. S. Aristova et al. - M.: Fatherland, 1995
181. Efremova, T. F. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and derivational: in 2 volumes [Text] / T. F. Efremova. - M.: Rus. yaz., 2000.
182. Encyclopedic dictionary-reference book of linguistic terms and concepts. Russian language [Text]: in 2 volumes / A. N. Tikhonov, R. I. Khashimov, G. S. Zhuravleva and others; under total ed. A. N. Tikhonova, R. I. Khashimova. - T.1. - 2nd ed. - M. : Flinta, 2014 - 840 p.
183. Explanatory dictionary of the Russian language [Text] / Under. ed. D. N. Ushakova. - M. : Alta-Print, 2005. - 1216 p.

184. Explanatory dictionary of the Russian language [Text]: approx. 2000 dictionary. Art., over 12000 values / (Akhapkin D.N. and etc.); Ed. D.V. Dmitrieva. - M.: Astrel: AST, 2003. - 989 p.
185. Fedorov A. I. Phraseological dictionary of the Russian literary language [Text] / A. I. Fedorov. - 3rd ed. correct - M. : Astrel: AST, 2008. - 878 p.
186. Grachev, A. Dictionary of modern youth jargon [Text] / A. Grachev. - M. : Eksmo, 2006. - 672 p.
187. Great Russian Encyclopedia: (in 35 volumes). T. 10 [Text] / ch. ed. Yu. S. Osipov. - M. : Great Russian Encyclopedia, 2008. - S. 561-562.
188. Matveeva, T. V. Complete dictionary of linguistic terms [Text] / T. V. Matveeva. - Rostov-on-Don: Phoenix, 2010. - 562 p.
189. Mokienko, V. M. A large dictionary of Russian sayings [Text] / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. - M. : OLMA Media Group, 2007. - 784 p.
190. Ozhegov, S. I. Explanatory dictionary of the Russian language [Text] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. - 2nd ed., corrected. and additional - M. : Az, 1994. - 761 p.
191. Phraseological dictionary of the Russian language [Text] / ed. A. I. Molotkova. - M. : Rus. yaz., 1986. - 543 p.
192. Phraseological dictionary of the Russian language [Text] / L. A. Voinova, V. P. Zhukov, A. I. Molotkov, A. I. Fedorov; ed. A. I. Molotkova. - 4th ed., stereotype. - M.: Rus. yaz., 1987. - 543 p.
193. Russian associative dictionary: (In 2 volumes) [Text] / Yu. N. Karaulov, G. A. Cherkasova, N. V. Ufimtseva (and others); RAN. - M.: AST: Astrel, 2002.
194. Russian cultural space: Linguistic and cultural dictionary [Text]: Issue. 1 / I. S. Brileva, N. P. Volskaya, D. B. Gudkov, I. V. Zakharenko, V. V. Krasnykh. - M. : Gnosis, 2004. - 318 p.
195. Russian folk poetry. T. 1. Essays on the history of Russian folk poetry of the 10th - early 18th centuries [Text]. - L., USSR Academy of Sciences, 1953. - 348 p.
196. Zherebilo, T. V. Dictionary of linguistic terms [Text] / T. V. Zherebilo. - 5th ed., rev. and additional - Nazran: Pilgrim, 2010. - 486 p.

Refernces in Arabic language

197. ‘Abd al-Raḥmān, ‘Afīf. Al-adab al-jāhilī fī ‘athār al-dārisīn qadīmā wa ḥadīthā, Dār nashr dār al-fakk, Beyirūt, al-ṭib‘at al-ula, 89 s.
198. Al-Fiqī, Muḥammad ‘Abd al-Wāḥid, ‘ilm al-ḥayawān fī al-tirāth al-islāmī, al-Kuwait: al-wa‘u al-islāmī, 303 ‘a, 1989. – 303 ş.
199. Al-Jārim, A. A. Al-bayān. al-ma‘ānī, al-bādī / a. al-dijram, a. muştafi. - al-qāhira 2010. – 210 ş.
200. Al-Hāshimī, Aḥmad Ibrāhīm Muştafa. Jawāhir al-balāgha fī-l-ma‘ānī wa-l-bayān wa-l-ibdā‘. tadqīq wa ta‘alīq: Yiūsuf al-şmilī, Dār nashr al-maktaba al-‘aşriyya, Beirūt, 2006. – 119 ş.
201. Al-Jāhiz, Kitāb al-ḥayawān, 2d ed., ed. A. M. Hārūn. - Cairo, 2002. - vol. 4. - pp. 85-90; vol. 6, p. 269.
202. Al-Mīdān, Aḥmad b. Muḥammad, Mu‘jam al-Amthāl fī juz’eiin, Beyirūt, Dār al-fikr, 1972. – 908 ş.
203. Al-Nahrawāī, Abū-l-Farj al-Mu‘āfi Zikryiāiyin Yaḥyia. Al-Jalīs al-şāliḥ al-şhāfi wa-l-ams al-nāşih. taḥqīq: ‘Abd al-Karīm Sāmī al-Junudī, Dār al-kutub al-‘ilmīyya, Beirūt - Lubnān, al-ṭib‘a al-ūla, 2005. - 268 ş.
204. Al-Shawāf Qāsim, Dīwān al-asāṭir sūmir wa akād wa ashūr, k 3, Dār al-sāqī, 1991. – 159 ş.
205. Al-Tha‘ālibī ‘Abd al-Mālik ‘Abd al-Mālik Muḥammad Ismā‘il, Taḥqīq: Ḥassn al-amīn, Dār nashr al-ḥaiāt, Beirūt, al-ṭib‘a al-ūla, 2005.
206. Al-Sharārī A. Kh. ‘Amthāl kitāb al-ḥayawānāt li-l-jāhiz, risālatu duktūrāt al-‘ulūm al-lughawiyya. - Yemen, 2015. - 194 p.
207. Khifājī, ‘Abdāllh ‘Abd al-Jabbār Muḥammad ‘Abd al-Mun‘im, Qişşat al-adab fī al-ḥijāz, Dār nashr al-kullyiāt al-azhariyya, al-Qāhira, 2007.

208. Klīnī Dānīāl, Mūsū‘a ‘ilm al-‘āthār, tarjamat līūn Īūsuf, Baghdād, 1990, ğ 2. - Ş. 347.
209. Kadrr, George. Mu‘jam ālihat al-‘arab qabla al-islām, Dār al-sāqī, Beirūt, 2013.
210. Ma‘lūf, L. Al-Munjid fī al-lugha wa-l-‘alām. – Beyirut : Dar Al-mashriq, 1975.
211. Mario, Kārbū Rīūrād. Mu‘jam ālihat Mişr al-qadīma, tarjamat ibtisām Muḥammad ‘Abd al-Mujīd, al-hī‘at al-mşriyya al-‘āma li-l-kitāb, 2008. - 22-25 ş.
212. Phililps, Wyndel, Kanūz madīnat Bilqīs, tarjamat ‘Amr al-Dirāwī, Dār al-‘ilm li-l-milāyin 1961. – 249 ş.
213. Qatamish, A.M. al-Amthāl al-arabiyya, dirāsa tā’rikhiyya taqlidiyya. Syria: Dār al- fikr. – 1988.
214. Sāndrz, F.K. Malḥamat Kilkāmesh, tarjamat Muḥammad Nabīl wa Fārūq al-qādī, Mişr, 1970. - 7-71 ş.
215. Şawilḥ Yiāsīn, Safīnat al-şahrā’ fī turāth al-bādiyya, majallat al-ḥaras al-waṭanī al-‘adad 252 tūnū 2003. – 120 ş.

Literature in English

216. Agafonova, O. I. Functioning of the Complex Metaphor «Politics is Animal World» in contemporary Mass-Media / O. I. Agafonova, M.S. Belozeroва, S. Larini // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. - Т. 6, № 1. - P. 3-11.
216. Ahmmad, A. Semantic creativity in the opposites / A. Ahmmad. - UAE: Al Manha, 2017.

217. Al-makoui, A. (2007). The environment and the Names: a study of the meanings and the] semantics. Cairo: Kotobarabia.

218. Burckhardt, John Lewis. Arabic Proverbs and the Manners and Customs of Modern Egyptians, Piscataway / J. L. Burckhardt. - NJ, USA : Gorgias Press, 2002. – 300 p.

219. Ben Salamh S. & Maalej Z. A cultural linguistics perspective on animal proverbs, with special reference to two dialects of Arabic.and Literary Studies [Electronic resource] / B. S. Salamh, Z. Maalej. –// Arab World English Journal. - 2018. - 2[4]. – P. 21-40 URL: <https://doi.org/10.24093/awejtls/vol2no4.2> (date of access: 12.02.2022). - На англ. яз.

220. Garro, L. C. Remembering What One Knows And The Construction Of The Past: A Comparison Of Cultural Consensus Theory And Cultural Schema Theory [Electronic resource]. – Ethos. – 2000. - 28[3]. – P. 275-319 <https://doi.org/10.1525/eth.2000.28.3.275> (date of access: 12.02.2022).

221. Danes Fr. Cognition and Emotion in the Discourse Interaction : A Preliminary Survey of the Field / Fr. Danes // Preprints of the Plenary Session Papers : XIV International Congress of Linguists Organized under Auspices of CIPL, Berlin 10-15. August, 1987. - Berlin, 1987. - P. 272-291.

222. Eid, Mushira. Arabic linguistics: The current scene/ M. Eid // Perspectives on Arabic Linguistics : Paper From The Annual Symposium On Arabic Linguistic. Vol. I / ed. Mushira Eid, 3-37. - Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins. Ferguson, 2009.- P. 3-37.-

223. Ekman, P. Emotion in the Human Face / P. Ekman, W. Friesen, P. Ellsworth. - N.Y. : Pergamon Press, 1972. - 191 p.

224. Hall, Edward T. Beyond Culture / E. Hall. - Garden City, N.Y: Anchor Books, 1976. – 256 p.

225. Harun, A.S.M. [Ed.]. 'al-hayawan. - 2nd ed.. - Cairo : Mustafa Al-Ba:bi Al-Halabi and Sons Publishers, 1965.
226. Ibn Mandur, M.B.M. Lisan 'al-'arab. - Beirut : Dar Sader Publishers. 1990.
227. Jeweet, J. R. Arabic Proverbs And Proverbial Phrases / J. R. Jeweet // Journal of the American Oriental Society. – 1893. - Vol. 15. - pp. 28-120. <https://doi.org/10.2307/592351>
228. Malouf, L. Al-Munjid Fi 'al-luga wa'al-a'la:mi / L. Malouf. - Beirut : Dar Al-mashriq, 1975.
229. Mansfield, P. The Arabs / P. Mansfield. - London : Penguin Books : Cox&Wyman Ltd, 1978. – 557 p.
230. Al-Areeqi M. Abdul-Jalil. Architectural Art and Religious Thought in Ancient Yemen from 1500 BC to 600 AD / Munir Abdul-Jalil Al-Areeqi. - Madbouly Press, 2002. - pp. 59-60.
231. Nesi, H. A modern bestiary: A contrastive study of the figurative meanings of animal terms [Electronic resource] / H. Nesi // English Language Teaching Journal. – 1995. - 49[3]. - pp. 272-278. <https://doi.org/10.1093/elt/49.3.272> (date of access: 12.02.2022). - На англ. яз.
232. Nishida, H. Cultural schema theory / H. Nishida // W.B. Gudykunst [Ed.], Theorizing About Intercultural Communication, Thousand Oaks. – CA : Sage Publications, Inc., 1999. - pp. 401-418.
233. Omar, Y. Z. The challenges of denotative and connotative meaning for second-language learners / Y. Z. Omar // ETC: A Review of General Semantics. – 2012.- 69[3]. – P. 324 - 34951.
234. Sapir, E. Language : An introduction to the study of speech / E. Sapir. - N.Y. : Harcourt, Brace and Company, 1921. - vii, 258 p.

235. Schmitz, J. Cultural Orientations Guide: The Roadmap to Building Cultural Competence / J. Schmitz. - Princeton Training Press. - 2003. - v, 183 p.

Network sources

236. Alfarhan, I. Harun-Rashid (Electronic resource) / I. Alfarhan. – URL: <https://e3tidal.com> اعتدال – هارون الرشيد ونقفور ملك الروم – اعتدال (Date of access: 16.02.2021). - In Arabic.

237. Aljaffari, A. The image of the horse in Arab culture (Electronic resource) / A. Aljaffari. URL: <https://www.hespress.com/-ش-الثقافة-العربية-رفيق-ش-> صورة-الفرس-في-الثقافة-العربية-رفيق-ش- (date of access: 16.10.2022). - In Arabic.

238. Devis, D. J. Animals in slave culture (Electronic resource) / D. J. Devis // Albayane.ae. 2014 - In Arabic.

239. Electronic Poetry Encyclopedia (Electronic resource) // Department of Culture and Tourism. - URL: <https://tcaabudhabi.ae/en/what.we.do/national.library/projects/poetry.encyclopedia.aspx> (date of access: 22.10.2022). - In Arabic. and English.

240. Gudkova, E. Animals and plants in Russian superstitions (Electronic resource) / E. Gudkova // Culture of the Russian Federation: - 2022. URL: <https://www.culture.ru/materials/254421/zhivotnye-i-rasteniya- v-russkikh-sueveriyakh>, free (date of access: 16.10. 2020). - In Russian.

241. Hafiz, F. Plant and animal sciences in the Arab heritage (Electronic resource) / F. Hafiz. URL: islamonline.com - In Arabic.

242. Hefny KH. A. H. Zoomorphic images in Russian and Arabic phraseological units: linguocultural aspect (Electronic resource) / H. A. Kh. Hefni // Philological aspect: international scientific and practical journal.- 2022.- No. 02 (82). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/zoomorfnye-obrazy-v-russkikh-i-arabskikh-frazeologizmax-lingvokulturologicheskij-aspekt.html> (date of access: 16.11. 2020). - In Russian.

243. Mahlawi A. Sayings and proverbs about the pig نأوره وامثال وثرثره .- URL: <https://www.startimes.com/f.aspx?t=16961577> (date of access: 25-09-2022). - In Arabic.

244. Skvortsova E. V. Frequency of using positively and negatively colored zoomorphisms in speech (Electronic resource) / E. V. Skvortsova. – 2012. URL: <http://www.conf.tsu.tula.ru>. (date of access: 16.11. 2020). - In Russian.

245. Varbot Zh. Zh. Brief conceptual and terminological reference book on etymology and historical lexicology (Electronic resource) / Zh. Zh. Varbot, A. F. Zhuravlev; RAS, Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS, Etymology and history of Russian words. - 1998. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/etymology_terms.pdf (date of access: 16.10. 2020).

APPENDIX. FUNCTIONING OF SOME EMOTIVE ZOOMORPHISMS IN MODERN RUSSIAN AND ARABIC LINGUOCULTURES

1- Zoonyms that evoke emotions			
Zoonym	Parameter	For Russian respondents	For Arabic respondents
Bull	Emotions	In 1st place, surprise; in 2nd place, indifference; in 3rd place, laughter (satisfaction); in 4th place, excitement; in 5th place, interest; in 6th place, common; in 7th place, joy; in 8th place, amusement; in 9th place, admiration; in 10th place, amazement (see Figure 2.1).	in 1st place fear; in 2nd place irritation (anger); in 3rd place strength (satisfaction); in 4th place surprise; in in 5th place barbarism (fear and anger); in 6th place anger; in 7th place sadness (sadness) (see Figure 2.2).
Male goat		In 1st place, indifference; in 2nd place, laughter; in 3rd place, disgust; in 4th place, amazement; in 5th place, elation; in 6th place, joy; in 7th place, interest; in 8th place, boredom; in 9th place, excitement (see Figure 2.3).	In 1st place, fear; in 2nd place, stupidity (anger); in 3rd place, sadness; in 4th place, contempt; in 5th place, strength; in 6th place, disgust; in 7th place, surprise; in 8th place, laughter; in 6th place, excitement (see Figure 2.4).
Fox		In 1st place is admiration; in 2nd place is interest; in 3rd place is fear; in 4th place is	In 1st place is cunning; in 2nd place is betrayal (anger); in 3rd place is strength (satisfaction); in 4th

		joy (satisfaction); in 5th place is curiosity; in 6th place is cunning (see Fig. 2.4).	place is intelligence; in 5th place is caution (see Figure 2.6).
Dog		In 1st place is happiness (joy); in 2nd place is laughter (satisfaction); in 3rd place is fear; in 4th place is admiration; in 5th place is interest (see Fig. 2.7).	In 1st place is fear; in 2nd place safety (satisfaction); in 3rd place happiness; in 4th place contempt; in 5th place disgust; in 6th place sadness (sadness) (see Figure 2.8).

1- Tracing the dynamics, trends, changes in language consciousness (the opinions of the Russian and Arabic respondents in comparison with the associative units listed in the Russian associative dictionary edited by Karaulov).

Zoonym	Parameter	According to Russian respondents	According to Arab respondents	As stated in Karaulov's Russian Associative Dictionary
Male goat	Linguistic consciousness	In 1st place: stupid; in 2nd place: dumb; in 3rd place: kind; in 4th place: funny; in 5th place: willful; in 6th place: insolent; in 7th place: strange; in 8th place:	In 1st place: stupid; in 2nd place: obsessed with food and sex; in 3rd place: bossy; in 4th place: ugly; in 5th place: insane. (See Figure 4.2).	Goat: scapegoat 19; horned 12; beard, 8 - animal, 5; fool 4, donkey, horns 3; ram, bearded. stinky, goat, young, goat himself, with horns, old, 2 white, noble, enemy, mountain, dirty, two-horned, stingy-beast, green, donkey, goats many, goats, cow, get along, lecturer, meadow, Moscow, man, miserable, monkey; donkey, bear; jumped, horns long, swearing, gray, himself, gray, jumping, with cabbage,

		harmful. (See Figure 4.1).		- embarrassment, slippers, stupid, you, you are unfit, you are this, at grandma, fell down, ugly
Cow		In 1st place: kind; in 2nd place: fat; in 3rd place: funny; in 4th place: funny; in 5th place: big; in 6th place: interesting; in 7th place: friendly (see Figure 4.3).	In 1st place: generous; in 2nd place: kind; in 3rd place: fat; in 4th place: stupid; in 5th place: lazy (see Figure 4.4).	milk 16; milking 5; redhead 4; spotted 3; black3; cowslip2; animal2; horny 2; herd 2 fat woman 2; big 1; sad 1; gives milk1; village1; decrepit 1; fool 1; munching 1; fat 1; chews 1; green1; skilled 1; large1; skinny 1; black and white 1
Wolf		In 1st place: cunning; in 2nd place: strong; in 3rd place: kind; in 4th place: funny; in 5th place: groovy; in 6th place: has character (see Figure 4.5).	In 1st place: cunning; in 2nd place: traitor; in 3rd place: strong; in 4th place: deceiver; in 5th place: elusive (see Figure 4.6).	cunning 21; redhead 15; Alice 9; wolf 7; animal 5; hare 5; tail 3; black and brown 3; beast 2; beauty 2; forest 2; Patrikeevna 2; rascal 2; and wolf 1; forest 1; fur1; fluffy 1; redhead and cunning 1; cunning animal1; cunning 1.

Horse		<p>In 1st place: strong; in 2nd place: kind; in 3rd place: funny; in 4th place: straightforward; in 5th place: groovy; in 6th place: hard -working; in 7th place: stubborn; in 8th place: stately (see Figure 4.7).</p>	<p>In 1st place: brave; in 2nd place: strong; in 3rd place: beautifully seen; in 4th place: noble; in 5th place: faithful (see Figure 4.8).</p>	<p>Przewalski 36; white 24; in apples 16; animal15; horse 15; cow 14; mare13; beautiful13; crowbar13; nag 9; red 9; cart 9; bay 8 ; saddle 8; fast 7; gallop 7; feather 6; gray 6; old 6; big 5; beauty 5; donkey 5; thoroughbred 5; blue 5; ugly 5; mane 4; wild 4; field 4; racing4; running 3; raven3; village3; oat3 ; strong3; racing3; standing3; bridle 3; thin 3; running 2; woman 2; foal 2; pacer 2; beautiful 2; work 2; running 1; poor 1; ran1; good1; road1; dead1; fool1; sled1; eating1; ride1; pathetic1; yellow1.</p>
Pig		<p>In 1st place: dirty; in 2nd place: fat; in 3rd place: kind; in 4th place: groovy; in 5th place: funny; in 6th place: unpleasant; in 7th place: greedy; in</p>	<p>In 1st place: filthy; in 2nd place: fool; in 3rd place: cowardly; in 4th place: disgusting; in 5th place: puppet (cuckold). (See Figure 4.10).</p>	<p>dirty 9; mud 8; animal 6; fat 5; fat 3; puddle, under oak tree, lined, heeled, pink, you, grunt, grunt 2; disorderly, big, early, in mud, finds mud everywhere, yarmulke, stinky, enemy, wild, domestic animal, pet, acorn, fat, snack, boar, cow, trough, my friend, meat, drunk, ungrateful, unbred, will not eat; well, you and; she, farrowed, bran, Panov, lousy, drink, rotten, mean to live, disgraceful, piglets, nasty,</p>

		8th place: stately (see Figure 4.9).		nasty smell, native, lard, bastard, neighbor, Spartacus, terrible, supine, eat, such, your, boor, stable good, hog, person.
3- In answering the open-ended question for respondents of the two languages studied: Which animal do you like most?				

Which animal is most liked by the modern Russian and Arab faces?	Respondents to the experiment of native Russian speakers answered in the following way: 1st place: Cat and Dog; 2nd place: Horse, Lynx and Wolf; 3rd place: Fox and Bear; 4th place: Bull, Cat and Tiger; 5th place: Beaver and Jaguar; 6th place: Turtle and Parrot; 7th place: Deer and Mouse (see Figure 5.1).	The respondents of the Arabic-speaking experiment answered in the following way: 1st place: cat; 2nd place: dog; 3rd place: lion; 4th place: wolf; 5th place: monkey; 6th place: nightingale (see Figure 5.2).
--	---	--